

СССР ФЭНДЭР АКАДЕМИЯНЫ
ӨФӨ ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ЭЗЭБИЭТ ИНСТИТУТЫ

БАШКОРТОСТАН
АРХЕОЛОГИЯНЫ
Һәм
ЭТНОГРАФИЯНЫ

II

Р. Ф. КУЗЕЕВ һәм К. В. САЛЬНИКОВ
редакцияһында

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УФИМСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХЕОЛОГИЯ
и
ЭТНОГРАФИЯ
БАШКИРИИ

II

Под редакцией
Р. Г. КУЗЕЕВА и К. В. САЛЬНИКОВА

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ. II. Уфа, АН СССР, 1964. 284 стр. с илл. 700 экз. 2 руб.

Во втором томе „Археологии и этнографии Башкирии“ публикуются достижения новейших археологических исследований на территории Башкирии и соседних областей, излагаются результаты изучения памятников древней истории края — от палеолита до раннего средневековья, рассматриваются важнейшие дискуссионные вопросы местной ранней истории.

В этнографических статьях исследуется неразработанный вопрос о системе родства башкир и публикуется интересный памятник архитектуры — Караван-Сарай в г. Оренбурге.

Ценный для исследования проблемы этногенеза башкир материал содержится в статье по антропологии населения северо-западной Башкирии I тысячелетия н. э.

СТАТЪИ

К. В. САЛЬНИКОВ

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ БАШКИРИИ

Расположение на стыке Европы и Азии, разнообразие природных условий (степи, леса, горы) обусловили большую сложность исторического развития на территории Башкирии в древности. Разнообразна и хозяйственная деятельность древних племен Башкирии. Все это создало в крае большую пестроту археологических культур.

Впервые археологические памятники Южного Урала привлекли внимание ученых еще в XVIII в. Академик П. С. Паллас, И. И. Лепехин, П. И. Рычков, ведя комплексное исследование Урала, попутно регистрировали курганы и городища, описывали древние медные рудники. Они правильно видели в этих рудниках следы деятельности древнего населения (Паллас, 1786; Лепехин, 1795; Рычков, 1762). Но прошло около ста лет, прежде чем были сделаны первые попытки изучения археологических памятников Башкирии. В 60-х годах XIX в. уфимский чиновник Р. Г. Игнатъев предпринял раскопки курганов на территории г. Уфы и в горах Южного Урала, исследовал другие памятники. Им была составлена первая археологическая карта Уфимской и Оренбургской губерний и опубликованы обширные списки известных ему памятников Южного Урала (Игнатъев, 1868, 1871, 1883). Крупные размеры имели раскопки Ф. Д. Нефедова, который в 1878 г. исследовал близ г. Уфы, на улицах с. Турбаслы до 60 курганов, но результаты этих работ остались неопубликованными (Нефедов, 1899а). В 1878 и 1888 гг. этот исследователь провел большие раскопки в Южном Приуралье (Нефедов, 1899). Большинство других работ: Н. Малнева (1876), С. Р. Минцлова (1911), С. И. Руденко (1914)—в дооктябрьское время носило эпизодический характер и ограничивалось раскопками отдельных памятников. Исключение составляют исследования богатых сарматских курганов у с. Прохоровки на южной границе Башкирии, проведенные С. И. Руденко в 1915 г. (Ростовцев, 1918), и работы В. В. Гольмстен совместно с Д. Н. Эдинггом, которыми в 1910—1912 гг. на окраине г. Уфы были произведены раскопки «Чертова городища» и могильника возле него (Гольмстен, 1913); а также городища у с. Охлебнино на р. Белой. Большую роль в деле знакомства с археологическими памятниками Башкирии в свое время сыграли два тома пуб-

ликаций Н. И. Булычева с описанием археологических коллекций уфимского музея и некоторых частных собраний (Булычев, 1902, 1904).

В начале советского периода нельзя заметить значительных сдвигов в изучении археологии Башкирии. Дело ограничивается публикацией сведений о памятниках древности (Вахрушев, 1926; Кякшто, 1933) и раскопками и обследованием отдельных памятников, которые вели главным образом сотрудники музеев: Стерлитамакского — М. С. Смирнов и П. Х. Михайлов, Белорецкого — М. Ф. Чурко, Уфимского — М. И. Касьянов (Коишевский, 1948). Более солидный след в изучении археологии Башкирии оставили работы А. В. Шмидта и Уфимской археологической экспедиции ГАИМК под руководством П. А. Дмитриева (Шмидт, 1929, 1933; Дмитриев и Сальников, 1941). В послевоенные годы исследования в Башкирии несколько оживают, публикуются интересные находки, обнаруженные во время хозяйственных и строительных работ (Ахмеров, 1949, 1951, 1951а, 1952, 1952а, 1955, 1955а, 1958, 1959; Ищериков, 1952). Особенно расширяются работы в связи с организацией систематических исследований Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского университета (Сальников, 1954, 1957, 1958, 1959; Викторова, 1960), Башкирской экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР (Збруева, 1958, 1958а, 1959; Крижевская, 1953, 1959, 1959а) и Башкирского филиала АН СССР (Юсупов, 1956, 1959; Троицкая, 1959; Мажитов, 1959, 1959а, 1959б; Садыкова, 1959).

За последние 15 лет вышло несколько сводных и обобщающих работ по археологии Башкирии (Коишевский, 1948; Збруева, 1958; Смирнов, 1957). Привлекался археологический материал для разработки вопросов этногенеза башкир (Ахмеров, 1952).

О степени изученности территории Башкирии в археологическом отношении наиболее полное представление можно было бы иметь на основании данных археологической карты. На опубликованной в 1957 г. карте Башкирии, составленной И. А. Талицкой (МИА, 58, стр. 107—113), значится 184 археологических памятника. Казалось бы, эта цифра не так мала. Но в нее включено 27 памятников за пределами республики, 19 памятников на территории г. Уфы представляют собою находки во время различных земляных работ, а из оставшихся 138 памятников только на пятнадцать были поставлены научные раскопки. Понятно, что историю древнего населения такой огромной территории, как БАССР, 15 памятников осветить никак не могут. До недавнего времени Башкирия представляла собой один из самых слабо изученных районов нашей страны. Правда, за годы, прошедшие со времени составления карты И. А. Талицкой, произошел значительный сдвиг: произведены научные исследования более чем на 50 памятниках различных эпох — от палеолита до грани I—II тысячелетий н. э.

Слабым местом в археологическом изучении Башкирии остается ограниченность районов, где проведены сплошные обследования. Наиболее обследованной является северо-западная часть республики, где по берегам р. Белой и ее крупных притоков выявлены А. П. Шокуровым сотни памятников, почти исключительно поселения. Но и здесь водоразделы, где обычно расположены курганы, не обследованы. Благодаря разведкам В. П. Викторова и В. Д. Викторовой на археологическую карту республики нанесены памятники по берегам среднего течения р. Белой. В 1961 г. А. П. Шокуровым открыты древние поселения и в верховьях р. Белой. Но на огромных площадях юго-запада и по всему Зауралью известны только единичные пункты. Наравне с расширением исследования главных памятников раскопками, маршрутные сплошные обследования — важнейшая задача башкирских археологов.

Накопленные материалы, в особенности за последние годы, позволяют представить себе основные эпохи в развитии древнего общества на территории Башкирии. Следы палеолита на Урале известны более 20 лет. Начало широких работ на памятниках палеолита в Башкирии положило открытие А. В. Рюминым в 1959 г. в горах Южного Урала настенной живописи в пещере Шульган-таш (Капова) (Рюмин, 1961). Редчайшие в нашей стране и первые на Урале изображения мамонтов, носорогов и диких лошадей привлекли внимание ученых в СССР и за рубежом. Организованная Академией наук СССР Южно-

Уральская палеолитическая экспедиция развернула систематические работы по изучению палеолитического искусства и культуры на базе Каповой и ряда других пещер. У дер. Горнова на р. Белой близ г. Уфы обнаружены следы палеолитической стоянки (Шокуров, Бадер, 1960).

Эти важные сдвиги в изучении древнейших памятников все же лишь начало большой работы по выяснению путей заселения территории Башкирии древнейшим населением. Следует развернуть поиски стоянок долговременного обитания палеолитического человека, поскольку стоянки, обследованные в пещерах и у дер. Горнова, бедны культурными остатками и являются, очевидно, кратковременными становищами охотников. Выявленные памятники датируются эпохой позднего палеолита. Наличие на Среднем Урале более ранних палеолитических памятников — мустьерского возраста, вселяет уверенность, что поиски раннепалеолитических памятников на Южном Урале не останутся безрезультатными.

На территории БАССР начинают выявляться мезолитические памятники. Первые следы мезолита обнаружены в окрестностях г. Уфы, у с. Романовки, в 1959 г. (Матюшин, 1962а). В 1961 г. в Кушнареновском районе у с. Ильмураино установлены стратиграфические условия залегания мезолитических культурных остатков. Мезолитические стоянки заслуживают постановки широких раскопок.

Исследования неолитических памятников Башкирии начались всего несколькими годами раньше работ по палеолиту. Первые неолитические поселения изучены в середине пятидесяти годов (1954—1957) на севере республики по среднему течению р. Уфы. Большой интерес представляет кремнеобработывающая мастерская близ устья р. Юрюзани (Крижевская, 1959).

Много нового внесено в изучение неолита работами 1961—1963 гг. В горах Белорецкого района и на зауральских озерах Абзелиловского района открыто несколько десятков неолитических стоянок и местонахождений (Шокуров, Матюшин). В неолитической керамике Башкирии прослеживаются два основных типа: камский и зауральский, которые отражают связи населения двух соседних районов, разделенных Уральским хребтом. Необходимо установить исторические события, следствием которых явилось сочетание на неолитических памятниках керамики различного происхождения. Население Башкирии в эпоху неолита переживало общие исторические судьбы с племенами Прикамья, Урала и Казахстана, входило в Урало-Казахстанскую культурно-историческую общность. В эпоху бронзы — в первой половине II тысячелетия до н. э. — на территории республики продолжали обитать потомки неолитического населения, но в южных районах распространяются связанные с Нижним Поволжьем племена полтавкинской культуры (Сальников, 1962).

В середине II тысячелетия до н. э. на территорию Башкирии с запада проникают абашевские племена, в культуре которых проявляются некоторые черты ассимилированного местного населения. Затем начинается интенсивное продвижение с юга срубных племен, которые заселяют западную половину Башкирии, вытесняя абашевцев, по-видимому, в более восточные районы, в Зауралье. Основным населением Зауральской Башкирии в эпоху бронзы надо признать племена андроновской культуры, отдельные группы которых распространяются и в среде срубного населения. В южных районах складывается смешанное срубно-андроновское население, развившееся в начале железного века в племена савроматской культуры.

На северо-западе и в центральной зоне республики в конце II тысячелетия до н. э. появляются позднебронзовые племена культуры курмантау, по всей видимости, нижнекамского происхождения. Они вместе с позднесрубными и северо-андроновскими племенами приняли участие в формировании населения раннежелезного века этой части Башкирии — ананьинских и кара-абызских племен.

Предстоит большая работа по выявлению той исторической обстановки, которая привела в начале I тысячелетия до н. э. к сложению новых культур эпохи раннего железа. Сейчас можно уверенно говорить о существовании на территории Башкирии в эпоху

раннего железа четырех этнокультурных общностей. Их границы в основном совпадают с естественно-географическими зонами.

В степной полосе кочевали сарматские племена. Это была северная периферия обширного сарматского ираноязычного мира, охватывавшего Оренбуржье, Казахстан, Нижнее Поволжье и степи Причерноморья. Население башкирских степей той эпохи находилось в тесном общении с родственными племенами южных областей, а также с племенами Средней Азии. Характер сарматской культуры на территории Башкирии хорошо выявлен благодаря крупным раскопкам курганов у с. Старые Кишки, в 20 км к югу от г. Уфы. В семи раскопанных здесь за последние пять лет курганах вскрыто более 130 погребений прохоровского этапа с многочисленным богатым инвентарем (Садыкова, 1962).

В том же районе, но на правом берегу р. Белой исследовано несколько городищ, в том числе Табынское, Курмантаевское — керамика которых имеет сарматские формы, а в тесте — большую примесь талька и раковин. Очевидно, в этих памятниках отразилось оседание сарматских племен на стыке их кочевий с оседлым финно-угорским населением лесостепной зоны. Этот интересный процесс заслуживает изучения в ближайшее время. Остается неясным, входил ли юг Башкирии в область сложения сарматских племен или они проникли к берегам р. Белой только на прохоровском этапе. Памятники савроматского времени пока здесь не открыты. Многочисленность на территории БАССР поселений и курганов племен срубной культуры, являющихся предками савроматов, вселяет надежду, что следы пребывания последних в Башкирии будут найдены. Одной из первоочередных задач башкирских археологов являются поиски савроматских курганов.

В лесостепном правом берегу по соседству с городищами, содержащими сарматоидную керамику, расположены городища, состав культурного слоя которых резко отличается от культурного слоя первых. Эту группу памятников по первому исследованному А. В. Шмидтом городищу Кара-Абыз удобнее объединить в понятие кара-абызской культуры (Смирнов, 1952). Чашевидная форма сосудов, примесь толченых раковин в глине части керамики и некоторые другие черты сближают кара-абызские памятники с ананьинскими, но иной характер орнамента заставляет с осторожностью относиться к предложениям видеть в них белый вариант ананьинской культуры. Находки металлических вещей сарматского типа свидетельствуют о влиянии южных соседей. Такие оригинальные орудия, как тупики из подвздошных костей лошади, известные лишь среди находок, с одной стороны, на кара-абызских памятниках, а с другой — на городище Чудаки, очевидно, говорят о связях с зауральской лесостепью.

Кара-абызские памятники, расположенные на границе расселения ираноязычных и финно-угороязычных племен, подвергшиеся, по существу, лишь разведочным обследованиям (Шмидт, 1929; Юсупов, 1959; Троицкая, 1959), требуют более широкой публикации материала из раскопок Г. В. Юсупова и постановки новых полевых исследований. Необходимы поиски могильников, оставленных обитателями кара-абызских городищ. Проблема кара-абызской культуры осложняется тем обстоятельством, что подобная керамика не носит узлокальный характер. Находки ее известны и за пределами Башкирии, на Средней Каме (Оборин, 1964).

Для лесного северо-запада Башкирии основным населением в эпоху раннего железа следует признать ананьинско-пьяноборские племена. Ананьинская культура хорошо изучена на Каме. В Башкирии к ней часто относят памятники кара-абызского типа, которые следует считать особой культурой. Но севернее г. Уфы известны пункты находок классической ананьинской керамики в виде чашевидных сосудов с примесью толченых раковин в глине и шнуrowым орнаментом. Эта керамика и обнаружение в Уфе погребений с ананьинскими кельтами в составе инвентаря (Ахмеров, 1952а) позволяют предположить, что собственно ананьинские племена в Приуралье обитали и южнее Камы. Косвенным подтверждением того, что ананьинская территория включает и северо-запад Башкирии, является наличие здесь пьяноборских памятников. Кроме известного раннепьяноборского Уфимского могильника (Гольмстен, 1913), за последние годы выявлен еще

ряд памятников этой культуры, и на некоторых из них были поставлены раскопки. В Чиатавском (Мажитов, 1959а) и Камышлытамакском пьяноборских могильниках (раскопки Н. А. Мажитова, 1961 г.), а также на территории г. Уфы вскрыто около 150 погребений. Благодаря этому удастся наметить периодизацию пьяноборской культуры Башкирии. Сложнее дело обстоит с проблемой происхождения пьяноборских племен в бассейне р. Белой. Предстоит установить, являются ли они потомками ананьинцев, слабые следы которых имеются на той же территории, или их основой служили кара-абызские племена предшествующего времени. Нельзя исключать и возможность распространения пьяноборских племен с севера.

Можно выделить еще одну, четвертую группу племен раннежелезного века, локализующуюся в горах, главным образом, северо-востока республики. В Караидельском районе на Усть-Юрюзанском и других поселениях (Л. Я. Крижевская, 1962) и на памятниках Белорецкого района (Г. Н. Матюшин) в верховьях р. Белой встречена керамика, орнаментированная оттисками штампов в виде косоугольного креста, греленки и змейки с двойным рядом ямок, расположенным в шахматном порядке по шейке сосудов. По нашему мнению, она может быть сопоставлена с посудой каменногорской культуры Зауралья (Сальников, 1960, стр. 13—14). Форма и орнаментация других сосудов, украшенных по плечикам рядом взаимно перпендикулярно заштрихованных треугольников (Крижевская, 1959), близко напоминают керамику зауральской иткульской культуры (Сальников, 1962а). Очевидно, северо-восточные районы Башкирии в эпоху раннего железа были теснее связаны с Зауральем, нежели с Предуральем. Слабо изученные и в Зауралье каменногорская и иткульская культуры восточной Башкирии требуют к себе особого внимания.

До III в. н. э. развитие всех племенных групп раннежелезного века проходило относительно спокойно. Следующая затем эпоха раннего средневековья (эпоха среднего железа — III—IX вв. н. э.) характеризуется крупными этническими сдвигами. В местное население проникают пришлые племена, часть коренного населения также приходит в движение. Следствием этих передвижений явилось изменение границ старых археологических культур, возникает культура до того неизвестные. В то же время наблюдается усиленный ассимиляционный процесс. Памятники I тысячелетия н. э. отражают различные этапы смещения разнородных этнических групп.

Раскопки курганов II—IV вв. н. э. у с. Салихова близ Стерлитамака показали, что уже в это время сармато-аланское кочевое население степей смешивается с представителями оседлого населения. В инвентарь погребений салиховских курганов входят предметы и сарматского происхождения и местных типов. Курганный способ захоронения и обычай деформации черепов заставляют приписывать погребения сарматскому населению. Присутствие в могилах керамики, характерной для поселений местных племен, как и присутствие примесей сарматской керамики в посуде на этих поселениях, служат убедительным доказательством начавшегося процесса ассимиляции (Сальников, 1958).

Для северо-запада Башкирии середины I тысячелетия н. э. характерна бахмутинская культура, долгое время известная только по небольшим исследованиям В. В. Гольмстен и А. В. Шмидта (Шмидт, 1929). За последние годы обследовано несколько селищ и городищ, изучены жилища, на могильниках вскрыто несколько сот погребений. Появилась возможность более четко выделить хронологические этапы развития культуры. Обширный материал из новых бахмутинских и пьяноборских могильников (Н. А. Мажитов) подтверждает генетическую связь этих культур, автохтонность бахмутинской культуры (Смирнов, 1957, стр. 54). Вместе с тем в результате проникновения на бахмутинскую территорию пришлых южных племен на второй стадии развития бахмутинская культура претерпевает значительные изменения. Накоплен значительный материал, позволяющий более определенно очертить границы обитания бахмутинских племен. Намечаются локальные различия. Так, погребальный обряд каждого из изученных могильников — Бирского, Каратамакского и Бахмутинского — обнаруживает своеобразие (Мажитов, 1962а), которое, очевидно, может быть со временем положено в основу деления бахмутинской культурной общности на конкретные племенные культуры. Следует от-

метить, что крупные работы велись почти исключительно на могильниках. Изучению поселений бахмутинской культуры пока не уделено должного внимания, без чего такие важные стороны жизни ее носителей, как производство, быт и социальное устройство не могут быть убедительно представлены. Нельзя также не признать, что гипотеза о мадыарской принадлежности бахмутинской культуры, предложенная А. В. Шмидтом (Шмидт, 1929) и поддерживаемая Н. А. Мажитовым (Мажитов, 1962), требует более убедительной аргументации.

В середине I тысячелетия н. э. усиливается активизация южных элементов, ярким проявлением чего служат открытые на территории г. Уфы богатые погребения с золотыми украшениями. Обнаружение этих могил случайно при земляных работах не дало полной картины погребального обряда. И сейчас затруднительно решить, оставлены ли эти могилы продвинувшимися к северу сармато-аланами, как это думает А. П. Смирнов (Смирнов, 1957, стр. 64), или их следует связывать с бахмутинским населением, в среду которого проникли с юга ценные украшения. Новые исследования показали, что район Уфы, в том числе и территория самого города, входили в область расселения бахмутинских племен. На городище Уфа II (Ищериков, Мажитов, 1962) мощный слой керамики с характерным ямочным орнаментом свидетельствует о долговременном обитании здесь бахмутинцев. Вместе с тем несомненно, что дело не ограничивалось влиянием сармато-аланской культуры не только в Уфе, но и много севернее. В с. Новые Турбаслы близ г. Уфы (Мажитов, 1959), в парке Орджоникидзевого района г. Уфы (Пшеничник), в пос. Кушнареново (раскопки В. Ф. Генинга, 1959 г.) обнаружены могильники кочевников IV—VI вв. н. э. южного происхождения, в погребальном обряде и инвентаре которых много черт, роднящих их с сармато-аланским миром. Синхронность их с бахмутинскими племенами не вызывает сомнения. Последнее подтверждается и совместным находением керамики обоих типов. В 1961 г. при раскопках курганов IV—V вв. н. э. в парке Орджоникидзевого района г. Уфы в одном из погребений найдены два сосуда: один имел характерную форму круглодонной посуды с высоким горлом, второй был типично бахмутинским горшком. Описанное погребение служит ярким доказательством не только синхронности турбаслинских и бахмутинских племен, но их сосуществования и ассимиляции. Южные кочевники с керамикой турбаслинского типа расселились среди оседлого бахмутинского населения, что привело к постепенному смещению их.

В этом процессе приняла участие третья этническая группа, присутствие которой пока проявляется лишь в своеобразной нарядной керамике, состоящей из тонкостенной посуды, украшенной поясками из наклонных, вертикальных и перекрещивающихся откосов гребенчатого или фигурного штампа или нарезок. Первые находки такой керамики были сделаны А. П. Шокуровым более десяти лет назад в пос. Кушнареново. Кушнареновская керамика в качестве небольшой примеси сопутствует бахмутинской на поселениях и в могильниках бахмутинской культуры. Но делать отсюда вывод о том, что кушнареновская посуда представляет разновидность бахмутинской, оснований недостаточно. Наоборот, имеются памятники, найденные, правда, лишь при разведочном обследовании, где эта керамика обнаружена в чистом виде. Таково Михайловское поселение близ Мелеуза, обследованное в 1955 г. экспедицией Уральского университета (Викторова, 1962, стр. 162). В 1962 г. Г. И. Матвеевой изучен культурный слой с кушнареновской керамикой на городище в Давлекановском районе. Оба эти поселения находятся за пределами бахмутинской территории, что уже исключает возможность отнесения керамики кушнареновского типа к бахмутинским племенам. Имеется один случай находки кушнареновского сосуда в Ново-Турбаслинском курганном могильнике. Но и к турбаслинским племенам отнести кушнареновскую керамику нельзя. Это совершенно разные племена, различающиеся образом жизни. Кушнареновцы, как мы видели, имели оседлые поселения, в то время как турбаслинских поселений мы не знаем.

Видимо, В. Ф. Генинг (Генинг, 1961, стр. 41—42) прав, усматривая аналогии кушнареновской керамике в Зауралье, в сосудах Перейминского могильника близ Тюмени

и в керамике среднего слоя городища Большой Лог у г. Омска. Если датировка среднего слоя этого городища рубежом нашей эры (Чернецов, Мошинская, 1951) подтвердится, то мы будем иметь лишнее основание для утверждения, что кушнаренковские племена имеют западносибирское происхождение. Датировка кушнаренковской керамики в Башкирии второй половиной I тысячелетия н. э. не может вызывать возражения.

Наконец, в бахмутинское и несколько более позднее время, на протяжении второй половины I тысячелетия н. э. в северной половине западной Башкирии широко бытовал наравне с бахмутинским, турбаслинским и кушнаренковским четвертый тип керамики. По наиболее исследованным пунктам ее находок у с. Романовки, Уфимского района, этот вид керамики можно условно именовать романовской. Для нее характерны плоскодонные горшки и чашки с грубой, бугристой, шероховатой поверхностью, в составе глины — примесь шамота и песка. Орнамент в большинстве случаев отсутствует. На части сосудов по краю нанесены насечки или глубокие нарезки, изредка их заменяют зашпиль. Керамика эта слабо изучена. Самые большие сборы ее происходят в Башкирии из раскопок П. Ф. Ищерикова и Н. А. Мажитова на городище Уфа II (Ищериков, Мажитов, 1962), где удалось установить, что стратиграфически она следует за бахмутинским слоем и, следовательно, относится к концу I тысячелетия н. э. Но находка сосуда романовского типа в одном из курганов в парке Орджоникидзевского района г. Уфы, в котором устройство могилы и другие черты погребального обряда ничем не отличались от других курганов этого могильника, датирующегося IV—V вв. н. э., указывает на более широкие хронологические рамки бытования романовской посуды и соответствующих племен. Вместе с тем это погребение в сочетании с другими могилами Орджоникидзевского могильника, где в основном найдена посуда турбаслинского типа, опять отражает ассимиляционный процесс. Аналогичное явление наблюдается и в Кушнаренковском могильнике (Генинг, 1961).

Поселения у с. Романовки характеризуются густотой залегания описанной керамики, что указывает на продолжительность обитания на этих памятниках. Кости домашних животных свидетельствуют о занятии скотоводством, а большие круглые ямы, рассматриваемые нами как зернохранилища, указывают на развитую форму земледелия.

Для населения, оставившего селища у с. Романовки и подобные им в районе г. Уфы, трудно найти местные корни происхождения. Относить романовскую керамику к турбаслинской культуре нельзя, поскольку на романовских поселениях не известны находки посуды турбаслинского типа, для которой характерны высокое горло и сильно раздутое тулово. Вероятнее будет предположение, что романовские племена являлись пришлыми. Ближайшие аналоги романовской керамике можно указать в Тарновском поселении на севере Куйбышевской области, которое автор раскопок Н. Я. Мерперт относит к городищевой культуре и датирует серединой I тысячелетия н. э. (Мерперт, 1954, стр. 154, рис. 44, 2), а также в Именьковском городище второй половины I тысячелетия н. э., исследованном в Ляйшевском районе Татарии (Калинин, Халиков, 1960; Генинг, 1959). Но полной аналогии нет. На именьковской посуде почти нет насечек по краю, которые весьма характерны для романовской посуды. Ближе к последней по этому признаку и по форме стоят сосуды из городищ на территории Мордовии. Их исследователь ранее считал эти поселения древнемордовскими (Степанов, 1949), а теперь относит к угро-мадьярам (венграм), задержавшимся на некоторое время на р. Сура по пути с Южного Урала на Запад (Степанов, 1964).

По многим признакам описанная керамика близка городищевой культуре, но это еще не значит, что в романовском населении надо видеть пришельцев с запада. С осторожностью надо подойти и к гипотезе В. Ф. Генинга, который плоскодонную посуду ведет из Западной Сибири и Казахстана и приписывает тюркам (Генинг, 1961, стр. 42, 44). Следует иметь в виду, что близкая, но не аналогичная романовской керамика в виде горшков и чашек, характеризующаяся грубостью лепки, отсутствием орнамента, насечками по краю, известна в памятниках первой половины I тысячелетия н. э. в Башкирии в районе Стерлитамака (Сальников, 1958). Не исключена возможность, что эти памятники остав-

лены более ранними поколениями тех же племен, которые жили позднее на романовских поселениях.

В дальнейшем следует усилить исследования романовских памятников, направив их на выяснение этнической принадлежности.

В целом можно уверенно говорить о том, что на протяжении середины и второй половины I тысячелетия н. э. на территории западной Башкирии протекал интенсивный процесс ассимиляции разнородных этнических элементов. На протяжении этого периода мы постоянно сталкиваемся в ряде памятников с сочетанием в тех или иных комбинациях керамики четырех типов: бахмутинского, турбаслинского, кушнаренковского и романовского, которые, несомненно, соответствуют четырем различным этническим группам населения Башкирии.

Конец I тысячелетия н. э. на территории Башкирии освещается материалами ряда могильников. Наиболее изученными являются Стерлитамакский и Кушулевский. Стерлитамакский (Левашовский) могильник VIII—IX вв. н. э. (Ищерилов, 1952; Ахмеров, 1955), наряду с вещами салтовского типа, имевшими в то время широкое распространение, содержал в составе погребального инвентаря глиняные сосуды близких к сарматским форм и коньковые металлические привески камского типа. Таким образом, памятник отражает продолжающийся процесс ассимиляции населения местного и пришлого происхождения. Некоторые исследователи в Стерлитамакском могильнике видят памятник продвинувшихся из Приазовья тюркоязычных болгар (Смирнов, 1957, стр. 50). То же время освещается находками в пещере на р. Нукат в Белорецком районе (Садыкова, 1961) и погребением, размытым р. Нугуш у с. Иткучуково (Викторова, 1962б, стр. 166, рис. 68). Близкий к Стерлитамакскому могильник IX—X вв. н. э. исследован в 1957 г. и на севере Башкирии — в Дюртюлинском районе, у с. Кушулево (Эрдей, 1961).

К иной этнической группе следует отнести курганы VIII—X вв. у сел Старо-Халилово и Ишимбаево в Салаватском районе и Мрясиново в Караидельском районе, исследованные в 1963 г. Н. А. Мажитовым (см. статью в настоящем сборнике), а также курганы IX—X вв. у дер. Старое Музино в Кармаскалинском районе (Садыкова, 1959). Эти памятники можно уверенно причислять к тюркоязычным кочевникам. За пределами Башкирии, в Оренбургской области, в районе г. Соль-Илецка, аналогичные курганы были широко исследованы еще в XIX в. (Нефедов, 1899), среди которых А. П. Смирнов склонен предполагать погребения башкирских племен (Смирнов, 1957, стр. 46).

Следует усилить внимание к поискам и исследованиям памятников конца I тысячелетия н. э. и типа Стерлитамакского могильника и Старо-Мусинских курганов. Они могут много дать для изучения ряда важных и почти неразработанных вопросов истории Башкирии того периода, когда появляются упоминания имени башкир в письменных исторических источниках. Башкиро-мадьярская проблема, взаимоотношение местных и пришлых, в том числе башкирских и болгарских племен в эпоху тюркизации населения Башкирии, характер культуры ранних башкир — для всех этих вопросов много материала кроется в памятниках конца I тысячелетия н. э.

Памятники эпохи средневековья обойдены вниманием археологов. А между тем отрывочные данные письменных источников позволяют довольно уверенно говорить о значительном влиянии болгарской культуры на население Башкирии начиная приблизительно с X в. н. э. Часть башкир платила дань волжским булгарам, а западные башкиры входили в состав Болгарского государства. Политические отношения может осветить изучение земляных валов, разбросанных по северо-западным районам Башкирии. А. П. Смирнов усматривает в них болгарские укрепления на границе со степными кочевниками (Смирнов, 1957, стр. 71—73). О силе болгарского культурного влияния в восточном направлении говорят случаи находок болгарской керамики не только в Предуралье, но и в Зауралье на памятниках севера Челябинской области. В дозолотоордынское время еще трудно предполагать оформление у башкир классовых отношений. Но ряд мавзолеев и надгробных надписей на могилах знати эпохи Золотой орды на башкирской земле служит убедительным доказательством развития феодальных отношений. Глубокие корни земле-

деля на территории Башкирии, оседлые поселения типа романовских конца I тысячелетия н. э. делают вполне вероятным предположение, что и в начале II тысячелетия н. э. в ряде районов у башкир не только сохранилось, но и развивалось оседлое земледелие. Это тем более вероятно для северо-западных районов, где была сильна связь с Болгарией, страной высокоразвитого земледелия. Нужно ожидать, что исследования, специально направленные на поиски селищ золотоордынского времени, а также земляных замков-городищ типа болгарских должны увенчаться успехом. Небезынтересны и пункты средневековых летних кочевков в степных районах со слабым культурным слоем, нижняя дата которых — XIV в. н. э.— определяется по находкам обломков чугунных котлов. Такие памятники подвергались небольшим раскопкам на р. Б. Кизил в Баймакском районе (раскопки Сальникова, 1952 г.) и зарегистрированы в низовьях р. Нугуш в Мелеузовском районе у сел Береково и Аптраково и в ряде других пунктов. В них найдены предметы конской упряжи, гончарная посуда, обломки чугуна (Викторова, 1962б).

Изучение поздних селищ, городищ, кочевков, мавзолеев, а также раскопки курганов этого времени сомкнут археологические данные с этнографическими, позволят решить вопрос о социальном строе и культуре средневековых башкир, о различии их хозяйственного строя в зависимости от района обитания, уточнят роль Волжской Болгарии, Золотой орды и Русского государства в истории средневековой Башкирии.

В конечном результате труды археологов в содружестве с историками, языковедами, этнографами и антропологами приведут к решению проблемы этногенеза башкир, их ранней культуры и истории.

К. Ф. СМЕРНОВ

**СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ**

Первые сведения об археологических памятниках Оренбургской области были собраны П. И. Рычковым и П. С. Палласом еще в XVIII в. (Рычков, 1762; Паллас, 1786). Однако археологическое изучение области началось только в 80-е годы XIX в. с исследования древних курганов в бассейне рек Бузулук и Илек Ф. Д. Нефедовым, раскопавшим несколько курганов сарматской эпохи и средневековья (Нефедов, 1899). В последующие годы разведки и раскопки проводили члены Оренбургской ученой архивной комиссии (Кастанье, 1907, 1913; Аниховский, 1906; Деревенсков, 1911; Макаренко, 1906; Попов, 1898, 1906, 1911; Соколов, 1908); в результате была собрана первая коллекция древних вещей Оренбургского музея, созданного Оренбургской архивной комиссией. Важны также раскопки П. С. Назарова под Орском (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1890; стр. 298—302) и особенно исследования С. И. Руденко известных Прохоровских курганов (1916 г.).

Первая сводка о древностях Оренбургского края и их исследованиях была дана в 1910 г. И. А. Кастанье в труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» (1910), который как справочник сохранил некоторое научное значение и до сего времени. Однако в дореволюционной археологии первому научному обобщению подверглись лишь памятники сарматской эпохи (с VI в. до н. э. по I в. н. э.) в монографии М. И. Ростовцева «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма» (1918), который правильно их датировал и связал с историей скифов и сарматов в степях юга нашей страны.

В 20-е годы археологические раскопки были возобновлены советскими исследователями, которые применили более усовершенствованную методику раскопок, дали ряд научных публикаций новых материалов и исторических выводов, научное значение которых выходило далеко за пределы одной области.

Здесь работали и местные музейные работники: Д. И. Захаров произвел раскопки сарматских курганов у с. Сара в 1928 г., И. А. Зарецкий — у хут. 1-го Веселого Ак-Булакского района в 1935 г. (Зарецкий, 1941, стр. 152, 153). В 1926 г. М. П. Грязнов положил начало изучению памятников эпохи бронзы, которые были им раскопаны по левому бе-

регу Урала к западу от г. Орска по речкам Киргильде и Терекле (Грязнов, 1927). Оно было продолжено Б. Н. Граковым, Г. В. Подгаецким и К. В. Сальниковым в 30-х годах в районах проектируемых южноуральских гидроэлектростанций по Уралу выше Оренбурга, по Ори и Суундуку, где было зафиксировано много древних курганов и стоянок эпохи бронзы. Б. Н. Граковым были классифицированы Оренбургские курганы, среди которых выделены основные типы курганов эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и средневековая — курганы тюркских кочевых народов (Граков, 1935). Было раскопано также несколько погребений андроновской культуры, среди которых следует указать раскопки Б. Н. Гракова в 1933 г. у Тулайкина аула на левом берегу Урала против с. Хабарного (Граков, 1935, стр. 104, 105), Г. В. Подгаецкого в 1936 г. у пос. Ново-Аккермановки близ г. Орска (Подгаецкий, 1940) и К. В. Сальникова в 1937 г. у пос. Погромного близ г. Бузулука (Сальников, 1950).

Для изучения истории и культуры кочевых сарматских племен важное значение имели курганные раскопки К. В. Сальникова в 1936 г. у аула Джанатан на Ори к востоку от Орска (Сальников, 1940) и особенно Б. Н. Гракова в 1927—1929 гг. в окрестностях пос. Нежинского близ Оренбурга (Граков, 1929), благодаря которым удалось выявить сарматские памятники всех этапов развития сарматской культуры с VI в. до н. э. по IV в. н. э.

Большинство отмеченных экспедиций было организовано Государственной Академией истории материальной культуры (ныне Институт археологии АН СССР); в экспедиционной работе принимал участие и Оренбургский музей краеведения.

В послевоенные годы инициатива по возобновлению археологического изучения области исходила от Оренбургского музея. Произведены разведочные работы по Бузулуку Н. П. Кипарисовой и С. А. Поповым в 1935 г. и в Адамовском районе (С. А. Попов, 1955). С 1956 г. начала свою деятельность Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР, Оренбургского музея краеведения и Государственного исторического музея (руководитель К. Ф. Смирнов).

Основной задачей экспедиции является изучение истории и культуры древних скотоводческо-земледельческих племен медного и бронзового веков (III—II тысячелетия до н. э.) и кочевников-сарматов, а также раскопки на основании государственного законодательства об охране исторических памятников, подвергающихся ограблению или распахке.

Наиболее древними памятниками области, открытыми впервые в Оренбургской области, являлись подкурганные погребения III тысячелетия до н. э., связанные с древнейшим скотоводческим населением юга Восточной Европы.

В 1956 г. Оренбургской экспедицией в кургане у пос. Увак на земле колхоза «Заря» (ныне колхоз «Дружба»), Соль-Илецкого района (левый берег Илека), было обнаружено погребение с обрядом, типичным для древнейшей культуры территории Нижнего Поволжья. На следующий год в том же могильнике было раскопано еще одно такое погребение. В соседнем могильнике «Близнецы» под двумя земляными насыпями были открыты прямоугольные могилы с широтной ориентировкой и с красной краской. Они относятся к группе погребальных сооружений древнейшей культуры.

Раскопки Увацкого могильника, произведенные Э. А. Федоровой-Давыдовой и увенчавшиеся находками медных орудий и типичного круглодонного горшка (Федорова-Давыдова, 1962, стр. 19), окончательно подтвердили принадлежность этих памятников к древнейшей культуре.

Всего на Илеке Оренбургской экспедицией исследовано около 20 погребений этой культуры.

Экспедиция добилась больших успехов в области изучения андроновской культуры. Открыты и подверглись раскопкам новые поселения и могильники в Сорочинском (могильник у с. Новая Белогора, 1956—1958 гг.), Соль-Илецком (могильники Увацкий, «Близнецы», Мечет-Сай и I Пятимары, грунтовой могильник у с. Ветлянки, 1957, 1960—1961 гг.), Халиловском (могильник у пос. Хабарного, 1958—1959 гг.) и Орском районах.

Изучение памятников андроновской культуры, занимавшей огромную территорию степей от бассейна Урала до Енисея, в том числе и ряд областей Средней Азии, позволяют уточнить датировку этой культуры, в частности, удревнить на несколько веков ее расцвет, относящийся, как теперь можно судить, к XV—XIV вв. до н. э., и выявить особенности ее развития в пределах Оренбургской области (Федорова-Давыдова, 1960, стр. 56—59; Смирнов, 1961, стр. 57). Выявляются интересные взаимоотношения между ней и родственной срубной культурой Поволжья: прослеживаются черты погребального обряда срубных племен в Ново-Белогорском, Увакском, Хабарнинском и Атакенсайском могильниках, намечается сходство в керамике и металлических предметах (кинжалы, копья и пр.). Все это позволяет ставить вопрос не только о тесных культурно-экономических взаимоотношениях, но и проникновении отдельных групп древнего поволжского населения на восток в бассейн Южного Урала.

Этот вопрос тесно связан с проблемой древних индоиранских племен на территории СССР, генетически связанных с ираноязычными народами древности — саками, массагетами, скифами и сарматами.

Впервые при исследовании андроновских памятников поставлена задача комплексного изучения древнего металлургического центра. Еленовский отряд обследовал 2 рудника; произведены анализы руд и металлических изделий, показавшие, что употреблявшиеся медные изделия изготовлялись из местных руд. Начало разработки рудников относится, по-видимому, к раннеандроновской эпохе, т. е. не позже середины II тысячелетия до н. э. Имеются некоторые основания предполагать о связи древней еленовской металлургии со среднеазиатско-казахстанской.

Большое значение имеет изучение андроновских поселений, раскопки которых в Оренбургской области почти не производились. Впервые исследован новый тип жилищ-ограда в Домбаровском районе (Кузьмина, 1962, стр. 9—15).

Начиная с VII в. до н. э. в течение целого тысячелетия Оренбургские степи были заняты различными сарматскими племенами, формирование которых происходило, в частности, и в Южном Приуралье (Смирнов, 1957). Здесь создавались крупные и сильные союзы этих племен. Памятники сарматской культуры экспедиция исследовала в бассейне р. Бузулук: раскопки под руководством К. Ф. Смирнова кургана у с. Любимовки, Первомайского района в 1956 г. и могильников на землях колхоза «Дружба», Соль-Илецкого района, на Илеке, в 1957, 1960 и 1961 гг.; под Орском (Ново-Кумакский могильник в Ново-Орском районе) и на Суундуке (у с. Аландского, Кваркенского района) произвела раскопки М. Г. Мошкова (Мошкова, 1961). Изучались главным образом сарматские памятники савроматской (VII—IV вв. до н. э.) и прохоровской (IV—II вв. до н. э.) культур.

Впервые начаты раскопки больших савроматских курганов V в. до н. э. на Илеке, бассейн которого был занят богатой группой воинственных кочевников, руководящую роль в которой, вероятно, играли аорсы. Экспедиция получила новые сведения о социальном строе савроматов. Она выявила большую роль савроматских жриц-наездниц, погребения которых под сложными деревянными сооружениями с богатым инвентарем, в том числе и каменными алтарями (рис. 1), были обнаружены в курганной группе Тара-Бутак между колхозом «Дружба» и с. Тамар-Уткулем (курганы № 2 и 3, 1957 г.). Они свидетельствуют о больших пережитках матриархата у савроматов (Граков, 1947) и, таким образом, вновь подтверждают сведения Геродота об особенностях общественной жизни савроматов.

В кургане № 2 Тара-Бутацкого могильника савроматская жрица лежала по диагонали в деревянной раме-саркофага или гроба. Это наиболее древний случай диагонального погребения в сарматском мире (рубеж VI—V вв. до н. э.).

В кургане № 6 могильника I Пятимары также обнаружено одно из наиболее древних диагональных погребений с горшком V в. до н. э. (рис. 2, 2). Наконец, в кургане № 2 группы «Близнецы» диагональное погребение датируется IV в. до н. э. В нем найдены обломок бронзового зеркала с валиком, бронзовый наконечник стрелы и круглодонный лощеный сосуд с налепками и штампованным орнаментом (рис. 2, 3) раннепрохоровского времени. Все эти находки свидетельствуют, что обряд диагональных погребений, харак-

Рис. 1. Каменные жертвенники из погребений савроматских жриц V в. до н. э. Тара-Бутах:
1 — погребение № 3, курган № 2; 2 — курган № 3.

терный для роксоланской группы сарматов более позднего времени (Смирнов, 1948), кочевников Илека существовал уже в савроматское время (V—IV вв. до н. э.).

В курганной группе I Пятимары и Мечет-сай близ колхоза «Дружба» обнаружены богатые погребения племенных вождей с большим количеством оружия, золотых изделий импортными вещами и монументальными деревянными надмогильными сооружениями. При погребении племенной знати в жертву им приносились боевые кони со всем своим убранством и вооруженные слуги-дружинники. Особенно интересным оказался курган № 8 высотой около 3 м (рис. 3). Под земляной насыпью, укрепленной по подошве камнями, находилась прямоугольная могила вождя, погребенного вместе с женщиной и ребенком. Она была ограблена, но все же уцелело оригинальное бронзовое навершие булавы — символ власти погребенного (см. рис. 2, 4). У восточного края этой могилы непосредственно на древнем горизонте одновременно погребены двое слуг-дружинников

Рис. 2. Вещи из савроматских и прохоровских погребений:

1 — гончарный сосуд из погребения IV—III вв. до н. э.; 2 — сосуд из диагонального погребения V в. до н. э.; 3 — лощеный сосуд из диагонального погребения IV в. до н. э.; 4 — наконечник булавки из могилы вождя.

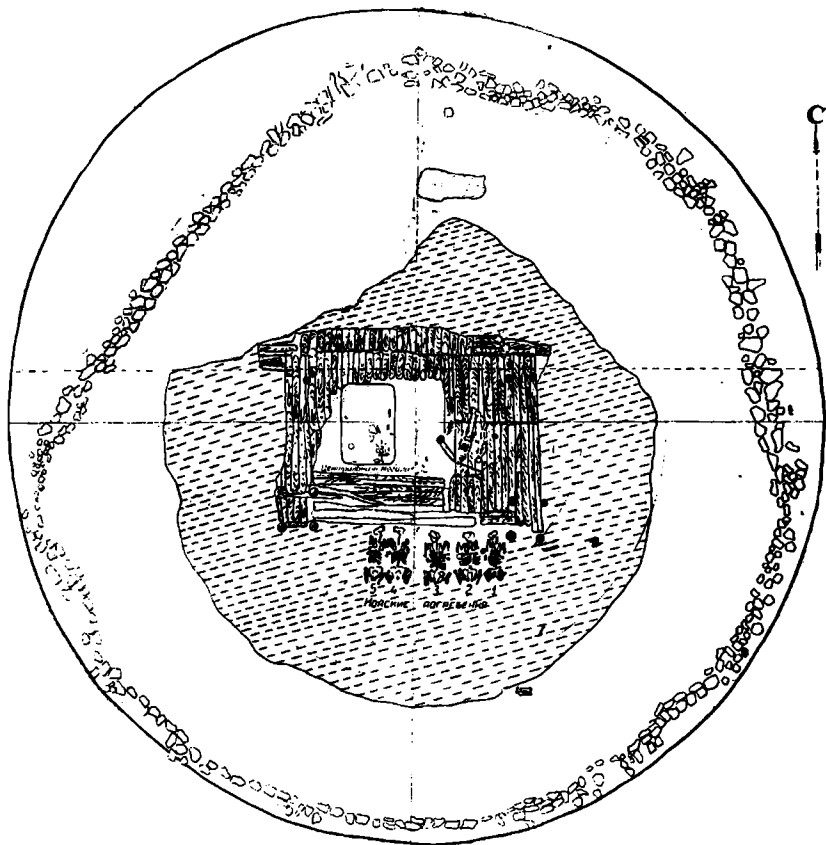

Рис. 3. Захоронение савроматского вождя, вооруженных дружинников и боевых коней. V в. до н. э. 1 Питимары, курган № 8.

вооруженных колчанами со стрелами и длинным железным мечом скифского типа с рукояткой, украшенной массивной золотой обоймой, и таким же колпачком-ворворкой. Могила вождя и его дружинников окружена прямоугольным срубобразным сооружением из толстых бревен, укрепленных по углам четырьмя толстыми столбами, глубоко врытыми в землю. Сруб был перекрыт плоским накатником. С южной стороны этого сооружения, также на древнем горизонте, были погребены 5 коней со срубой, от которой уцелели металлические части; среди них много бронзовых пряжек и принадлежностей уздечки в зверином стиле. Курган № 8 по всему комплексу вещей относится к V в. до н. э.

В сарматских могилах Илека обнаружены уникальные импортные предметы: самшитовый гребень, сходный по орнаменту с гребнями Малой Азии; серебряное блюдо, вероятно, ирано-ахеменидского происхождения; сердоликовые бусы с белым содовым рисунком, которые изготавливались в Индии и Иране; расписной глиняный сосуд; сосудики из цветного так называемого «финикийского» стекла; красноглиняные ангобированные кувшины (см. рис. 2, 1) и выючные фляги хорезмийской работы кангуйской эпохи; бронзовое зеркало с гравированной религиозной сценой, связанной по сюжету и стилю с искусством Переднего Востока. Они свидетельствуют о древних культурно-экономических связях сарматов V—III вв. до н. э. с Хорезмом, Индией, Ираном и странами Переднего Востока. Скопление этих вещей в могилах Илека не случайно. Вероятно, на Илек шел сухопутный караванный путь, связывающий Южное Приуралье со Средней Азией и более далекими южными странами.

Экспедиция получила новые данные об оригинальном прикладном искусстве древних кочевников Южного Приуралья, особенно по скифо-сибирскому звериному стилю, который связывает искусство савроматов с искусством древних народов Сибири и Средней Азии.

Многие вещи в зверином стиле, сделанные из кости, бронзы и золота, близки по трактовке отдельных деталей и явно изготовлены местными мастерами в V в. до н. э. В уздечных наборах преобладает мотив головы хищника, скорее всего волка, с раскрытой пастью (рис. 4, 2—4). Тот же мотив мы видим на костяной ложечке (рис. 4, 5). Оригинальны

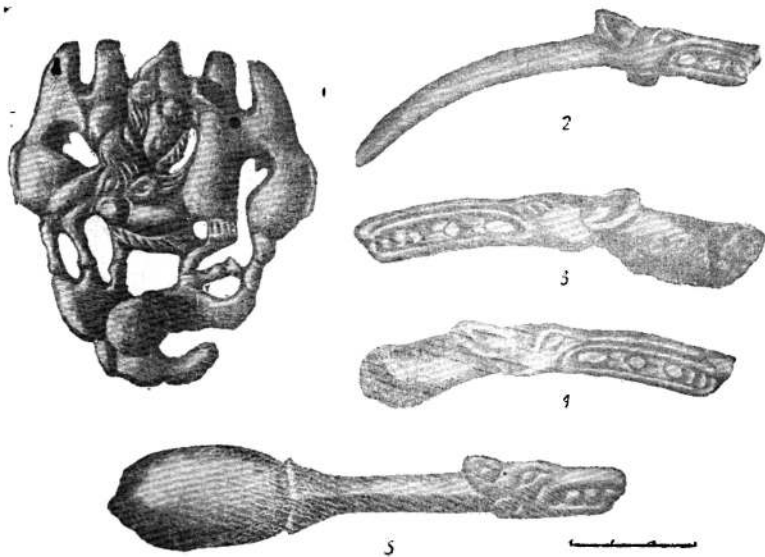

Рис. 4. Предметы в зверином стиле V в. до н. э. Курганы I Пятимары:

1 — бляха от сбруи (бронза, курган № 8, конское захоронение); 2 — налобник (бронза, курган № 4, погребение № 3); 3, 4 — наконечники псалез (бронза, курган № 6, конское захоронение); 5 — ложка (кость, курган № 4, погребение № 1).

предметы, изображающие целые композиции борьбы животных: большая пластина из рога лося с резным изображением сцены нападения медведей на козла (I Пятимары, курган № 4, центральная могила); литые бронзовые бляхи, изображающие борьбу двух верблюдов-самцов (рис. 4, 1).

Экспедиция получила новые данные о сложении в стенах Южного Приуралья в IV в. до н. э. на базе савроматской культуры новой так называемой прохоровской культуры сарматов, связанной с образованием союза аорских племен.

Именно в Южном Приуралье уже с V в. до н. э. появляются характерные признаки прохоровской культуры: могилы с подбоями и катакомбами, южная ориентировка погребенных, круглодонные сосуды, мечи переходной формы от скифского акинака к типичному мечу прохоровской культуры — с прямым перекрытием и серповидным навершием. Отсюда происходят наиболее ранние погребения этой культуры, относящиеся к IV в. до н. э. С этого времени начинается постепенное продвижение сарматских племен сначала в Поволжье, а затем на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье. Одно из важных мест в усилении политической и военной активности сарматов на юге нашей страны принадлежит приуральской группе сарматов (аорсам).

Таким образом, изучение памятников сарматской культуры в Оренбургских степях имеет не чисто местный характер, а тесно связано с изучением древней истории всего юга нашей страны, того периода истории юга Восточной Европы, который получил название сарматского.

Экспедиция лишь попутно исследовала погребальные памятники тюркского населения Южного Приуралья, связанного с крупным огузо-печенежским племенным союзом (IX—XI вв. н. э.).

Для него характерны погребения воинов с чучелом или шкурой коня (Увакский могильник, большой могильник в урочище Черный Яр между колхозом «Дружба» и Тамар Уткулем на Илеке). Одновременно подвергся исследованию интересный производственный комплекс с остатками горнов для сыродутного способа получения железа у с. Новая Белогорка, Сорочинского района. Этот комплекс относится к средневековью, скорее всего, к XIV—XVI вв. н. э.

Таким образом, первые годы работы Оренбургской экспедиции были связаны с широким кругом историко-культурных проблем, имеющих важное значение для выявления общих закономерностей исторического развития нашей родины.

Экспедиция продолжит археологические исследования памятников эпохи бронзы и сарматского периода. К работе необходимо привлечь специалистов-археологов по каменному периоду (палеолиту и неолиту), памятники которого до сих пор фактически не известны в Оренбургской области, и потому остается открытым вопрос о древнейшем заселении ее. На передний план необходимо выдвинуть проблему истории производительных сил древних ираноязычных и тюркоязычных народов и развития древней металлургии на базе местных природных богатств.

О. И. БАДЕР

**НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
В ПЕЩЕРАХ УРАЛА**

После сводки изучения пещер каменного века на Урале, опубликованной в 1951 г. (Бадер, 1951), сделано очень мало, но в самые последние годы последовал ряд очень удачных открытий, которые и заставляют вернуться к этой теме.

Продолжая сделанный в свое время обзор, укажу некоторые пещеры и навесы.

На правом берегу р. Ай, близ ее устья, против дер. Алексеевской, недалеко от известной Лаклинской пещеры, в 1948 г. Л. Я. Крижевской обследована и прошурфована пещера. Последняя относится к разряду пещер коридорного типа, расположена на высоте 30—35 м над Аем, имеет длину около 20 м, широкий обращенный на юг вход и удобную площадку перед ним. В одном из двух пробных шурфов, расположенном дальше от входа, в нижнем горизонте темно-бурой глины толщиной около 35 см на глубине около 25 см стали встречаться угольки и обломки костей; еще больше их оказалось ниже, в глине с известняком толщиной около 20—25 см и очень много — еще ниже, в желтой глине без известняка до глубины 1,05 м от поверхности; ниже — толща стерильной глины, не пройденная до скалы.

Куски угля, некоторые из них довольно большие, пронизывают весь культурный горизонт. Кости частью расколоты, а некоторые обожжены.

По определению И. А. Шергиной, кости принадлежат волку, мелкой лисе или песцу (особенно много), зайцу, сурку, птицам и щуке.

Перед нами картина, вполне аналогичная пещерам и навесам бассейна Юрюзани; несмотря на отсутствие находок орудий, уголь и расколотые кости указывают на пребывание в Усть-Айской пещере древних охотников. Если определение остатков песка будет подтверждено, время стоянки определится как средний или, скорее, верхний плейстоцен, а археологически — вероятнее всего, верхний палеолит¹.

В 1949 г. А. А. Формозовым зарегистрировано 13 пещер на протяжении 80 км к северу от Орска, от станицы Таналыкской до станицы Уртазымской. «Особенно интересна пещера, находящаяся в 10 км к юго-западу от станицы Уртазымской, на р. Уртазымка,

¹ Благодарю Л. Я. Крижевскую за предоставление материала.

в 4 км от ее впадения в Урал, на высоте 10 м над уровнем реки. Грот длиной 10 м, шириной 3—4 м и высотой до 2,5 м мог быть обитаем лишь временно, ибо он обращен входом на север и трудно доступен. В середине XIX в. в гроте велись грабительские раскопки (Нефедов, 1882, стр. 169), почти целиком уничтожившие его наслоения. На небольшом нетронутым участке прослежен культурный слой мощностью 25 см с углистыми включениями. В нем найдены маленький отщеп и несколько расколотых галек. Указание Ф. Д. Нефедова о находке здесь костей «допотопных животных» позволяет предположить, что в пещере была палеолитическая стоянка, вроде челябинских пещерных стоянок, исследованных С. Н. Бибиковым» (Формозов, 1951).

В 30—35 км к западу от Магнитогорска К. В. Сальниковым в 1950 г., в 3—4 км от пос. Смеловского, в известняковом обрыве левого берега р. Малый Кызыл вскрыто 10 кв. м в первой из двух небольших пещер.

Вход в Смеловскую пещеру находится на высоте всего 5 м над уровнем реки и имеет высоту только 0,7 м, а внутренняя камера пещеры — 1,3 м, но наслоение пещеры имеет мощность до 1,45 м; следовательно, пещера имела в свое время достаточную высоту.

В третьем слое, простиравшемся на глубине от 0,4 до 1,3 м и состоявшем из глины различного цвета и щелби, найдено 459 костей и их обломков; среди них — кости пещерной гиены, тигро-льва, носорога, гигантского оленя. «Наличие мелких осколков продольно расколотых трубчатых костей, нарезок на некоторых костях — свидетельство того, что отложения костей в пещере связаны с деятельностью человека, что подтверждается также находками угля и закопченной щелби».

На глубине 0,62—0,75 м встречено три кремня: отщеп, ножевидная трехгранная в разрезе пластинка, обломок ножевидной пластинки с двухсторонней ретушью по обоим краям.

Описанные находки не оставляют сомнения в том, что пещера посещалась древним человеком.

Надо отметить, что среди костей животных встречаются трубчатые, не подвергавшиеся раскальванию; некоторые экземпляры костей носят на себе явные следы зубов хищников.

Отсутствие насыщенного, ярко выраженного культурного слоя и наличие костей, затащенных в пещеру хищниками, заставляет рассматривать Смеловскую пещеру как место кратковременных охотничьих стоянок» (Сальников, 1952).

По справедливому указанию К. В. Сальникова, описанная пещера имеет много общего с пещерами, исследованными в бассейне Юрюзани. «Изучение кремневых изделий не дает возможности с уверенностью считать пещеру Смеловскую I палеолитической, но присутствие костей ледниковой фауны... делает такую датировку вероятной» (Сальников, 1952). С этим мнением можно согласиться. Одновременно следует обратить внимание на очень низкое расположение пещеры над уровнем реки, что находится в противоречии с присутствием очень ранней фауны и требует геологического разъяснения.

Двумя годами позже, в 1952 г., К. В. Сальниковым (Сальников, 1953) во II Смеловской пещере, расположенной рядом с I Смеловской, на высоте 6 м над р. Малый Кызыл в нижнем слое желтоватого суглинки с камнями найдено несколько костей животных эпохи плейстоцена (носорог, медведь?) и 5 предметов из однородного черного кремня: два обломка крупных ножевидных пластин, отщеп с ретушью, второй отщеп без ретуши и часть очень крупного ребристого удлиненного отщепа или пластины.

Выше, вне описанного слоя, найдены тонкие хорошо ограненные ножевидные пластинки мезолитического облика из кремня другого сорта, без керамики.

В 1951 г. М. А. Бадер обследовала Игнатиеву пещеру на р. Сим и Идрисову пещеру на р. Юрюзань; при этом в шурфах собрана фауна, а в Идрисовой пещере, у входа в нее, зафиксированы нарисованные красной краской человеческие фигуры (Бадер и Оборин, 1958, рис. 7), возможно, относящиеся к мезолиту (Коишевский, 1948, стр. 165).

В 1959 г. сотрудником Башкирского госзаповедника зоологом А. В. Рюминым в известной пещере Шульган-Таш, или Каповой, в южной излучине р. Белой, были обнару-

жены якобы палеолитические рисунки на обоих этажах пещеры (Рюмин, 1960, 1961, 1961а).

В 1960 г. для проверки этих сведений Институтом археологии АН СССР была направлена на Южный Урал экспедиция под руководством автора, выяснившая, что указанные А. В. Рюминым «рисунки» нижнего этажа Каповой пещеры являются игрой природы; в то же время часть рисунков во втором этаже пещеры оказалась, действительно, произведением рук человека, а присутствие среди них фигур мамонтов доказывает их палеолитический возраст.

Все рисунки нанесены красной краской на гладкую стену большого грота на расстоянии около 300 м от входа и выполнены в силуэтной манере, хотя контуры фигур (мамонтов, лошади) подчеркнуты более густыми линиями (Бадер, 1961, 1962а). Близких аналогов этим рисункам нет. Во Франции силуэтная пещерная живопись, подобная южноуральской, развивается в раннемадленское время. По характеру изображения к фигуре мамонта уральской живописи наиболее близка резная фигура мамонта из Мальтинской стоянки в Восточной Сибири.

В 1961 г. нам удалось обнаружить новые красочные рисунки в Каповой пещере, подробно описать и зафиксировать 11 рисунков, изображающих животных, на втором этаже и несколько схематических, геометризованных рисунков на нижнем этаже пещеры. Подлинность рельефных «изображений» верблюда, мамонтов и других животных, о которых пишет А. В. Рюмин, не подтвердилась.

Открытие палеолитической живописи в Каповой пещере имеет мировое значение в археологической науке, так как на территории СССР и во всей Средней Европе достоверных памятников этого рода не было известно (Бадер, 1962а).

Второе замечательное открытие было сделано в 1960 г. Б. И. Гуслицером и В. И. Канивцем на Северном Урале, по верхнему течению Печоры, в большой Медвежьей пещере (Гуслицер, 1960): пробными раскопками обнаружена верхнепалеолитическая стоянка. Медвежья пещера, длина ходов которой достигает 0,5 км, расположена на высоте около 40 м над уровнем Печоры в устье лога Иорданского, обращена входом на юг, содержит древний культурный слой с углями в буром суглинке, залегающий в правой части очень большого входного грота на глубине 2—3 м (Гуслицер и Канивец, 1960а).

Раскопки на площади 34 кв. м дали несколько десятков кремневых осколков, отщепов, ножевидных пластин, кремневых плиток и ядриц и среди них — несколько кремней со следами вторичной обработки (Канивец, 1962а).

Вместе с кремневыми предметами найдены десятки тысяч костей млекопитающих и птиц, частью расколотых и разбитых человеком; по определению Н. К. Верещагина, кости принадлежали 22 видам: мамонту, шерстистому носорогу, пещерному медведю, пещерному льву, мускусному овцебыку, зубру, бурому медведю, северному оленю, коротконогой лошади, лосю, волку, росомахе, песцу и другим животным. Особенно много костей северного оленя, пещерного медведя и песка. Фауна свидетельствует (вместе с пыльцой растений) о нетаежном ландшафте того времени, скорее всего, о несплошной обледенности, об относительно сухом климате и малоснежных зимах (Гуслицер и Канивец, 1962).

Скопление сброшенных рогов северного оленя может иметь связь, как в сибирских стоянках Мальта и Буреть, с сооружением легких наземных жилищ в обширном входном гроте пещеры и перед нею.

В 1961 г. при продолжении раскопок (Канивец, 1962а) было вскрыто еще 54 кв. м, что вместе с первыми раскопками составляет площадь 88 кв. м. Было собрано около 200 кремневых предметов, среди которых имеется не менее 18 орудий, в том числе хорошо обработанный скребок, скребловидные и режущие орудия, резец на углу сломанной пластинки и пр. Нуклеусов нет, ножевидные пластины неправильны и в незначительном числе. Последние раскопки пополнили и состав фауны; между прочими обнаружены и кости сайги; еще никогда ее остатки не находили так далеко на севере Европы.

При хорошей сохранности костей обращает на себя внимание отсутствие костяных изделий.

Некоторые орудия исследовались в лаборатории С. А. Семенова, который пришел к заключению, что режущие орудия типа резачков (Канивец, 1962, рис. 48, 1) употреблялись для разрезания мяса или кожи.

Малочисленность ножевидных пластин, их невысокое качество, почти полное отсутствие резцов и общий облик кремневого инвентаря Медвежьей пещеры позволяют сблизить его с географически наиболее близкой стоянкой Талицкого на Чусовой. Однако далеко не все типы орудий этой стоянки представлены в бедном инвентаре Медвежьей пещеры, а имеющиеся в ней упомянутые резачки отсутствуют на стоянке Талицкого. Таким образом, при некоторой общей культурной близости эти памятники вряд ли синхронны.

Исходя из состава мамонтовой фауны и характера кремневого инвентаря, авторы раскопок предполагают домадленский возраст стоянки в Медвежьей пещере (Канивец, 1962, стр. 114—115).

Мне представляется, что столь северное положение этой стоянки также является доводом для отнесения ее к сравнительно раннему времени, может быть, к концу риссвюрмского интерстадиала, когда ландшафтные зоны были сдвинуты далеко на север.

Принимая во внимание отсутствие очагов и бедность кремневого инвентаря, исследователи приходят к выводу о временном, сезонном значении стоянки.

Однако огромное количество костей животных в пещере, мне кажется, может говорить о ее длительном заселении.

Значение стоянки в Медвежьей пещере заключается в том, что она является самой северной в Евразии и совершенно меняет установившиеся взгляды на процесс расселения палеолитического человечества в Северной Европе.

В том же 1960 г. параллельно с обследованием Каповой пещеры я произвел рекогносцировочные раскопки пещеры у дер. Юлдыбаево 3-е, или Мурадымово, уже известной по работам Н. А. Преображенского и И. С. Захаржевского (Бадер, 1951, стр. 23) и отнесенной В. А. Кошневским к эпохе палеолита или неолита (Кошневский, 1948, стр. 164). Пещера расположена на высоте 102 м над р. Б. Ик, на ее левом берегу, обращена широким входом на юго-восток и состоит из двух камер. Вскрытая нами площадь в 38 кв. м обнаружила напластования желтого пещерного суглинки местами более трехметровой мощности и в нем на глубине от 1,62 до 2,02 м — очажные углистые линзы с немногочисленными костями и четырнадцатью кремневыми кусками и отщепами, среди которых имеются небольшие хорошей техники ножевидные пластинки.

Кости из Мурадымовой пещеры, по определению Э. А. Вангенгейм, принадлежат сурку, хомяку и птицам; несколько обломков костей более крупных животных неопределимы. Кремень, как и фауна, также не может быть датирован с уверенностью, отсутствие керамики указывает на палеолитический или мезолитический возраст культурных остатков пещеры, но мезолитический возраст кажется более вероятным. Продолжение раскопок обещает дать более обильный материал.

Рекогносцировочные раскопки в Игнatieвой пещере тем же летом также обнаружили следы палеолита. В 1913 г. Игнatieва пещера, по-башкирски Ямазы-Таш, была обследована С. И. Руденко, подробно описавшим ее (Руденко, 1914), но не нашедшим здесь следов палеолита.

На вскрытой мною в 1960 и 1961 гг. площади у входа в пещеру и в ее передней части, находящейся на высоте 13—14 м над современным уровнем р. Сим, обнаружено в красноватом суглинке много костей животных, принадлежащих, по определению Э. А. Вангенгейм, пещерному медведю, волку, росомахе, быку или оленю, лосю, косуле, дикой лошади, зайцу и птицам.

Кроме того, здесь же найдены два кремневых орудия на ножевидных пластинах: один концевой скребок и один дублированный резец, а также несколько кремневых отщепов. И состав фауны, и характер кремневых орудий позволяют предварительно датировать культурные отложения пещеры Ямазы-Таш временем верхнего палеолита.

Наконец, выше по течению Сима за серпиевской фермой тогда же нами обследован ряд пещер и скалистых навесов, среди которых один (грот у Каменного Кольца) оказался очень удобным для стоянки. Он расположен на высоте 11-12 м над рекой и состоит из двух смежных неглубоких ниш или гротов. В западном гроте в шурфе, прорезавшем желтый пещерный суглинок со щебенкой и угольками на глубину около 1,5 м, обнаружен кремневый отщеп и кости животных; последние — и в восточной нише. В 1961 г. М. А. Бадер в западной нише вскрыт раскоп площадью 16,5 кв. м и найдено еще около десятка кремневых отщепов без ретуши, пластинка и крупный концевой скребок, залегавший в средней части суглинка на глубине 50—80 см, а также кости животных. По определению Э. А. Вангенгейм, они принадлежат носорогу, пещерному медведю, пещерному льву, северному оленю, лосю, первобытному быку, бизону, дикой лошади, косуле, волку, лисе, зайцу, птицам.

В 1961 г. одновременно с работами в Каповой пещере нашей экспедицией произведены разведки пещер по берегам Белой между Акбулатовым и Акбутой и в районе этих деревень. Из них представляют интерес для дальнейших работ три. Пещера, расположенная на левом берегу Белой, между дер. Куаламат и Каповой пещерой, дала находки раздробленных костей и сброшенного рога оленя на глубине 2,45 м от поверхности.

В пещере (названная открывшими ее географами Башкирского университета «пещера космонавтов»), в полукилометре ниже Каповой, на том же берегу, в ущелье Кульюрт-тамак на глубине 1,65 м нашли кости животных и среди них обломанный и оббитый конек бивня мамонта.

Наконец, третья пещера, расположенная в 1 км выше дер. Акбута, дала на глубине от 2,60 до 4,10 м раздробленные кости животных¹.

Все пещеры необходимо исследовать раскопками.

Несмотря на уже значительное число палеолитических пещер (более двух десятков), археологические датировки найденных в них вещей пока ненадежны. Тем большее значение имеют сейчас датировки, основанные на палеонтолого-стратиграфических и некоторых других данных.

Основываясь на характере фауны из Усть-Катавской пещеры, в частности, на обилии в ней костей пещерной гиены, пещерного медведя, а также *Canis (Canis)*, близкого к *Сноп*, В. И. Громов определяет время использования этой пещеры человеком как эпоху рискованного оледенения, или (археологически) как позднее мустье, или самый ранний ориньяк (Громов, 1948).

Датировка культурных остатков Ключевой пещеры солотрейским временем (Карачаровский, 1951; Бибиков, 1950) подтверждена В. И. Громовым на палеонтологическом основании (Громов, 1948).

Против датировки Бурановской пещерной стоянки тем же временем (Бибиков, 1950) В. И. Громов возражает, основываясь на отсутствии там остатков шерстистого носорога, пещерной гиены, косули, сайги, медведя, росомахи, куницы и присутствии бобра и горностая, и относит ее к мадленскому времени (Громов, 1948).

Возраст стоянки в Медвежьей пещере определяется Б. И. Гуслицером и В. И. Канивцем исходя из следующих фактов и соображений. «Верхний слой глыб и щебенки, покрывающий мощный панцирем пещерные отложения, мог образоваться только в условиях резкого усиления морозного выветривания, что привело к обвалам потолка и стен грота. Произошло это в период последнего (валдайского) оледенения, когда в нескольких стах километрах от Верхней Печоры находился край покровного ледника. Следовательно, слой бурого суглинка с остатками стоянки отложился до последнего оледенения в так на-

¹ Эта пещера обследована разведочной группой нашей экспедиции в составе А. П. Шокурова и А. В. Коновалова.

ываемое московско-валдайское межледниковье. Этот вывод хорошо увязывается с археологическими и палеозоологическими данными.

Стоянка существовала в эпоху верхнего палеолита, в пределах 30—20 тыс. лет до н. э.» (Гуслицер и Канивец, 1960а). С указанной датировкой необходимо согласиться.

Все прочие пещерные местонахождения и стоянки Урала имеют лишь самую общую археологическую дату — преимущественно верхний палеолит и часть мезолит, и мы не имеем пока оснований для уточнения этой датировки в пределах верхнего палеолита.

Кроме археологической и палеонтологической датировки культурных отложений в пещерах, мы пытались применять и другие методы, в частности, геоморфологический, примененный Н. И. Николаевым для палеолитических пещер Крыма.

Исследуя грот на Медведь-Камне близ Нижнего Тагила (Бадер, 1953а), мы рассмотрели вопрос о его времени и с точки зрения его соотношения с аллювиальными террасами р. Тагила. Основываясь на данных Е. Н. Шукиной (Шукина, 1948) и личных наблюдениях, мы определяем хорошо выраженную на противоположном берегу р. Тагила 17-метровую террасу как вторую надпойму, в 12 км южнее, на окраине города, она датируется остатками верхнепалеолитической фауны (Бадер, 1953а, стр. 331—333). Более древняя третья надпойма, выраженная на восточных склонах Среднего Урала менее отчетливо и у Медведь-Камня нами не наблюдавшаяся, по Е. Н. Шукиной, имеет отметки 12—16 м в верховьях рек и 30—40 м в восточных районах Среднего Урала и датируется остатками хазарской (в том числе и обедненной хазарской, мустьерской) фауны. Принимая высоту ее в районе Медведь-Камня даже 30 м, мы видим, что палеолитический грот, расположенный на высоте 37 м над рекой, все же господствует над третьей надпоймой. Следовательно, его образование, вероятно, относится к более раннему времени, а заселение его людьми может совпадать со временем аккумуляции третьей надпойменной террасы, т. е. началом рисского геологического века, когда эта терраса была, видимо, первой надпоймой. Все вышесказанное иллюстрируется приведенной схемой (рис. 1). Она указывает на наибольшую вероятность мустьерского возраста пещерной стоянки.

Именно на матерьяле грота на Медведь-Камне была сделана первая для Урала попытка определения возраста методом прокаливания. Согласно данным, опубликованным И. Г. Пидопличко (Пидопличко, 1952), показатель прокаливания одиннадцати образцов костей из грота на Медведь-Камне дал очень целостную картину: от 512 до 755, исключая один образец с показателем 382. Средний показатель прокаливания для Медведь-Камня составляет 550, что определяет место этой стоянки во времени между мустьерскими стоянками Ильская и Чокурча (с показателями 518 и 531), с одной стороны, и более древним гротом Тешик-Таш (показателем прокаливания 580) — с другой. Таким образом, подтверждается мустьерский возраст стоянки в гроте на Медведь-Камне, чему не противоречит и состав фауны с этой первой палеолитической стоянки на восточных склонах Урала.

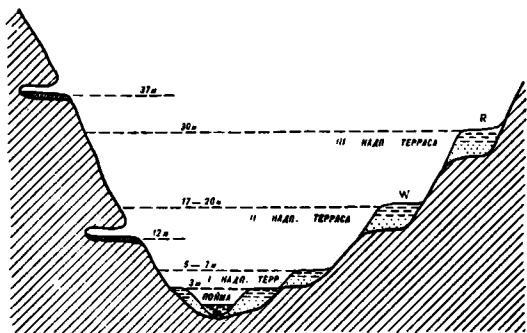

Рис. 1. Схема соотношения пещер Медведь-Камня и террас р. Тагила.

и состав фауны с этой первой палеолитической стоянки на восточных склонах Урала.

Представляется перспективным построение аналогичного геоморфологического графика для прочих пещерных стоянок Урала. Но при этом с самого начала выявляется одна существенная отрицательная предпосылка — отсутствие конкретных геоморфологических и геологических исследований в интересующих нас узких районах и пунктах стоянок. Поэтому предлагаемый график имеет лишь предварительный характер.

В схему включены лишь палеолитические пещеры Южного Урала, на территории которого можно предполагать более сходные тектонические движения и процессы формирования речных долин. При его построении я исходил из геологического описания речных террас рек Южного Урала, составленного Г. В. Вахрушевым, сведя воедино высотные отметки террас и их геологическую датировку из двух его работ (Вахрушев, 1959, 1960). Высота аллювиальных террас дана Г. В. Вахрушевым преимущественно для среднего и нижнего течения крупных рек; учитывая, что большая часть пещерных палеолитических стоянок расположена в среднем и верхнем течении рек, я построил схему на минимальных отметках, приведенных Г. В. Вахрушевым. Но эти данные к некоторым районам (например, к Южному Зауралью) могут быть применены лишь очень условно. Правомерность подобных графиков для отдельных районов Урала основана на выводах геологической науки о том, что «ярусность карста, в частности многоэтажность пещер, хорошо увязывается с местными речными террасами, а это указывает на синхронность их образования. Зная возраст террас, мы можем легко определять и возраст соответствующих этажей пещер» (Вахрушев, 1960, стр. 158).

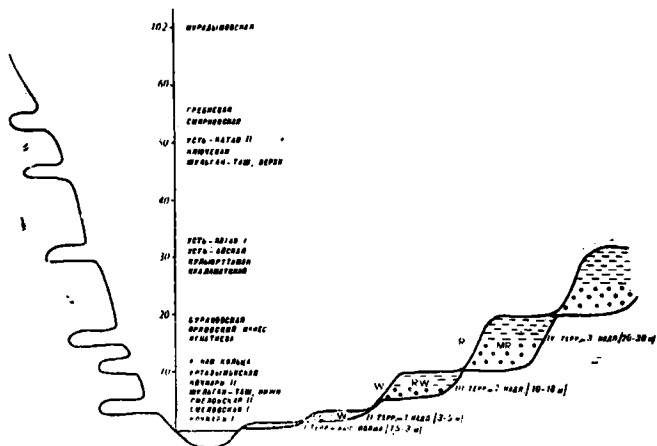

Рис. 2. Схема сопоставления пещер и аллювиальных террас Южного Урала.

Схема (рис. 2) показывает общее соответствие уровней террас и возраста пещерных стоянок. Так, стоянки Кочкары I и Смеловская II, давшие находки кремня мезолитического характера, расположены на уровне 2—6-метровой пойменной террасы и являются, следовательно, по всем признакам наиболее молодыми. К несколько более ранним образованиям относится и нижний этаж Каповой пещеры: «формирование нижнего этажа пещеры происходило одновременно с накоплением первой надпойменной террасы р. Белой (послевюрмская эпоха, трансгрессия верхнехвалынского моря), а осушение произошло при

последнем понижении базиса эрозии местных рек (регрессия верхнехвалынского моря), т. е. 12—13 тыс. лет до н. э. (мезолит и неолит). Следовательно, оба этажа пещеры, несомненно, стали доступными для обитания в них человека и наземных животных с мезолита, т. е. на протяжении последних 14—12 тыс. лет» (Вахрушев, 1960а, стр. 25).

Присутствие фигур мамонтов, однако, доказывает, что второй этаж пещеры был доступен человеку уже во времени с формированием второй надпойменной террасы р. Белой (рисс-вюрмское межледниковье, трансгрессия нижнехвалынского моря), а возникновение уступа между вторым и первым ярусами пещеры отнести к вюрмскому оледенению и регрессии указанного моря» (Вахрушев, 1960а).

По мнению Г. В. Вахрушева, «образование второго этажа пещеры предположительно можно увязать во времени с формированием второй надпойменной террасы р. Белой (рисс-вюрмское межледниковье, трансгрессия нижнехвалынского моря), а возникновение уступа между вторым и первым ярусами пещеры отнести к вюрмскому оледенению и регрессии указанного моря» (Вахрушев, 1960а).

Эта геологическая датировка вполне соответствует возрасту рисунков, определяемому археологически. Следовательно, или в древности действительно существовал особый вход на второй этаж пещеры, примерно на его уровне, или же данная Г. В. Вахрушевым датировка нижнего этажа должна быть понижена. Действительно, В. Л. Яхимович, осмотревшая в 1961 г. пещеру и ее окрестности, пришла к выводу, что нижний этаж пещеры был доступен человеку уже в палеолите.

В соответствии с разницей в палеонтологической датировке находится и разница в уровнях расположения Бурановской и Ключевой пещер.

Конечно, уровни расположения пещер над водоемом не могут служить основным критерием для датировки находящихся в пещерах культурных остатков, ибо в наше время человеку доступны пещеры на всех уровнях. Они говорят лишь о геологическом времени, и е р а н ь ш е к о т о р о г о каждая данная пещера стала доступной наземным животным и человеку.

В применении к нашей схеме в связи со сказанным выше, например, древняя Усть-Катавская пещера с очень древней фауной не могла бы располагаться на уровне низкой пойменной террасы, зато, видимо, мезолитическая стоянка в Мурадымовской пещере могла бы, как и стоянки Кочкари I и Смеловская II, располагаться на высоте до 5 м, но к услугам ее обитателей были и более древние пещеры высоких уровней, одну из которых на высоте 102 м над Большим Иком они и избрали.

В предлагаемой геоморфологической схеме имеется лишь одно явное противоречие: это расположение пещеры Смеловская I на высоте всего 5 м над р. Малым Кызылом при находке в ней костей животных, принадлежащих к весьма древнему фаунистическому комплексу: гигантского оленя, пещерной гиены, тигро-льва, носорога. Эта пещера требует специального геологического исследования, которое должно уточнить возраст речных террас, соответствующих уровню упомянутой пещеры.

Говоря о возрасте уральских пещер, нельзя не отметить непрочность в ряде районов уральских известняков, содержащих пещеры. Это явление автор наблюдал много раз — и на Белой, и на Зилиме, и на Симе.

В связи с этим под скалистыми обнажениями нередко находятся огромные каменные осыпи, которые могут скрывать под собой и входы в пещеры.

Остающиеся же на поверхности пещеры быстро разрушаются и в конце концов совершенно обваливаются, погребая и палеолитические культурные остатки, если они здесь были.

Пол уральских пещер обычно загроможден обвалившимися с потолка и стен камнями и щебнем, что крайне затрудняет шурфовку при археологическом обследовании и соответственно увеличивает мощность слоев, покрывающих палеолитические остатки.

Г. И. МАТЮШИН

К ИЗУЧЕНИЮ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА В БАШКИРИИ

Поиски стоянок каменного века на территории БАССР долгое время оставались безрезультатными.

В 1928 г. А. В. Шмидт, подводя итоги работы возглавляемой им Башкирской экспедиции, писал: «Интересная и важная задача открытия каменного века в Башкирии останется будущим исследователям» (Шмидт, 1929, стр. 9). Первые следы каменного века удалось обнаружить у восточных границ Башкирии лишь в 1937—1939 гг. (Бибилов, 1950, стр. 66—105, 95—139) (рис. 1, 89, 90). В 1949 г. была обнаружена Усть-Юрюзанская стоянка (Крижевская, 1960, стр. 239) (рис. 1, 5). В 1956 г. автору и Л. Я. Крижевской удалось выявить еще три стоянки (рис. 1, 1, 6, 7) у северо-восточных границ республики (Матюшин, 1959, стр. 17—28). В это же время О. Н. Бадер исследовал две стоянки в устье р. Белой (рис. 1, 8, 9) (Бадер, 1959, стр. 112—115). В 1959—1961 гг. количество мезолитических и неолитических памятников значительно увеличилось. В эти годы автором открыты впервые на Южном Урале стоянки мезолитического типа (рис. 1, 2, 3, 72—74, 76) (Матюшин, 1962а, стр. 58—65). Экспедиции под руководством К. В. Сальникова удалось найти стоянку мезолитического облика в Кушнаренковском районе БАССР (рис. 1, 4).

Ряд пунктов мезолитического и неолитического облика был выявлен В. Л. Яхимович (рис. 1, 91), А. П. Шокуровым (рис. 1, 11, 12, 63—67, 69—71, 82—88) и О. Н. Бадером (рис. 1, 68).

В 1961 г. автором исследованы две стоянки неолитического типа в горных районах (рис. 1, 12, 13) и 43 стоянки с большим количеством кремневого инвентаря в Зауралье (рис. 1, 20—62).

Один пункт находок кремневого инвентаря открыт в 1962 г. Г. И. Матвеевой около г. Давлеканово на р. Деме (рис. 1, 15).

Сейчас уже можно в предварительном плане высказать ряд соображений о характере мезолитических и неолитических культур Башкирии.

В западных районах Башкирии, в бассейне р. Белой и ее притоков обнаружено более десяти пунктов с микролитическим инвентарем без керамики. Часть их (стоянки Романовка II, Романовка III, Ильмурузино и Черкасово) в 1958—1961 гг. подвергалась рас-

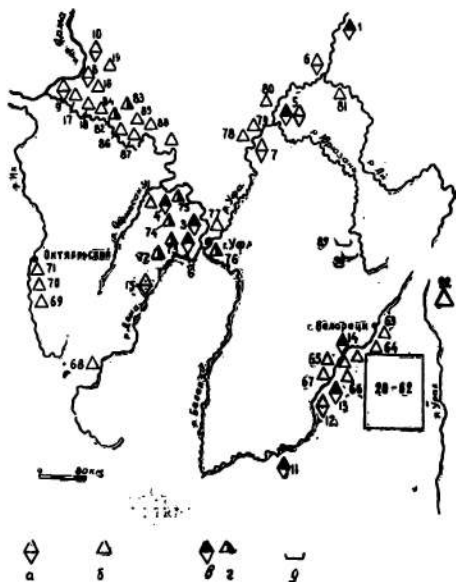

Рис. 1. Карта расположения памятников мезолита и неолита в Башкирии.

а, б — стоянки; б, з — местонахождения; д — погребения; а, б — неолит; я, з — мезолит.

1 — Черкесово; 2 — Романовка II; 3 — Романовка III; 4 — Ильмураино; 5 — Усть-Юрюзанская; 6 — Усть-Айская; 7 — Айаоская; 8 — Сауз I; 9 — Сауз II; 10 — Сауз III; 11 — Акбута; 12 — Бельская I; 13 — Кага I; 14 — Азопкино; 15 — Давлеканово; 16 — Куртурган-Ерганик; 17 — Саулово IV; 18 — Саулово V; 19 — Саулово VI; 20 — Улялы I; 21 — Улялы II; 22 — Улялы III; 23 — Улялы IV; 24 — Карабалыкты I; 25 — Карабалыкты II; 26 — Карабалыкты III; 27 — Карабалыкты IV; 28 — Карабалыкты V; 29 — Карабалыкты VI; 30 — Карабалыкты VII; 31 — Карабалыкты VIII; 32 — Карабалыкты IX; 33 — Карабалыкты X; 33a — Карабалыкты XI; 34 — Карабалыкты XII; 35 — Сабакты I; 36 — Сабакты II; 37 — Сабакты III; 38 — Сабакты IV; 38a — Сабакты V; 39 — Сабакты VI; 39a — Сабакты VII; 40 — Сабакты VIII; 41 — Банное I; 42 — Банное II; 43 — Банное III; 44 — Банное IV; 45 — Банное V; 46 — Банное VI; 47 — Суртанлы I; 48 — Суртанлы II; 49 — Суртанлы III; 50 — Суртанлы IV; 51 — Суртанлы V; 52 — Суртанлы VI; 53 — Суртанлы VII; 54 — Суртанлы VIII; 55 — Суртанлы IX; 56 — Суртанлы X; 57 — Чебаркуль I; 58 — Чебаркуль II; 59 — Чебаркуль III; 60 — Чебаркуль IV; 61 — Чебаркуль V; 62 — Чебаркуль VI; 63 — Ломовка; 64 — Азнакино; 65 — Кага II; 66 — Узинская; 67 — Бельская II; 68 — Демская; 69 — Абулово; 70 — Москва; 71 — Какры-Бан; 72 — Романовка VIII; 73 — Миловка I; 74 — Миловка II; 75 — Кумлекусло; 76 — Дузино; 77 — Турбаслы; 78 — Барайлык; 79 — Ясынтюво; 80 — Усть-Байки; 81 — Метелай; 82 — Старо-Мушта I; 83 — Старо-Кайнлык; 84 — Ковь I; 85 — Ковь II; 86 — Лакчентаво; 87 — Байки-Тай; 88 — Бурилош; 89 — Старичный Камень; 90 — Бурановка; 91 — Матвеевка; 92 — группа местонахождений на озерах М. Учам и Карагайлы.

копкам автором. Все они сохранили культурный слой, насыщенный микролитическим материалом. Аналогичный инвентарь был найден в пунктах Миловка I, Миловка II, Дудкино II, Романовка VIII и Кага автором и в пунктах Старо-Мушта и Старо-Кайнлык — А. П. Шокуровым.

Стратиграфия и инвентарь исследованных памятников весьма сходны. Сверху под дерном на памятниках Романовка II, Романовка III и Ильмураино залегает гумус мощностью около 0,5 м с материалами раннего средневековья (Романовка II, III) или почти без находок (Ильмураино), ниже гумуса до глубины около 1 м идет слой красно-бурого суглинка с большим количеством микролитических материалов, еще ниже — слой красноватого суглинка с 10-процентным содержанием песка. В верхних горизонтах его до

глубины 1,5 м концентрируются более грубые сильно патинизированные изделия из камня. В основании террасы лежат голубовато-серые суглинки (Ильмураино).

Большая часть находок нижнего культурного горизонта состоит из бесформенных обломков и кусков кремня. Часть их является нуклеусами аморфного типа, другую часть составляют массивные короткие пластины (рис. 2, 25, 34), краевые сколы и пластины неправильного очертания, встречаются пластины с притупленным краем, резцы, долотовидные орудия, острия-сверла (рис. 2, 37) и другие изделия.

Микролитические материалы представлены в основном ножевидными пластинками и изделиями из них. Концентрируются они, как правило, в верхних горизонтах краснобурого суглинка. Между слоем с более архаичными изделиями и слоем с микролитическими материалами стерильных прослоек не замечено.

Орудия микролитического горизонта содержат наконечники стрел на ножевидных пластинках (рис. 2, 1—5), микрорезцы на углу и на середине сломанной пластинки (рис. 2, 10, 15, 17, 18, 29), пластины со скошенным краем (рис. 2, 6, 12, 14), вкладыши (рис. 2, 7, 13, 16, 28, 30—33), пластины с выемками (рис. 2, 19—23), пластины с притупленным краем (рис. 2, 24), небольшие концевые скребки (рис. 2, 25—27) и другие изделия, характерные для мезолитических памятников Восточной Европы (Воеводский, 1950, стр. 101, 109).

Наконечники стрел на ножевидных пластинах в количестве 5—6 экземпляров встречены при раскопках стоянки Ильмураино (рис. 2, 1—2), Романовка II, Старо-Мушта, Старо-Каинлыково и Кага I (рис. 2, 3—5). Небольшие пластинки со скошенным краем (рис. 2, 12, 14) также, возможно, служили для этой цели. Аналогичные башкирским наконечники характерны для мезолитических памятников Верхней Волги (Воеводский, 1950, стр. 33), они встречаются также в стоянках Средней Волги и Нижнего Прикамья (Халиков, 1960, табл. IV) и дальше к западу в памятниках мазовшанского типа в Белоруссии и Польше. Асимметричные наконечники с боковой выемкой кельтиминарского типа, приготовленные также на ножевидных пластинках, в башкирском Предуралье не найдены. Они встречаются только в поселениях более позднего типа (Усть-Юрюзанское). Наконечники стрел стоянок с микролитическим инвентарем Башкирии не имеют боковых выемок и отретушированы либо с черешка, либо с острия, с небольшой подработкой черешка. При этом ретушь имеет противоположащее расположение: черешок отретуширован с брюшка, острие — со спинки. Такое расположение характерно для многих мезолитических памятников Европы и Африки.

Ретушь на наконечниках также типично микролитическая, крутая, с фасетками вдоль самого края.

Материалы мезолитического стоянок Башкирии отличаются чистотой комплексов. В памятниках Романовка II, Романовка III, Ильмураино, Милловка I, Милловка II, Дудкино II и других ни разу не встречено ни одного орудия неолитического типа и керамики, допускающих датировку памятников более поздним временем. Все это позволяет отнести стоянки с микролитическим инвентарем башкирского Предуралья к мезолиту. Это предположение подтверждается и сравнением соотношения ножевидных пластин и отщепов (см. таблицу).

Хотя таблица составлена по предварительным данным, так как исследование многих памятников еще не закончено, но уже сейчас обращает на себя внимание резкое преобладание ножевидных пластин в сравнении с отщепами на стоянках без керамики. Во всех стоянках с микролитическим инвентарем в Предуралье ножевидные пластины составляют более 50% от общего числа пластин и отщепов, а в большинстве памятников их доля превышает 80%.

В неолитический же памятниках Башкирии количество ножевидных пластин резко падает и нигде не превышает 15% от общей суммы. Одновременно в этих памятниках резко возрастает доля отщепов. Резкое преобладание ножевидных пластин в мезолите объясняется развитой вкладышевой техникой и имсет многочисленные аналогии в памятниках Прикамья (Бадер, 1951а, 1960), Поволжья (Воеводский, 1950) и бассейна р. Вычегды

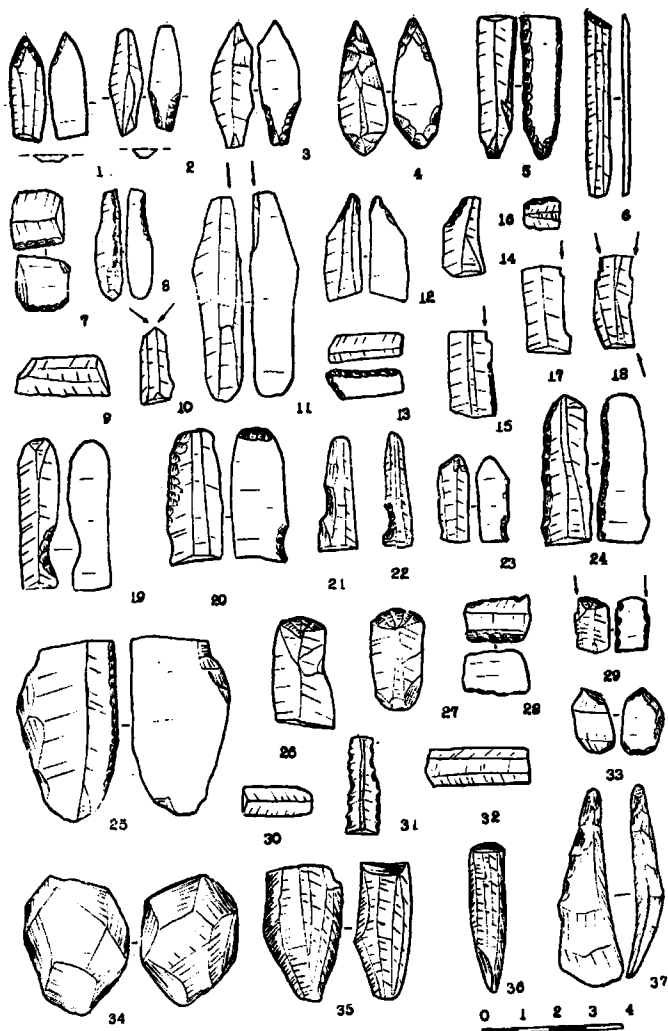

Рис. 2. Кремневые изделия мезолитических стоянок Башкирского Предуралья:

12, 20, 23, 34 — Ильмураново; 3 — Старо-Канчалково; 4 — Старо-Мешта; 5, 19 — Кара; 6, 7, 9, 10, 14, 21, 22, 24, 26—29, 31—33, 35, 37 — Романовка II; 8, 11, 30, 36 — Черкесово; 17 — Миловка II; 23 — Романовка VIII.

Таблица

Соотношение ножевидных пластин и отщепов в мезолитических и неолитических памятниках Башкирии

Стоянки	Ножевидные пластины, %	Отщепы, %	Керамика
Романовка III	58	42	—
Старо-Каинлыково	62	38	—
Старо-Мушта	75	15	—
Кага (микрол. комплекс)	87,5	12,5	—
Ильмурино	75	25	—
Романовка II	88	12	—
Черкасово	90	10	—
Кага (весь комплекс)	14	86	+
Усть-Айское	14	86	+
Бельское	14,1	85,9	+
Айдосское	9,1	90,6	+
Усть-Юрзянское	15,6	84,4	+

(Буров, 1961). Основную массу ножевидных пластин мезолитических памятников Предуралья составляют небольшие пластинки, характеризующиеся тонкостью и узостью; ширина их в большинстве случаев составляет всего 7—8 мм и не превышает 1,5 см при длине до 2 см. Эти преднамеренно поделенные прямоугольные пластинки правильного очертания, по всей вероятности, служили вкладышами. Встречаются и типичные вкладыши с обработкой. Часть их оформлена по одному из краев притупляющей ретушью. Второй, наружный, край пластинок покрыт тонкой приостряющей ретушью (рис. 2, 7, 13, 16, 28, 31, 33). Один или оба конца некоторых вкладышей срезаны под прямым углом притупляющей ретушью и слегка закруглены. Другие пластины имеют ретушь только по одному краю, второй оставлен без обработки (рис. 2, 9, 30, 32). В большинстве случаев ретушь нанесена со стороны брюшка. Аналогичные пластины-вкладыши найдены на стоянке Елин Бор (Воеводский, 1950). Вкладыши из разрубленных пластинок в виде прямоугольников встречаются в мезолитических памятниках Крыма (Крайнов, 1960, стр. 22, 146).

В неолитических памятниках Южного Урала вкладыши отсутствуют и, как правило, изменяются размеры ножевидных пластин. Если в мезолитических памятниках ножевидные пластины редко превышают ширину 0,6—0,7 см при длине 2—3 см, то в неолитических поселениях они более широки и имеют длину от 2 до 7 и от 7 до 11 см.

Изменяется и характер отщепов. В инвентаре мезолитических стоянок Предуралья отсутствуют крупные отщепы, их размеры не превышают 2—4 см в диаметре. В инвентаре неолитических памятников значительную часть занимают крупные отщепы 10—12 см высоты и 12—16 см ширины. Все это говорит об изменении в технике производства каменных орудий. Изменяется и назначение ножевидных пластин. Если в мезолитических памятниках почти все орудия изготовлены из ножевидных пластин, то в неолите из пластин сделаны ножи, скребки, притом доля этих орудий весьма незначительна. Например, среди 20 495 изделий Усть-Юрзянской мастерской найдено 15 резцов и 3 наконечника стрел на ножевидных пластинках. Доля изделий из ножевидных пластин в этом памятнике составляет (включая концевые скребки и ножи) всего 0,95% от всего количества кремневых изделий. Два из трех наконечников, найденных при исследовании Усть-Юрзянского поселения — кельтиминарского, т. е. более позднего типа, чем наконечники в стоянках Ильмурино, Романовка II, Старо-Мушта и др.

Таким образом, подводя итоги характеристике кремневого инвентаря мезолитических памятников башкирского Предуралья, можно заметить, что все рассматриваемые памятники объединяются сходством микролитического инвентаря и относятся к единой культурной группе.

Предварительную датировку памятникам можно дать исходя из анализа кремневого инвентаря и их расположения. Все мезолитические памятники башкирского Предуралья расположены, как правило, на третьих, по В. Л. Яхимович, террасах (Яхимович, 1958, стр. 6—7), сложенных красно-бурыми суглинками четвертого осадочного комплекса. Образование этой террасы В. Л. Яхимович относит к первой максимальной фазе вюрмского оледенения (Яхимович, 1958, стр. 20—21, 163—164).

В районе расположения памятников Романовка II, III четко выражены все основные речные террасы. Мезолитические памятники расположены здесь на наиболее удаленных от современного берега самых высоких третьих пятнадцатиметровых террасах, а последние эпохи бронзы занимают более низкие террасы. Указанные условия расположения мезолитических стоянок могут служить одним из доводов в пользу значительной древности этих памятников. В. Л. Яхимович, обследовавшая памятники летом 1961 г., пришла к выводу, что нижний слой этих памятников можно датировать еще плейстоценовым временем.

К неолитическим памятникам Южного Предуралья относятся Усть-Айское и Айдосское поселения в бассейне р. Уфы, стоянки Кага и Бельская в верховьях р. Белой, стоянки Саузово I и II в низовьях реки и некоторые другие памятники.

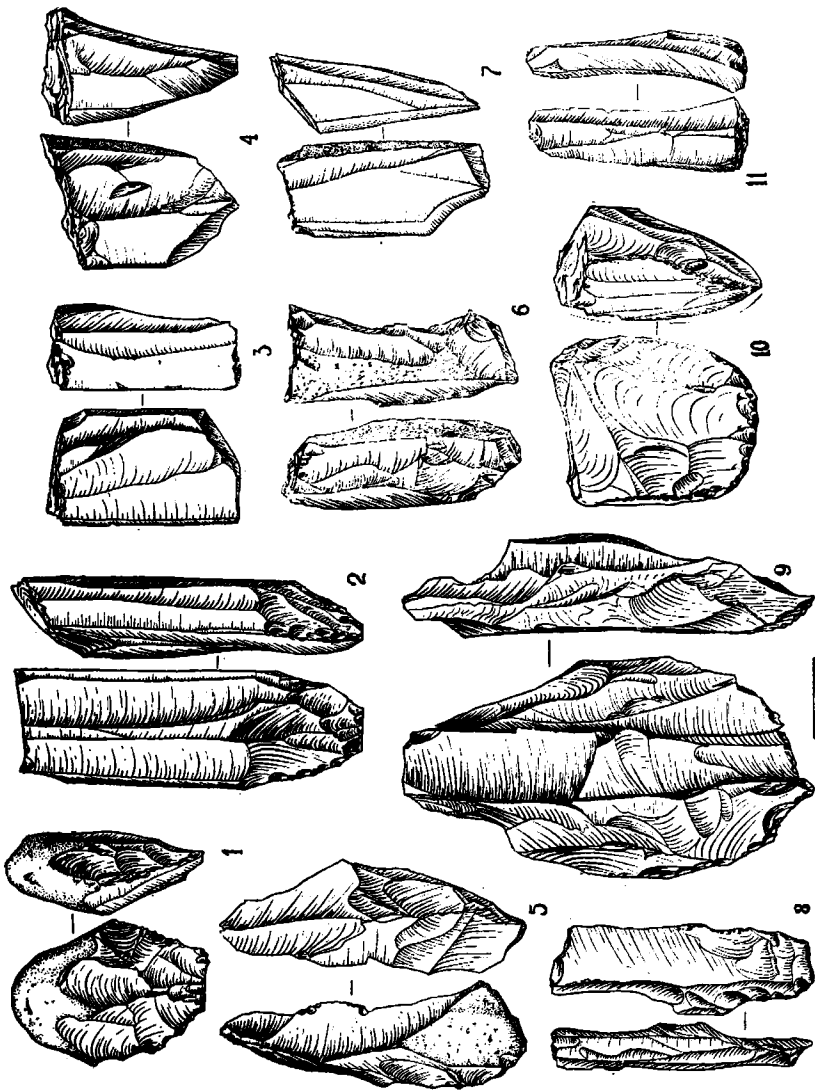
К этому же времени, очевидно, относятся памятники, выявленные В. Л. Яхимович в западных районах Башкирии (рис. 1, 91), стоянки Сауз III—VII и другие, выявленные О. Н. Бадером (рис. 1, 10, 16—19), пункты, выявленные А. П. Шокуровым по берегам р. Белой (рис. 1, 11, 63—67, 84—88) и Ика (рис. 1, 69—71), и керамика, обнаруженная Н. А. Мажитовым при раскопках Турбалинского селища (рис. 1, 77).

Расположение и стратиграфия неолитических поселений отличается от мезолитических. Они расположены уже не на третьих, а на вторых и первых 3—8-метровых террасах р. Белой и ее притоков. Стоянки более раннего периода (Усть-Юрюзанская, Айдосская и др.) располагаются обычно на вторых террасах высотой до 10 м. Стоянки поздне-неолитического времени располагаются еще ниже. Например, стоянки Кага, Бельская в верховьях р. Белой и Саузово I и Саузово II — в устье р. Белой расположены всего на 3—4- и 7—8-метровых террасах. Различаются также стратиграфия и инвентарь этих памятников. В стоянках более раннего этапа неолитические материалы концентрируются в нижних горизонтах гумуса и в подстилающем его смешанном слое. Поздне-неолитические материалы залегают обычно в нижних горизонтах гумуса (Усть-Айская, Чебаркуль II).

Инвентарь неолитических памятников отличается от инвентаря мезолитических стоянок более сложной двусторонней обработкой камня, наличием разнообразных орудий для обработки дерева (топоров, тесел, долот и т. п.), наличием керамики, которая полностью отсутствует в мезолите. В стоянках более раннего этапа периодически встречаются единичные изделия из нежевидных пластин, что говорит о их связи с мезолитическими поселениями. В поздне-неолитических поселениях изделия из нежевидных пластин уже исчезают, полностью господствует техника двусторонней обработки орудий.

В горной Башкирии интересны стоянки Кага и Бельская (Матюшин, 1962а). На стоянке Кага встречена поздне-неолитическая керамика двух различных культур: с одной стороны, типично зауральская керамика со струйчатым орнаментом, а с другой — гребенчатая прикамского типа. В инвентаре Бельского поселения найдена в нижнем слое только керамика прикамского типа с зигзагообразным гребенчатым орнаментом, относящаяся к концу неолита. Она может быть датирована по аналогии с керамикой Хуторской неолитической стоянки (Денисов, 1960, стр. 68) концом III тысячелетия до н. э.

Таким образом, в поздне-неолитических стоянках горной Башкирии встречается керамика как зауральского, так и предуральского типа. Преобладает керамика прикамского типа. Вместе с тем в эпоху позднего неолита распространилось зауральское влияние, вероятно, до бассейна р. Уфы, где в инвентаре Усть-Айского поселения также встречается керамика и прикамского, и зауральского типа.

Территория башкирского Зауралья до сих пор мало изучена в археологическом отношении. Памятники каменного века не были здесь известны до 1961 г., когда автором на берегах озер Баймакского района было открыто 43 местонахождения кремневого инвентаря. Керамики на большинстве памятников не обнаружено. Все эти пункты, как и большинство ранее известных в Зауралье памятников (Сальников, 1961; Кипарисова, 1960), располагаются по берегам озер, в небольших ложбинах, на окаймленных скалистыми грядами невысоких (2—6 м) площадках. Находки здесь в большинстве случаев залегают в сравнительно тонком слое гумуса и под ним, прямо на скальном основании террас. Часто там, где почвенный покров отсутствует, они лежат прямо на поверхности.

Среди изделий из камня на вновь открытых памятниках каменного века в Зауралье в большом количестве встречаются нуклеусы крупных размеров. Часть нуклеусов раннего облика — со скошенной площадкой и двухплощадочные (рис. 3). Обнаружено значительное количество крупных рубилообразных орудий (см. рис. 3), скребел и острый и других изделий макролитического характера, имеющих некоторое сходство с макролитическими изделиями мастерской каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом (Раушенбах, 1961). Инвентарь некоторых памятников содержит и микролитические изделия. Небольшие конические нуклеусы, преднамеренно поделенные пластинки с ретушью, пластинки с выемками, микроскребки, микрорезцы, пластинки со скошенным краем, остря, пластинки со струганной спинкой и другие изделия мезолитического облика (рис. 4). Однако преобладают макролитические материалы. Найдены на некоторых памятниках и орудия, обработанные типичной для неолита двусторонней техникой оббивки (рис. 5). Возможно, часть памятников служила временными поселениями рыбаков. Другая часть является кремнеобрабатывающими мастерскими. Об этом свидетельствует концентрация очень большого количества отщепов и изделий из кремня на небольшой площади (Карабалыкты V). Сосредоточение такого большого количества поселений каменного века на ограниченной территории может говорить о одновременности этих памятников.

Памятники мезолитического облика в башкирском Предуралье сходны с аналогичными памятниками Волго-Камья. Своеобразием микролитического мезолита башкирского Предуралья является наличие наконечников стрел на ножовидных пластинках в сочетании с микрорезцами, микроскребками, пластинами со скошенным краем, с притупленным краем, пластинками с выемками с одной стороны и другими подобными материалами. Стратиграфически выделяется и более ранний этап, характеризующийся плоскими дисковидными нуклеусами, более широкими пластинами и другими изделиями.

Микролитическая техника, господствующая в мезолите, пережиточно сохраняется и в неолитических памятниках Предуралья более раннего этапа (Усть-Юрзанская, Усть-Айская). Вместе с тем микролитические изделия неолитических памятников Предуралья несут на себе элементы южного влияния (кельтимингарские наконечники стрел). Керамика неолитических памятников Предуралья в большинстве камского типа с гребенчатым орнаментом.

Хотя памятники башкирского Зауралья еще не подвергались систематическим раскопкам, уже сейчас можно отметить их различие с памятниками Предуралья. В то время как на всех мезолитических и неолитических памятниках Предуралья орудия изготовлялись из светлого известкового кремня сравнительно низкого качества, изделия в Зауральских памятниках делались из высококачественного черного, зеленого с красной коркой кремня, яшм и серпентинита. Изделия из такого материала очень редко встречаются в неолитических памятниках, они широко распространяются только в эпоху развитой бронзы. Например, почти все изделия стоянок типа Курман-Тау, Затонской стоянки (Збруева, 1962) и других памятников эпохи бронзы изготовлены из зауральского кремня.

Интересно отметить, что Затонская стоянка расположена почти рядом (3—5 км) с памятниками мезолитического облика Романовка II, III, но кремьен на этих стоянках резко различен. Изделия из зауральского кремня широко распространены в эпоху неолита.

Рис. 4. Каменные орудия стоянок башкирского Зауралья:

1—3, 10, 12, 13, 36 — Карабалакты II; 4, 7, 33, 38, 43 — Карабалакты I; 5, 24 — Карабалакты VIII; 7, 16 — Карабалакты X; 8 — Башное IV; 15, 21 — Чебаркуль III; 17 — Чебаркуль VI; 18, 19 — Сабакты III; 9, 20—23, 41, 48 — Чебаркуль I; 25 — Суртанам III; 26 — Башное III; 27, 34 — Суртанам I; 28 — Суртанам II; 29 — Чебаркуль V; 30 — Суртанам IX; 35 — Суртанам VII; 35 — Сабакты VI; 37 — Сабакты IV.

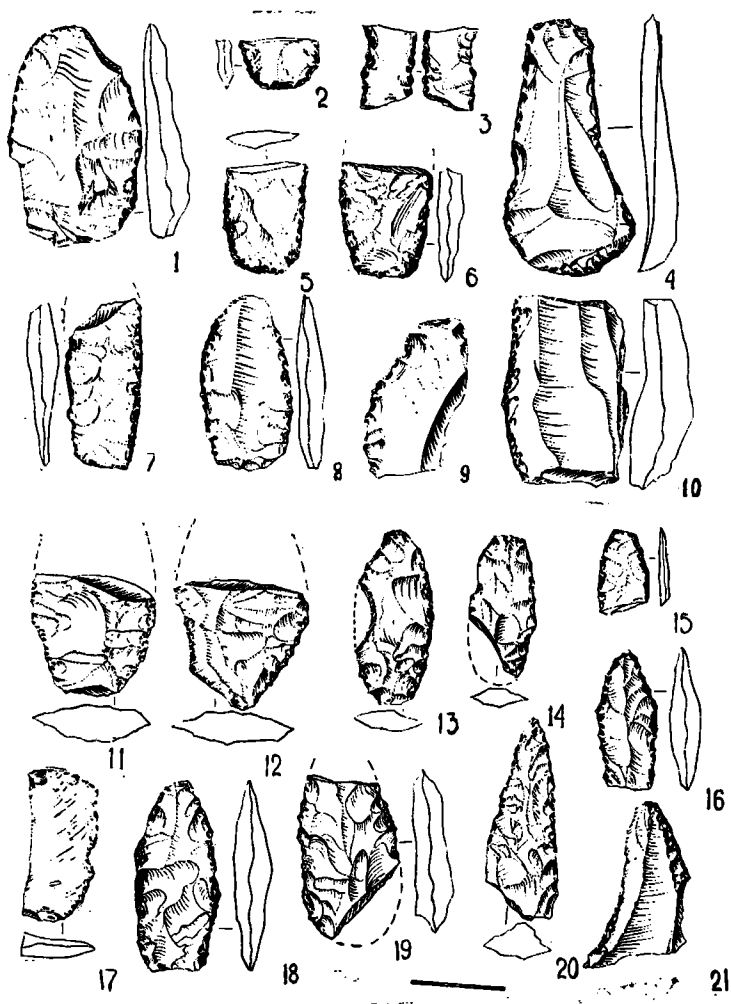

Рис. 5. Каменные орудия стоянок башкирского Зауралья:

1 — Суртанам I; 2, 4, 16, 18, 19, 21 — Сабакты III; 3, 6, 9 — Суртанам III; 5, 14, 16 — Сабакты IV;
 7, 8 — Суртанам VIII; 10 — Карабалакты X; 11 — Сабакты II; 12 — Сабакты I; 13 — Сабакты VI; 17 — Карабалакты V;
 20 — Бавное V.

лита к востоку от Урала в памятниках Андреевского озера (В. Н. Чернецов), на стоянке Усть-Нарым (С. С. Черников) и в памятниках Казахстана.

Указанные черты сходства могут свидетельствовать о широких связях населения башкирского Зауралья с населением Приобья, Прииртышья и Казахстана. Роднит их и характер изделий из кремня, облик орудий и т. п.

Таким образом, на территории Башкирии можно различить два района примерно одновременных памятников каменного века — поселения мезолитического и неолитического типа Предуралья и стоянки с кремневым инвентарем Зауралья. Предуральские памятники имеют большое сходство с памятниками Волго-Камья, зауральские — с памятниками Западной Сибири и Казахстана. Связь населения Предуралья с населением Волго-Камья в эпоху мезолита и неолита может быть легко объяснена тем обстоятельством, что все эти памятники располагаются по берегам р. Волги, Камы и ее притоков — Белой и Уфы и, таким образом, связаны единой водной системой. Памятники башкирского Зауралья отделены от предуральских памятников горными хребтами Южного Урала. В то же время эти памятники связаны широкой сетью озер, тянувшихся от Урала далеко к востоку, с памятниками Западной Сибири и Казахстана. Широкие связи между Предуральем и Зауральем устанавливаются только в эпоху бронзового века, что может быть объяснено развитием скотоводства.

А. Х. ХАЛИКОВ

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЗОЛИТА, НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В
СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ**

В 1950—1960 гг. благодаря интенсивным археологическим исследованиям, проведенным силами различных научных и культурных учреждений¹, в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье было реконструировано обследовано все побережье р. Камы (от устья до р. Белой) и р. Волги (от г. Ульяновска до г. Горького), где обнаружено значительное число археологических памятников от эпохи палеолита до позднего средневековья. В результате накоплен большой материал, изучение которого позволяет по-новому подойти к некоторым проблемам древней и средневековой истории края. Не пытаясь в этой небольшой статье осветить весь этот материал, постараемся остановиться на отдельных наиболее интересных, на наш взгляд, вопросах, связанных с проблемами мезолита, неолита и бронзы, а также с происхождением ананьинской культуры.

Одним из выдающихся достижений последних лет явилось обнаружение в Среднем Поволжье памятников мезолитической поры — Яндашевской стоянки в Чувашской АССР, II Русско-Луговской — в Марийской АССР, Кабы-Копрынской — в Татарской АССР и Черно-Мазинской — в Горьковской области. Почти все они относятся к заключительной фазе рассматриваемой эпохи и представляют остатки поселков оседлого населения, о чем свидетельствуют изученные на II Русско-Луговской (Халиков, 1960) и Кабы-Копрынской (Халиков, 1962) стоянках следы больших жилищ полуземляночного типа. При анализе вещевого материала средневожжских стоянок приходится констатировать различие в инвентаре западных (Яндашево, Черная Маза) и восточных (II Русско-Луговская, Кабы-Копры) памятников.

Кремневый материал Яндашевской стоянки содержит ряд орудий (наконечники и острия на пластинках, вкладыши со срезанным краем), чрезвычайно близких к орудиям стоянок Волго-Окской области типа Борков и Елиного Бора, тогда как II Русско-Лугов-

¹ Нижняя Кама и бассейн р. Вятки обследовались экспедициями ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова, Удмуртского НИИ под руководством В. Ф. Геннига; р. Волга—Куйбышевской, Татарской, Марийской, Чувашской и Горьковской археологическими экспедициями под руководством А. П. Смирнова, Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова.

ская и Кабы-Копрынская стоянки близки к таким камским памятникам, как Нижнеадишевская (Бадер, 1951а, стр. 10—12) или Заозерская (Бадер, 1956, стр. 20, 30—31) стоянки. Таким образом, можно полагать, что в эпоху мезолита районы Марийско-Чувашского Поволжья являлись пограничной областью между двумя крупными культурными группами мезолита Восточной Европы — волго-окской на западе и камско-уральской на востоке.

Значительный интерес для археологии Волго-Камья представляют памятники переходной от мезолита к неолиту поры (верхний слой II Русско-Луговской стоянки и Кабы-Копрынская стоянка), которые наряду с мезолитическим инвентарем содержали и крупные орудия с двусторонней обработкой и следами шлифовки при полном отсутствии керамического материала. При их изучении также можно наблюдать продолжающееся разделение Волго-Камья на две зоны — западную, тяготеющую к волго-окскому кругу, и восточную со специфичным инвентарем. В то же время в средневожских стоянках чувствуется своеобразие, свойственное для позднемезолитических памятников днепровско-донского среднерусского междуречья, что позволяет говорить об определенной культурной, а возможно, и этнической общности населения позднего мезолита и раннего неолита на территории левобережья Днепра, Среднего Дона, Средней Волги и Прикамья. Эта общность, по-видимому, продолжает сохраняться и в эпоху неолита, когда на этой же территории распространяются памятники с гребенчатой орнаментацией (гребенчато-накольчатая на Днепре-Дону, гребенчато-ямочная на Средней Волге, гребенчатая на Каме и гребенчато-струйчатая на Урале).

В последнее время увеличилось число неолитических стоянок Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, впервые открытых в 50-е годы XX в. (Халиков, 1958). На основании новых материалов можно уточнить культурные черты неолитических памятников различных областей (рис. 1). На Нижней Каме, а также по р. Волге от Казани на севере и до Жигулей на юге, судя по таким стоянкам, как Обсерватория III (Халиков, 1958, стр. 11—16), Н. Мордово¹, Гулькинская (Збруева, 1960, стр. 53) и другие, располагалось население, материальная культура которого, с одной стороны, была близка к культуре таких камских стоянок, как Боровое озеро I (Бадер, 1951а) и Хуторская (Денисов, 1960), а с другой — имела черты (орнаментация отступающей лопаточкой, наколом и перевитым шнуром), свойственные для гребенчато-накольчатой керамики Днепро-Деснинского района (Телегин, 1957).

Работами Марийской и Горьковской археологических экспедиций по р. Волге между Казанью и Горьким удалось установить, что вся западная часть Средней Волги в эпоху неолита была занята населением, культура которого также имела двойственный характер, благодаря влиянию с запада балахнинской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, а с востока — нижекамской с гребенчатой орнаментацией.

Неолитическая керамика западной части Среднего Поволжья по форме (полуяйцевидная с острым или приостренным дном) близка к балахнинской, а по орнаментации (гребенчато-ямочная при преобладании орнамента из гребенчатых оттисков над ямочными узорами) занимает промежуточное положение между балахнинской и камской культурами. Такого типа орнаментация в первой половине III тысячелетия до н. э. распространяется и в прикамских стоянках, что приводит к возникновению ряда поселков (Займище III а, Ст. Мазиково II и III, «Жареный бугор» и т. д.), содержащих керамику со смешанными чертами.

Общность хозяйства (охотничье-рыболовецкое) и общественных отношений (матрилокальная родовая организация) этих двух различных культурных объединений обусловили создание однотипных поселений и жилых сооружений на них. В 1961 г. на В. Удельно-Шумецкой стоянке было раскопано длинное жилище полуземляночного типа, по форме и размерам близкое к жилищу, изученному на Хуторской стоянке.

¹ Работы Татарской археологической экспедиции 1961 г.

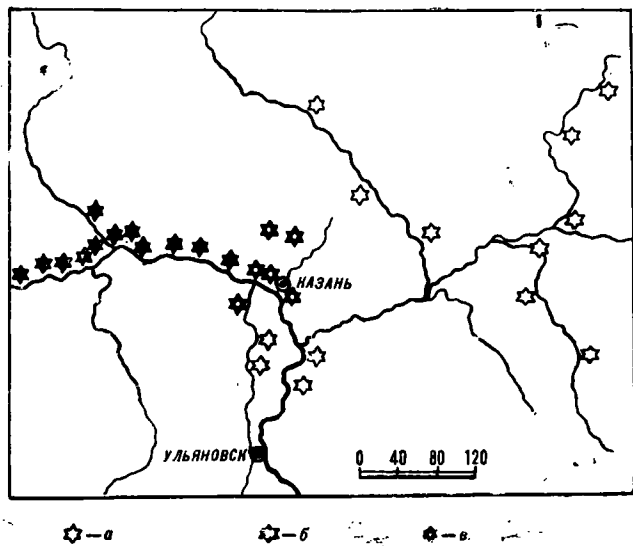

Рис. 1. Карта неолитических памятников:

а — стоянка с гребенчатой керамикой; *б* — стоянка с гребенчато-ямочной керамикой; *в* — стоянка со смешанной керамикой.

Относительно спокойная картина развития резко изменяется в эпоху энеолита и бронзы в связи с проникновением в край инокультурных этнических объединений.

В начале II тысячелетия до н. э. на широкой территории Волго-Камья происходит распространение населения, материальная культура которого известна под именем волосовской (рис. 2).

В последние годы стоянки волосовской культуры открыты как на Волге (Гулькинская, Сумская, Займищенская, Антновская, Сюкеевская, М. Кокузинская), так и на Нижней Каме (Лебединская, Вандовская, Игимская). Волосовской культуре на Верхней и Средней Каме соответствует турбинская культура (Бадер, 1961б, стр. 267).

Ряд авторов (Третьяков, 1961; Бадер, 1961б, стр. 267—268; Халиков, 1962а, стр. 257) склонны видеть в волосовских и близких им по культуре племенах эпохи раннего металла предков финно-угорских народов, распространенных на обширной территории от бассейна р. Томи на востоке до Балтики на западе.

П. Н. Третьяков и О. Н. Бадер рассматривают появление племен волосовского типа на территории, расположенной западнее Прикамья, как результат движения камско-уральских племен. Однако пока нет достаточно обоснованных материалов для такого суждения. Нам кажется, что движение волосовских и близких им племен происходило с востока на запад, а с юга на север (Халиков, 1960, стр. 71) и преимущественно в районы (кроме Волго-Окского бассейна), где в предыдущее неолитическое время обитало население, в культуре которого определяющим являлась керамика, украшенная гребенчатым орнаментом.

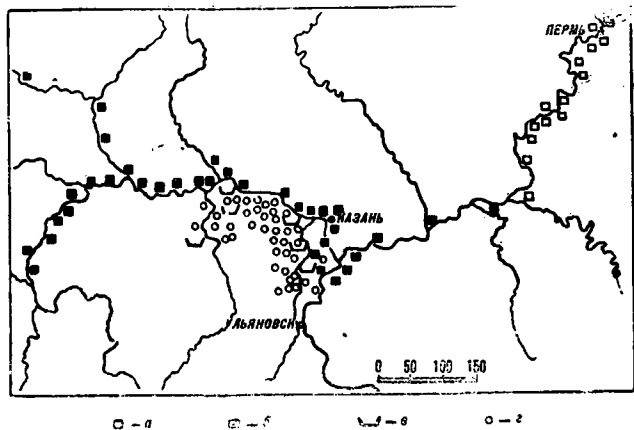

Рис. 2. Карта памятников первой половины II тысячелетия до н. э.

а — поселения турбинско-ока культуры; б — поселения волосовской культуры; в — могильник балановской культуры; г — находки каменных топоров раннебалановского типа.

Если вопросы происхождения волосовской культуры до сих пор не уяснены, то вторая часть волосовской гипотезы становится более определенной и получает все новые и новые подтверждения. В эпоху бронзы на базе волосовских и близких им племен на обширной территории северной лесостепи Восточной Европы (рис. 3) формируются такие культурные группировки, как турбинская на Верхней и Средней Каме, приказанская на Нижней Каме и в Казанском Поволжье, чирковско-сейминская (Халиков, 1960, стр. 74 и далее) в западной части Среднего Поволжья, поздняя иминская на р. Оке.

Сложение всех этих групп, впоследствии активно участвовавших в финно-угорском этногенезе, сопровождалось интенсивным воздействием как местных, предшествовавших волосовским, так и пришлых племен, среди которых особое значение имели фатьяновско-балановские, абашевские и срубные племена. Не касаясь здесь вопросов происхождения, а также исторических судеб этих племен, следует отметить, что их участие в формировании культуры местного населения эпохи бронзы имело определенное значение, что выразилось не только в проникновении в край таких производящих отраслей хозяйства, как земледелие и скотоводство, но и в изменении в отдельных случаях этноса местного населения.

В настоящее время благодаря сплошным археологическим разведкам удалось определить границы распространения пришлых племен в пределах Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.

В первой половине и середине II тысячелетия до н. э. балановские и абашевские племена занимали в основном западные районы Среднего Поволжья (см. рис. 2 и 3). В связи с этим является спорным предложение О. Н. Бадера о продвижении балановцев по р. Каме вплоть до г. Сарапула (Бадер и Оборин, 1958, стр. 77—79). Основанием для такого суждения явилось так называемое «Верх-Савинское погребение» (Бадер, 1957), где, к сожалению, не было найдено ни одной достоверно балановской вещи, а также находки медных вислобушных топоров, которые О. Н. Бадер склонен рассматривать как

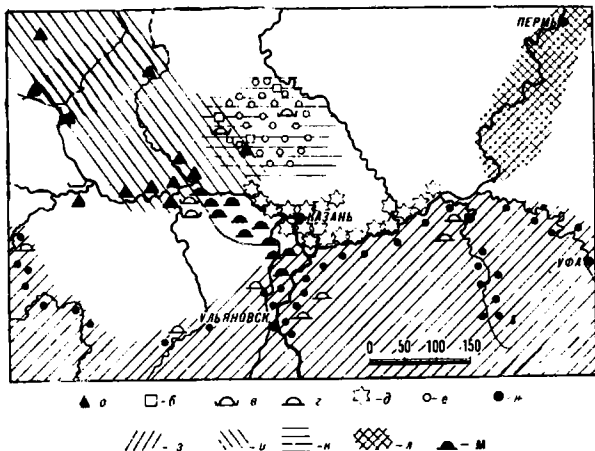

Рис. 3. Карта памятников середины II тысячелетия до н. э.:

а — поселение чирковско-сеймской культуры; б — поселение балабановской культуры; в — могильник балабановской культуры; г — могильник срубной культуры; д — поселение приказанской культуры; е — измененные топоры балабановского типа; ж — поселение срубной культуры; з — область срубной культуры; и — область чирковско-сеймской культуры; к — область балабановской культуры в долине; л — область турбинской культуры; м — могильник балабановской культуры.

балабановские предметы. Однако находки подобных орудий в абашевских древностях (см., например, Пепкинский курган) и их широкое распространение в других культурах эпохи бронзы (Тихонов, 1960, стр. 57 и след.) позволяют справедливо назвать эти топоры «абашевским», «камским» и т. п., но, отнюдь не балабановским типом.

Срубные племена в середине и второй половине II тысячелетия до н. э. интенсивно продвинулись на север и заняли почти весь левый берег Нижней Камы, о чем свидетельствуют могильники типа Полянского, Деуковского и Байсарского, а также многочисленные поселения.

Из местных племен эпохи бронзы, сформировавшихся на базе волосовских, наибольший интерес для древней истории Приуралья представляют приказанские племена.

Стоянки типа Займища III (Калинин и Халиков, 1954а, стр. 227—228; Халиков, 1960, стр. 156) наглядно показали процесс формирования приказанской культуры на волосовской основе. Подтверждением этому является продолжение в материальной культуре приказанского населения таких традиционных черт волосовской культуры, как соединенные друг с другом полуземляные жилища, специфичная примесь в глиняное тесто сосудов толченых раковин и других органических остатков, развитие формы кремневых орудий, особенно шлифованных желобчатых долот и тесел.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. приказанские племена испытывают сильное воздействие со стороны племен срубной культурной области, особенно усилившееся после выхода последних к левому берегу р. Камы на всем протяжении ее нижнего течения. Свидетельством такого дальнего проникновения срубных племен на север являются такие памятники, как Полянский и Маклашевский могильники на р. Волге, многочисленные поселения и Деуковский и Байсарский могильники по левому берегу р. Камы.

Но это воздействие не смогло изменить общего хода развития приказанской культуры и ее характерных черт, а лишь способствовало росту экономической основы, прежде всего металлургии и производящих отраслей хозяйства. И наоборот, удаленное от своих исходных центров наиболее северное срубное население в пограничных с приказанскими племенами районах в результате обратного воздействия начинает терять свои культурные особенности. Этот процесс, впервые отмеченный Н. Я. Мерпертом на памятниках срубной культуры в Ульяновском Поволжье (Мерперт, 1958), в последние годы получил прекрасное подтверждение на Нижней Каме.

В 1961 г. археологическая экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР провела раскопки двух курганов на III Маклашевском могильнике, в свое время исследованном А. В. Збруевой. Один из курганов был перекопанным, а второй содержал остатки 12 могильных ям, в том числе 8 под курганом, а 4 — введенные в насыпь. Все основные ямы содержали остатки детских захоронений, совершенных в скорченном положении в сопровождении двух-трех глиняных сосудов облого срубного облика. Таким образом, погребальный обряд и инвентарь не оставляют сомнения в принадлежности курганов срубной культуре. В то же время вводные погребения, содержавшие вытянутые костяки, ориентированные ногами к реке в сопровождении круглодонной глиняной посуды и набора металлических украшений, представляют собой обычные позднеприказанские захоронения типа погребений Маклашевки II и Луговских курганов. Кроме того, разведочными работами 1958—1959 гг. по левому берегу р. Камы было открыто большое количество поселений (Гулькинское, Степное, Лебединое, Березогривное, Шуранское, Каратаевское, Светлоключинское, Калмурзинское и др.), материал которых является также типично позднеприказанским. Следовательно, в конце II тысячелетия до н. э. приказанские племена переходят Каму и вытесняют, скорее ассимилируют, на ее левом берегу предшествующее срубное население.

Ранние этапы такой ассимиляции, по-видимому, начавшейся еще в последней четверти II тысячелетия до н. э., зафиксированы в материалах Деуковского могильника и Подгорно-Байларского поселения на р. Ик, изученных в 1958 г. На последнем были раскопаны остатки большого полуземляночного типа жилища прямоугольной формы и собрано значительное число фрагментов керамики, из которых удалось выделить 124 сосуда. По форме это баночные и горшковидные сосуды срубного облика, но по краю некоторых из них имеется специфичный для приказанской керамики бортик, а около 30% сосудов содержат в глине примеси толченых раковин. На могильнике, расположенном поблизости от поселения, не прослежено курганной насыпи, а скорченные костяки в неглубоких ямах были ориентированы ногами к реке.

Значение позднеприказанских памятников особенно велико в связи с проблемой происхождения ананьинской культуры. Пожалуй, нет ни одной археологической культуры Восточной Европы, вопросы происхождения которой вызвали бы столько споров и столько теорий, как вопросы происхождения ананьинской культуры.

К краткому анализу основных теорий по этому вопросу мне уже приходилось прибегать (Халиков, 1962, стр. 8—9). Здесь остановимся на рассмотрении памятников эпохи бронзы, выявленных на обширной территории последующего ананьинского расселения и относящихся к предананьинскому времени.

Как известно, территория классических памятников ананьинской культурной общности середины I тысячелетия до н. э. охватывает территорию всего Прикамья и часть Среднего Поволжья с такими крупными притоками, как Вятка, Ветлуга, Белая (рис. 4). Примерно по этим районам А. В. Збруевой было выделено несколько локальных групп (или вариантов) ананьинской культуры — пижнекамская, ветлужская, среднекамская, белская, к которым в последнее время можно причислить еще волжскую группу (Халиков, 1962).

Попытаемся в дальнейшем изложении рассмотреть, что же собой представляли указанные районы в предананьинский период, хронологически охватывающий время с XI по VIII вв. до н. э.

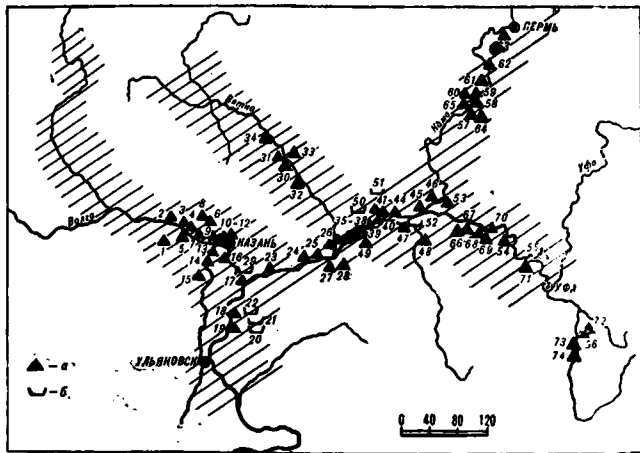

Рис. 4. Карта распространения поздних намятников приказанской культуры и примерный ареал территории ананьинской культурной общности (заштриховано): а — поселения; б — могильник

1 — II Янашевское; 2 — Копышское; 3 — Чун. Отарское; 4 — I М. Луговское; 5 — Криуши; 6 — Алексеевское; 7 — Горозище; 8 — Чедровское; 9 — Аляшкское; 10 — IV Обсерваторское; 11 — IV Займищенское; 12 — Казанское; 13 — Мезвельское; 14 — Состринское; 15 — Азидейское; 16 — Н Уселонское; 17 — Атабаевское; 18 — Стеннос; 19 — Гулькинское; 20 — I Малашевский; 21 — II Полянский; 22 — V Н. Мордовский; 23 — Именьковское; 24 — Красный Исток; 25 — Березовское; 26 — Грозинское; 27 — Каратаевское; 28 — Светло-Ключинское; 29 — Рождественский; 30 — Ново-Бурецкое; 31 — Старо-Бурецкое; 32 — Мамыжское; 33 — Аргуское; 34 — Ройский шихан; 35 — I Свиногоорское; 36 — II Свиногоорское; 37 — I Котловское; 38 — II Котловское; 39 — V Танаевское; 40 — IV Танаевское; 41 — Ананьинское; 42 — II Луговское; 43 — Отарское; 44 — Устьинское; 45 — Ныргинское; 46 — Выратинское; 47 — II Байларское; 48 — Самосквасовское; 49 — Калмузское; 50 — Луговское; 51 — Кумьинское; 52 — II Байларский; 53 — Сузловское; 54 — Бирское; 55 — Дуванское; 56 — Куш-Тай; 57 — II Бойновское; 58 — III Бойновское; 59 — III Старушка; 60 — Ерзовка; 61 — II Камский Бор; 62 — Забойное; 63 — Загорчум; 64 — Е.Лово; 65 — I Старушка; 66 — Матвеевка; 67 — Кушаренково; 68 — II Ахметово; 69 — I Ахметово; 70 — Кармасан; 71 — Кумлекул; 72 — Мизайловское; 73 — Курман-Тай; 74 — Касьинское.

В волжском районе по берегам р. Волги от Чебоксар до Ульяновска известно около 20 поселений и 4 могильника предананьинского времени, из которых наиболее изучены М. Луговская (Халиков, 1960, стр. 145—147), Криушинская (Трубникова, 1960), Казанская (Калинин, 1948), Атабаевская (Калинин и Халиков, 1954а) и Гулькинская (Збруева, 1960) стоянки, Рождественский (из раскопок В. Ф. Генинга), два Маклашевских (Збруева, 1948) могильника и погребение на Балынской стоянке (Калинин и Халиков, 1954а). Поселки в это время постепенно переносятся на высокие берега рек, на смену соединенным полуземляным жилищам появляются наземные изолированные дома. Для могильников характерны слабые курганные насыпи и положение умерших вытянуто на спине с преимущественной речной ориентацией. Наряду с одиночными, часто встречаются и коллективные погребения.

В поселках обычной находкой являются фрагменты круглодонных, редко плоскодонных сосудов, украшенных в верхней части орнаментом, где наиболее существенной чертой являются однорядно-ямочные вдавления по переходу от горла к тулову в сочетании с узорами из резных или мелкозубчатых линий (рис. 5, А, Б). По верхнему краю сосудов XI—X вв. до н. э. (рис. 5, А) имеется «воротничкообразный» надел, который на сосудах IX—VIII вв. превращается в плоский и широкий выступ или совсем исчезает (рис. 5, Б). В форме и орнаментации этой керамики отчетливо прослеживаются черты (чаще видные

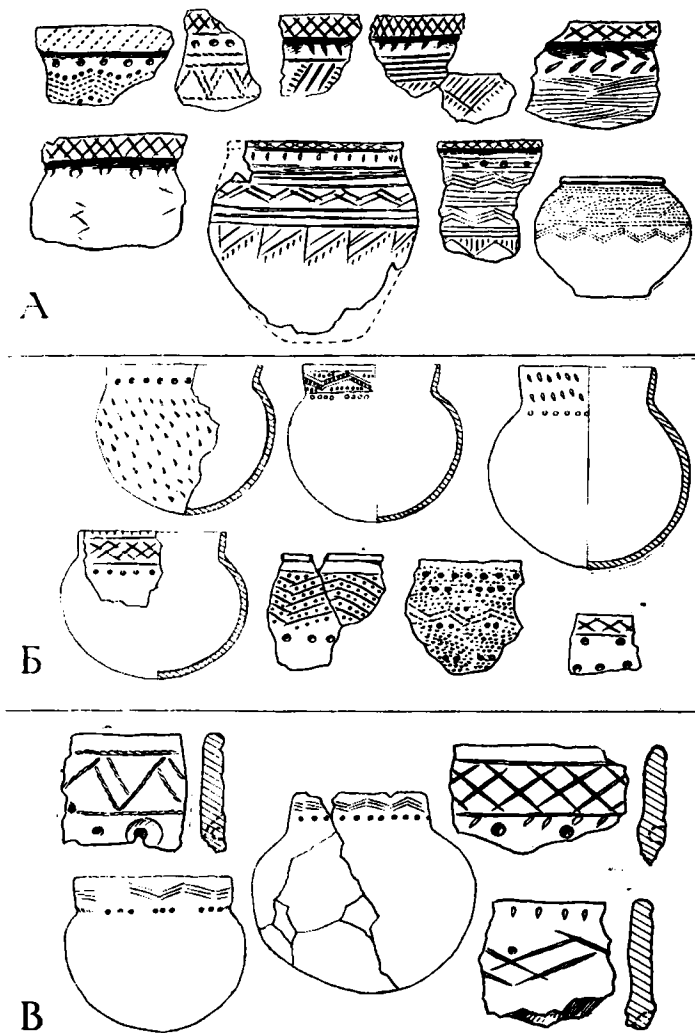

Рис. 5. Керамика приказанских поселений:
 А — конца II тысячелетия до н. э. на Средней Волге; Б — первой четверти I тысячелетия до н. э. на Средней Волге;
 В — первой четверти I тысячелетия до н. э. на Нижней Каме.

сосуды, воротничок, примесь толченой раковины, однорядные ямочные углубления и горизонтальный узор), получившие впоследствии развитие в волжской ананьинской керамике (Халиков, 1962б).

Складывающиеся ананьинские племена на Средней Волге испытали определенное влияние и со стороны. Очевидно, в результате воздействия волго-окских племен в конце II и начале I тысячелетия до н. э. в Казанском Поволжье распространяется «текстильная» керамика (рис. 5, Б—6), составляющая на некоторых стоянках довольно значительный процент: на Мари-Луговской—30%; на Казанской—39; на Гулькинской—15. Один сосуд встречен и в Маклашевском могильнике.

Еще во второй половине II тысячелетия до н. э. население Среднего Поволжья входит в тесные связи с племенами Северного Кавказа. Эти связи сохраняются и в конце эпохи бронзы и особенно отчетливо фиксируются в материалах раннеананьинских памятников VII—VI вв. до н. э. (II Морквашинский и Акозинский могильники).

На население Волги определенное воздействие оказывали и племена Западной Сибири. Достаточно хорошо известны факты андроновского влияния на позднесрубное население Куйбышевского и Ульяновского Поволжья (Мерперт, 1958, стр. 129—130). Прекрасным свидетельством сибирско-волжских связей в VIII—VI вв. до н. э. являются стеллы Ново-Мордовского могильника, изображенное на поверхности которых оружие находит глубокие параллели в материалах позднекарасукских и раннетагарских древностей (Халиков, 1963).

На Нижней Каме выделяется также большая группа памятников финальной бронзы (см. рис. 4), по общему облику культуры чрезвычайно близкая к волжской, с которой она была генетически связана. Поселения здесь также располагаются как на низких, так и на высоких местах, а могильники (Луговской и Кумысский) имеют слабые курганообразные возвышения, под которыми в неглубокие ямы кладут умерших в вытянутом положении с речной ориентацией.

Керамика изготовлена преимущественно из глины с примесью толченых раковин в тесте; поверхность сосудов, как правило, обработана штриховой зачисткой. Сосуды конца II и начала I тысячелетия до н. э. имеют в основном плоское дно, воротничкообразный налест на краю горла и украшены в верхней части орнаментом из резных линий, оттисков зубчатого штампа, реже шнуровых углублений в сочетании с однорядноямочными углублениями.

Вся эта керамика аналогична одновременным сосудам волжских приказанских стоянок, что наряду со сходностью других черт материальной культуры не оставляет сомнения в отнесении обеих групп памятников к единой культуре.

Сосуды первой четверти I тысячелетия до н. э. (рис. 5, В; 6, 1—3) по форме (круглодонные чаши), примесям в тесте толченых раковин и орнаментации в полной мере являются предананьинскими, что не оставляет сомнения в определяющей роли нижнекамского населения эпохи поздней бронзы в формировании ядра ананьинской культуры. Местное предананьинское население особенно сильное воздействие испытывало с востока, прежде всего со стороны андроновских племен, чем, по-видимому, объясняется значительное количество андроновских сосудов на Луговских (раскопки А. В. Збруевой) и Подгорно-Байларской стоянках. Результатом обратного влияния, по-видимому, следует объяснить наличие сосудов приказанского облика на андроновском Алексеевском поселении (Кривцова-Гракова, 1948, стр. 141—142). В конце II и начале I тысячелетий до н. э. усиливаются связи нижнекамского населения с племенами лесостепного Зауралья, о чем свидетельствуют сходные черты в керамике Луговских стоянок и Сузгуй II (Мошинская, 1957). В первой четверти I тысячелетия н. э. более ощутимыми становятся связи с югом (степью и Северным Кавказом), о чем свидетельствует распространение орудий так называемого степного или киммерийского типа (кельты двуухие, кинжалы — Дербедень, Ананьинская дюна, Гроханское поселение) и предметов северокавказского происхождения (Луговской могильник).

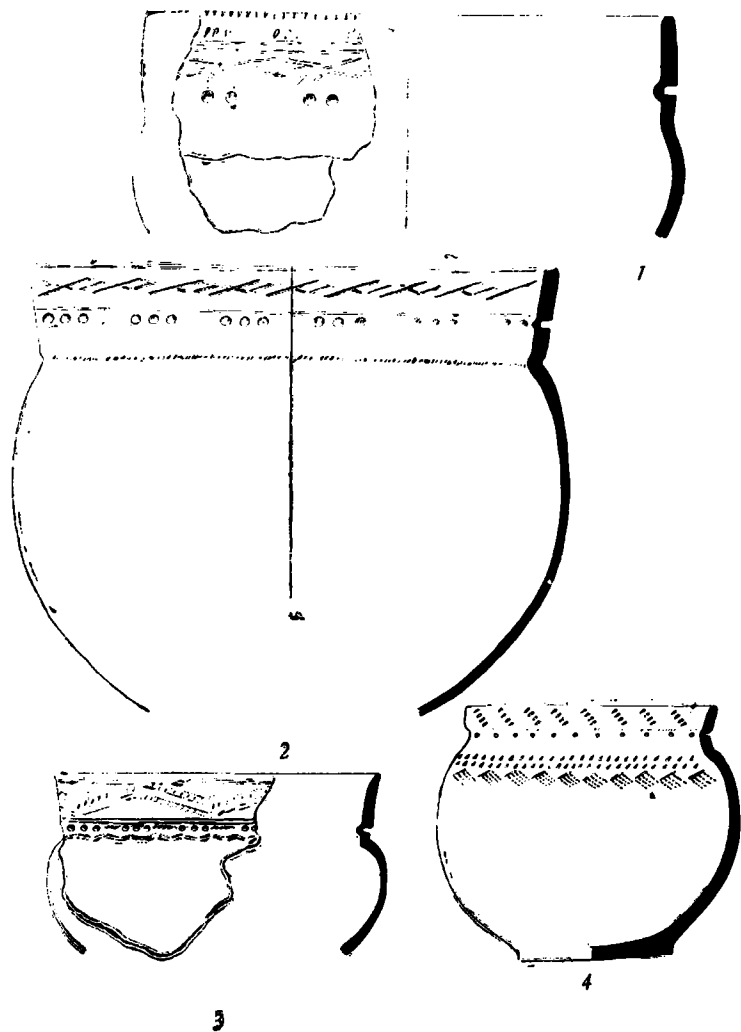

Рис. 6. Предпаньинские сосуды:
 1-3 — из поселений Нижней Камы; 4 — из Луговских курганов.

Небольшая группа памятников предананьинского времени известна и на р. Вятке (5—6 поселений, см. рис. 4). Керамический материал их имеет в целом приказанский облик. Особенно выразительна керамика Калининской (Халиков, 1960, рис. 75) и Буйской стоянок, в преобладающем большинстве круглодонная, чашевидных форм. Подобная керамика обнаружена в нижних горизонтах ананьинского слоя таких городищ, как Аргыжское и «Ройский шихан». На последних в этих же горизонтах найдены также фрагменты сосудов чирковско-сейминского облика (Халиков, 1960, стр. 130—131), что позволяет полагать участие чирковско-сейминского населения в ананьинском этногенезе бассейна р. Вятки.

В последние годы работами О. Н. Бадера (Бадер, 1961б, стр. 271) и В. П. Денисова (Денисов, 1960а; 1961) на Средней Каме выделено 9 поселений и 3 местонахождения так называемого ерзовского типа, содержавшие керамику предананьинского времени, чрезвычайно близкую к позднеприказанской керамике. Среди этих памятников имеются ранние, датированные В. П. Денисовым XI—X вв. до н. э. (Ерзовка, Старушка I, Старушка III, Еловская, Забойная, Заюрчим), и IX—VIII вв. до н. э. (Ерзовка, Бойцово II, Бор I, нижний горизонт Галкинского городища).

Для обеих групп характерны неглубокие полужемляные жилища прямоугольных форм, часто соединенные друг с другом переходами.

Ранние поселения характеризуются керамикой, которая, по описанию В. П. Денисова, имеет «плоское дно, горшковидную форму, прямые или немного отогнутые средней величины шейки с резким переходом к выпуклым стенкам. Венчик часто имеет утолщение в виде «воротничка» (Денисов, 1960а, стр. 32; 1961, рис. 4, 1—7). «Все сосуды этого типа тонкостенные (3—5 мм) и изготовлены от руки, их диаметр не превышает 15—20 см. К глине подмешаны шамот и растительные примеси» (Денисов, 1961, стр. 66—67). В. П. Денисов и О. Н. Бадер справедливо связывают эту посуду с керамикой поселений «преимущественно Нижнего Прикамья» (Бадер, 1961б, стр. 271). Действительно, всю эту группу сосудов как по технике изготовления, так по форме и орнаментации мы с полным основанием можем назвать приказанской и считать, что на Средней Каме она пришла на смену предшествующей турбинской. Как правильно отмечает В. П. Денисов, в Среднем Прикамье «памятники эпохи поздней бронзы в значительной степени отличаются от многочисленных более древних поселений, располагавшихся на этой же территории. Особенно большое изменение наблюдается в форме, а также технике изготовления и орнаментации сосудов: полужайцевидные формы сменяются сначала горшковидными, а затем бомбовидными» (Денисов, 1961, стр. 73). Проникновение приказанских племен в Среднее Прикамье, очевидно, началось в XII—XI вв., когда повсеместно здесь прекращают существование поселения турбинского типа (Бадер, 1961в, стр. 185).

В последующее время, т. е. в IX—VIII вв., так же как и в основных районах распространения приказанских племен, посуда становится круглодонной с «прямой или слегка отогнутой невысокой шейкой, выпуклыми стенками и резким переходом от шейки к стенкам». Орнамент «нанесен только по верхней части сосудов» (Денисов, 1961, стр. 32) и состоит из линейнопрочерченных узоров в сочетании с однорядномочными углублениями (Денисов, 1961, рис. 4, 8—13). О. Н. Бадер подчеркивает сходность этой керамики с маклашеевской (Бадер, 1961в, стр. 164). В VIII—VII вв. до н. э. среднекамское население испытывает также и воздействие зауральских племен, о чем свидетельствует керамика гамаюнского типа (Денисов, 1961, рис. 4, 12) на поселениях Заюрчим. Однако, как правильно отмечают О. Н. Бадер (Бадер, 1960б) и В. П. Денисов (Денисов, 1960а), определяющим в этногенезе ананьинских племен на Средней Каме явилось ерзовское население, культура которого, как мы это видели выше, тесно связана с приказанской.

Примерно такой же процесс наблюдался и в бассейне р. Белой. Эта область, как показывают исследования К. В. Сальникова (Сальников, 1962в, стр. 34), до XII—XI вв. до н. э. была заселена срубными и абашевскими племенами, которые испытывали сильное влияние со стороны андроновских племен. В XI—X вв. до н. э., судя по материалам таких памятников, как Курман-Тау и Куш-Тау (Сальников, 1954а, рис. 2, б, в; 3, в, е), на

Средней Белой появляется новое население, культура которого была близка к приказанской. Глиняная посуда этих поселений была плоскодонной с примесью в тесте песка, реже растительных остатков, со своеобразным «воротничкообразным» налепом по краю горла, ни по форме, ни по орнаменту не имеющая ничего общего с посудой срубных и абашевских племен.

В поселениях IX—VIII вв. до н. э. (Ахметовское, Кушнарниковское, Матвеевское, Дуванейское, Кумлекуль, Курман-Тау, Касьяновское) на базе предшествующей керамики широко распространяются круглодонные сосуды чашевидной или бомбовидной формы с цилиндрическим горлом и орнаментом по верхней части сосудов, где наиболее существенное значение имеют однорядноямочные углубления по шейке.

К. В. Сальников считает эту керамику так же, как и первый тип сосудов, для бассейна р. Белой привнесенной из областей Нижнего Прикамья (Сальников, 1962*а*).

Впоследствии на базе этой посуды, как показывают материалы Бирского городища, изученного в 1959 г. Н. А. Мажитовым, сформировалась ананьинская керамика нижнебельского варианта.

Таким образом, просмотренный материал позволяет считать, что в XI—IX вв. до н. э. в Среднее Прикамье, на р. Вятку и в бассейн р. Белой из областей Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья проникают приказанские племена, культура которых в это время достигает наивысшего расцвета (Халиков, 1963), благодаря созданию в Нижнем Прикамье собственного металлургического очага (Збруева, 1957, стр. 37).

Как установлено на многочисленных памятниках, основные черты материальной культуры приказанских племен легли в основу формирования определяющих черт ананьинской культуры. В то же время нельзя отбрасывать в ананьинском этногенезе участия и зауральских племен, влияние которых достаточно четко обнаруживается на всей территории формирования ананьинской культуры. Этим, по-видимому, следует объяснить проникновение монголоидных черт в ананьинский антропологический тип, так же как и сходство ведущих типов орудий труда и оружия ананьинского населения с подобными предметами тагарских племен.

Возникновение локальных особенностей в ананьинской культурной общности Волго-Камья объясняется различными причинами, из которых наиболее вероятными являются: на Волге — воздействие западных поздняяковских, затем раннегородецких племен; на Нижней Каме — отсутствие влияния западных племен при значительном воздействии южных позднесрубных, затем скифо-сарматских племен; на Вятке — смешение приказанских племен с чирковско-сейминскими; на Средней Каме — смешение приказанских племен с турбинскими и определенным воздействием гамаюнских зауральских племен; на Белой — продолжение традиций культуры абашевских и андроновских племен.

В. М. РАУШЕНБАХ

**К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА
И БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ**

За последнее десятилетие (1951 — 1961) в Среднем Зауралье нами обследовано более 20 памятников; на некоторых из них были продолжены работы, начатые ранее Д. Н. Эдинггом (Горбуновские памятники и Аннин остров), многие памятники открыты впервые. На основании изучения многочисленных материалов из Среднего Зауралья, накопленных в музеях, автором была предложена периодизация памятников эпохи неолита и бронзы, отнесенных к так называемой горбуновской культуре (Раушенбах, 1956). Либо вновь раскопанные памятники должны найти свое место в этой периодизации, либо, если они выпадают из рамок, необходимо ставить вопрос об изменении ее.

Датировка памятников горбуновской культуры всегда сопряжена с особыми трудностями, которые обусловлены тем, что большинство памятников имеет перемешанные слои.

В 1951 г. нами проведены небольшие раскопки стоянки Шанаиха, расположенной на западном берегу Исетского озера. Ранее из этого местонахождения было известно несколько фрагментов керамики, орнаментация которых весьма близка к орнаменту сосудов из стоянки Стрелка на Горбуновском торфянике.

При обследовании памятника было установлено, что культурный слой, к сожалению, неоднороден. Кроме керамики, близкой по своей орнаментации памятникам раннего этапа горбуновской культуры (оттиски отступающей лопаточки и струйчато-волнистые элементы узора, нанесенные на сосуды с прямыми венчиками и округлым дном), здесь в значительном числе встречены обломки сосудов с резко отогнутым венчиком, двояными ямками по горлу, нарезным узором в виде плоских ямок и даже оттиском креста, т. е. всех признаков орнаментации сосудов весьма позднего времени. Говорить о синхронности столь различной керамики явно не было оснований, однако, учитывая, что большинство памятников в Среднем Зауралье имеет перемешанные слои, следовало подтвердить разновременность материала не только типологически. С этой целью при камеральной обработке нами был применен статистический метод, которым можно было воспользоваться в связи с тем, что раскопки памятника велись методом зачистки без вскрытия слоя на штык и соответственно весь материал был расчленен на пять условных

горизонтов, из которых каждый не превышал 10 см мощности. Обработка материала подобным методом дала возможность составить следующую таблицу стратиграфического распределения керамики по элементам орнамента:

	0—35 см, %	35—45 см, %	45—55 см, %
Без орнамента	72	59	25
Оттиски гребенчатого штампа	22	14	5
Волнистый орнамент и отступающая лопаточка	6	27	70

Таким образом, обломки сосудов, орнаментированные волнистыми линиями и оттисками отступающей лопаточки — элементами орнамента, столь характерными для ранних памятников горбуновской культуры, — в подавляющем числе встречены в нижних горизонтах культурного слоя, а керамика с поздними элементами орнамента — в верхних.

К сожалению, не всегда удастся применить этот метод обработки для установления стратиграфического соответствия керамики с различной орнаментацией, ибо в Среднем Зауралье нередко культурный слой очень тонок и подстилается скалами, причем малая мощность слоя объясняется отнюдь не краткостью существования поселения, а именно спецификой образования его на скалах. Сказанное с полным основанием может быть отнесено к таким памятникам, как стоянка Береговая 1, раскопанная Д. Н. Эдингом, Аннин остров и ряд других. В этих случаях разновременность материала приходится устанавливать в основном лишь типологическим методом.

Элементы орнамента керамики нижнего горизонта стоянки Шанаиха в виде волнистых (рис. 1, 1, 2, 4) однорядных и двурядных линий ближе всего находят себе аналогии в керамике Полуденки I, а элемент орнамента, выполненный техникой отступающей лопаточки, близок к керамике нижнего слоя 6-го разреза на Горбуновском торфянике (рис. 1, 3, 7). Обе эти стоянки близки по времени и датируются концом III и самым началом II тысячелетия до н. э. Соответственно и нижний горизонт Шанаихи может быть датирован тем же временем.

Близким по времени, по-видимому, следует считать поселение у Разбойничьего острова.

Разбойничий остров расположен к востоку от г. Свердловска, на Карасьем озере, и формально входит в городскую черту. В настоящее время озеро почти все осушено. Стоянка на Разбойничьем острове обследовалась еще в конце XIX в. Д. Н. Маминым-Сибиряком и затем Рыжниковым. В 1951 г. на острове был заложен небольшой раскоп, в котором обнаружен материал, датированный концом II тысячелетия до н. э. (Раушенбах, 1956, стр. 55—56). Одновременно нами был заложен небольшой рекогносцировочный раскоп к западу от основного раскопа, но не на острове, а у самого подножия его, непосредственно в торфе, где мы надеялись встретить нетронутый культурный слой в отличие от сильно перепаханного на острове. Стратиграфия здесь резко отличалась от стратиграфии на берегу. Дерновый слой достигал мощности 20—25 см, ниже, до глубины 50—60 см, слой коричневого торфа с большим количеством плавника в виде щепок и палок и еще ниже, до глубины 70 см, интенсивно черный слой разложившегося торфа с находками. Подстилается культурный слой крупнозернистым речным песком. Следует отметить, что в торфяном слое процент находок изделий из камня и отщепов на 1 кв. м больше, чем на острове. Здесь найден наконечник стрелы сравнительно ранней формы (рис. 2, 2). Все найденные в этом шурфе фрагменты керамики орнаментированы только оттисками отступающей лопаточки (рис. 1, 8). Сосуды имеют прямые стенки, без отогнутого венчика. Внутренняя поверхность сосудов по венчику также

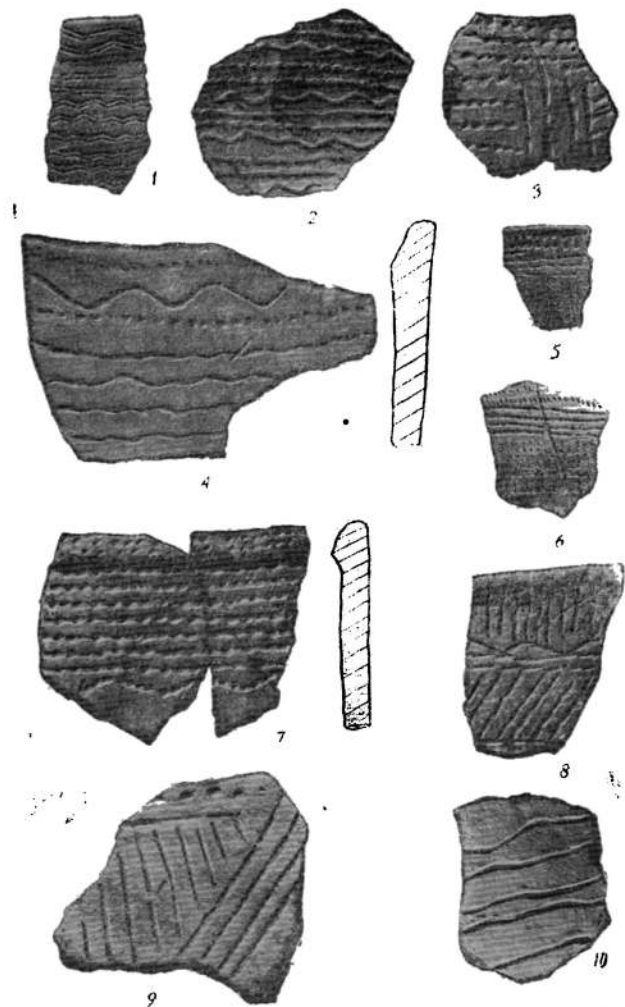

Рис. 1. Образцы керамики:

1-4, 7 - Шананха (нижний горизонт); 5, 6, 9, 10 - Чашиха; 8 - Раббийичий остров.

орнаментирована техникой отступающей лопаточки. К сожалению, нам не удалось в последующие годы продолжить исследования в торфе, материал же из шурфа очень невелик, и по нему трудно датировать памятник. Однако имеющиеся несколько фрагментов керамики имеют ранний облик. Любопытно отметить, что пыльцевой анализ торфа и почвы из этого шурфа указывает на начало суббореального периода. Эта дата подтверждается и остатками плавника, прослеженного в перекрывающем культурный слой торфе, которые указывают на то, что это место было оставлено в результате повышения уровня вод, т. е. может быть приурочено к началу суббореального периода. По-видимому, поселение в древности возникло значительно ниже современной береговой линии торфяника, а в дальнейшем, в связи с временным повышением уровня вод в начале суббореального периода, передвинулось выше, где продолжало существовать до конца II тысячелетия до н. э.

Новым памятником раннего времени в Зауралье следует считать селение Чашиха, открытое в 500 м к северу от стоянки Стрелка, на берегу Горбуновского торфяника. В отличие от стоянки Стрелка, Чашиха является береговым памятником, основанным при впадении р. Чашихи в Горбуновское озеро. Стоянка была открыта в 1955 г. краеведом П. Э. Рикертом. На этом поселении нами были проведены небольшие предварительные раскопки. Культурный слой на стоянке местами достигает 60—70 см. Керамика поселения чрезвычайно разнообразна. Основную группу составляют сосуды, орнаментированные различными вариантами гребенчатого узора.

Гребенчатые элементы узора (рис. 1, 5, 6) чаще всего выступают в виде горизонтальных, вертикальных или наклонных линий, реже в виде шагающей гребенки. Узор обычно зонален, часто в композициях встречаются треугольники, выполненные гребенчатым штампом, либо прочерчиванием (рис. 1, 9). Волнистые элементы узора нанесены палочкой с тонким острием (рис. 1, 10) и реже протягиванием гребенчатого штампа. Часто волнистые линии выполнены оттисками гребенчатого штампа с прямой или косой нарезкой. Этот признак обычен для стоянки Стрелка середины III тысячелетия до н. э. В более поздних памятниках этот узор наносился техникой отступающей лопаточки, так что на стоянке Чашиха он может рассматриваться как пережиточный элемент.

Нам представляется, что керамика стоянки Чашиха имеет некоторое своеобразие. Она как бы стоит между керамикой стоянки Стрелка и Береговыми стоянками. Здесь, с одной стороны, в значительном проценте сохранились волнистые узоры и узоры, нанесенные техникой отступающей лопаточки, с другой, — еще не расцвело пышное многообразие вариантов гребенчатого штампа. Профилировка сосудов тоже значительно ближе древним образцам.

Кремневый инвентарь сравнительно немногочислен, кроме ряда скребков, изготовленных на округлых высоких отщепках (рис. 2, 3, 4) и близких по формам скребкам стоянки Береговая I. Довольно часто встречаются своеобразные ножи из плоских кварцитовых

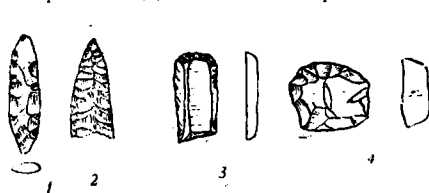

Рис. 2. Изделия из кремня:

1, 3, 4 — Чашиха; 2 — Разбойничий остров.

плиток, сильно патинизированные с обеих сторон. Ретушь обработаны лишь рабочие края. Кварцит как материал для изготовления орудий, часто использовался на Полуденке I, где нами был найден ряд ножей и тесел, изготовленных из подобных же плиток и той же техникой. Наконечники стрел из Чашихи имеют листовидную форму (рис. 2, 1).

Таким образом, весь инвентарь Чашихи, по весьма предварительным наблюдениям, можно поставить между стоянками Стрелка и Береговая I. Но учитывая, что в материале Чашихи доминируют гребенчатые элементы орнамента, а сосудов, орнаментированных техникой отступающей

лопаточки, меньше, то вряд ли поселение Чашиха может быть синхронно нижнему слою 6-го разреза, где доминируют сосуды с орнаментом отступающей лопаточки. Поэтому, видимо, поселение Чашиха возникло позднее нижнего слоя на 6-м разрезе, но ранее стоянки Береговая I, т. е. приблизительно в начале II тысячелетия до н. э.

Рассмотренные нами материалы памятников как Свердловского (Шанаиха, Разбойничий остров), так и Тагильского районов (Чашиха) могут быть датированы концом III — началом II тысячелетия до н. э., т. е. ранним этапом горбуновской культуры. И для них, так же как и для ряда других памятников раннего этапа, характерна орнаментация сосудов различными вариантами волнистых узоров и отрисками отступающей лопаточки. Иными словами, раскопки новых памятников подтвердили единство материальной культуры в поселениях эпохи неолита как для Тагильского, так и для Свердловского районов.

Перейдем к рассмотрению памятников более позднего времени. Прежде всего остановимся на материалах группы памятников, обнаруженных на Шигирском торфянике.

На Язевском приiske Шигирского торфяника в 1956 г. нами были открыты остатки двух поселений в торфе, названные стоянками Язевская I и Язевская II. К сожалению, основная площадь этих поселений уже уничтожена торфоразработками. Однако оба эти памятника представляют большой интерес, так как культурный слой в торфе всегда дает четкую и определенную стратиграфию.

Культурный слой стоянки Язевская I прослежен в нижнем горизонте торфа, не заходя в подстилающий слой сапрпель. Полученный с этой стоянки материал очень невелик. Керамика представлена обломками сосудов с прямыми краями и небольшим напылом на внутренней поверхности. Орнамент волнистый, выполнен протягиванием палочки (типа Шанаихи и раннего комплекса Аннинного острова) и в виде крупных треугольников, нанесенных гребенчатым штампом. Эта керамика находит аналогии в стоянке Стрелка середины III тысячелетия до н. э. и Полуденка I конца III тысячелетия до н. э. Несколько более поздний облик имеет найденный здесь наконечник стрелы из полупрозрачного белого кварца в виде вытянутого треугольника с едва намеченной выемкой в основании. По форме он несколько напоминает наконечники стрел сейминского типа и весьма близок наконечникам из среднего слоя 6-го разреза Горбуновского торфяника, которые датируются примерно второй четвертью II тысячелетия до н. э. Кварц как материал для изготовления наконечников стрел широко представлен в Полуденке I, т. е. памятнике сравнительно раннем. Кроме того, следует напомнить, что и в стоянке Стрелка был найден наконечник стрелы весьма позднего облика. Так что не исключено, что такие наконечники стрел могли появиться уже в конце раннего этапа горбуновской культуры, когда в орнаментации керамики еще доминировали ранние черты, а форма наконечников стрел уже приобрела более поздний облик. В связи с этим мы считаем возможным датировать стоянку Язевская I самым концом раннего этапа горбуновской культуры, т. е. началом II тысячелетия до н. э. Этой дате не противоречит и пыльцевая диаграмма.

В 500 м от стоянки Язевская I была обнаружена стоянка Язевская II. Стратиграфически культурный слой второй стоянки очень близок к первой, т. е. расположен в нижнем горизонте торфа, но если в Язевской I культурный слой доходил до слоя сапрпель, то в Язевской II между культурным слоем и слоем сапрпель наблюдалась небольшая прослойка низинного торфа без находок.

Керамика этой стоянки очень однородна, и все обломки сосудов орнаментированы отрисками гребенчатого штампа (рис. 3, 4). По орнаментации эти сосуды близки как к памятникам раннего, так и среднего этапов горбуновской культуры, но и здесь не встречено ни одного черепка с андронидными элементами орнамента. Найденные на стоянке поплавки и грузила-кибасы тех же типов, что и в нижнем и среднем слое 6-го разреза Горбуновского торфяника.

Наиболее интересной находкой является обломок деревянного черпака, или ковша. Ручка его вырезана в виде выступа подтреугольной формы, а не в виде головки животного или водоплавающей птицы, как на Горбуновском торфянике. Вместительность сосуда очень узкое и несколько напоминает ковш из случайных находок на Шигирском торфя-

нике. Здесь же найдена рукоятка и обломок лопатки весла. Таким образом, почти все вещи из находок на стоянке Язевская II имеют аналогии в материале среднего и нижнего слоев 6-го разреза Горбуновского торфяника, т. е. в памятниках, из которых один датируется рубежом III—II тысячелетия до н. э., а другой — третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Отсутствие в керамике андронидных элементов орнамента указывает на то, что это поселение не может датироваться позднее середины II тысячелетия до н. э. Иными словами, обе Язевские стоянки почти одновременны, разрыв во времени, если он и имел место, вряд ли очень значителен.

На юго-восточном берегу Шигирского озера в 1956 г. нами была открыта новая стоянка, названная Ключевая. Она находится против Шигирского городища (раскопанного Д. Н. Эдингом), у подножия западного склона так называемых «Каменных палаток» — небольшого возвышения, сложенного скалами.

Керамика с ранними элементами орнамента — волнистыми и нанесенными техникой отступающей лопаточки — на этой стоянке составляет только 15% и производит впечатление пережиточных форм. Доминирующее положение занимает керамика, украшенная различными вариантами отгиссов гребенчатого штампа, которая составляет около 70% всех обломков посуды. Наиболее широко в орнаментике представлены зигзаговые, наклонные, реже горизонтальные и вертикальные отгиски (рис. 3, 2, 3). Эти элементы узора во всем их разнообразии обычны для керамики памятников среднего этапа горбуновской культуры и находят полные аналогии в таких памятниках, как Береговая I и ряд других. Однако следует отметить и некоторые отличия, заключающиеся в том, что в керамике стоянки Ключевая значительно реже встречаются треугольники и ромбы, столь характерные для памятников среднего этапа горбуновской культуры (Береговая I, Қалмацкий Брод и др.). Второй отличительной особенностью является почти полное отсутствие обломков сосудов с андронидными элементами орнамента. Известен только один черепок, который может свидетельствовать лишь о самом начале знакомства с андроновскими племенами (рис. 3, 1).

Из глиняных изделий найдено несколько моталок, аналогичных моталкам Андреевской стоянки из раскопок П. А. Дмитриева.

Каменный инвентарь этой стоянки невелик и не выпадает из ряда форм кремневых орудий других памятников среднего этапа.

Таким образом, весь материал стоянки Ключевая находит прямые аналогии в памятниках среднего этапа горбуновской культуры и может быть датирован примерно второй четвертью II тысячелетия до н. э.

Наибольший интерес из раскопанных за последние годы памятников вызывает поселение на Аннинном острове. Памятник этот настолько сложен, что несмотря на то, что материал с этого поселения из раскопок Д. Н. Эдинга очень велик, исключительная разнохарактерность его привела к необходимости провести дополнительные раскопки.

Аннин остров расположен в северо-западной части Шигирско-Калатинского торфяника, он очень невелик — всего 47 м в длину и 30 м в ширину. По своему строению остров является известковой скалой, в верхней, сравнительно плоской, части покрытой слоем почвы до 15—20 см. На склонах почвенный слой в виде гумусных отложений более мощный — достигает 60—70 см. В 1928—1929 гг. на острове провел раскопки Н. Н. Бортвина, а в 1930 г. Д. Н. Эдинг. В 1956 г. нами был заложен один раскоп на верхней площадке острова и второй — на склоне между раскопами Д. Н. Эдинга и Н. Н. Бортвина.

Коренная скала, слагающая остров, представляет собой сильно выветренные глыбы плитняка, причем растрескивание и выветривание скалы происходит в вертикальных направлениях. После снятия слоя обнажилась неровная площадка с острыми концами выступающих скал. Культурные остатки заполнили все впадины между камнями.

Как отмечалось выше, материал Аннинного острова очень разнороден. Сравнительно большую группу керамики составляют обломки сосудов, орнаментированных волнистыми элементами узора и отгисками отступающей лопаточки. Волнистые элементы узора в основном нанесены протягиванием палочки, дающей широкую и глубокую линию

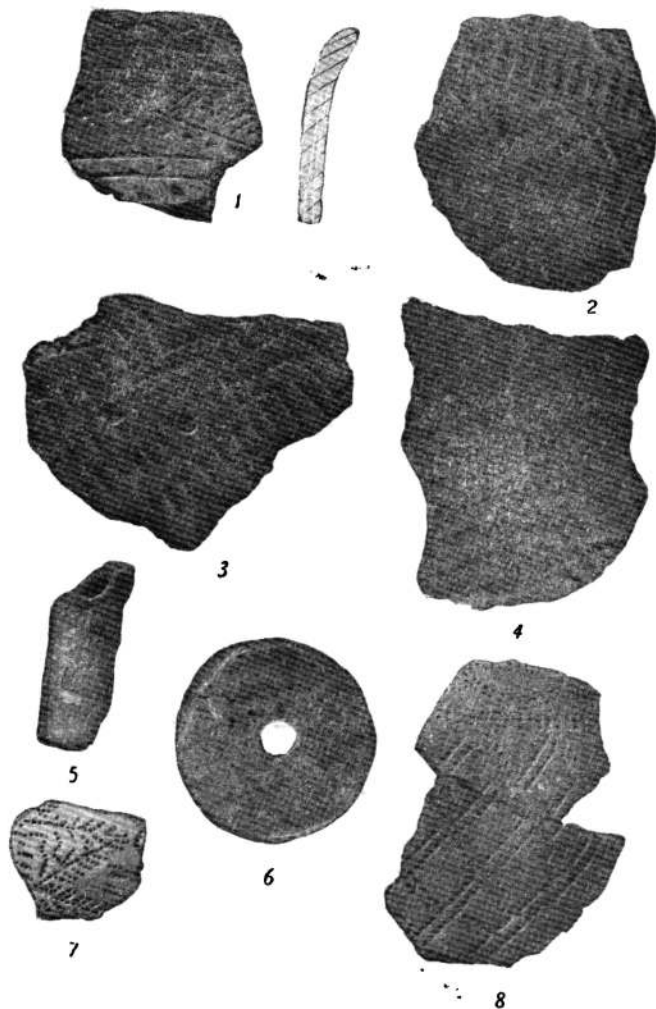

Рис. 3. Образцы керамики:

1-3 - Ключевая; 4 - Язельская II; 5, 6 - Цашня Комарова II; 7, 8 - Линин остров.

(рис. 4, 1, 2). Значительно реже орнамент выполнен протягиванием гребенчатого штампа, что дает ряд параллельных глубоких линий (рис. 4, 3).

Орнамент, выполненный протягиванием палочки, в стоянке Стрелка только зарождается, доминирует протянутый гребенчатый штамп. Здесь же, на Аннинском острове, орнамент, нанесенный протягиванием гребенчатого штампа, сохраняется в виде пережитка, а доминируют глубокие волнистые линии, выполненные протягиванием палочки. Довольно широко на Аннинском острове представлены сосуды, орнаментированные оттис-

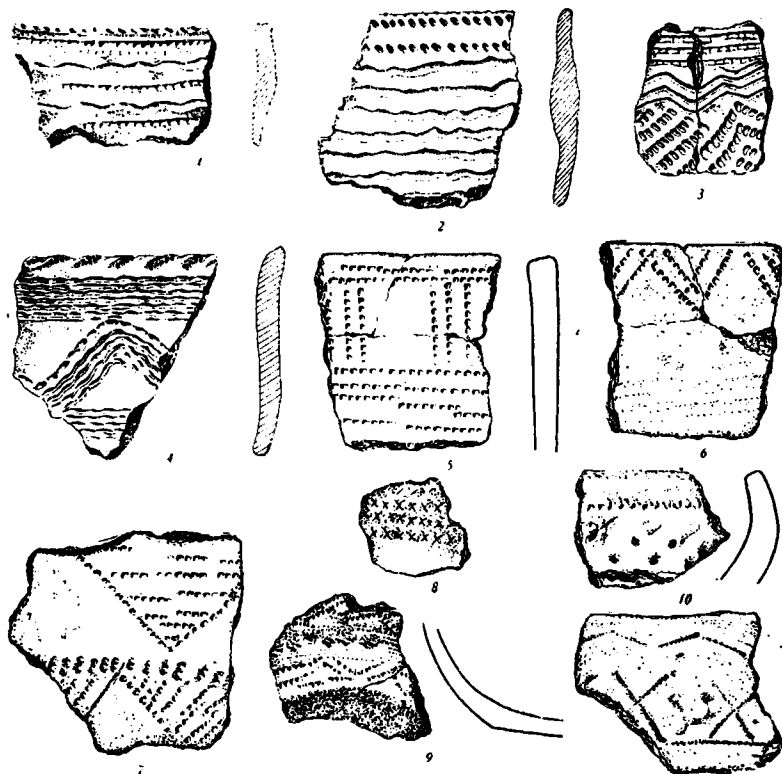

Рис. 1. Образцы керамики:

1-4 — Аннин остров; 5-7 — Пащна Комарова II; 9-11 — Тимина пащна.

ками отступающей лопаточки (рис. 4, 1, 3, 4). Иногда этот орнамент встречается в сочетании с волнистыми линиями (рис. 4, 4). Иными словами, специфика орнаментации этой группы керамики находит близкие аналоги в материале Стрелки (волнистые элементы узора) и в нижнем слое 6-го разреза (орнаментация техникой отступающей лопаточки).

Эта близость в керамическом материале дает возможность датировать начало заселения Аннинного острова концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Основную группу керамики с Аннинного острова составляют обломки сосудов, орнаментированные различными вариантами гребенчатого штампа. Чаще всего встречаются зигзаговые линии, двойные и тройные, выполненные гребенчатым штампом, оттиски наклонно поставленного штампа, горизонтальные и вертикальные линии. Расположение элементов узора обычно зональное (рис. 3, 7, 8).

Следует заметить, что в керамике этой группы очень редки крупные фигуры в виде треугольников и ромбов, выполненных гребенчатым штампом, столь характерные для такого памятника, как Береговая I, по остальным элементам эта керамика весьма близка к керамике стоянки Береговая I. Но, пожалуй, наиболее близкие аналогии эта группа керамики имеет с керамикой из Калмацкого Брода. В данном случае мы имеем в виду обломки сосудов, украшенных чрезвычайно пышным узором в виде веточек деревьев (рис. 3, 7). Особо следует остановиться на следующем. В керамике с Аннинного острова полностью отсутствуют андронидные элементы орнамента, которые, как известно, сравнительно широко представлены в таких памятниках, как Береговая I и средний слой 6-го разреза. Чем объяснить отсутствие андронидных элементов орнамента на Аннинном острове, сказать сейчас трудно, но не исключено, что население этой стоянки жило сравнительно изолированно и не вступало в сношения с более южными андроновскими племенами. Возможно и другое, более правдоподобное объяснение: жители Аннинного острова покинули эти места раньше, чем установились культурные связи племен горбуновской культуры с андроновцами.

Что касается остального инвентаря Аннинного острова, то он представлен орудиями из камня и кости тех же типов, что найдены на стоянке Стрелка и Береговых стоянках. Раскопки 1956 г. была найдена небольшая медная пластинка, назначение которой трудно установить, но наличие ее говорит о том, что жители Аннинного острова были знакомы с производством меди.

Несколько фрагментов сосудов с Аннинного острова, орнаментированных косым крестом — узором, появляющимся в керамике памятников рубежа II—I тысячелетия, указывает на то, что остров посещался и в значительно более позднее время. Разрыв же во времени между этой поздней керамикой и основным комплексом настолько очевиден, что нет никаких оснований верхнюю дату памятника относить к столь позднему времени. К тому же следует подчеркнуть, что обломков, украшенных косым крестом, найдено всего несколько, остальная же керамика исчисляется тысячами. Иными словами, нам представляется, что на рубеже II—I тысячелетия до н. э. Аннин остров посещался лишь эпизодически.

Возвращаясь к вопросу о датировке памятника, следует сказать, что, по-видимому, население на Аннинном острове появилось в конце III тысячелетия до н. э. и жило здесь не дольше, чем до середины II тысячелетия до н. э., т. е. до времени, когда в материалах других памятников горбуновской культуры прослеживаются первые признаки культурных связей с андроновскими племенами.

Для уточнения датировки памятника на Аннинном острове оказалось чрезвычайно важным наблюдение, что материалы из раскопа на верхней площадке и из раскопа, заложеного на склоне, несколько отличны друг от друга. При камеральной обработке было установлено, что в раскопе на верхней площадке острова керамика делилась в следующем соотношении:

Раскоп на верхней площадке¹

Неорнаментированная	Узор из оттисков гребенчатого штампа	Волнистые элементы узора и оттиски отступающей лопаточки
21%	56%	19%

¹ 4% составляют прочие элементы орнамента.

Несколько иная картина наблюдалась в раскопе на склоне.

Раскоп на склоне

Неорнаментированная	Узор из оттисков гребенчатого штампа	Волнистые элементы узора и оттиски отступающей лопаточки
8%	59%	32,5%

Таким образом, в раскопе на склоне острова керамики раннего времени, находящейся аналогично в таких памятниках, как Стрелка и нижний слой 6-го разреза, встречено почти вдвое больше, чем в раскопе на площадке. Д. Н. Эдинг в своих отчетах о раскопках на Аннинном острове высказал предположение, что культурный слой был частично смыт с верхней площадки на склоны, чем, по его мнению, и объясняется большая мощность культурного слоя на склонах. Такое объяснение нам представляется не совсем правильным. Если бы описанное явление действительно имело место, то на склонах наблюдалась бы очень большая перемешанность слоя и более древние материалы должны были быть обнаружены на верхней площадке застрявшими между камней. Однако при раскопках раскрылась совершенно иная картина. Прежде всего следует обратить внимание на то, что характер самой скалы, на которой обнаружен культурный слой, таков, что вертикально стоящие плиты выходов скалы не дают возможности большого смыва почвенного покрова. В лучшем случае могла быть смыта только верхняя часть слоя, перекрывающая задернованные верхушки плит, что, возможно, и дало тот небольшой процент позднего материала, который был встречен в раскопе на склоне. В основном же на верхней площадке почвенный слой с культурными остатками залегал в углублениях между камнями, откуда он не мог быть вымыт, чем и объясняется, что здесь доминирует более поздний материал. Сам же склон очень пологий. Поэтому мы полагаем, что первое поселение на Аннинном острове возникло на склоне его, ближе к подножию. Не исключено, что поселение могло располагаться и у подножия острова. К сожалению, из-за чрезвычайной влажности и топкости болота мы не смогли заложить шурф в торфе у подножия острова.

Основная категория материала из раскопа на склоне может датироваться рубежом III—II тысячелетия до н. э. по весьма близким аналогичным со стоянкой Стрелка и нижним слоем 6-го разреза на Горбуновском торфянике, т. е. временем перехода от атлантического к суббореальному периоду. В это время процесс заторфовывания уральских озер проходил особенно интенсивно. Не исключено, что в данном месте, на торфянике вблизи острова, поселение возникло значительно раньше, а в дальнейшем, в начале суббореального времени, когда увеличилась влажность климата, оно было перенесено непосредственно на остров, чем и объясняется наличие более древнего материала на склоне (культурный слой был прослежен Д. Н. Эдингом на самом краю острова). Иными словами, дополнительные раскопки на Аннинном острове заставили нас пересмотреть датировку этого памятника и отнести его к среднему этапу горбуновской культуры, а не позднему, как это трактовалось ранее (Раушенбах, 1956, стр. 51—56).

Таким образом, рассмотренные нами памятники Язевская I и Язевская II, Ключевая и Аннин остров по специфике материала находят полные аналогии в памятниках среднего этапа горбуновской культуры.

Последнюю группу памятников составляют поселения на Святом острове (Раушенбах, 1962), Пашня Комарова II, Тимина пашня, Шанаиха— верхний горизонт. Все эти памятники характеризуются прежде всего тем, что население их было уже знакомо с приемами выплавки металла и широко пользовалось им.

Поселение Пашня Комарова II обнаружено у подножия каменных палаток, на расстоянии 250 м от поселения Пашня Комарова I. Керамика представлена обломками сосудов с сильно раздутыми боками и высокой прямой шейкой, орнаментированных оттис-

ками гребенчатого штампа и иногда овальными ямками по горлу (рис. 4, 5, 6, 7). Здесь были найдены кусочек самородного металла, кусок шлака с капельками бронзы на нем и обломок сильно прокаленного глиняного стержня с наплывами бронзы (рис. 3, 5). Этот стержень близок к стержням из стоянки Баланбаш, раскопанной К. В. Сальниковым. Здесь же найдена бляха из талькового камня (рис. 3, 6). Подобные бляхи найдены и на Святом острове.

Весьма близкий материал обнаружен нами в верхнем горизонте стоянки Шанаиха. Керамика из верхних горизонтов Шанаихи также свидетельствует об использовании сосудов с высокой шейкой и раздутыми боками, орнаментированными сложным геометрическим узором в виде ромбов, уголков, выполненных зубчатым штампом, часто с ямками по горлу (рис. 5).

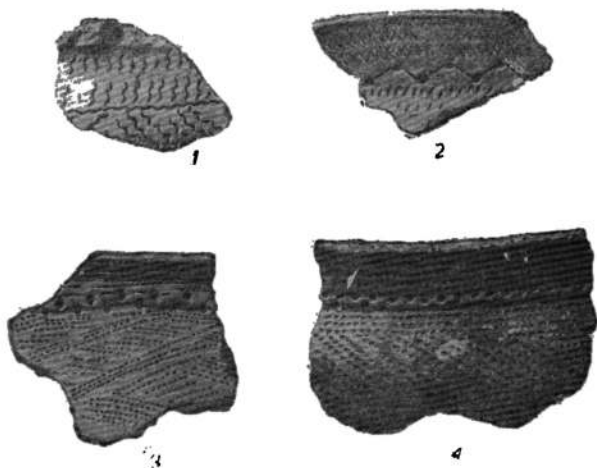

Рис. 5. Образцы керамики. Шанаиха (верхний горизонт).

Население Шанаихи, видимо, было уже широко знакомо с приемами обработки меди и бронзы. Здесь был найден обломок литейной формы кельта, изготовленный из талькового камня. Судить по этому обломку о форме самого кельта, к сожалению, трудно. На внешней поверхности формы сделан своеобразный поясик, видимо, необходимый для связывания двух половинок формы при литье. Кроме того, здесь же встречено четыре глиняных стержня с наплывами бронзы, аналогичных стержню из поселения Пашня Комарова II. Стержни употреблялись для выплавки изделий с отверстиями, возможно, топоров или копий. Интересен обломок сосуда, настолько прокаленный, что поверхность его оплавилась. Очевидно, плавка меди производилась в небольших глиняных сосудах.

Последний памятник, на котором следовало остановиться, это поселение на Тиминой пашне.

Тиминая пашня расположена в северной части Черноисточенского пруда, на полуострове Крутики, неподалеку от г. Нижний Тагил. Еще в начале XVIII в. в котловине нынешнего Черноисточенского пруда располагались небольшие озерки, в которые впадало несколько маленьких рек: Черная, Чауж, Каменка и др. По распоряжению Демидова

речки были запружены, и котловина заполнилась водою настолько, что все озера соединились, образовав огромный пруд площадью 12 x 6 км, который служил большим водным резервуаром для Нижне-Тагильского металлургического завода. В результате бывшие естественные повышения превратились в острова, а пониженные берега оказались затопленными.

На восточном склоне полуострова Крутики, в местности Тимина пашня, нами были обнаружены остатки поселения, большая часть которого оказалась затопленной. Вторым моментом, нарушившим поселение, явилась распахка. Культурный слой Тиминой пашни очень тонок — не превышает 20—25 см, однако материал его представляет очевидный интерес, так как это поселение является редким однослойным памятником этого времени в Среднем Зауралье.

Основной комплекс керамики представлен обломками сосудов с несколько отогнутым венчиком, довольно раздутыми боками и, видимо, уплощенным дном (рис. 4, 9). Орнамент в основном располагается по венчику сосуда, выполнен оттисками гребенчатого штампа в сочетании со сдвоенными ямками по горлу (рис. 4, 10) и, по сути, того же типа, что и в верхнем горизонте поселения Шанаиха. Иногда встречаются обломки сосудов, орнаментированные косым крестом (рис. 4, 8, 11), типичным для Палкино, Карасьего озера II и верхнего слоя Макушинского селища. По всей площади поселения неоднократно были найдены железные шлаки. В небольшом проценте встречена здесь и керамика с обычным для горбуновской культуры эпохи бронзы орнаментом, выполненным оттисками гребенчатого штампа. Совершенно очевидно, что керамика Тиминой пашни, верхнего горизонта Шанаихи и частично Святого озера (сосуды с раздутыми боками, отогнутым венчиком и сдвоенными ямками по горлу) является не только очень поздней, но и весьма далека от орнаментации сосудов в памятниках среднего этапа. Не исключено, что эту керамику предположительно можно было бы связать с пришлыми племенами, хорошо знакомыми с приемами плавки железа. Однако наличие в культурном слое Тиминой пашни, в явно однослойном памятнике, поздней керамики с очень небольшим процентом керамики, сохранившей в своей орнаментации старые горбуновские традиции, заставляет подходить к этому вопросу с большой осторожностью, ибо в материале памятника наблюдается их явное сосуществование. Может быть, этот памятник свидетельствует о процессе ассимиляции местных горбуновских племен пришлыми племенами и о сравнительно быстром угасании местных традиций. Так или иначе, но орнаментация сосудов в этих памятниках настолько своеобразна и отлична от собственно горбуновских, что скорее всего их следует отнести к самостоятельной археологической культуре, называемой К. В. Сальниковым каменогорской (Сальников, 1960, стр. 13—14; 1961, стр. 50—51).

Таким образом, обследованные нами памятники четко делятся на три группы. Первая — наиболее древняя — безусловно находит полные аналогии в памятниках раннего этапа, а вторая — в памятниках среднего этапа горбуновской культуры. Третья группа весьма поздних памятников не даст четких признаков генетической связи с памятниками горбуновской культуры. Возможно, эти поселения свидетельствуют о приходе в Среднее Зауралье племен, стоявших на более высокой ступени развития, уже знакомых с приемами обработки железа. Дальнейшее накопление материала позволит более определенно говорить о культурной принадлежности этой группы памятников.

К. В. С А Л Ь Н И К О В

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ БАШКИРИИ

Памятники эпохи бронзы в Башкирии стали известны лишь в послеоктябрьское время. До Октября на этой территории были обнаружены лишь случайные находки кладов бронзовых орудий: Миловского близ г. Уфы, Красноярского близ г. Стерлитамака. Где-то на золотых приисках в горах северо-востока республики Д. Н. Мамин-Сибиряк в 80-х годах прошлого столетия видел большую коллекцию бронзовых орудий у М. А. Веселова. В 1910 г. близ Бугуруслана В. Я. Толмачев раскопал два кургана срубной культуры. Этими скудными данными исчерпывались в дооктябрьское время сведения об эпохе бронзы на территории современной Башкирии.

Если не считать раскопки в 1927 г. С. И. Руденко андроновского кургана близ дер. Нурбаковой в быв. Аргаяшском кантоне (ныне Челябинская область), то начало исследований эпохи бронзы Башкирии падает на 1934 г., когда Уфимской археологической экспедицией ГАИМК были открыты и изучены памятники ряда культур: абашевской — селище Баланбаш; срубной — погребения на р. Куганак, курганы у хут. Кошкара; курмантау — Демская стоянка (Дмитриев, Сальников, 1941). Интересны коллекции из курганов у с. Чубук-Каран в Бижбулякском районе и стоянки Нижнее Курмантау, раскопанных в довоенное время М. И. Касьяновым; клады бронзовых орудий, найденные в 40—50 годах у с. Ибракаева, Стерлибашевского района и у Долгой горы в Макаровском районе (Ахмеров, 1951а, 1955а).

Но материалы, достаточно обширные для того, чтобы составить довольно стройное представление об эпохе бронзы Башкирии, накоплены лишь за последние 10—12 лет, благодаря многолетним систематическим разведкам на северо-западе республики и в горах Южного Урала А. П. Шокурова и по среднему течению р. Белой В. П. Викторова и В. Д. Викторовой, а также раскопкам Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского университета и Башкирской археологической экспедиции Академии наук СССР и Башкирского филиала АН СССР.

Хотя эпоха бронзы на территории Башкирии изучена еще далеко не достаточно, накопленный материал все же позволяет наметить основные контуры исторических событий того времени. В меньшей степени, чем в другие эпохи, в бронзовом веке мы видим

значительную пестроту археологических культур. Бронзовый век Башкирии по составу населения можно разделить на несколько этапов:

- I — начало II тысячелетия до н. э. — господство коренного населения и появление на юге полтавкинских групп;
- II — середина II тысячелетия до н. э. — абашевские племена, расселение срубных;
- III — вторая половина II тысячелетия до н. э. — срубные, андроновские, черкаскульские (североандроновские) племена;
- IV — конец II — начало I тысячелетия до н. э. — срубно-хвалынские, черкаскульские, курмантау племена.

В эпоху неолита Башкирия, как и весь Южный Урал, входила в Урало-Казахстанскую этнокультурную область, о чем свидетельствуют, главным образом, находки керамики. В степной и лесостепной полосе они представлены очень редкими экземплярами, в лесной и горной — известны стоянки со значительным культурным слоем. В последнем сочетаются два типа керамики — зауральский и камский (Сальников, 1962; Крижевская, 1962а; Матюшин, 1964).

На северо-востоке и в горах Южного Урала и в эпоху энеолита на заре бронзового века продолжали обитать потомки неолитического населения. На стоянке у с. Кага в Белорецком районе орнамент на некоторых фрагментах керамики полностью совпадает с орнаментом раннебронзового слоя Абселямовской стоянки на севере Челябинской области. А с юго-запада в это время — в первой половине II тысячелетия до н. э. — просачиваются группы, очевидно немногочисленные, полтавкинских племен. Керамика полтавкинского типа известна среди находок на поселениях в районе г. Стерлитамака, а под Магнитогорском исследован полтавкинский могильник (Сальников, 1951а, 1962).

Территория Башкирии в эпоху развитой бронзы представляла собою контактную зону, где соседствовали, сталкивались, находились в сложных взаимоотношениях племена ряда археологических культур как разновременных, так и синхронных. С уверенностью можно говорить о следующих культурах: абашевской, срубной, андроновской, черкаскульской (северо-андроновской), курмантау (рис. 1). Ни одна из этих культур не является специфически башкирской, наоборот, памятники каждой из них представляют собою окраины крупных, часто огромных, общностей, распространенных на больших территориях. На Южном Урале перечисленные племена сменяли друг друга или соседствовали друг с другом. Результатом такого хронологического в одних случаях и территориально-синхронного соседства в других является зачастую наблюдаемая на памятниках неоднородность предметов материальной культуры, смешанность прежде всего керамики различных культур. Это создает при изучении эпохи бронзы в Башкирии большие трудности в разрешении вопроса о причинах совместного залегания в стратиграфически едином культурном слое разнотипных остатков. Благодаря наличию однослойных памятников все же имеется возможность выделить чистые комплексы каждой культуры, хотя и в этих случаях контактность зоны накладывает в том или ином виде свой отпечаток на характер находок.

Пытаемся коснуться основных проблем, возникающих при изучении каждой отдельной культуры.

АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Открытие и публикация абашевских памятников в последние годы дали в руки исследователей обильный материал, главным образом, с территории Среднего Поволжья для разработки таких важных вопросов, как датировка, происхождение и передвижение абашевских племен. При этом не были обойдены вниманием и абашевские памятники Южного Урала.

В первые годы, после открытия на Южном Урале абашевских поселений, нередко принадлежность их к абашевской культуре ставилась под сомнение. В других случаях эту группу памятников выделяли в особый вариант абашевской культуры со значительными

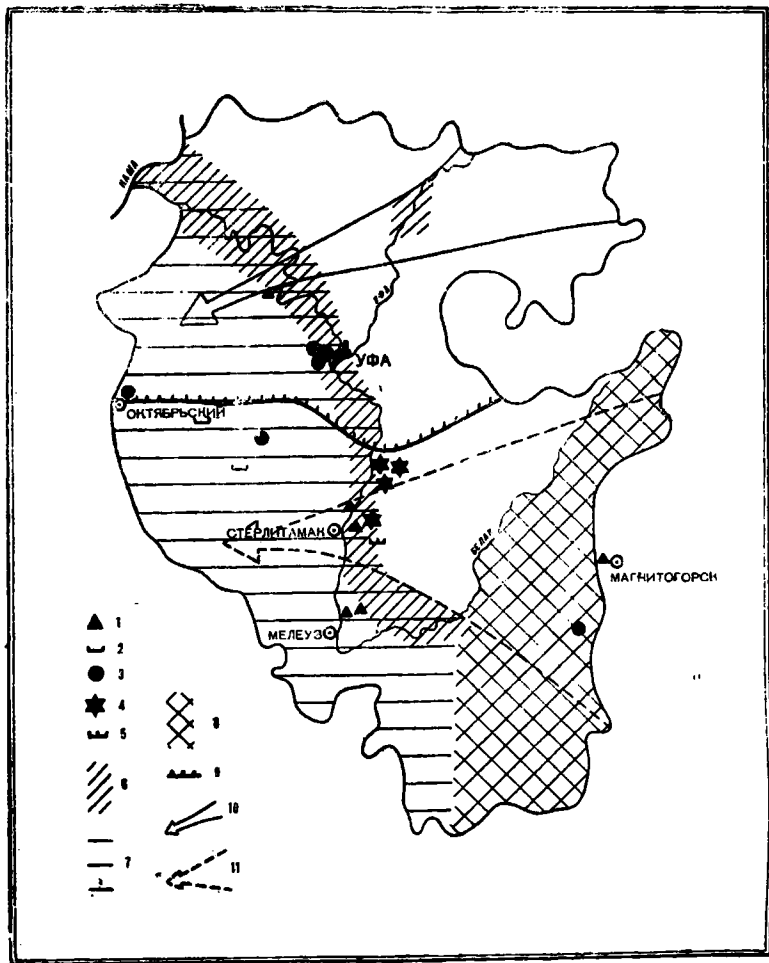

Рис. 1. Карта культур эпохи бронзы Башкирии.

1 — селение абашевской культуры; 2 — могильник абашевской культуры; 3 — находки керамики абашевской культуры; 4 — селение культуры курмангау; 5 — могильник культуры курмангау; 6 — район находок керамики культуры курмангау; 7 — срубная культура; 8 — андроновская культура; 9 — южная граница наметников чернышевской культуры; 10 — направление распространения чернышевской культуры; 11 — направление распространения керамики андроновского типа.

отличиями от памятников Чувашии (Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства, стр. 16 и карта), и даже конструировалась особая баланбашская культура (Смирнов, 1957).

А. П. Смирнов, выделяя баланбашскую культуру, рисует такие ее особенности, отличающие ее от абашевской: плоскородность сосудов, наличие своеобразных элементов орнамента — сечкообразные фигуры, звездчатые навершия, узкие треугольники (Смирнов, 1957, стр. 16), примесь в глине раковины, якобы отсутствующей в абашевской посуде (там же, стр. 17).

Все сомнения относительно наличия в Башкирии памятников абашевской культуры основаны исключительно на недостаточности опубликованных памятников как на Урале, так и в Среднем Поволжье. В частности, А. П. Смирнов имел возможность для сравнения привлечь только по одному памятнику в каждом районе: Абашевский могильник в Чувашии и селище Баланбаш в Башкирии.

Немало затрудняет сравнение характера материальной культуры абашевской культуры Южного Урала и Поволжья различие категорий памятников: поселения в первом районе, погребения — во втором. Типы сосудов, помещавшихся в могилы, не могли охватывать всю посуду, бытовавшую в хозяйстве. Это обстоятельство дополнительно создавало кажущиеся расхождения в характере керамики абашевского населения двух районов. Необходимость учитывать различие категорий памятников нам приходилось отмечать ранее и высказывать мысль, что на селищах Чувашии, когда они будут открыты, должны встретиться те формы посуды, которые наличествуют в поселениях Башкирии и отсутствуют в могилах Чувашии (Сальников, 1954). Новые исследования подтвердили правильность этого предположения. В Чувашии «часть посуды из насыпей курганов относится к особому типу, в погребениях крайне редкому, но несомненно принадлежащему к этой же культуре» (П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, 1961, стр. 67). Н. Я. Мерпертом при раскопках абашевских курганов у с. Пикшик под насыпями «на поверхности материка, в небольших зольных скоплениях трижды найдены отдельные фрагменты глиняных сосудов. Принадлежность их к абашевскому кругу керамики не вызывает сомнений, но вместе с тем они отличаются от сосудов, обычных для погребений. Это фрагменты больших толстостенных сосудов с крепкой фактурой и сравнительно хорошим обжигом» (Мерперт, 1961, стр. 141).

Интересно, что во всех случаях встречающиеся в насыпях и под ними фрагменты керамики отличаются обычно своими крупными размерами и особым составом глины. «Ни органических, ни раковинных остатков в глине не наблюдается», — пишут П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков про обломки крупных сосудов из насыпей курганов у деревень Алгаш и Катергина, отмечая при этом богатый орнамент (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 76, 77, рис. 19, 9; 20, 2). Нарядные характерна и для обломков крупных сосудов из насыпей курганов у с. Пикшик (Мерперт, 1961, рис. 5, 8; 15, 4). Все перечисленные признаки характерны и для той части керамических находок в абашевских селищах Башкирии, которые не имеют себе аналогий в посуде абашевских могил Поволжья. В отличие от большой примеси в глине толченых раковин, обязательной для небольших и средних размеров сосудов башкирских поселений абашевской культуры, массивные сосуды с богатой орнаментацией, так же как подобные сосуды Чувашии, лишены раковинной примеси.

Крупные исследования, осуществленные за последние годы, неизмеримо увеличили материал из абашевских памятников, что позволяет окончательно ликвидировать сомнения относительно культурной принадлежности поселений типа селища Баланбаш. В Поволжье, так же как в Башкирии, абашевская посуда в большинстве имеет в глине примесь толченых раковин, а крупные нарядные сосуды часто лишены этой примеси. Не так редко плоскородная посуда в Поволжье, как казалось по данным одного Абашевского могильника.

Нет существенного различия и в орнаментации. Узкие треугольники — совсем не специфическая особенность селища Баланбаш, даже сечкам находится близкая аналогия в Чувашии в виде своеобразного узора на сосуде из кургана у дер. Пикшик (Мерперт, 1961, стр. 129, рис. 11). Пышность орнамента абашевских сосудов из селищ Башкирии теперь,

после находок нарядной керамики в насыпях абашевских курганов Поволжья, также уже нельзя относить за счет локальности.

Аналогии в орнаменте абашевской посуды обоих основных районов этой культуры не ограничиваются сопоставлением отдельных элементов узора. Целые сложные композиции орнамента почти полностью совпадают, в чем нетрудно убедиться на прилагаемой таблице (рис. 2).

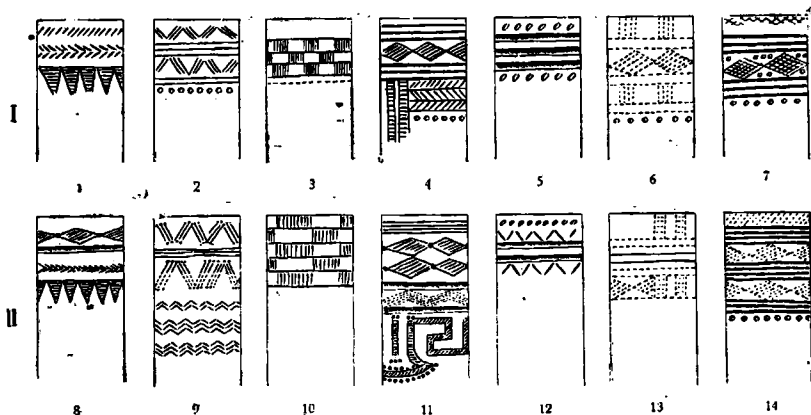

рис. 2. Сравнительная таблица элементов орнамента абашевской керамики.

I — Среднее Поволжье; II — Башкирия: 1, 4, 6 — Алгаши; 2, 5 — Катергина; 3 — Абашево; 7 — Таушаксы; 8, 10, 13, 14 — Урник; 9, 11, 12 — Балабаш.

Доказывая однокультурность памятников Башкирии и Поволжья, мы отнюдь не собираемся отрицать некоторые особенности южноуральского варианта абашевской культуры, что нами было установлено ранее (Сальников, 1954).

Литература об абашевской культуре, представленная еще несколько лет назад весьма ограниченным числом преимущественно мелких статей, за последние годы обогатилась рядом крупных работ, в которых сделаны важные обобщения, выводы, предложены новые теории происхождения культуры. Все это стало возможным благодаря введению в научный оборот большого количества новых исследованных памятников. Новые работы освещают почти исключительно абашевскую культуру на ее «классической» территории, которая благодаря раскопкам последних лет охватывает не только Чувашию и запад Татарии, но и значительную часть Марийской республики. Выводы и гипотезы, предложенные авторами этих работ, важны и для разработки истории абашевского населения Южного Урала. Сейчас мы располагаем большим материалом для решения таких вопросов, как происхождение культуры, ее датировка.

По вопросу о происхождении абашевской культуры до недавнего времени господствовала теория о генетической связи абашевцев с фатьяновцами (балановцами), которую вслед за О. Н. Бадером и О. А. Кривцовой-Граковой поддержали другие исследователи, в том числе и автор настоящих строк. Сейчас почти одновременно родились две новых гипотезы. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков истоки абашевской культуры ищут в Поднепровье, откуда через бассейн р. Оки ее носители достигают Чувашии и соседних районов (Ефименко, Третьяков, 1961). А. Х. Халиков выдвинул вторую оригинальную гипотезу о возникновении абашевской культуры на основе позднейшей культуры района Окско-

Донского междуречья (Халиков, 1961, стр. 223—224). На этой территории известно несколько памятников, которые, исходя из своей гипотезы, А. Х. Халиков считает раннеабашевскими. Отсюда абашевцы, по мнению А. Х. Халикова, под натиском срубных племен продвигаются к северу, на Верхнюю и Среднюю Волгу (Халиков, 1961, стр. 225), сначала занимают правобережье Средней Волги, а затем в последней четверти II тысячелетия до н. э. «обосновываются на короткое время» на территории Марийской АССР (Халиков, 1961, стр. 214).

Дальнейшая судьба абашевских племен, по мнению этого исследователя, уже связана с Уралом. «Можно лишь с уверенностью полагать, — пишет А. Х. Халиков, — что в самом конце II тысячелетия до н. э. абашевские племена покидают Волго-Вятское междуречье и перемещаются далеко на восток, в Приуралье» (Халиков, 1960, стр. 184). П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков также рассматривают приуральские памятники как поздний восточный вариант абашевской культуры (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 89).

Не останавливаясь на подробном разборе новых теорий о происхождении абашевской культуры, не можем обойти молчанием вопросы, связанные с датировкой и местом населения абашевской культуры на территории Башкирии в общей истории племен этой культуры.

Опираясь на характер керамики, никак нельзя согласиться с А. Х. Халиковым, что памятники Верхнего Дона являются наиболее ранними, а южноуральские — самыми поздними, иначе говоря, абашевские племена начали свои странствования с Дона и, пройдя через территорию Чувашии и Марийской АССР, закончили их на Южном Урале. Действительно, курганы Марийской АССР дают больше, нежели памятники Чувашии, плоскодонной керамики, которая характерна для поселений Башкирии, но даже тот небольшой материал, который известен с Верхнего Дона, позволяет сближать его с керамикой Башкирии. Как известно, из погребений абашевского типа у с. Тюнина происходят не только круглодонные сосуды, включенные А. Х. Халиковым в его таблицу (Халиков, 1961, табл. XIII, 4), но и плоскодонные, в том числе один на поддоне. Этой деталью и широким раструбом верха последний сосуд перекликается с вазообразным сосудом из Мало-Кизыльского селца близ Магнитогорска (Сальников, 1952, стр. 54, рис. 24, 3). Плоскодонные абашевского типа сосуды найдены у с. Никольского и в других пунктах Воронежской, Орловской и Курской областей (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 88, рис. 31). Наконец, раскопки П. Д. Либерова под Воронежем дали абашевскую керамику, орнаментированную меандрами, прямыми и волнистыми желобками, то есть узорами, которые до сих пор считались особенностью уральского варианта абашевской культуры.

Мы считаем, что для правильного решения проблемы происхождения абашевской культуры еще недостаточно данных. Важное значение, видимо, будут иметь дальнейшие исследования в области Верхнего Подонья, где скрещиваются пути, намечаемые теориями и А. Х. Халикова и П. П. Ефименко — П. Н. Третьякова. Процесс сложения этой культуры представляется более сложным, чем это рисует авторам всех существующих теорий, включая и фатьяновскую. В этом процессе принимали участие разные племена: и позднейшие, и среднеднепровские, и фатьяно-балановские, и культуры, входящие в круг ямочно-гребенчатых. Отсюда в зависимости от степени участия тех или иных племен возникали различные варианты абашевской культуры. Очевидно, наличие орнамента в виде глубоких желобков, столь распространенного в южных вариантах (на Верхнем Дону и в Приуралье), связано с некоторыми типами ямной керамики. Глубокие желобки иногда наблюдаются на сосудах ямной культуры в Нижнем Поволжье (К. Ф. Смирнов, 1960, рис. 22, 3). Весьма важно обнаружение в Тамбовской области, у с. Перикса, культурного слоя с желобчатой керамикой, с примесью толченой раковины (Попова, 1961, стр. 146, рис. 5, 9, 11, 12).

Прямой зависимости южноуральского абашева от ямной культуры мы не наблюдаем, предшественниками абашевских племен в южных районах Приуралья были племена полтавкинской культуры. Очевидно, определенные группы формирующихся абашевцев проникли в Башкирию с запада из Подонья, но не исключено и продвижение одновременно

с северо-запада из Среднего Поволжья, на что указывают те элементы орнамента в керамике абашевских памятников Башкирии, которые связываются с фатьяном.

Проникновение абашевцев в Башкирию произошло довольно рано. Относить этот процесс к грани II и I тысячелетий до н. э., как это делают исследователи абашевской культуры Поволжья, ошибочно. Базируясь на стратиграфии исследованного в 1955 г. у с. Береговки двуслойного поселения, мы еще в 1957 г. пришли к необходимости пересмотреть и удревнить датировку абашевской культуры (Сальников, 1959, 1959 а).

На этом памятнике в трех раскопах вскрыто три полуземлянки. В состав культурного слоя в районе первого жилища и в его заполнение входила керамика только срубной культуры. Раскопы II и III дали и срубную и абашевскую керамику, причем заполнение жилищ состояло почти исключительно из срубной керамики; на полу землянок найдены раздавленные сосуды срубного типа (табл. I). Принадлежность жилищ к срубной культуре не вызывает сомнения. Вне жилищ ясного стратиграфического различия в залежениях срубной и абашевской керамики не наблюдается. Но статистическим методом это различие улавливается. Особенно хорошо это удастся проследить в раскопе III, в который входили раскопанная часть жилища (35 кв. м) и значительная площадь межземляночного пространства (77 кв. м).

На площади 112 кв. м (раскоп III) обнаружено 844 фрагмента керамики, в том числе абашевской 314 и срубной 530. Почти вся абашевская керамика (84,4%) найдена за пределами жилищной впадины, в то время как большинство срубной (67,4%) оказалось в жилище (табл. I).

Таблица I

Распределение керамики по глубинам в раскопе III берегового I селища

Культура	Глубина, см											
	до 40		40—80		80—100		100—160		яма-погреб		всего	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
На межземляночном пространстве												
Абашевская	24	9	217	82	24	9	—	—	—	—	265	100
Срубная	40	23,1	117	67,6	16	9,3	—	—	—	—	173	100
На площади жилища												
Абашевская	1	2	15	30,6	14	28,6	9	18,4	10	20,4	49	100
Срубная	4	1,1	37	10,4	49	13,7	90	25,2	178	49,6	357	100

Для решения вопроса о последовательности обитания представителей двух культур на памятнике весьма показательны условия залегающих абашевских фрагментов. Если бы абашевцы поселились здесь после срубников, надо думать, что в этом случае абашевская керамика сравнительно равномерно должна была бы разместиться на площади раскопа, перекрывая и заплывшую впадину срубного жилища. Мы же видим (табл. II), что на один квадратный метр за пределами жилищной впадины приходится 3,5 черепка абашевской керамики, а на впадине — 1,1. Если же взять только верхние слои заполнения землянки, то вторая цифра спустится до 0,03 на глубине до 40 см и до 0,4 на глубине 40—80 см. Раз-

личие в густоте залегания абашевской керамики вне жилища и в жилище мы объясняем тем, что абашевский слой отложился ранее срубного, а при сооружении срубной землянки он был выброшен на сторону. В землянку же абашевские черепки могли попасть двумя путями. При сооружении срубного жилища абашевские черепки могли попасть в засыпку крыши, а оттуда, когда последняя обрушилась, на пол и в яму-погреб внутри жилища. На полу и в слое 0,5 м над полом в жилище найдено 9 абашевских черепков, а в яме-погребе — 10. Если бы абашевцы заселили памятник после срубников, когда яма-погреб и пол землянки, а может быть, и вся землянка, заплыли, абашевские черепки не могли бы проникнуть столь глубоко в жилище. Абашевские черепки были занесены в верхние слои заполнения жилища с краев жилищной впадины в процессе заполнения последней.

Таблица II

Количество фрагментов керамики на 1 кв. м в раскопе III береговского I селища

	В среднем на всей площади	На глубине, см			
		до 40	40—80	80—100	на полу и в яме
На межземляночном пространстве					
Абашевская	3,5	0,3	2,8	0,3	—
Срубная	2,2	0,5	1,5	0,2	--
На площади жилища					
Абашевская	1,1	0,03	0,4	0,4	0,25
Срубная	10,2	0,1	1,1	1,4	7,6

Таким образом, статистико-стратиграфические наблюдения на поселении Береговское I убеждают нас в том, что абашевская культура в Башкирии предшествовала срубной. Какова абсолютная дата появления абашевских племен в Приуралье? Нам представляется, что это произошло в середине II тысячелетия до н. э. В пользу такой даты говорят следующие данные: 1) срубная керамика, перекрывающая абашевский слой на селище Береговское I, сохраняет элементы полтавкинского этапа (веревочный и кольцевой орнамент); 2) в состав срубного слоя входят отдельные черепки андроновской керамики алакульского типа (XIV—XI вв. до н. э.); 3) на абашевской посуде изредка встречаются оттиски «шагающей гребенки», которая в Прикамье позднее XIV в. до н. э. не встречается (Бадер, 1953, стр. 46); 4) среди абашевского металла много архаичных (пластинчатые орудия) и ранних форм (кованые наконечники копий) (Сальников, 1962в).

Сложнее вопрос о верхней дате абашевской культуры в Приуралье. С начала второй половины II тысячелетия до н. э. в бассейне среднего и нижнего течения р. Белой широкое распространение получают поселения срубной культуры; число их достигает нескольких сот. Изредка на срубных селищах встречается включение небольшого количества абашевской посуды, что, может быть, свидетельствует о сосуществовании некоторое время обеих культур.

Но в конечном результате под натиском срубных племен абашевцы передвинулись в Зауралье, где, попав в гущу андроновского населения, были последним ассимилированы. В курганах у пос. Степного в Челябинской области обнаружены, наравне с андроновскими, сосуды гибридного характера (Стокос, 1962).

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА

Как показали исследования последнего десятилетия, памятники срубной культуры, открытые на территории Башкирии впервые в 1934 г. (Дмитриев, Сальников, 1941), распространены были весьма широко. Вся западная часть БАССР вплоть до берегов Камы на севере была заселена во второй половине II тысячелетия до н. э. срубными племенами. Разведками В. П. Викторова, В. Д. Викторовой и А. П. Шокурова по берегам р. Белой и ее притоков от южной излучины до устья открыты сотни поселений срубной культуры. По густоте населения Башкирия в это время не уступала Куйбышевскому и Саратовскому Поволжью. Западная Башкирия представляла собою северо-восточную окраину огромной территории, занятой племенами срубной культурной общности.

Проникновение на территорию Башкирии племен Поволжья началось еще в первой половине II тысячелетия до н. э. На юге республики имеются слабые следы пребывания полтавкинского населения, которое, очевидно, не успело укрепиться здесь до того момента, как сюда стали вливаться и довольно основательно оседать абашевские племена. Второй этап заселения Башкирии с юго-запада был более интенсивным и падает на начало третьей четверти II тысячелетия до н. э. Это были срубные племена с керамикой, в которой сохранились элементы орнамента, характерные для полтавкинского этапа: кольцевые оттиски полого штампа и веревочки, которые иногда образуют петелькообразные формы.

Керамика поселений представлена тремя типами сосудов: баночной, горшечно-баночной и горшечной формы. Обломки остросереберных сосудов встречены в единичных экземплярах, что обычно и для поселений срубной культуры Поволжья. Некоторая удлиненность, вертикальные пропорции части сосудов на поселениях не могут служить доказательством сравнительной молодости памятников. Эту черту надо объяснить влиянием андроновской культуры.

Среди погребальных памятников срубной культуры в Башкирии также известны довольно ранние. Так, в керамике могильника Чубак-Каран представлены «классические» срубные формы: остросереберные и баночные низкие сосуды, орнаментированные крупнозубчатым штампом, преобладает ориентировка погребенных головой к северо-востоку. Правда, причины, вызывавшие различную ориентировку погребенных, предстает еще выяснить. На этом вопросе подробно останавливался, кажется, только Н. Я. Мерперт, который склоняется к мысли, что северо-восточная ориентировка типична для более ранних погребений, сохраняющих традиции полтавкинского этапа. На развитом этапе срубной культуры преобладает северная ориентировка. Многие исследованные в Башкирии срубные погребения обладают в общем теми же чертами, которые характерны для памятников Куйбышевского и Нижнего Поволжья: скорченное положение на левом боку, с кистями рук у лица, головой к С, С-В, изредка С-З.

Срубные племена рано подверглись влиянию андроновской культуры, которое сказывается в срубных памятниках юго-западных районов и отсутствует на северо-западе. В первых в составе керамики нередко можно встретить небольшую примесь алакульской посуды. Эти фрагменты не только снабжены алакульским орнаментом и имеют уступчик на плечиках, но часто содержат в глине примесь талька, что характерно для алакульской керамики и абсолютно чуждо срубной. Алакульская посуда проникала, по-видимому, в готовом виде из-за Урала, но не исключено, что в среду срубных племен южной Башкирии вливались целые группы андроновского населения, которые смешивались со срубными, растворялись в нем. Отражение этого процесса можно видеть в гибридных формах сосудов, нередко встречающихся на срубных поселениях юго-западной Башкирии.

Более того, некоторые срубные памятники южной Башкирии скорее надо считать срубно-андроновскими. Они находятся на той территории, границы которой можно грубо обозначить следующими пунктами: Бузулук — Стерлитамак — Магнитогорск — Орск, где первые памятники смешанной культуры исследовались еще в 30-е годы текущего столетия. У хутора Кошкара близ Ишимбая в 1934 г. был раскопан семейный курган, в котором мужское и детское погребения сопровождалось сосудами срубного типа, а женское — андроновским сосудом (Дмитриев, Сальников, 1941). В кургане у с. Погромное близ г. Бузулука в 1937 г. было вскрыто 7 погребений, в обряде и керамике которых переплетались черты срубной и андроновской культур (Сальников, 1950). Аналогичное явление отмечено в Домбаровском районе Оренбургской области Н. П. Кипарисовой, А. С. Новиченко, Е. Е. Кузьминой (Сальников, Новиченко, 1962; Кузьмина, 1962), а в других местах Оренбуржья — Э. А. Федоровой-Давыдовой (Федорова-Давыдова, 1964).

Испытывая известное влияние со стороны соседней андроновской культуры, срубные племена Башкирии все же сохраняют свои самобытные характерные черты, что особенно ярко прослеживается на керамике. Штриховое грубое заглаживание поверхности гребенчатым штампом, грубость, небрежность, часто асимметричность орнамента — все это чуждо андроновским памятникам и характерно для срубной культуры.

Развитие срубных племен на позднем этапе протекало неодинаково. Характерная для позднего, хвалынского этапа валиковая керамика в Башкирии, как и в других районах обитания срубных племен, представлена весьма бедно. Этот тип керамики найден только в 1961 г. на севере Уфимского района на поселении Кумлекулъ (раскопки автора), где были встречены обломки сосуда с валиковыми «усами». Среди фрагментов сосудов на сотнях селищ, открытых разведками Шокурова и Викторовых, ни одного обломка керамики с валиками не обнаружено. По всей видимости, отрезок времени, для которого была типична эта форма сосудов, был весьма краток и не оставил в археологических памятниках значительных следов. В северных районах Башкирии это явление осложнилось, кроме того, проникновением пришлых племен культур черкаскульской (северо-андроновской) и курмантау, которое нарушило спокойное развитие срубного населения. Здесь конец бронзового века не связан с племенами срубной культуры.

Иной представляется судьба срубных племен в южных районах республики. Испытывая на себе некоторое андроновское влияние, главным образом в алакульское время, срубные племена обогащались элементами андроновской культуры, но сохранили здесь свое лицо, надо думать, до начала эпохи железа. Правда, памятников с выраженными чертами хвалынского этапа мы здесь не знаем, что, может быть, надо объяснять недостаточной изученностью района и кратковременностью этого этапа. С другой стороны, нам неизвестно здесь никаких памятников поздней бронзы иных культур, кроме срубной, дополненной элементами андроновской.

В различии состава населения северных и южных районов в конце эпохи бронзы надо видеть причины отличия населения юга Башкирии от обитателей северных районов в эпоху раннего железа.

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Археологические памятники западной Башкирии вообще и эпохи бронзы в частности изучены неизмеримо шире, чем памятники зауральских районов. По отрывочным данным можно судить, что восточные и юго-восточные районы республики были заселены андроновско-алакульскими племенами, а северо-восточные — племенами черкаскульского варианта андроновской культурной общности.

Андроновские племена из-за Урала проникали в западную Башкирию и далее до берегов р. Волги. Примесь обломков сосудов андроновского облика к керамике на срубных поселениях Среднего, отчасти и Нижнего Поволжья отмечается всеми исследованиями. Но вопрос о времени проникновения и в особенности об исходных районах и о направлении движения андроновских групп на запад разработан недостаточно. Материалы памятников с

территории Башкирии, где так же, как в Южном Приуралье, андроновские племена непосредственно соседствовали со срубными, могут внести некоторую ясность в этот важный вопрос.

Мы не можем указать в этом районе селищ федоровского этапа, но такой интересный памятник, как нижний слой левобережной части Первого Сусканского поселения, содержащий керамику федоровского типа (Мерперт, 1953), не оставляет сомнения, что еще на раннем этапе андроновцы прошли через территорию Башкирии. Продвижение андроновцев в федоровское время из-за Урала отразилось и в керамике Луговского поселения на р. Каме. Некоторые черты посуды этого памятника связывают ее с северными лесными андроновскими племенами Зауралья, а не со степными. Федоровская керамика Сусканского поселения представлена в опубликованных иллюстрациях слишком ограниченным числом экземпляров, чтобы можно было судить, из каких мест Зауралья она сюда проникла. Но отсутствие федоровских памятников в Оренбуржье и западном Казахстане заставляет думать, что андроновцы в Куйбышевское Поволжье проникли не через степи Южного Приуралья и Оренбуржья, а более северным путем через северные районы современной Башкирской республики, не оставив в последней заметных следов.

В конце II тысячелетия до н. э. в северную половину Башкирии проникают андроновские племена с культурой иного типа.

К западу от Урала, с широты несколько южнее г. Уфы и до северных границ республики, на срубных памятниках нередко встречается в керамике примесь черепков андронидной посуды. Памятником, где в культурный слой входит посуда только этого типа, по-видимому, является поселение Ахметово I, раскопанное в 1957—1959 гг. в Кушнаренковском районе А. В. Збруевой и Б. Г. Тихоновым. В сочетании с курмантауской и единичными черепками хвалынской керамики андронидная посуда составляла культурный слой селища Кумлекуль на севере Уфимского района (раскопки автора 1961 г.). Находки этой керамики в северных районах республики настолько часты и многочисленны, что можно говорить об оседании на этой территории новых пришлых андронидных племен. Вследствие своеобразия культуры этих племен, отличающихся от населения степных районов андроновской территории, необходимо на их характеристике остановиться подробнее.

Андроновская культурно-историческая область занимает огромную территорию, на которой намечается ряд локальных вариантов. Одни из них составляют племена северного «лесного андрона», которые нами выделяются в особую черкаскульскую культуру, как вариант андроновской (Сальников, 1964б).

Черкаскульская культура, сложившаяся на севере лесостепного и в прилегающих районах лесного Зауралья, в пограничной полосе Челябинской и Свердловской областей в своем развитии прошла ряд этапов: черкаскульский, межовский и березовский.

Керамика черкаскульского этапа (рис. 3, 1—3) близка и, очевидно, синхронна федоровской керамике степного андрона. И та и другая посуда имеет горшковидную форму и богатый геометрический орнамент. Своеобразие черкаскульской керамики заключается в таких, не встречающихся на федоровских сосудах, элементах орнамента, как: заштрихованные фестоны, ромбы незаштрихованные, ромбы концентрические, полоса тщательно нанесенной ромбической сетки, ряды наклонных нарезок, собранных в группы по 3—5 линий с интервалами между группами. Изредка встречаются орнаментальная полоса вдоль внутреннего края сосуда и бахромка по нижнему краю орнаментированной зоны. Преобладание резного орнамента и поперечной штриховки полос меандра, большая роль широких желобков, отсутствие «косых» треугольников также отличают орнамент черкаскульской посуды от федоровской. Многие элементы черкаскульского орнамента находят себе аналогию в орнаментации посуды местных племен предшествующего времени, что указывает на генетическую связь между ними.

Межовский этап характеризуется керамикой, в чистом виде открытой на селище Межовка на р. Багаряк на севере Челябинской области (раскопки автора 1953 г.). На селище Черкаскуль II на одноименном озере в Каслинском районе Челябинской области

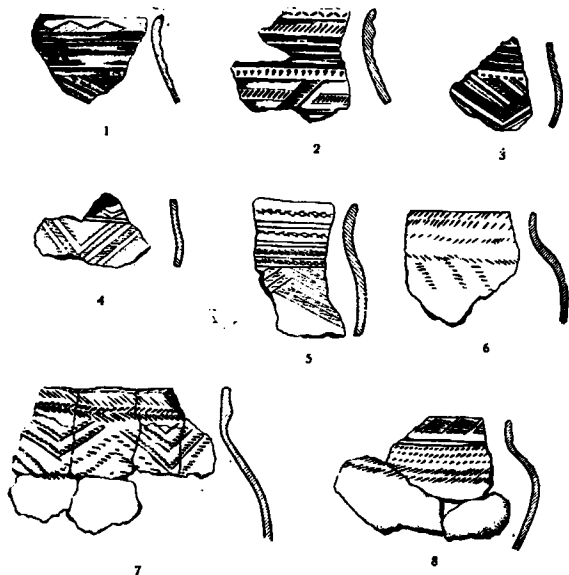

Рис. 3. Образцы черкаскульской керамики Зауралья:

1-3 — черкаскульский этап; 4, 5 — межовский этап; 6-8 — березовский этап; 1-5 — поселение Черкаскуль II; 6, 8 — поселение Коптаки I; 7 — поселение Коптаки II.

(раскопки автора 1956 г.) межовская керамика залегает в слоях, перекрывающих отложения керамики черкаскульского этапа.

Характерной чертой межовской керамики являются валики разной степени выпуклости. Часто валик так высоко поднят к краю, что получается воротничок. В большинстве случаев валики и воротнички выделяются незначительно. Помимо валиков сосуды украшены отпечатками гребенки, гладкого штампа или резьбой. Орнамент составляют весьма скромные элементы (рис. 3, 4, 5; 4, 1-7): елочка, грубая ромбическая сетка, образованная перекрещивающимися линиями, реже — зигзаги и ряды наклонных оттисков или насечек. Плечики сосудов нередко украшены 1-3 рядами зигзагов из заштрихованных полос. Часто ряды таких зигзагов не разделены интервалами, а примыкают непосредственно друг к другу. Ни меандров, ни геометрических фигур на межовской посуде не встречается. Межовский тип возник позднее черкаскульского, но генетически с ним связан. К такому заключению приводят и стратиграфические наблюдения, и форма сосудов, и характер орнамента. Зигзаги из штрихованных полос являются, очевидно, отзвуком меандров. Грубая ромбическая сетка происходит от тщательной сетки черкаскульских сосудов. Межовская керамика ориентировочно может быть датирована концом II тысячелетия до н. э.

Керамика березовского этапа впервые была выделена на озере Березовом в Покровском районе на крайнем юге Свердловской области, где она залегала в верхних горизонтах многослойного поселения (Сальников, 1951). Однослойными поселениями с керамикой этого

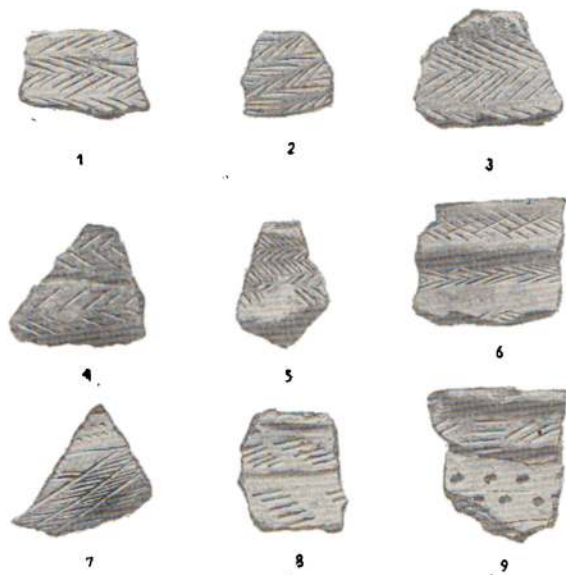

Рис. 4. Образцы черкаскульской керамики:

1-7 — межовский этап; 8-9 — березовский этап; 1-3, 6-9 — поселение Черкаскуль II; 4-5 — поселение Межовское.

типа являются стоянки Коптяки I и Коптяки II на Исетском озере близ Свердловска. Для березовского типа керамики характерны сосуды с невысокими вертикальными или несколько отогнутыми горлами, на которых нередко имеются валики или утолщения венчика в виде воротничка (рис. 3, 7-8). Плечики сильно выпуклы, благодаря чему форма тулова приближается к бомбовидной.

Орнамент эволюционирует в сторону дальнейшего упрощения и обеднения. Иногда украшение сосуда ограничивается несколькими рядами насечек, в других случаях насечки дополняются зигзагами или елочкой, встречаются заштрихованные полосы, часто без интервалов — межовского типа. Орнамент наносился путем нарезки острием (рис. 3, 6-8). Гребенчатый штамп перестал употребляться. Из изложенного видно, что березовская керамика обнаруживает генетическую зависимость от посуды предыдущего этапа. Но другие элементы орнамента связывают березовские сосуды с керамикой иткульской культуры эпохи раннего железа (Сальников, 1962a). Таковы наклонные колонки из горизонтальных насечек (рис. 3, 6; 4, 8) и поясок из чередующихся групп нарезок горизонтальных и наклонных (рис. 3, 8; 4, 9).

Березовская керамика, таким образом, существовала в эпоху перехода от бронзового века к железнору, в начале I тысячелетия до н. э.

Андронидная керамика на севере Башкирии, несомненно, оставлена племенами черкаскульской культуры, стоявшими на межовском и березовском этапах развития. Нам неизвестна здесь керамика черкаскульского этапа. Для андронидной керамики Башки-

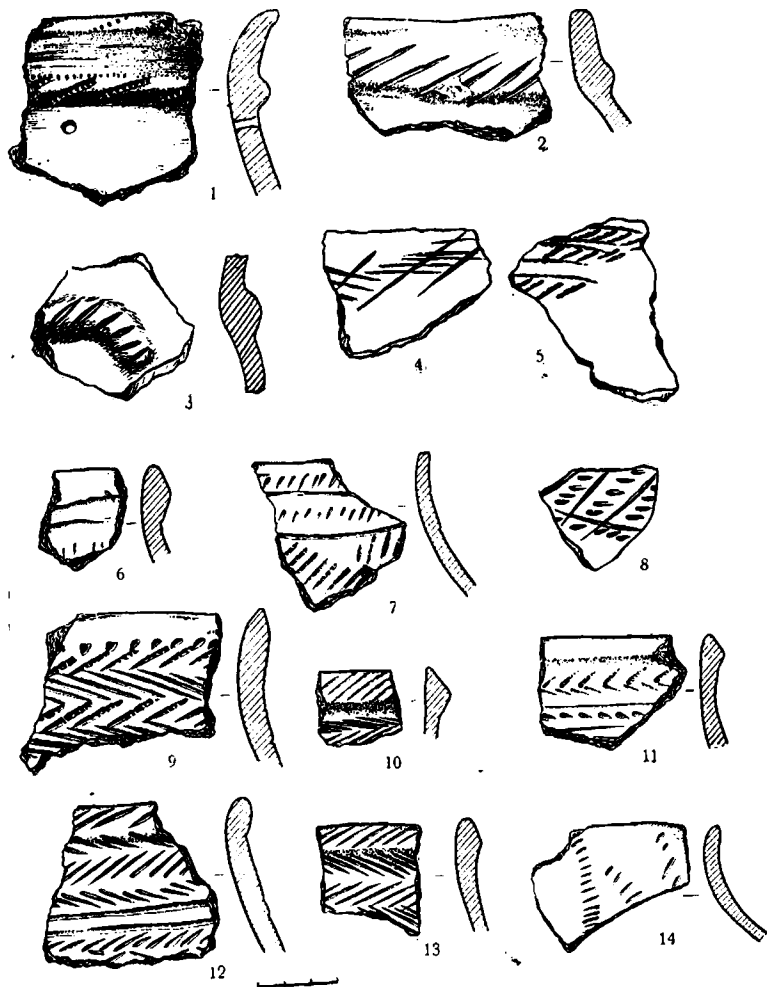

Рис. 5. Керамика селища Кумлекуль:

1-3 — срубная керамика хвалынского этапа; 4-14 — черкаскульская керамика межовского и березового этапов.

рин характерны такие элементы орнамента, как елочка, ромбическая сетка, несильно выравненные валики и воротнички, ряды зигзагов из заштрихованных полос, иногда без интервалов между рядами, наклонные колонки из горизонтальных нарезок, группы из чередующихся горизонтальных и наклонных нарезок. При этом в орнаменте редки отбитки гребенчатого штампа (рис. 5, 4—14). Все перечисленные элементы орнамента характерны для черкаскульской посуды межевского и отчасти березовского этапа.

Таким образом, можно определенно говорить о том, что в позднеандроновское время в состав населения северной Башкирии входили племена черкаскульской культуры, проникавшие сюда с севера Челябинской и юга Свердловской областей. Тот факт, что в южных районах республики нет черкаскульской керамики, а андроновская посуда здесь представлена алакульскими типами, подтверждает мнение о северном пути проникновения позднеандроновских племен в Башкирию и далее к берегам Волги. Поздний слой Первого Сусканского поселения (Мерперт, 1958) и верхний горизонт Моечного I поселения (Алихова, 1958, стр. 177) состоят из обломков посуды, в которой имеются черкаскульские черты.

Черкаскульские племена играли большую роль в истории северной Башкирии на заключительном этапе бронзового века.

КУЛЬТУРА КУРМАНТАУ

С каждым годом становится яснее, что в истории населения Башкирии в эпоху бронзы немалую роль играли племена культуры курмантау. Еще несколько лет назад курмантауские памятники казались явлением исключительным, они были сосредоточены на узкой территории по берегам среднего течения р. Белой (Збруева, 1957, стр. 32; 1959, стр. 57). Сейчас известно около двадцати курмантауских стоянок по р. Белой от Бурзянского района до устья. На 7 памятниках (Курмантау Нижнее, Демская, имени Касьянова, Михайловская, Западное Куш-тау, Кумлекуль, Урнякский могильник) произведены раскопки. При значительном количестве изделий из кремня на поселениях встречаются поделки из меди. Находка тигля для плавки меди свидетельствует о знакомстве с металлургией. Кости рыб и домашних и диких животных определяют хозяйство. Ограниченность исследованных памятников, недостаточная их публикация лишает возможности подробнее охарактеризовать культуру. Ясное представление можно составить о керамике. Круглодонные сосуды с выпуклыми плечиками и вертикальными или несколько отогнутыми горлами, иногда с «воротничком», и чашки орнаментированы в большинстве резбой, ямками и насечками, нередко гребенчатым штампом. На каждом памятнике в орнаменте керамики можно отметить местные особенности, но наиболее характерные для культуры элементы узора имеются на всех памятниках: «флажки», отлогие зигзаги, елочка, заштрихованные ромбы, ряды и группы насечек, круглые ямки, часто группами по 2—3. В глине примесь толченых раковин.

Керамика памятников курмантау находит себе много полных аналогий или очень близка посуде культур, соседних с севера. На стоянке Луговская II до 50% керамики близки курмантауской, много ее на Ананьинской дюне, встречается на Гулькинской и Малмыжской стоянках. На средней Каме в памятниках ерзовского типа часть керамики носит курмантауский характер.

С другой стороны, сосудам культуры курмантау близка «жемчужно-флажковая» керамика лесостепного Зауралья, которая встречается как примесь к позднеандроновской на таких памятниках, как Черкаскуль II на севере Челябинской области, как селища Баборыкино II (Сальников, 1961, стр. 45, 46, рис. 5—16, 19) и Бархатово-Заречное в Курганской области.

На территории Башкирии культуре курмантау трудно найти прямые генетические корни в местных культурах предшествующего времени. Ни из срубной, ни из андроновской ее вывести невозможно. Отдельные элементы в орнаменте (отлогие зигзаги, парные насечки) роднят ее с абашевской, так же как и примесь толченых раковин в глине сосудов. Но в Башкирии между абашевской и курмантауской культурами значительный хронологический разрыв. Их соседство во времени здесь пока установить не удается. Вероятно,

абашевские элементы в орнаменте вошли в состав узоров курмантауской посуды где-то в более северных районах, а на территорию Башкирии курмантауские племена проникли уже в сложившемся виде.

Культура курмантау входит в круг культур предананьинского времени и датируется гранью II и I тысячелетий до н. э.

На территории северной и горной Башкирии она застала позднесрубные и северо-андроновские (черкаскульские) племена. Взаимоотношения разнородных культур на заключительном этапе развития эпохи бронзы хорошо прослеживаются на селище Кумлекуль, исследованном в 1961 г. объединенной экспедицией Башкирского филиала АН СССР и

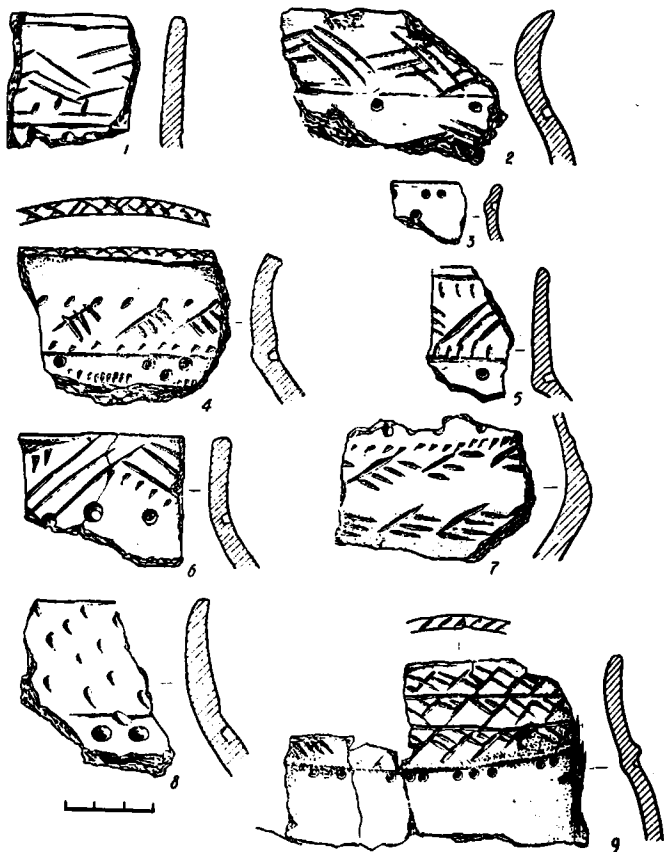

Рис. 6. Керамика культуры курмантау. Селище Кумлекуль.

Башкирского университета на севере Уфимского района. В едином культурном слое в землянке и вне ее керамика на селище представлена синхронными, но разнокультурными видами. Флажковая керамика Курмантау (рис. 6) залегала совместно с северо-андроновской черкаскульского типа валиковой керамикой Зауралья и срубной хвалынского типа с валиковыми «кусами» (рис. 5). Очевидно, этот памятник отражает тот ассимиляционный процесс, который протекал на границе II и I тысячелетий до н. э. в среде разноплеменного населения на берегах нижнего течения р. Белой.

Наравне с другими предананьинскими культурами в Прикамье культура курмантау сыграла большую роль в сложении ананьинской культуры раннежелезного века. Очевидно, курмантауские племена участвовали, главным образом, в сложении бельского варианта этой культуры, который правильнее будет выделить в особую, родственную ананьину, кара-абызскую культуру. В керамике последней сильнее, чем в других районах, сказались элементы курмантау.

Снимается ли в связи с этим абашевская теория происхождения ананьинской культуры?

Говоря о большой роли абашевских племен в сложении ананьинской культуры (Сальников, 1954), автор не связывал последнюю непосредственно с абашевской. В формировании ананьинских племен, и прежде всего бельского варианта (кара-абызской культуры), большую роль из числа местного населения играли племена культуры курмантау. А последние, в свою очередь, в керамике сохраняют некоторые принципы орнаментирования, свойственные абашевцам. По состоянию источников сейчас, к сожалению, эта проблема может решаться лишь на основании керамики. Этот сложный и спорный вопрос мог бы разрешиться на материале могильников, включая антропологический. Но мы знаем в Башкирии только один бесспорный могильник курмантауской культуры — Урнякский (Сальников, 1954 а). Курмантауским считаем также могильник Маклашевка II. К сожалению, антропологический материал из обоих памятников не изучен, археологические же коллекции из этих погребений могут быть сопоставлены и с абашевскими и с ананьинскими, служа связующим звеном, но они слишком малочисленны.

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, считая, что «абашевские традиции в ананьинской культуре оказались очень устойчивыми», усматривают, в частности, много элементов, близких к абашевским в ананьинских украшениях (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 94—96, рис. 32). Надо полагать, что абашевские элементы в украшениях и в узорах керамики проникли к ананьинским племенам при посредстве курмантауских, что видно на примере предметов из Урнякского могильника.

Кара-абызские могильники до последнего времени оставались неизвестными. Первый могильник изучен в 1962 г. в Бирском районе у с. Биктимирова. Для женских погребений характерно большое количество металлических украшений.

В свете накопленного материала состав населения Башкирии в начале I тысячелетия до н. э. — в эпоху перехода бронзового века в железный век — представляется неоднородным. На северо-западе, в результате ассимиляции племен курмантау с черкаскульскими племенами и остатками позднесрубных (хвалынских) при ведущей роли первых, формировались племена ананьинской и кара-абызской культуры. Южные районы Башкирии, очевидно, входили в ту территорию, где на основе срубно-андроновской культуры протекал процесс сложения савроматских племен. Центральная полоса республики представляла собою контактную зону. Материалы гафурийских городищ (Юсупов, 1959) служат тому хорошей иллюстрацией. На северо-востоке БАССР намечается особый район с населением, тяготеющим к племенам каменногорской культуры, характерной на заре железного века для южнолесного Зауралья. Но эта часть Башкирии еще ждет своего исследователя.

Э. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

**К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ**

С 1956 г. Институтом археологии АН СССР, Государственным историческим музеем и Оренбургским краеведческим музеем ведется систематическое изучение археологических памятников Оренбургской области. Эта область охватывает степные пространства Южного Приуралья и занимает удобное «транзитное» положение на границе Европы и Азии. Южные отроги Уральского хребта — Губерлинские горы — не представляли собой серьезного препятствия для передвижения племен в древности.

Такое географическое положение обусловило своеобразие археологических памятников Оренбургской области. За прошедшие годы обследовано и подвергнуто стационарным раскопкам большое число объектов, в том числе могильников эпохи бронзы. В характере погребальных сооружений, обряде и инвентаре этих могильников сочетаются особенности, присущие погребениям андроновской культуры Южного Зауралья и Казахстана и срубной культуры Поволжья. Влияние срубной культуры усиливается по мере продвижения с востока на запад.

По типам погребальных сооружений могильники могут быть разделены на несколько групп.

В восточных районах области преобладают каменные кольца и курганы с каменными кольцами по основанию, заключающие одну, редко две грунтовые могильные ямы или каменный ящик. Покойники в них лежат скорченно на левом боку и имеют очень устойчивую юго-западную или западную ориентировку.

Обычно каменные кольца с насыпями и без насыпей располагаются в одном могильнике. Они различаются размерами могильных ям и богатством погребального инвентаря.

Наряду с этим встречаются могильники, представляющие собой целые «колонии» плоских каменных колец, расположенных так близко друг к другу, что выделение некоторых из них весьма затруднительно.

Аналогичная картина наблюдалась в могильнике Хабарное I, на правом берегу р. Урал, ниже г. Ново-Троицка¹. Могильник состоял из 62 каменных колец и курганов

¹ Раскопки автора, 1959 г.

с каменными кольцами высотой от 0,1 до 0,8 м. Вскрыто 24 каменных кольца с насыпями различной величины и без насыпей. В 21 из них оказалось по одному, в 2 — по два погребения. Исключение составлял курган № 15. Он имел плоскую насыпь расплывчатых очертаний диаметром около 12 м. Курган располагался на склоне коренного берега реки; высота его со стороны склона не превышала 0,4 м. На вершине насыпи четко выделялось каменное кольцо диаметром 3 м. Вокруг него прослеживались камни, в расположении которых также можно было уловить очертания колец.

Под насыпью обнаружено 28 детских погребений. Некоторые из них на поверхности были отмечены кольцами. Стратиграфически последовательность захоронений проследить не удалось, однако можно предположить, что курган образовался от слияния отдельных каменных колец с незначительными насыпями. Погребения сопровождалась глиняными сосудами баночной формы и горшковидными сосудами без орнамента или с бедным орнаментом в виде горизонтальных прямых и ломаных линий, заштрихованных треугольников и полос, выполненных оттисками гладкого штампа и нарезкой (рис. 1, 1—3). Всего в 28 могилках этого детского кладбища найдено 30 сосудов.

Из остальных двадцати трех колец только три самых маленьких (диаметры: 2; 2,5 и 4 м) были сооружены над детскими погребениями.

В кольцах с насыпями средней величины (высотой до 0,4 м) при костяках взрослых людей наряду с баночными сосудами встречались горшки с сильно раздутыми боками и уступчиками на плечике. Поверхность их украшена сложным орнаментом, нередко выполненным зубчатым штампом, и тщательно заглажена, а порой залощена (рис. 1, 5, 7). Изредка при покойниках находились украшения в виде бронзовых браслетов (желобчатых и ромбических в сечении, с витыми концами), бронзовых и пастовых бус.

Большие курганы с каменными кольцами по основанию достигали высоты 0,6—0,8 м. Под ними обнаружены громадные прямоугольные ямы (3 х 2 м при глубине до 1,5 м) с каменными выкладками вдоль стен. Большинство из них ограблено.

Погребения сопровождалась богатым инвентарем, о чем можно судить по забытой грабителями в кургане № 23 золотой привеске (рис. 2, 1). В керамике этих погребений преобладают крупные лощеные горшки с раздутым туловом и уступчиком на плечике. Поверхность их украшена пышным орнаментом в виде меандров, флажков, заштрихованных треугольников и ромбов, выполненных оттисками зубчатого и гладкого штампов (рис. 1, 6). Видимо, погребения, сопровождавшиеся пышной парадной посудой и дорогими вещами, принадлежали представителям племенной знати.

Таким образом, в могильнике Хабаровое I керамика андроновского типа с пышной орнаментацией сочетается с сосудами баночной формы срубного типа и небольшими горшковидными сосудами андроновской формы с бедной, упрощенной орнаментацией. Первые преобладают в богатых погребениях и рядовых погребениях взрослых людей, последние — в детских погребениях.

Все могильники описанных выше типов относятся к алакульскому варианту андроновской культуры и тяготеют к памятникам соседних районов Казахстана. В их керамике заметно сильное влияние срубной культуры. Влияние срубной культуры отразилось и в форме надмогильных сооружений. Так, в могильнике у с. Новый Кумак, Ново-Орского района¹, обнаружено андроновское погребение под обычной земляной насыпью без каких бы то ни было каменных конструкций.

К западу от Губерлинских гор надмогильные сооружения в виде каменных колец встречаются редко. Здесь преобладают простые земляные курганы. Под ними бывает по одному или несколько погребений. Иногда число могильных ям под одной насыпью достигает двух-трех десятков.

Обряд этих погребений аналогичен погребальному обряду в каменных кольцах. Покойники лежат скорченно на левом боку. Преобладает юго-западная ориентировка, но она менее устойчива, чем в восточных районах.

¹ Раскопки М. Г. Мошковой, 1959 г.

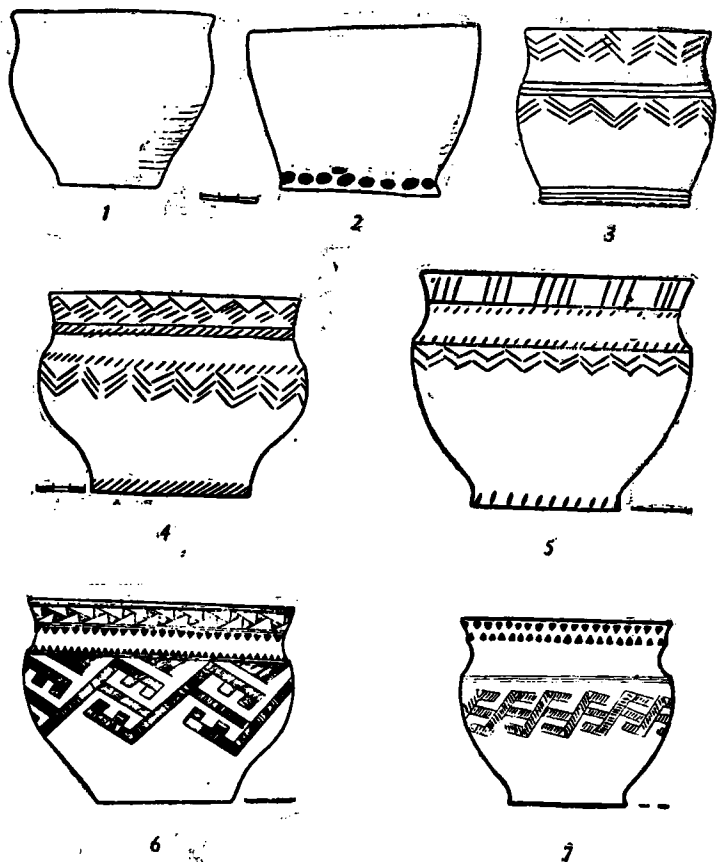

Рис. 1. Типы сосудов. Могильник Хабаровое.

Встречаются погребения с северо-восточной и юго-восточной ориентировкой. Иногда покойники лежат на правом боку. Иллюстрацией к такого рода отклонениям может служить погребение № 10 в кургане № 15 Увакского могильника. Покойник в нем лежал на правом боку, имел юго-восточную ориентировку и был очень сильно скорчен, «спеленут». Такая степень скорченности костяков характерна для погребений срубной культуры Поволжья, но не свойственна андроновским погребениям Южного Приуралья.

В могиле обнаружен сосуд алакульской формы, близкий горшкам Алексеевского могильника (рис. 3, 2). Поверхность его украшена оттисками зубчатого штампа в виде елочки.

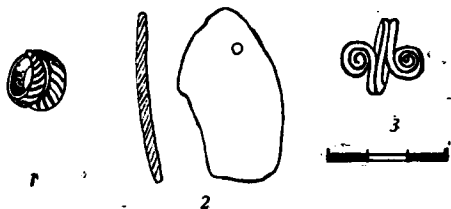

Рис. 2. Украшения:

1 — из могильника Хабарное 1; 2, 3 — из могильника Новая Белогорка.

Стационарным раскопкам он не подвергался, однако характер подъемного материала позволяет с уверенностью отнести его к андроновской культуре.

Если для центральной части Оренбургской области можно говорить об андроновских могильниках, в обряде, керамике и характере погребальных сооружений которых ясно прослеживается сильное влияние срубной культуры, то в западных районах области эти памятники носят смешанный срубно-андоновский характер.

На западной окраине области, в Сорочинском районе, у с. Новая Белогорка, исследован очень интересный могильник, состоявший из земляных насыпей. Вскрыто три кургана и еще в одном (курган №1) произведена зачистка грабительского шурфа. В последнем оказался врытый в грунт каменный ящик. Он был составлен из больших, стоявших на ребер, каменных плит и имел ориентировку ЗЮЗ-ВСВ.

Под насыпью кургана № 2 обнаружено 40 погребений эпохи бронзы. Они совершены в грунтовых могильных ямах и на уровне древнего горизонта перекрыты каменными плитами. Тридцать два погребения оказались детскими. При этом нет никакой системы в расположении могил по возрастному признаку.

Аналогичная картина наблюдалась в кургане № 4 с той лишь разницей, что там открыто всего три погребения. Два из них принадлежали детям.

Последовательность погребений стратиграфически не прослежена. Насыпи курганов состояли из однородного грунта. Под ними на уровне древнего горизонта находились плиты каменных перекрытий. Очевидно, насыпка кургана производилась в один прием, а до этого могильник некоторое время существовал как бескурганное кладбище.

Под насыпью кургана № 2 обнаружены следы тризн в виде кучек пережженных костей и разбитых сосудов.

Иную конструкцию имел курган № 3. В центре его был расположен большой каменный ящик, возле которого найдено лишь несколько костей взрослого человека. В 2,5 м к югу от него находилось разрушенное грызунами погребение № 6. В нем обнаружен сосуд (рис. 4, 3) и тазовая кость взрослого человека. Могила перекрывалась громадной растрескавшейся каменной плитой, на поверхности которой находился слой прокаленной глины. Видимо, здесь горел ритуальный огонь. С северо-востока и юго-запада погребение было огорожено выкладками из каменных глыб. Вместе с каменным ящиком и большой плитой в юго-восточной части кургана эти выкладки образовали незамкнутый овал. На камнях юго-западной выкладки обнаружены остатки тризн в виде кучек кальцинированных костей. Здесь же стояли два однотипных глиняных сосуда (рис. 4, 2) со следами охры внутри. В восточной половине кургана, за выкладкой, группами располагались

Небрежность в нанесении орнамента, употребление крупнозубчатого штампа, грубость и асимметричность самого сосуда носит чисто срубный характер. В керамике Увакского могильника преобладают андроновские формы (рис. 3, 1—9), однако поверхность сосудов часто обработана в срубной манере: заглажена зубчатым штампом (рис. 3, 7, 9). Наряду с этим встречаются и простые баночные сосуды (рис. 3, 10, 11).

В том же районе, на правом берегу р. Илек, обнаружен памятник нового типа — грунтовой могильник¹.

¹ Могильник у с. Ветлянка, Соль-Илецкого района, Оренбургской области. Разведка К. Ф. Смирнова, 1961 г.

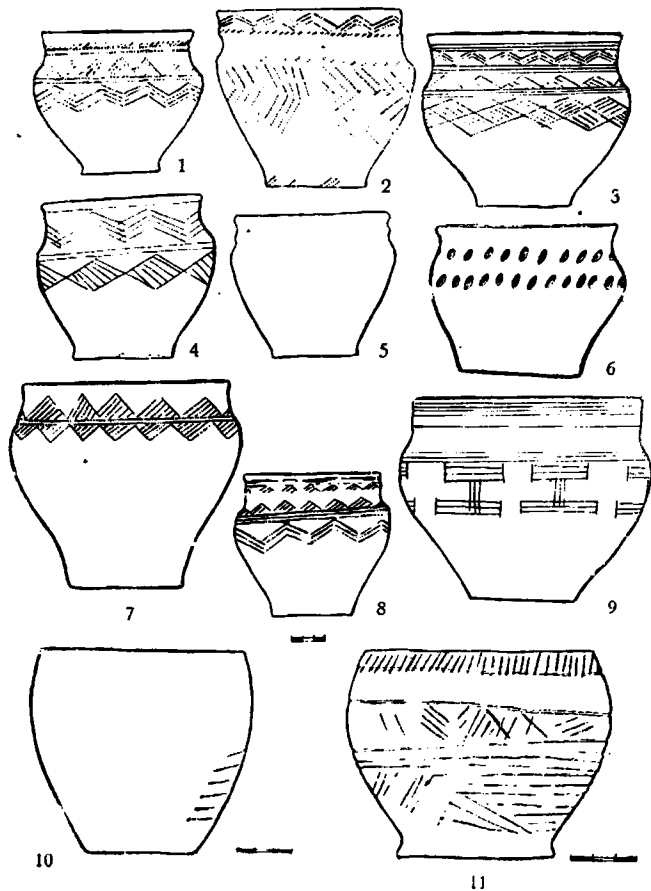

Рис. 3. Типы сосудов. Могильник Увакский, курган № 15.

каменные плиты. Пять из них оказались перекрытиями детских могил, под остальными ничего не обнаружено. Детские погребения сопровождалось миниатюрными сосудами (рис. 4, 1, 4—5).

Употребление каменных конструкций в погребальных сооружениях характерно для памятников андроновской культуры Южного Приуралья, Зауралья и Казахстана.

Каменные ящики, перекрытие могил плитами, каменные кольца широко распространены в могильниках восточной части Оренбургской области и соседних районов Казахстана.

Каменные выкладки в виде колец отмечены под насыпями курганов в могильнике у с. Федоровки Челябинской области (Сальников, 1940а, стр. 58, рис. 1, 4). Очевидно, сооружение в кургане №3 Новобелогорского могильника является своеобразной трактовкой каменного кольца.

Таким образом, в надмогильных сооружениях Новобелогорского могильника прослеживаются устойчивые андроновские традиции, однако здесь все каменные конструкции погребены под земляными насыпями.

В каменных кольцах и курганах с каменными кольцами более восточных районов, как правило, погребено по одному покойнику. В Новобелогорском могильнике под одной насыпью кургана №2 оказалось 40 могильных ям. Земляные курганы с большим числом погребений под ними характерны для срубной культуры Поволжья.

Ярко проявляются срубные традиции в погребальном обряде и керамике Новобелогорского могильника. Всего в могильнике вскрыто 50 захоронений эпохи бронзы. Часть из них разрушена грызунами. Положение погребенных удалось определить в 43 случаях. Подавляющее большинство покойников лежало скорченно на левом боку и имело северо-восточную, реже восточную ориентировку. Именно такая ориентировка характерна как для срубных, так и для полтавкинских погребений Поволжья.

В погребении №32 кургана №2 покойник лежал на спине с согнутыми в коленях ногами. Кисти рук его находились на груди под подбородком. Дно могилы было покрыто слоями бурого и серовато-белого тлена — остатками подстилки из коры и травы. По ориентировке (ССВ) и положению покойника, наличию в могиле подстилки в виде коры и травы (камыша?) это погребение находит себе аналогии в памятниках полтавкинской культуры.

Отдельные черты погребального обряда полтавкинской культуры прослежены и в других погребениях. Это наличие в могилах угольков, золы, подстилки из травы и камыша, следов красной краски на некоторых скелетах (погребения 15, 17, 20, 37).

Большинство покойников погребено в небольших подпрямоугольных могильных ямах, глубина которых колеблется, в зависимости от возраста покойника, от 0,4 до 1,65 м. Исключение составляли могилы №17 и 20.

Могила №20 приближалась в плане к квадрату (0,8 x 1,1 м) и достигала глубины 1,9 м. На дне ее, покрытом слоем желтого тлена, находился скелет пожилого мужчины. Покойник лежал в скорченном положении на левом боку и был ориентирован головой на северо-

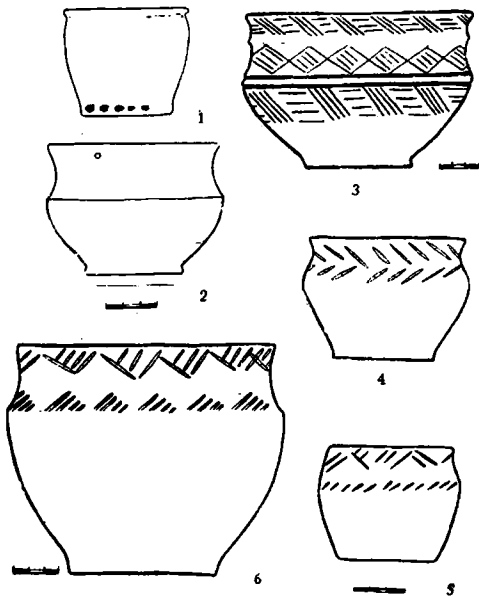

Рис. 4. Типы сосудов. Могильник Новая Белогорка:

1 — 5 — курган №3; 6 — курган №2.

восток. Под костями конечностей прослеживались пятна бурого цвета — остатки коры. У колен обнаружены кучка золы и в засыпке ямы встречались куски серовато-белого растительного тлена.

Могила 17 была также довольно широка (1,45 x 0,8—0,9 м) и имела глубину 2,1 м. В ней находился скелет мужчины. Покойник лежал на подстилке из коры в скорченном положении на левом боку. Он имел восточную ориентировку (с незначительным отклонением к северу). Грудная клетка его несколько завалилась вперед, предплечье и кисть правой руки отсутствовали. Под головой, грудью и ступнями ног погребенного подстилка была густо посыпана мелом. Кости таза, предплечья и кисти левой руки, коленные суставы интенсивно окрашены в красный цвет. У тмени стояли два баночных сосуда раннесрубного облика (рис. 5, 4, 5).

Аналогичное погребение открыто в кургане № 4 (погребение № 3). В громадной могильной яме (1,75 x 1,15 м) на подстилке из травы и коры скорченно на левом боку лежал скелет мужчины. Предплечья и кисти рук, локтевые суставы и грудная кость его были окрашены в красный цвет. В головах покойника также стоял сосуд, но это был сосуд совершенно иного типа: обычный андроновский горшок, близкий по форме керамике Алексеевского могильника (рис. 4, 6).

Всего в Новобелогорском могильнике обнаружено 30 сосудов (рис. 5). Преобладают банки довольно ранних форм. Есть сосуды, украшенные по всему тулову орнаментом (рис. 5, 1, 6). Они могут быть сопоставлены с полтавkinской керамикой в Поволжье. В погребении № 36 кургана № 2 найден сосудик, который представляет собой миниатюрную копию катакомбного горшка (рис. 5, 3). Поверхность его залощена, а орнамент нанесен оттисками шнура. Как известно, в полтавkinских памятниках Нижнего Поволжья прослеживается сильное влияние катакомбной культуры, и там встречаются сосуды, близкие катакомбным.

Другую группу керамики составляют андроновские сосуды (рис. 5, 8—13). Это горшки довольно «позднего» алакульского типа с уступчиком на плечике или без него. Они украшены оттисками гладкого или зубчатого штампа и чеканным орнаментом.

Помимо этого, в могильнике обнаружены украшения: костяная подвеска (рис. 2, 2), низка пастовых бус белого, желтого и голубого цвета и бронзовый перстень в два оборота с восьмеркообразным щитком (рис. 2, 3).

Анализ материала Новобелогорского могильника позволяет сделать ряд интересных выводов.

1. Находясь на пограничной территории срубной и андроновской культур, этот могильник сочетает в себе черты, свойственные памятникам обеих культур. При этом в погребальном обряде преобладают традиции срубной культуры.

2. В погребальном обряде и керамике много черт, характерных для полтавkinской культуры, что позволяет отнести могильник к раннесрубному времени и датировать его серединой II тысячелетия до н. э.

3. Наличие в могильнике раннесрубного времени керамики и каменных сооружений, характерных для алакульских памятников Южного Приуралья, подтверждает мысль о том, что алакульский «этап» андроновской культуры должен быть датирован не концом II тысячелетия до н. э., а XV—XIII вв. до н. э., а возможно, даже несколько более ранним временем.

Необходимость пересмотра существовавшей ранее датировки алакульских памятников была продиктована открытием в 1957 г. комплекса вещей, в котором сосуды федоровского и алакульского типов сочетались с хорошо датированным копьем сейминского типа (Федорова-Давыдова, 1960, стр. 56). Одновременно К. В. Сальников на основе анализа археологического материала Башкирии счел возможным датировать алакульский этап андроновской культуры XIV—XI вв. до н. э. (Сальников, 1959, стр. 30). Сейчас датировка алакульского этапа серединой и третьей четвертью II тысячелетия до н. э. уже не вызывает сомнения. В связи с этим уместно вновь поставить вопрос о соотношении федоровского и алакульского этапов андроновской культуры. Если признавать генетическую связь между

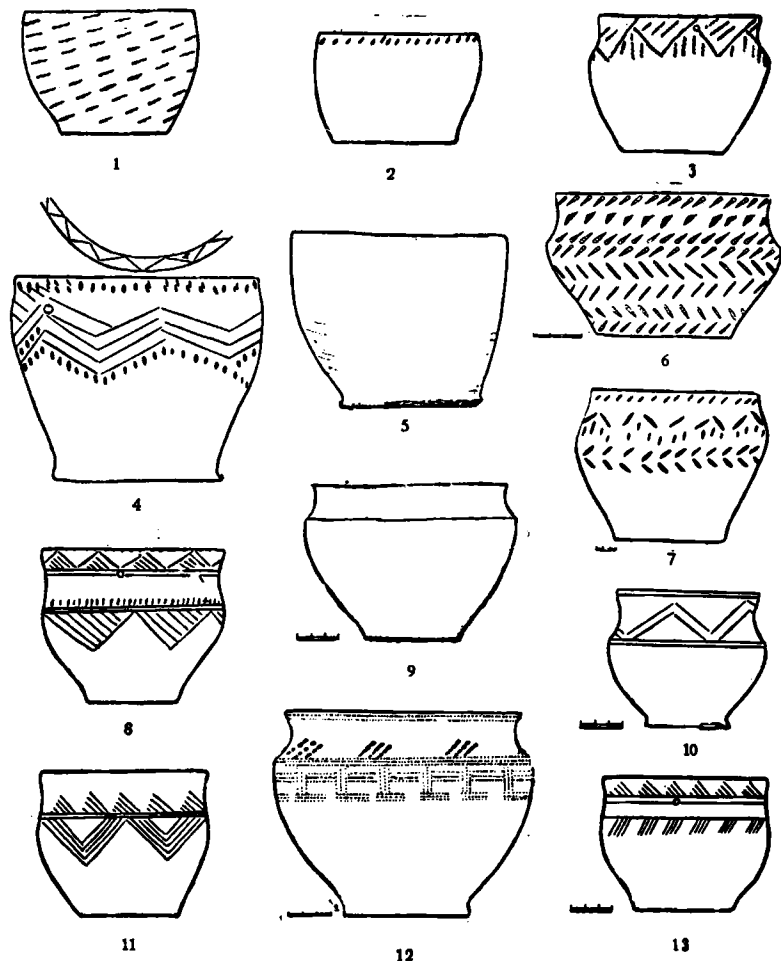

Рис. 5. Типы сосудов. Могильник Новая Белогорка, курган № 2.

ними, то дату федоровских памятников в Челябинской области следовало бы сдвинуть по крайней мере к началу второй четверти II тысячелетия до н. э. В XV—XIV вв., как показал радиоуглеродный анализ дерева с алакульского поселения (Сальников, 1964), на этой территории уже обитали племена, оставившие памятники алакульского типа. Эти

племена занимали громадную территорию, охватывавшую лесостепное Зауралье, степие Приуралья и степи западной части Казахстана. Это были скотоводы и земледельцы, жившие по берегам рек в жилищах земляночного типа. На значительной части указанной территории, в степной полосе, памятники федоровского типа отсутствуют. Они встречаются только в лесостепном Зауралье. Скотоводство в жизни федоровских племен играло меньшую роль, чем у алакульских. Состав их стада был весьма ограничен. В погребениях встречаются только кости лошади. Господствует обряд трупосожжения. Погребения совершаются под земляными насыпями.

Эти лесостепные племена умели строить наземные жилища из дерева. Федоровская и алакульская керамика различаются по форме, мотивам и технике нанесения орнамента, составу теста. Общей для них является лишь геометричность орнаментов.

Последовательность смены населения в Челябинской области прослежена на памятниках с четкой стратиграфией. На Кипельском селище (Сальников, 1951б, стр. 114) нижний слой оставлен федоровцами, верхний — алакульцами. Эти две группы населения имели настолько большие различия в материальной культуре, погребальном обряде, хозяйстве и приемах домостроительства, что с большим основанием можно говорить о смене населения, нежели о постепенном переходе федоровского этапа андроновской культуры в алакульский.

Тем более ошибочно хронологическую последовательность, прослеженную на очень ограниченной территории лесостепного Зауралья, механически переносить на другие области распространения андроновской культуры.

С появлением в Челябинской области алакульских племен на месте федоровских поселений с наземными домами стали сооружаться землянки — жилища скотоводов и земледельцев степной полосы. Очевидно, алакульский вариант андроновской культуры сложился где-то в степных районах Южного Приуралья и Западного Казахстана, и уже в середине II тысячелетия до н. э. отдельные группы алакульских племен проникали в лесостепное Зауралье, куда приносили свой хозяйственный уклад, обычаи и приемы домостроительства.

В памятниках федоровского типа Челябинской области прослеживается влияние алакульских племен. В могильнике у с. Федоровка под насыпями курганов обнаружены каменные кольца, аналогичные каменным кольцам алакульских могильников Южного Приуралья. Там же стенки одной из могил были обложены камнем (Сальников, 1940а, рис. 1, 4, 7).

В свою очередь, федоровские племена оказывали сильное влияние на южных соседей. В могильниках Южного Приуралья бывают сосуды, близкие по форме и орнаменту сосудам федоровского типа. Там же изредка встречаются погребения с трупосожжениями.

За последние годы в Южном Приуралье открыто большое количество памятников алакульского типа. Возможно, со временем их удастся разделить на какие-то хронологические этапы. В данный момент такое деление затруднено отсутствием поселений со стратиграфией. Типологическое же деление керамического материала может привести к ошибочным выводам, поскольку в Южном Приуралье скрещивались влияния срубной культуры Поволжья, федоровских племен лесостепного Зауралья, андроновских племен Казахстана и тазобогъябских племен Средней Азии. Ясно лишь одно: старая схема развития керамики от горшка федоровского типа к горшку алакульского типа не может быть признана правильной, поскольку керамика обоих этих типов существовала одновременно на различных территориях.

А. Х. ПШЕНИЧНЮК

К ВОПРОСУ О КЕРАМИКЕ КАРА-АБЫЗСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Проблема кара-абызской культуры является одной из наиболее сложных и спорных в археологии Башкирии. О культурной принадлежности кара-абызских памятников существуют диаметрально противоположные точки зрения. Одни исследователи считают кара-абызскую культуру вариантом апаньинской (Збруева, 1952; Смирнов, 1957; Троицкая, 1959), другие — самостоятельной культурой ананьинского времени (Шмидт, 1929; Юсупов, 1959), третьи полагают, что кара-абызские памятники бытовали в течение всей эпохи раннего железа вплоть до III в. н. э. (Генинг, 1961, стр. 28), четвертые большую часть их относят к пьяноборской культуре (Мажитов, 1963, стр. 10).

Серьезные трудности в разрешении этих вопросов связаны с тем, что до сих пор четко не выявлены наиболее характерные черты кара-абызской культуры, не определены ее хронологические рамки. Это в равной мере касается как могильников, так и поселений.

К настоящему времени накоплен значительный материал, главным образом с поселений, позволяющий выявить основные комплексы керамики кара-абызских памятников. Исследованию подвергся ряд поселений этого типа: Уфимское (Чертово) городище (Збруева, 1952, стр. 303—307; городище Кара-Абыз (Шмидт, 1929) и 6 поселений в Гафурийском районе (Юсупов, 1959; Троицкая, 1959).

В 1962—1963 гг. были произведены рекогносцировочные раскопки на поселениях Воронки, Дудкино I и Аташ.

Селище Воронки, открытое краеведами Касьяновым и Чердынцевым и в 1928 г. осмотренное А. В. Шмидтом (Шмидт, 1929, стр. 12), расположено на высокой (50—60 м) террасе правого берега р. Белой, близ разъезда Воронки на окраине г. Уфы. Площадь селища — около 1500 кв. м — заросла деревьями и кустарником, на поверхности имеются ямы и впадины позднего происхождения. Расположение памятника на высоко обрывистом берегу позволяет предполагать, что здесь было укрепленное поселение — городище, значительная часть которого снесена при прокладке железной дороги.

На селище были заложены на относительно ровных участках три шурфа общей площадью 16 кв. м. Культурные остатки залегают почти с поверхности. Под культурным слоем серо-бурого цвета с большой примесью золы и перегноя мощностью 0,5—0,8 м находится тонкая прослойка чернозема со щебнем, лишенная культурных остатков, под ней — ма-

терик. Культурный слой густо насыщен обломками глиняной посуды (до 300 черепков на 1 кв. м). Найдено также незначительное количество обломков костей животных плохой сохранности.

Основная масса керамики представлена обломками сосудов с примесью толченых раковин в тесте, около 5% фрагментов имеют примесь песка или дресвы. Наружная и внутренняя поверхность их хорошо заглажена, изредка встречается лощение. Толщина стенок сосудов колеблется в пределах 4—11 мм, преобладают сосуды со стенками в 7—8 мм. Вся посуда круглодонная. Диаметр венчиков большинства сосудов — 22—32 см.

По форме всю керамику можно разбить на два основных типа.

К I типу относятся 42 сосуда. Они имеют форму открытых чаш с прямыми стенками или очень слабо выраженной шейкой (рис. 1, I).

II тип — 243 сосуда с широким горлом и раздутым туловом (рис. 1, 2, 3, 5, 6). В зависимости от высоты горла, вертикальности или отогнутости его, степени раздутости тулова, четкости перехода горла в тулово можно заметить несколько разновидностей этого типа.

Резкой разницы между I и II типами нет. Имеются сосуды промежуточного характера, что затрудняет отнесение их к тому или иному типу.

Большинство сосудов покрыто орнаментом. Лишь 12 сосудов, 10 из которых относятся к I типу, не орнаментированы. Основным элементом орнамента являются круглые крупные ямки, расположенные в один ряд по шейке или верхней части тулова. На четырех сосудах ямки расположены треугольником. Большинство сосудов — 173 — украшено только ямочным орнаментом (рис. 1, I, 5). Нередко ряд ямок сочетается с насечками или различными вдавлениями — 53 сосуда (рис. 1, 3, 6), реже — с отрисками крупнозубой гребенки — 29 сосудов (рис. 1, 2), 13 сосудов орнаментированы глубокими насечками или вдавлениями, расположенными также в ряд по шейке. Срез венчика у более трети сосудов покрыт насечками, реже — отрисками гребчатого штампа (рис. 1, 2, 6).

Небольшая группа черепков (19 сосудов), также имеющих примесь раковины в тесте, орнаментирована горизонтальными отрисками шнура и одним рядом ямок по шейке (рис. 1, 4). По форме эти сосуды близки к II типу, хотя они несколько ниже, а отдельные сосуды имеют «воротничок». Стенки сосудов этой группы тонкие (5—6 мм), ямки на шейке меньших диаметров и более тщательно выполнены. Можно сказать, что эта посуда более изящна по сравнению с основной массой керамики.

В коллекции из сборов М. И. Касьянова на селище Воронки имеются фрагменты двух сосудов с утолщенными шейками и желобчатым орнаментом.

Селище Дудкино I, открытое в 1959 г. Г. Н. Матюшиным (Матюшин, 1962, стр. 137—138), расположено на невысокой (7 м) террасе правого берега р. Уфы, рядом с Дудкинской переправой (восточная окраина г. Уфы). Площадка селища размером 100 x 90 м почти сплошь распахана и частично занята лесными посадками.

В 1962 г. на селище было заложено два раскопа общей площадью 170 кв. м. Культурный слой очень тонкий (0,2—0,4 м) и бедный. Основная масса керамики залегала на поверхности или в пахотном слое.

Всего собрано 343 фрагмента керамики. Это легкие, преимущественно темно-желтого цвета черепки с обильной примесью толченых раковин в тесте. На наружной и внутренней поверхности много мелких выщербин от выгоревшей примеси. Вся посуда круглодонная, обломков плоских днщ не обнаружено. Диаметры венчиков сосудов колеблются в пределах 20—30 см, толщина стенок в среднем 7—9 мм. По форме сосуды примыкают к I (23 экземпляра) и II (34 экземпляра) типам, выделенным нами на материале селища Воронки. Сосуды орнаментированы ямками или глубокими насечками по шейке, расположенными в один ряд, либо, что реже, треугольником (рис. 1, 7—9). Восемь сосудов I типа не орнаментированы. В отличие от керамики Воронки, дудкинские сосуды не имеют насечек по срезу венчика, ямочный орнамент не сочетается с гребчатым, насечками и вдавлениями, ямки отличаются более мягкими очертаниями. Особняком стоят фрагменты 4-х сосудов с утолщенной шейкой и примесью талька в тесте, орнаментированные резными зигзагами и насечками (рис. 1, 10).

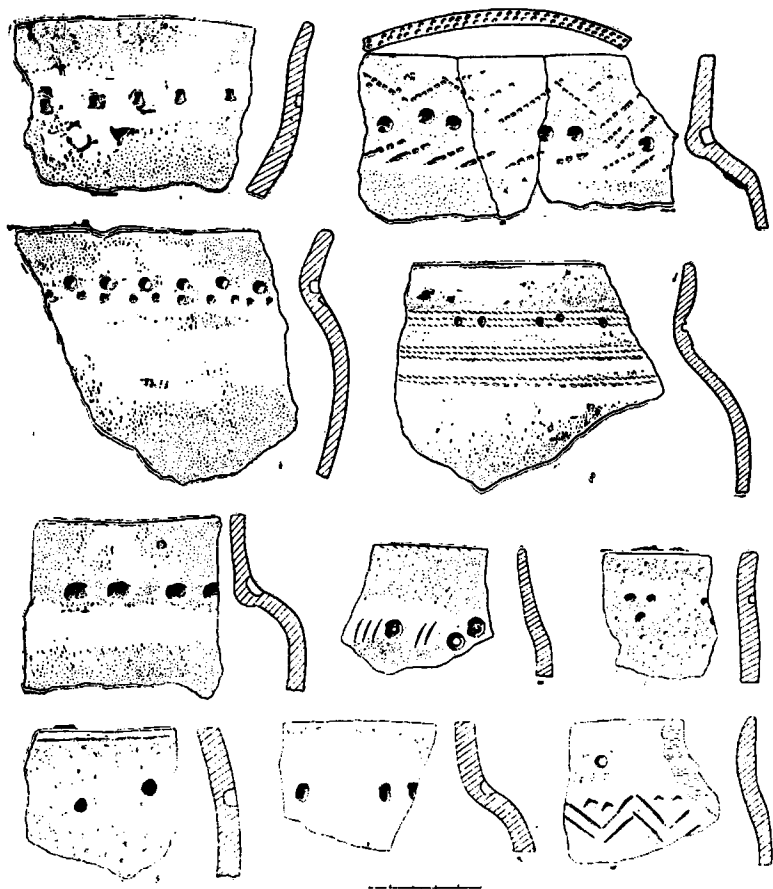

Рис. 1. Керамика с поселений:
1-6 — селище Воронки; 7-10 — селище Дуакино I.

Городище Аташ (известно также под названиями Охлебининское II и Городок. — Та-лицкая, 1952, стр. 73) расположено в 3 км на северо-восток от с. Охлебинино, Иглинского района, на правом берегу р. Белой у устья р. Сим, на высоком (120 м) тупоугольном мысу. Площадь городища примерно 20 га. Протяженность вала 1 км, высота его со стороны поля местами достигает 2 м. Во многих местах вал прерывается, образуя проходы. Значительная часть городища распаханна.

В 1963 г. на городище было заложено 3 шурфа. Шурф № 1, на краю мыса, прорезал мощный зольник. Толщина культурного слоя шурфа 1,10 м. В шурфах № 2 и 3, удаленных от первого на 50 и 70 м в глубину мыса, зольник не обнаружен, толщина культурного слоя — 0,60—0,70 м.

Собрана небольшая коллекция керамики. По форме венчиков и орнаменту она делится на 4 группы.

I группа — 61 сосуд с обильной примесью крупнозернистого песка (дресвы) в тесте. Сосуды круглодонные, по форме и орнаменту аналогичны керамике I и II типов селища Воронки (рис. 2, 1).

II группа — фрагменты 4 сосудов с примесью раковины в тесте, орнаментированные горизонтальными оттисками шнура и рядом ямок по шейке (рис. 2, 2). Один венчик имеет «воротничок». Аналогичны шнуровой керамике с селища Воронки.

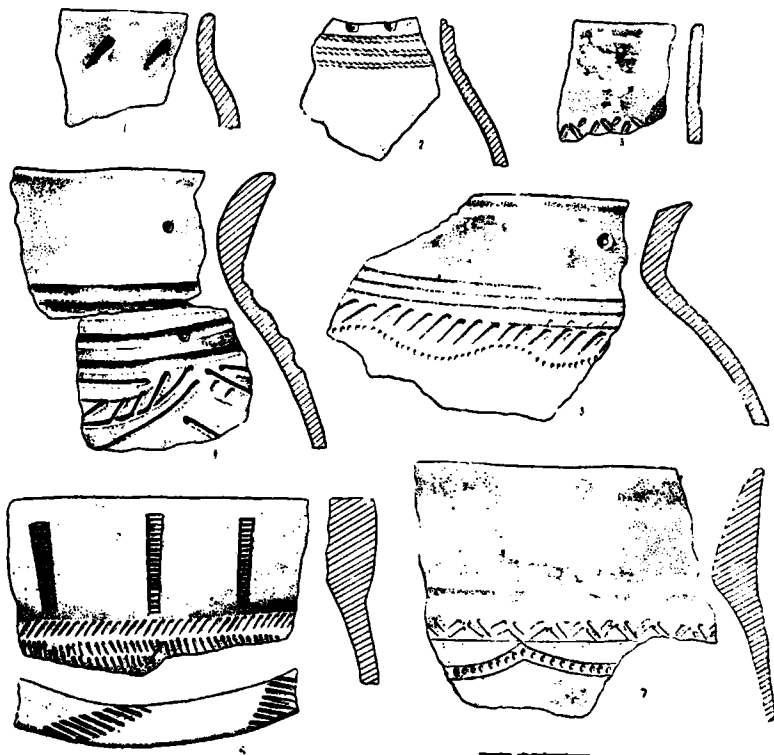

Рис. 2. Керамика с поселений:

1—4 — городище Аташ; 5 — городище Курмантаевское; 6 — городище Касьяновское; 7 — городище Табынское.

III группа — 9 сосудов с утолщенной шейкой, орнаментированные мягкими горизонтальными желобками, резными зигзагами и насечками. В тесте примесь дресвы, реж раковины, изредка талька (рис. 2, 4). Аналогичны «тальковой» керамике с селища Дудкино I.

IV группа — мелкие фрагменты от 10 сосудов (скорее всего, чашевидных) с примесью песка в тесте. Два сосуда орнаментированы в нижней части шеек резным прерывающимся зигзагом (рис. 2, 3), на остальных орнамент отсутствует.

* * *

Анализ керамики кара-абызских поселений, как ранее изученных (Збруева, 1952, стр. 303—307; Шмидт, 1929), так и вновь исследованных показывает, что она четко делится на три группы.

Первая группа самая многочисленная. Это фрагменты от круглодонных сосудов в виде чаш или горшков с широким горлом и раздутым туловом, содержащие примесь раковины, песка или дресвы в тесте. Основным элементом орнамента является ряд круглых крупных ямок по шейке, иногда расположенных группами по 2—3 или треугольниками. Иногда ямки сочетаются с насечками или отгисками крупнозубой гребенки, очень редко встречаются грубые отгиски шнура. На некоторых памятниках часть сосудов украшена по верхнему срезу венчика насечками, реже отгисками гребенки. Эту керамику можно назвать кара-абызской.

Характерным признаком второй группы является примесь раковины в тесте, орнамент в виде горизонтальных отгисков шнура, иногда «воротничок» по венчику. Эта посуда находит и прямые аналогии в памятниках ананьинской культуры Прикамья (Збруева, 1952). Изредка встречается шнуровой орнамент и на кара-абызской керамике (на селище Воронки из 285 сосудов 5 орнаментированы отгисками шнура). Но эта керамика отличается от ананьинской более толстыми стенками, отгиски шнура грубее и не образуют правильных горизонтальных рядов, отсутствует «воротничок» по венчику.

Третья группа имеет такие отличительные черты, как утолщенный венчик, резной и желобчатый орнамент, примесь талька в тесте. Часть подобной керамики содержит примесь раковины или дресвы. По аналогии с посудой раннесарматских курганов Южного Урала, о чем речь пойдет ниже, эта керамика может быть названа сарматоидной.

Четвертая группа керамики, выявленная только на городище Аташ, не характерна для кара-абызских поселений. Ближайшие аналогии этой группе мы находим в керамике памятника Убалар (Садыкова, 1962а). Исследователь этого памятника М. Х. Садыкова по ряду признаков: общность некоторых форм сосудов, наличие костяных орудий для обработки кожи — тупиков и зольных куч — связывает его с селищем Курман-Тау и относит оба памятника к уфимской (кара-абызской) культуре (там же, стр. 129). Однако основной материал памятника — керамика — не позволяет согласиться с этим. И форма, и орнамент, и тесто, и толщина стенок керамики Убалар иные, чем на селище Курман-Тау и в других кара-абызских поселениях. Достаточно сказать, что подавляющее большинство кара-абызских сосудов орнаментировано рядом ямок по шейке, чего совершенно нет на керамике Убалар, и наоборот, орнамент из резных зигзагов и елочек, наиболее характерный для посуды Убалар (там же, табл. 1), не встречается на кара-абызской керамике. Не ясен характер памятника Убалар, сомнительна его датировка VI—IV вв. до н. э. Такие общие признаки, как тонкостенность и примесь мелкого песка, характерны для более поздних памятников. Наличие керамики типа Убалар на городище Аташ объясняется скорее всего его двухслойностью.

Сочетание трех или двух описанных групп керамики — кара-абызской, ананьинской и сарматоидной — характерно для кара-абызских памятников. Особенно показательны в этом отношении поселения Гафуринского района (Ю:упов, 1959; Троицкая, 1959). К сожалению, богатый и ценный материал этих памятников опубликован недостаточно подробно. В статье Г. В. Юсупова почти отсутствуют стратиграфические и статистические данные,

различные комплексы рассматриваются как единое целое. В. Ф. Генинг попытался расчленить керамику гафурийских поселений на типы по примеси к глиняному тесту (Генинг, 1961, стр. 27). Однако такая классификация не дает правильного представления ни о культурной принадлежности, ни о хронологических рамках того или иного типа.

Судя по публикациям (Юсупов, 1959; Троицкая, 1959), керамика гафурийских памятников представлена в основном теми же тремя группами, что и на других поселениях: кара-абызской (Юсупов, 1959, табл. IV—1, 3—6; Троицкая, 1959, табл. 1), ананьинской (Юсупов, 1959, табл. V—1; VII—6), сарматоидной (Юсупов, 1959, табл. VI; VII—5, 7, 8; IX—5, 8; X—1—5; Троицкая, 1959, табл. II—4—10).

В нижних слоях Курмантаевского городища представлена четвертая группа: керамика эпохи бронзы алакульского и курмантаусского облика.

Кара-абызская и ананьинская керамика гафурийских памятников аналогична в основном одноименным группам керамики других поселений. Очень богато, по сравнению с другими поселениями, здесь представлена сарматоидная керамика. Она подразделяется на два основных типа.

I тип — сосуды с низким горлом и раздутым туловом. В глине почти всегда примесь талька. Шейка обычно утолщена, венчик срезан изнутри наискось (рис. 2, 5).

II тип количественно преобладает. Это массивные черепки с примесью талька, раковины или дресвы в тесте. Форма сосудов чашевидная, реже горшковидная, с толстой шейкой и резким переходом изнутри в тонкие стенки. Утолщение охватывает или всю высоту горла, или только его среднюю часть (рис. 2, 6—7). Наряду с круглодонными встречаются сосуды с плоскими днищами.

Основными элементами орнамента обоих типов являются мягкие желобки, резные линии, насечки, изредка гирлянды.

Впервые об этой керамике упоминает А. В. Шмидт, выделивший ее в особый тип «сосудов с утолщенным краем» (Шмидт, 1929, стр. 11, рис. 2—V). Шмидт не противопоставлял эти сосуды основной массе керамики, а появление утолщенной шейки считал результатом применения ангоба (там же). В. Ф. Генинг полагает, что эта керамика по некоторым деталям орнамента может иметь абашевское происхождение (Генинг, 1961, стр. 28). Н. А. Мажитов называет ее позднеабашевской и датирует самым началом железного века (Мажитов, 1963, стр. 8—9).

Действительно, некоторые элементы сарматоидной керамики II типа гафурийских поселений можно связать с абашевской культурой: примесь раковины в тесте некоторых сосудов, внутреннее ребро при переходе горла в тулово, отдельные детали орнамента (желобки, гирлянды). Однако эти элементы, являясь самое большее отзвуками абашевской культуры, вряд ли позволяют рассматривать сарматоидную керамику гафурийских поселений как позднеабашевскую.

Необходимо иметь в виду большой хронологический разрыв между абашевской культурой и гафурийскими поселениями. Абашевская культура в Башкирии прекратила свое существование в третьей четверти II тысячелетия до н. э. (Сальников, 1959, стр. 45). Сарматоидная же керамика гафурийских поселений датируется гораздо позднее. На Курмантаевском городище, верхний культурный слой которого представлен исключительно сарматоидной керамикой, найдено 16 бронзовых трехперых наконечников стрел, 2 бронзовых спиральных колечка, типичных для сарматов прохоровского времени (Юсупов, 1959, стр. 79, табл. VIII).

Г. В. Юсупов ошибочно датировал городище VI—IV вв. до н. э., опираясь главным образом на керамику с слочным и зигзаговым орнаментом (там же, стр. 80), характерную для нижних слоев, т. е., как было сказано выше, для эпохи бронзы. В других гафурийских городищах (Воскресенское, Табынское) сарматоидная керамика встречается обычно в верхних слоях (Юсупов, 1959, стр. 76, 82). А. В. Шмидт отмечает, что керамика «с утолщенным краем» на городище Кара-Абыз залегает в средних слоях (Шмидт, 1929, стр. 11). Нижние же слои городища датируются не ранее V в. до н. э. (Збруева, 1952, стр. 303). Следова-

тельно, сарматоидная керамика на кара-абызских поселениях появилась не ранее IV в. до н. э.

Таким образом, между абашевской культурой и сарматоидной керамикой получается разрыв в 9 веков. Если даже согласиться с мнением А. Х. Халикова, что абашевская культура Приуралья датируется последней четвертью II тысячелетия до н. э. (Халиков, 1961, стр. 226), то все равно промежутков в 6 веков ничем не заполняется. Следовательно, сарматоидную керамику гафурийских поселений нельзя генетически связать с абашевской.

Выделенный нами I тип сарматоидной керамики находит аналогию на Южном Урале в сарматских памятниках прохоровского времени: в могильнике у дер. Старые Кишки (Садыкова, 1962, стр. 115, табл. IV—16; VII—8, 16; XI—5; XII—9), в курганах Асавбашево (Садыкова, 1962б, рис. 8—8), Новый Кумак, Ближнецы, Буруктал, Ново-Аккермановка и других (Мошкова, 1963, табл. 5—3, 9, 14, 15; 9—1—5, 9).

II тип сосудов не имеет прямых аналогий в сарматских памятниках. Однако большое количество сосудов переходного характера между I и II типами позволяет считать оба типа однокультурными. Отсутствие же сосудов II типа в сарматских погребениях объясняется, видимо, тем, что они служили сугубо хозяйственным целям и не использовались в погребальном обряде. Наличие в ряде сосудов II и промежуточных типов примеси толченых раковин является, вероятно, результатом влияния кара-абызских племен. Интересно отметить, что в сарматском могильнике у дер. Старые Кишки также имеется ряд сосудов с примесью раковины (Садыкова, 1962, стр. 115).

На сарматский характер некоторых материалов гафурийских поселений указывал и Г. В. Юсупов (1959, стр. 86), о возможности существования сарматских поселений говорила А. В. Збруева (1958, стр. 238). К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова и К. В. Сальников также связывают часть поселений Гафурийского района, давших преимущественно сарматоидную керамику, с сарматами (Смирнов, Петренко, 1963, рис. 1, карта; Мошкова, 1963, рис. 1, карта; Сальников, 1964).

Все приведенные доказательства убеждают нас в том, что керамику с утолщенным венчиком, резным и желобчатым орнаментом, с примесью талька, дресвы и раковины в тесте нужно связывать с сарматами.

Каковы же хронологические рамки перечисленных трех групп керамики?

Для ананьинской керамики в настоящее время имеется четко разработанная хронологическая шкала (Генинг, Стоянов, 1961б, стр. 80). Ананьинская посуда, находящаяся на кара-абызских поселениях центральной Башкирии, укладывается, судя по этой шкале, в рамки V—III вв. до н. э.

По аналогии с сосудами прохоровской культуры сарматоидную керамику можно датировать IV—II вв. до н. э.

Наиболее ранней датой кара-абызской керамики является V в. до н. э. Такова нижняя дата городища Кара-Абыз (Збруева, 1952, стр. 303) и погребений могильника по ул. Трастовой в г. Уфе, где найден сосуд, украшенный рядом ямок по шейке (Ахмеров, 1952а, стр. 29). В нижних непотревоженных слоях Биктимировского городища (Бирский район) вместе с кара-абызской керамикой также залегали ананьинские черепки, ранняя дата которых может быть определена V в. до н. э. Есть основания предполагать существование кара-абызской керамики в VII—VI вв. до н. э., поскольку генетически она может быть связана с керамикой культуры Курман-Тау эпохи поздней бронзы (Сальников, 1954а), а другие памятники VII—VI вв. на этой территории не известны. С другой стороны, можно уверенно говорить о существовании кара-абызской керамики и в послепананьинское время (Ахмеров, 1959, стр. 167; Генинг, 1961, стр. 27—28; Ищериков, Мажитов, 1962, стр. 149). Конечную ее дату предположительно можно довести до I—II вв. н. э. На Новом уфимском могильнике, связываемом с поселениями типа Кара-Абыз (Ахмеров, 1959), найдены пронизки из голубой египетской пасты в виде пластинок с фигурками львов, которые убедительно датируются первыми веками нашей эры (Пиотровский, 1959, стр. 24).

Таким образом, предварительно можно считать, что кара-абызская керамика существовала в течение всей эпохи раннего железа, но наибольшее ее распространение падает, по всей видимости, на V—II вв. до н. э.

Все три группы керамики — кара-абызская, ананьинская и сарматоидная — содержатся в памятниках типа Кара-Абыз в различной пропорции.

Преобладающей на всех поселениях является кара-абызская группа.

Ананьинская керамика составляет небольшой процент. При этом чем южнее памятник, тем ананьинской керамики в нем меньше. Так, в нижних слоях Биктимировского городища ананьинская керамика составляет 10—15%, на Воронках — 6, на городище Аташ — примерно 5, на гафурийских поселениях (селище Курман-Тау, городища Касьяновское, Воскресенское) не превышает 2—3%. Ни на одном памятнике отдельного слоя она не образует. Памятников только с ананьинской керамикой на территории центральной Башкирии не известно. Очевидно, здесь мы имеем дело с влиянием ананьинских племен на кара-абызскую территорию, которое шло с севера.

Сарматоидная керамика имеется почти на всех кара-абызских поселениях. Как правило, она составляет очень небольшой процент. Исключения представляют некоторые поселения Гафурийского района. На Курмантаевском городище верхний слой заполнен только сарматоидной керамикой. Не менее 80% ее на Табынском городище. Оба эти памятника, очевидно, связаны с сарматами, частично осевшими в лесостепных районах. Это не единственный случай перехода кочевников к оседлости. Такие факты широко наблюдаются в районе Прикубанья (Апфимов, 1951). Примечательно, что там этот процесс также происходит в районах соприкосновения кочевников с оседлыми племенами и в тот же период — в IV—III вв. до н. э. (там же, стр. 145).

Для Воскресенского городища, где сарматоидной керамики приблизительно 30—35%, вполне вероятно двукратность заселения — в ранний период кара-абызскими племенами, а с IV—III вв. до н. э. — сарматами.

На Михайловском городище сарматоидная керамика составляет 6% (Троицкая, 1959, стр. 93). Не более 1—3% ее на селище Курман-Тау и Касьяновском городище. Появление сарматоидной керамики на этих поселениях, как и на ряде других, расположенных севернее, по-видимому, является результатом влияния сарматских племен. Незначительное количество сарматоидной керамики на кара-абызских поселениях исключает возможность существования самостоятельного слоя. Интересно, что по мере удаления памятников к северу количество сарматоидной керамики, в отличие от ананьинской, не увеличивается, а уменьшается. На городище Аташ она составляет 12%. На селище Дудкино 1 из 343 кара-абызских черепков только 10 сарматоидных, т. е. около 3%, очень мало этой керамики на Воронках и Кара-Абызе, на Биктимировском городище найдено всего 2 сарматоидных черепка. Следовательно, чем севернее, тем влияние сармат было меньше.

* *

Изучение материалов кара-абызских поселений позволяет сделать следующие выводы.

Керамика кара-абызских поселений представлена сосудами с примесью раковины или дресвы в тесте, орнаментированными рядом круглых крупных ямок по шейке, иногда в сочетании с насечками или оттисками крупнозубого гребенчатого штампа. Почти на всех поселениях имеется очень незначительное количество ананьинской и сарматоидной керамики, появление которой мы рассматриваем как результат влияния соседних ананьинских и сарматских племен.

Кара-абызские племена обитали на территории центральной Башкирии как в ананьинское, так и в пьяноборское время, т. е. в течение всей эпохи раннего железа.

Наряду с некоторыми общими чертами в материалах кара-абызских и ананьинско-пьяноборских памятников, существующие между ними различия настолько значительны, что не позволяют безоговорочно относить кара-абызские памятники к ананьинской и пьяноборской культурам Прикамья. Имеется немало оснований для выделения кара-абызских памятников в особую культуру.

Н. А. МАЖИТОВ

К ИЗУЧЕНИЮ АРХЕОЛОГИИ БАШКИРИИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

Изучение археологических памятников Башкирии I тысячелетия н. э. показывает большую смешанность материалов. Для поселений этого времени, особенно для центральной Башкирии, в районе устья р. Уфы, характерен материал, состоящий из нескольких керамических комплексов, мало связанных между собой по происхождению и трудно поддающихся стратиграфическому расчленению. Так, например, на городище Уфа II (Ищериков, Мажитов, 1962), поселении Ново-Турбаслинское II (Мажитов, 1962) выделяются три основные керамические группы: 1) бахмутинская с характерным круглоямочным орнаментом по тулову, 2) плоскодонная неорнаментированная керамика именьевско-романовского типа и 3) керамика кушнаренковского типа с богатым орнаментом по шейке и тулову сосудов. Помимо этого, в ряде остальных памятников выделяется еще несколько других керамических комплексов, также резко отличающихся друг от друга по форме и орнаменту. Происхождение некоторых из этих типов пока не совсем ясно, но все вместе они свидетельствуют о крайней этнокультурной пестроте населения Башкирии в середине и во второй половине I тысячелетия н. э.

Закономерности развития этногенетических процессов, шедших в это время в Южном Приуралье, могут быть поняты только при изучении конкретной истории всех племенных объединений в отдельности. Однако это сейчас представляет значительную трудность, прежде всего из-за различной степени археологической изученности территории Башкирии.

Наиболее изученной можно считать историю бахмутинских племен, памятники которых являлись основным объектом работ археологических экспедиций Института истории, языка и литературы БФАН СССР 1936—1960 гг. в северной Башкирии. За этот период было исследовано значительное количество могильников и поселений бахмутинской культуры, материалы которых дают нам возможность вкратце охарактеризовать историю ее носителей. Новые полевые материалы показывают, что бахмутинские племена в своем историческом развитии пережили два важных этапа, условно названных нами ранним и поздним. Следует также отметить, что бахмутинские племена, будучи очень крупным этническим объединением и коренным населением северной Башкирии, сыграли большую роль в истории других племен Урала I тысячелетия н. э. Поэтому деление истории бахмутинских племен на два этапа, на наш взгляд, отражает не только особенности их развития, но в какой-то степени историю населения всего Западного Приуралья в данный период.

Ранний этап истории бахмутинских племен охватывает III—IV вв. н. э. Материалы раннебахмутинских памятников Башкирии получили свое освещение в наших предыдущих публикациях (Мажитов, 1962а), поэтому здесь мы остановимся на некоторых общих вопросах, связанных с происхождением бахмутинцев и территорией их расселения,

В связи с изучением раннебахмутинской культуры большое значение приобретает вопрос об этнокультурной принадлежности среднекамских памятников типа Мазунинского, Ижевского и Сайгатского могильников, исследованных в последние годы В. Ф. Генингом и В. Е. Стояновым. Авторы раскопок датируют их III—V вв. н. э. Эти памятники по обряду захоронения и вещевому инвентарю близко стоят к раннебахмутинским, но обнаруживая при этом никаких существенных различий. Во всех этих могильниках покойники захоронены на дне неглубоких простых могильных ям и сопровождаются инвентарем, характерным для раннебахмутинских племен с территории северной Башкирии. Сюда можно отнести бронзовые височные подвески с напусными бусинами, состав ожерелий, в том числе большие круглые подвески из раковины, поясные наборы. Особенно следует подчеркнуть редкое нахождение или отсутствие в могильниках глиняной посуды и положение жертвенных комплексов из предметов женских украшений в берестяных коробках рядом с костяками (Генинг, 1958, стр. 75—88; 1959; Генинг, Стоянов, 1961б, 1962а). По всем этим признакам между раннебахмутинскими и среднекамскими памятниками наблюдается полное единство. Керамика мазунинских племен мы коснемся ниже, но здесь отметим, что на среднекамских поселениях в большом количестве найдены круглодонные сосуды с типичным бахмутинским орнаментом.

В свете приведенных параллелей, касающихся основных сторон материальной и духовной культуры мазунинских и раннебахмутинских племен, нельзя не остановиться на ошибочных, на наш взгляд, выводах исследователей мазунинских памятников В. Ф. Генинга и В. Е. Стоянова, которые выделяют их в самостоятельную археологическую культуру. В качестве своеобразия мазунинской культуры, отличающего ее от синхронных соседних культур, они рассматривают бронзовые фибулы в виде стилизованных изображений бабочки и железные плоские браслеты (Генинг, Стоянов, 1962а). Такие предметы, действительно, пока не встречены в раннебахмутинских памятниках, но это не может служить достаточным основанием для выделения мазунинских памятников в самостоятельную археологическую культуру.

Под археологической культурой обычно понимается не только общность по основным и характерным чертам материальной культуры (орудия труда, предметы украшений, быта, культа и т. п.) и обряду захоронения определенной группы древних племен, но и родственность по происхождению, образу жизни. Поэтому выделение археологических культур означает одновременно признание различий и этнического порядка, чего нельзя сказать о бахмутинских и мазунинских племенах. Но вполне допустимо, что у отдельных племен одной культуры могут быть некоторые различия в деталях костюмов, обрядах захоронения, хозяйстве и т. п. Такой локальной особенностью среднекамской группы бахмутинских племен можно считать отмеченные выше фибулы, браслеты, а возможно, еще некоторые другие предметы. Но эти племенные различия внутри одной этнокультурной общности никак нельзя рассматривать в качестве критерия для выделения самостоятельных археологических культур, как это в данном случае сделал В. Ф. Генинг. Иначе археологических культур будет так много, что мы за ними потеряем всякое представление о реально существовавших в прошлом объединениях, союзах родственных племен. Надо согласиться с мнением В. А. Оборина о том, что при выделении археологических культур исследователи должны быть максимально осторожны и четко определять, какое этническое содержание вкладывается в них. Мазунинские памятники он считает локальным вариантом бахмутинской культуры (Оборин, 1961, стр. 56—57). И по нашему мнению, историю мазунинских племен нельзя рассматривать изолированно от бахмутинских, с которыми они были родственны по происхождению и культуре.

Таким образом, вырисовывается основная картина расселения бахмутинских племен в III—IV вв. Теперь можно считать более или менее установленным, что они в это время занимали всю северную Башкирию, Среднюю Каму и южные районы Пермской области.

В отношении происхождения раннебахмутинской культуры раскопки последних лет дали богатый материал, свидетельствующий о тесных генетических связях ее с культурой местных племен пьяноборской эпохи. Бахмутинская культура по многим чертам погреб-

бального обряда (групповой характер могильников, неглубокие захоронения, отсутствие в них глиняной посуды) восходит к пьяноборской основе. А такие характерные предметы материальной культуры бахмутинских племен, как височные подвески, состав ожерелья, нагрудные украшения (зеркала, бляхи, подвески), поясные ремни, сплошь украшенные металлическими накладками, по нашему мнению, являются результатом эволюционного развития пьяноборских форм. То же самое можно сказать о бахмутинской керамике, для которой, как и для пьяноборской, характерны круглодонные сосуды с ямочным орнаментом. Этот вывод об автохтонном возникновении бахмутинской культуры мы полностью относим также и к среднекамским мазунинским памятникам, которые по сравнению с памятниками с территории Башкирии сохранили более архаичные черты. Мазунинские могильники близко напоминают пьяноборские. Встреченный в Мазунинском могильнике обычай обкладки могил каменными плитами (Генинг, 1958, стр. 79) находит полную аналогию в материалах Чиатавского могильника из Башкирии (Мажитов, 1959а, стр. 106). Кроме височных подвесок, поясных ремней и других предметов, о близких связях мазунинских памятников с местными пьяноборскими, по-видимому, говорят и бронзовые фибулы с изображениями в виде бабочек и железные пластинчатые браслеты. Так, например, браслеты, полностью тождественные мазунинским, нами были встречены в Чиатавском (Мажитов, 1959а, стр. 104, табл. 11, 26, 27) и Камышлы-Тамакском могильниках пьяноборской культуры. Мазунинские фибулы по форме щитка, орнаменту близко стоят к поздним типам пьяноборских эполетообразных застежек из Камышлы-Тамакского могильника, что может говорить о генетической связи.

Керамика мазунинских племен исследована очень слабо. В одной из последних совместных работ В. Ф. Генинг и В. Е. Стоянов (1962а) керамику мазунинских поселений делят на три типа: 1) круглодонную с растительной, раковинной и песчаной примесью, с орнаментом из круглых или овальных ямок и пазечками по венчику; 2) круглодонную с шамотом в глине и ямочным орнаментом по тулову и 3) плоскодонную с шамотом в глине и без орнамента.

Из этих типов для нас наибольший интерес представляют первые два. По мнению исследователей, первый тип характеризует собственно мазунинскую керамику, в то время как второй связывается с бахмутинскими племенами Башкирии (Генинг, Стоянов, 1962 а, стр. 69). Нам кажется, что мнение о различной культурной принадлежности этих двух типов керамики ошибочно. Между ними, по нашему мнению, имеются хронологические различия. Сосуды первого типа, встреченные также в ряде бахмутинских поселений Башкирии, по форме, составу глины и орнаменту близко стоят к сосудам местных пьяноборских племен. Вполне возможно, что эти сосуды на бахмутинских памятниках представляют более ранние формы и служат звеном, связывающим генетически бахмутинскую керамику с пьяноборской. Кроме того, эта керамика на севере, т. е. на Средней Каме, могла существовать также более продолжительное время, чем на территории Башкирии.

Мы считаем, что формирование раннебахмутинской культуры в основном происходило на базе культуры местного пьяноборского населения. Об этом говорят также и данные антропологии. М. С. Акимова, например, исследуя черепа из мазунинских могильников, пришла к выводу о родственном характере мазунинского и пьяноборского населения в антропологическом отношении. На этом основании она отрицает возможность смены камского населения в II—III вв. (Акимова, 1961).

Как известно, в ряде своих работ В. Ф. Генинг высказывал предположение, что на рубеже II—III вв. н. э. во всем прикамском районе происходит смена населения, вызванная проникновением из Южной Сибири кочевнических племен. По его мнению, в это время происходит переселение бахмутинских и мазунинских племен на территорию северной Башкирии и Среднего Прикамья. Он же утверждает, что коренное население Средней Камы под давлением пришлых мазунинцев было вынуждено переселиться в северо-западном направлении, в район р. Вятки, где они положили начало сложению азелинской культуры (Генинг, 1958, 1959). С мнением В. Ф. Генинга трудно согласиться, так как материалы из раннебахмутинских, в том числе среднекамских (мазунинских), памятников никак нельзя

рассматривать как проникшие со стороны. Наоборот, эти материалы свидетельствуют о том, что на территории северной Башкирии и Среднего Прикамья в III—IV вв. продолжает существовать население, являвшееся прямым потомком племен пьяноборской культуры, а последние составляли основное население этой территории до рубежа II—III вв. Мы не видим оснований для утверждения о полной миграции пьяноборских племен в бассейн р. Вятки. Наоборот, как показывают материалы, приведенные А. П. Смирновым (1961, стр. 95—96), пьяноборские племена жили здесь задолго до III в. н. э., еще с эпохи последних столетий до нашей эры.

В. Ф. Генинг, говоря о сибирском происхождении бахмутинской культуры, сравнивает ее керамику с керамикой поселений барабинских степей Южной Сибири (1961, стр. 41). Действительно, керамика этих поселений, исследованных в 20-х годах В. П. Левашовой, которая датирует их первыми столетиями II тысячелетия н. э. (Левашова, 1928), обнаруживает некоторые сходства с бахмутинской. К признакам, сближающим ее с бахмутинской керамикой, например, можно отнести орнаментацию невзсоких сосудов косыми насечками по шейке, круглыми или неправильными глубокими ямками по тулову. Однако для доказательства сибирского происхождения бахмутинской керамики нужно, во-первых, чтобы памятники, подобные барабинским поселениям, датировались временем раньше, чем II—III вв. н. э.; во-вторых, необходимо исключить возможность самостоятельного развития такой керамики в Южной Сибири; в-третьих, если даже в Южной Сибири будут выявлены поселения нашей эры с таким же керамическим материалом, важно, чтобы этим поселениям соответствовали могильники, по инвентарю и погребальному обряду идентичные раннебахмутинским. Все это представляется маловероятным, и поэтому мы не можем согласиться с мнением В. Ф. Генинга о пришлом характере культуры бахмутинских племен.

На рубеже двух этапов истории бахмутинской культуры лежит эпоха «Великого переселения народов», характеризующаяся массовым проникновением гунов из районов Центральной Азии в Европу. Нашествие гунов, разгромивших около 370 г. военный союз аланских племен, привело к передвижению больших народных масс на огромной территории, создало сложную этническую карту на Урале. Племена скотоводов-кочевников, оказавшиеся на пути передвижения гунов, под натиском последних вынуждены были перекочевать к северу, в горно-лесные районы Урала, а отдельные группы этих племен достигли районов Среднего и Верхнего Прикамья, где оставили многочисленные памятники типа курганных могильников у дер. Качка и Харино, Пермской области. В этом отношении территория Башкирии не составляла исключения. В настоящее время здесь выявлены памятники, которые, несомненно, оставлены пришлыми с юга кочевниками. Сюда относятся курганный могильник в Орджоникидзевском районе г. Уфы, погребения около Башмединститута и оперного театра и др. Но наиболее полно изученным является Ново-Турбаслинский курганный могильник, расположенный вблизи г. Уфы. Материалы всех этих памятников обнаруживают близкие сходства и служат хорошей иллюстрацией культуры и истории пришлового населения.

Для могильников пришлох кочевников характерны небольшие курганные насыпи, содержащие от 1 до 6—8 одиночных захоронений. В насыпи многих курганов встречаются остатки ритуальных тризн в виде кострищ, костей конечностей и черепов лошади. Могильные ямы своими длинными сторонами ориентируются по линии С—Ю или со значительными отклонениями на запад и редко на восток. По устройству они делятся на три вида: 1) прямоугольные ямы простой формы; 2) такие же ямы, но с глубокими подбоями в северном конце и 3) ямы с заплечиками вдоль длинных стен и иногда с подбоями в северной стенке. Покойники на дне могил лежат головой на север, редко на северо-запад или северо-восток. Довольно устойчивой деталью обряда захоронения пришельцев можно считать нахождение в изголовье умерших больших глиняных сосудов и плечевых костей, по-видимому, лошади. В могилах с подбоями все эти предметы находятся в подбоях. Интересно отметить, что жертвенные кости лошади обычно лежат на сосудах, реже — рядом с ними.

В вещевом инвентаре каждого исследованного памятника свои специфические особенности, но наравне с этим можно выявить ряд общих для них черт. К числу их относятся

большие глиняные сосуды с сильно раздутым туловом и высоким прямым горлом. Преобладающее большинство сосудов имеет круглые или уплощенные днища, но среди них встречаются и плоскодонные. В единичных экземплярах находятся небольшие плоскодонные горшки, а также тонкостенные сосуды с богатым резным орнаментом по шейке и дну (кушаренковский тип). Различные керамики и форм могил, по-видимому, свидетельствует, что пришлое население в культурном и этническом отношении было сильно смешанным.

Начальная дата всех указанных памятников восходит ко времени не раньше последних десятилетий IV и самого начала V в. н. э. Таким образом, самые ранние материалы из могильников позволяют время появления пришлое кочевников на территории Башкирии связать с начавшимся массовым вторжением гунских кочевников из азиатских степей в Восточную Европу. Но основное время существования памятников нового типа в Башкирии относится к V—VII вв. Эта дата достаточно ясно аргументирована в опубликованных работах (Ахмеров, 1951; Смирнов, 1957, стр. 64; Мажитов, 1959), а поэтому здесь нет необходимости подробно на ней останавливаться. Попытки В. Ф. Генинга удревить эту дату до III—IV вв. основаны на недоразумении и лишены аргументации (Генинг, 1961, стр. 40—42).

Для определения культурной принадлежности памятников Башкирии типа Ново-Турбаслинских курганов большое значение имеет сопоставление их материалов с памятниками кочевников южных степей. По устройству курганов и по основным формам керамики они близко стоят к сарматским памятникам южноуральских и нижневолжских степей. Для подкрепления этой мысли можно сослаться на многочисленные примеры из курганов могильников у сел Бережновки, Быково, Калиновки, раскопанных И. В. Сеницыным (1959, 1960), К. Ф. Смирновым (1959, 1960) и В. П. Шиловым (1959). Хотя сарматские черты в культуре турбаслинских и уфимских могильников составляют значительный процент, однако считать их полностью памятниками сармато-алан, по-видимому, нельзя. В первые столетия нашей эры население южноуральских степей, откуда, вероятно всего, продвинулись турбаслинские племена, не было уже однородным, т. е. чисто сарматским. По свидетельству античных авторов, в прикаспийских степях и близлежащих районах вместе с сарматами жили отдельные группы гунических племен. Об этом говорит, например, Дионисий (I в. н. э.), отметивший, что у Каспийского моря живут скифы, «потом унны, а за ними каспийцы» (Латышев, 1948, стр. 366—367). Примерно эти же сведения дает Клавдий Птоломей (II в.), который писал, что между «бастериями и роксоланами живут гуны» (там же, стр. 254). Многие археологи связывают с гунами материалы Шитовских курганов, погребений у Покровска, Бородаевки, в Нижнем Поволжье (Сеницын, 1947, стр. 24; Смирнов, 1957, стр. 5).

Следует отметить, что некоторые аналоги могилам с подбоями из Ново-Турбаслинских и Уфимских курганов встречаются в кочевнических курганах гунического времени в Средней Азии. Такие могилы, например, были вскрыты А. Н. Бернштамом в Кызыртском могильнике на Тянь-Шане (Бернштам, 1952, стр. 311, рис. 64, рис. 31, 3). Турбаслинские курганы со среднеазиатскими сближают также некоторые формы керамики (Бернштам, 1952, стр. 311, рис. 136, 2—4, 7; стр. 312, рис. 137, 1—7). Эти среднеазиатские связи памятников Башкирии типа Ново-Турбаслинских курганов пока имеют общий характер, но тем не менее их также нельзя игнорировать при изучении вопроса о происхождении пришлое в Башкирию в IV в. населения, состоявшего в основном из представителей южноуральских сармато-аланских и тюркоязычных гунических племен. Поскольку в передвижениях народов IV—V вв. основную роль сыграли гунические кочевники, то можно предположить, что в культуре и языке этого пришлое населения преобладали тюркские элементы. Свообразие происхождения и этнической принадлежности племен, вторгнувшихся в IV в. в пределы Башкирии, требует выделить их памятники в особую археологическую культуру, которую мы предлагаем назвать турбаслинской. Эта культура представлена памятниками типа Уфимских (в Орджоникидзевском районе) и Ново-Турбаслинских курганов. Погребения в районе Башмединститута, оперного театра, на ул. Галанова г. Уфы тоже должны быть отнесены к числу памятников турбаслинской культуры. В территориальном отношении она пока

локализуется в центральной Башкирии, в среднем течении р. Белой. Погребальный обряд турбаслинской культуры описан выше: керамика не отличается однородностью, но характерными надо считать большие неорнаментированные сосуды с раздутыми шарообразными туловами и высоким прямым горлом. Разновидностью турбаслинской керамики, по-видимому, являются также сосуды кушнаренковского типа, встречающиеся в памятниках в небольшом количестве.

В турбаслинских памятниках много предметов украшений (бусы, серьги, фибулы, браслеты, нагрудные подвески) и поясных наборов из золота, серебра, бронзы и янтаря (Мажитов, 1959, табл. II, IV, V). Эти предметы широко распространены и позволяют определить время существования турбаслинской культуры начиная с конца IV, но в основном V—VII вв. н. э. Верхняя дата пока условна, возможно в будущем она будет передвинута до IX—X вв.

Следует подчеркнуть, что материалы этого времени представлены в самом Ново-Турбаслинском могильнике, но они очень незначительны и потому при датировке памятника нами раньше не привлекались. В частности, к этому времени теперь должны быть отнесены погребения № 3 кургана № 7, погребение № 3 кургана № 9 и погребение № 2 кургана № 11 (Мажитов, 1959, стр. 122—127). Эти погребения от ранних отличаются тем, что являются впускными и совершены в ямах простой конструкции; очень слабо углубленных в слой материковой глины. В погребении из кургана № 9 найдена железная пряжка продолговатой формы с вогнутыми длинными сторонами (рис. 1, 17) и обломки большого глиняного сосуда. Судя по многочисленным аналогиям, время бытования этой пряжки охватывало последние три столетия I тысячелетия н. э. (С. А. Плетнева, 1958, стр. 156, 157, рис. 3, 4). В изголовье костяка из погребения другого кургана (№ 11) стоял раздавленный глиняный большой сосуд с плоским дном и высоким прямым горлом, а между ног лежала железная пряжка овальной формы (рис. 1, 16). В третьем погребении (курган № 7) вместе с остатками черепа лошади найден обломок горла глиняного сосуда, изготовленного на гончарном круге.

Многие исследователи, отмечая сложный характер этнического состава населения Башкирии во второй половине I тысячелетия н. э., склонны выделить целый ряд археологических культур. Здесь мы считаем необходимым обратить внимание на две из них.

В. Ф. Генинг, исследовавший Кушнаренковский могильник, выделяет его материалы в кушнаренковскую культуру (Генинг, 1961, стр. 40—44), что, на наш взгляд, является преждевременным. Кушнаренковский могильник очень сложный памятник, культура которого еще не совсем выяснена. По формам могил, большинства глиняных сосудов (неорнаментированные большие сосуды с высоким прямым горлом), обилию костей лошади в могилах, металлическим предметам (поясные наборы, украшения) он близок к турбаслинским и уфимским курганам, но отличается от них грунтовыми захоронениями без внешних признаков. Возможно, что эта особенность свидетельствует об ассимиляции местными племенами пришельцев и утере последними некоторых южных черт в культуре. Кушнаренковский могильник не является типичным памятником пришлых кочевников и поэтому не может быть использован для выделения особой культуры. По нашему мнению, он датируется в пределах V—VII вв. и условно может быть включен в число памятников турбаслинской культуры.

Нельзя также согласиться с К. В. Сальниковым, выделившим особую романовскую культуру (см. его статью в настоящем сборнике). Эта культура выделена им на основании только керамического материала плохо датированных поселений без достаточного привлечения данных могильников. Между тем сопоставление керамики турбаслинских могильников и поселений романовского типа показывает тесное культурное единство между ними.

Как мы отметили выше, турбаслинские племена изготовляли себе разнотипную керамику, в которой представлены и плоскодонные сосуды романовского типа. Особенно много таких горшков в Кушнаренковском могильнике, имеются они и в курганах Орджоникидзевогского района г. Уфы. В курганах Ново-Турбаслинского могильника они найдены в 9 погребениях (рис. 1, 16; Мажитов, 1959, стр. 135, табл. III, 3, 4). К этому же типу относится

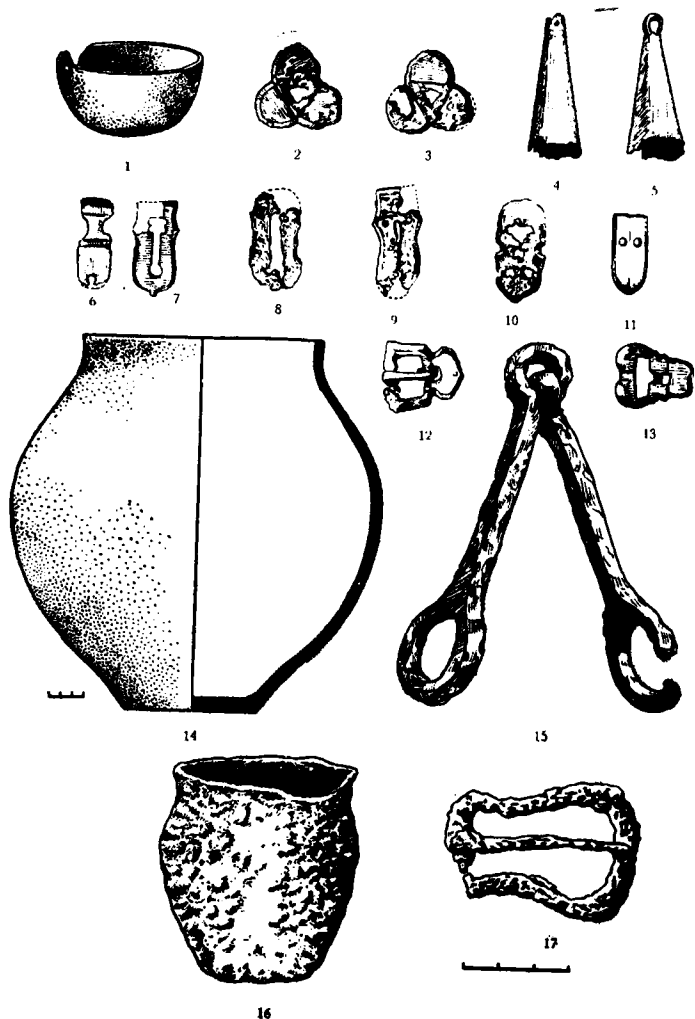

Рис. 1. Материалы из курганов Ново-Турбаулнского могильника, VII—IX вв.
Раскопки 1957—1958 гг.

1 — чаша; 2, 3, 6—11 — накладки речня; 4, 5 — подвески; 12, 13, 17 — пряжки; 14, 16 — сосуды; 15 — удила.
1—15 — погребение № 2, курган № 10 (VII в.); 16 — погребение № 2, курган № 23; 17 — погребение № 9 (VIII—IX вв.).
2, 3, 5—13 — серебро; 4, 6—7 — бронза; 11, 16 — глина; 15, 17 — железо.

вышеупомянутый сосуд из впускного погребения кургана 11. В погребении № 2 кургана № 10 сосуд романовского типа (рис. 1, 14) сопровождался серебряными пряжками (рис. 1, 12, 13) и накладками (рис. 1, 2, 3, 6—11) ремня, типичными для VII в. В этом же погребении найдены еще железные конские удила (рис. 1, 15), небольшая серебряная чаша с круглым дном (рис. 1, 1) и конусообразные подвески из бронзового листа (рис. 1, 4, 5). Приведенные аналоги служат достаточным основанием, чтобы поселения романовского типа рассматривать как памятники турбаслинской культуры.

При дальнейшем изучении этого вопроса необходимо учитывать также и некоторые различия, которые существуют в керамическом материале из поселений и могильников. Керамика из поселений, по сравнению с основной массой сосудов из курганов, очень грубая и производит впечатление поздней. В этом отношении основное время существования этих поселений примерно совпадает с датой самых поздних погребений Ново-Турбаслинского могильника. Следовательно, в материалах первых надо видеть отражение истории турбаслинских племен в сравнительно более позднее время, примерно VII—IX вв.

Турбаслинские племена оказали сильное воздействие на культуру и образ жизни коренного населения. Этим, по-видимому, следует объяснить то, что в бахмутинских могильниках примерно с V в. начинают распространяться захоронения в глубоких ямах с подбоями или ступеньками в северных узких стенках, с глиняными сосудами и костями лошади в них, ритуальные захоронения четырех ног, хвоста и черепа лошади в почвенном слое между могилами.

Позднебахмутинские памятники существенно отличаются от ранних составом вещевого материала. Так, например, в могильниках рубежа IV—V вв. впервые появляются, а затем получают широкое распространение большие круглые, плоские янтарные бусы, бусы из подглазурного стекла цилиндрической формы, бронзовые и особенно железные V-образные пряжки, бронзовые пряжки с золотой инкрустацией, серебряные пальчатые фибулы (см. рис. 2, 3).

В позднебахмутинских могильниках достаточно ясно прослеживаются черты, связывающие их с культурой раннебахмутинских племен. Без изменений, например, остаются ориентировка и положение костяков, встречаются также жертвенные комплексы, а из предметов — височные подвески бахмутинского типа и многие формы бусин и нагрудных украшений. Это доказывает этническое единство носителей ранней и поздней бахмутинской культуры.

Последние века существования бахмутинской и турбаслинской культур подводят нас непосредственно к периоду, когда появляются самые ранние письменные источники о народах, населявших земли современной территории Башкирии. Сведения этих средневековых письменных источников представляют немалый интерес при изучении вопроса об этнической принадлежности носителей археологических культур второй половины I тысячелетия н. э.

Средневековые письменные источники можно подразделить на две группы. Одна группа документов (арабские авторы) связывала население Башкирии конца I тысячелетия н. э. с тюркоязычными башкирами, а другая — отождествляла его с венгерскими племенами, называя эту страну «Великой Венгрией». Башкиро-мадьярская проблема является одной из самых сложных проблем древней и средневековой истории Башкирии, вызвавшей оживленную дискуссию у исследователей. Этой теме посвящена большая историческая литература, и все же вопрос об этнических связях башкир с венграми в раннее средневековье остается открытым. Основная причина, породившая много диаметрально противоположных научных гипотез, заключается в том, что исследования в этой области велись, главным образом, на основании только письменных и лингвистических источников без должного привлечения материалов археологических памятников, особенно позднего периода.

Использование сведений письменных источников применительно к вопросу об этнической принадлежности племен, выявленных по материалам археологических памятников Башкирии, дает нам основание для предположения, что ранних башкир нельзя отождествлять с венгерскими племенами. Истоки формирования башкирского и венгер-

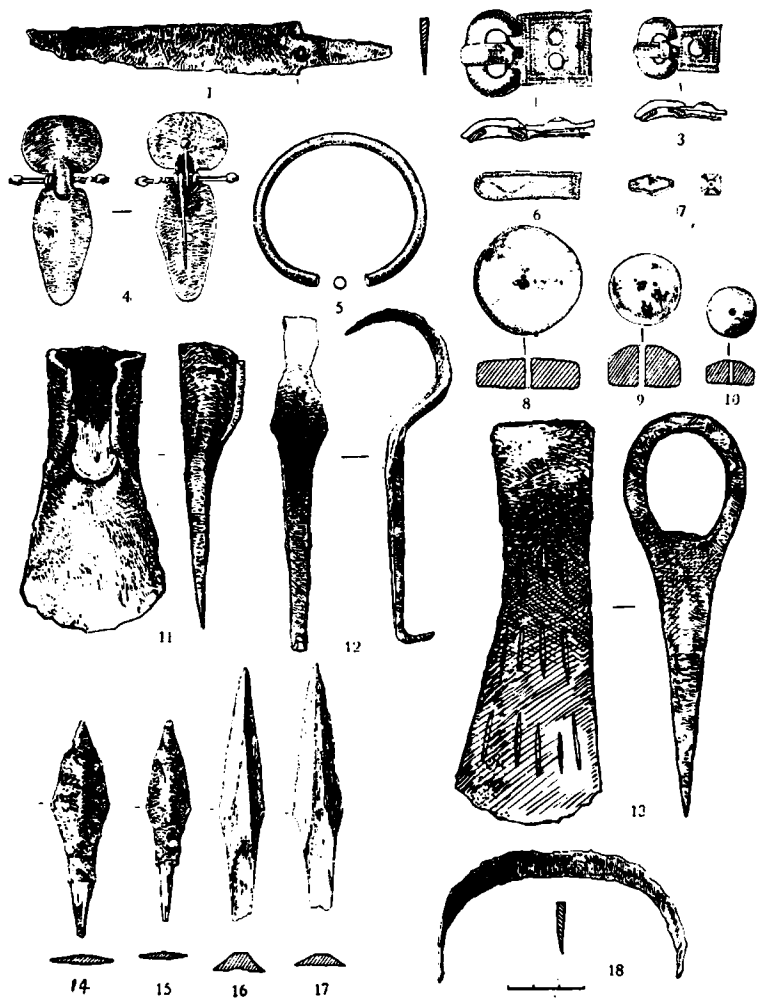

Рис. 2. Инвентарь мужского погребения V в. Бирский могильник.
 1, 11–15, 18 — железо; 2, 3, 6 — золото; 4, 5 — серебро; 7 — сердолик; 8–10 — янтарь; 16, 17 — кость.

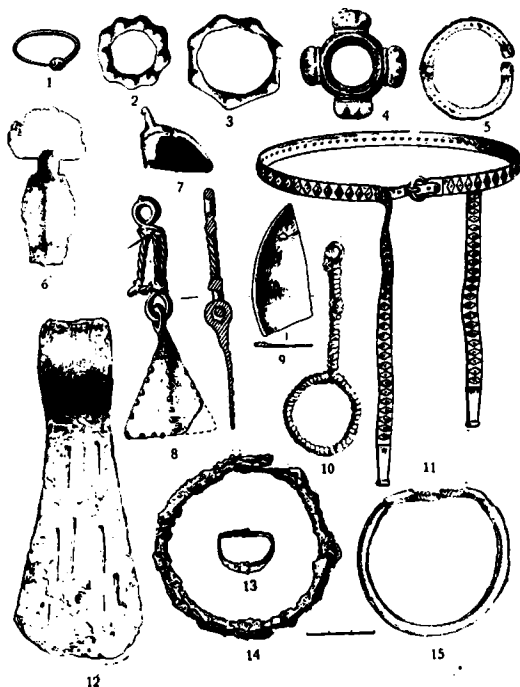

Рис. 3. Инвентарь женского погребения V в. Бирский могильник.
1—4, 6, 8 — серебро; 5, 7, 9, 10, 13, 15 — бронза; 12, 14 — железо; 11 — реконструкция поясного ремня.

ности, Башкирии. Нам кажется, что угорские (промадярские) племена на Урале обитали еще в эпоху раннего железа. Есть основания говорить, что в бассейне реки Белой угорскими являются памятники кара-абызского варианта пьяноборской культуры. Вопрос о пребывании древнеугорских племен в этих районах, по-видимому, должен решаться в плане дальнейшего изучения памятников пьяноборской (кара-абызской) и бахмутинской культур.

Прямое отношение к ранним тюркоязычным башкирам, вероятно, имеют племена турбаслинской культуры, которые своим происхождением тесно были связаны с южным кочевым миром. Но турбаслинские племена, очевидно, составили только далеко продвинувшуюся северную группу башкирских племен, основная часть которых в середине и конце I тысячелетия кочевала в южноуральских степях. Именно в этих районах обитали те тюркоязычные башкиры, которые известны нам из самых ранних письменных источников о башкирах, сообщений арабских авторов Ибн-Фадлана и Ал-Масуди (X в.).

ского союзов племен были совершенно различными, хотя в их истории имеется ряд общих моментов.

Из археологических культур Башкирии конца I тысячелетия н. э. наиболее близкой к культуре дунайских венгров является бахмутинская культура. Для бахмутинских племен и дунайских венгров общими являются групповой характер могильников, неглубокие захоронения, а также почти одинаковые формы и способы ношения поясных ремней. Кроме того, об угорской (мадярской) принадлежности бахмутинских племен говорит также большая их культурная близость к соседним финно-угорским племенам Прикамья и Западной Сибири (ломоватовские, неволинские, нижнеобские).

Среди археологов распространенной является точка зрения о том, что древневенгерские племена первоначально обитали в южносибирских степях, а в Западном Приуралье являются поздними пришельцами (Мольнар, Смирнов, Генинг, Чернецов). Нельзя считать, что такое мнение подтверждается материалами археологических памятников Урала и, в част-

В. Ф. ГЕНИНГ

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ В
I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ НАШЕЙ ЭРЫ**

I

Вопросы этнической истории башкирского народа разработаны еще недостаточно. В решении проблемы этногенеза башкир до сих пор использовались главным образом данные этнографии и лингвистики.

Большое исследование С. И. Руденко, выдержавшее два издания, дает прекрасное представление о быте, хозяйстве и многих других сторонах жизни башкир в дореволюционный период (Руденко, 1955). Этим же исследователем были собраны большие материалы по антропологическому составу современных башкир (Руденко, 1916). Безусловно, огромную ценность представляет изучение родоплеменной организации башкир, проведенное Р. Г. Кузеевым (1954, 1957). Следует, однако, заметить, что общим недостатком всех этих исследований по ранней истории башкир является крайне слабая источниковедческая база.

Достаточно надежными источниками по древнейшей истории являются археологические и палеоантропологические материалы. Между тем, изучение древнейшей истории Башкирии по археологическим материалам делает только первые шаги. Об этом свидетельствует и первый сводный очерк археологического изучения Башкирии (Смирнов, 1957), и попытка использовать археологические материалы для решения отдельных вопросов этногенеза башкир (Ахмеров, 1952).

Этническая история башкирского народа, по единодушному мнению исследователей, является весьма сложной. Бесспорно, что в настоящее время башкиры принадлежат к тюркоязычным народам. Но вопрос об этнической принадлежности различных по происхождению и языку племен, обитавших на территории Башкирии до сложения здесь башкирской нации, не получил еще освещения в нашей литературе.

Изучая этнический состав населения Башкирии, этнографы намечают несколько этапов в его формировании. Первая наметка в этом направлении принадлежит С. И. Руденко. В специальной работе, посвященной изучению родоплеменного состава населения Башкирии, Р. Г. Кузеев выделяет четыре этапа этнической истории башкирского народа.

Первый этап — древнейший — до IV в. н. э. «Основным компонентом раннего периода этногенеза башкир были местные племена Прикамья и Приуралья». Для I тысячелетия

до н. э. Р. Г. Кузеев, вслед за С. И. Руденко, допускает возможность проникновения в Приуралье монголоидных групп древнетюркского происхождения (Кузеев, 1954, стр. 9).

Второй этап охватывает IV—XIII вв. и является, по мнению исследователя, «узловым в процессе формирования основных этнических признаков башкирских племен». В этот период особенно ярко проявляются этнические связи приуральских племен с кочевниками — гуннами, поздние печенегами, огузами, половцами, а также волжскими булгарами (Кузеев, 1954, стр. 10).

Третий этап — XIII—XVI вв. «когда в процесс башкирского этногенеза включаются тюркские и частично монгольские родоплеменные группы, пришедшие в Восточную Европу с монгольскими полчищами или вслед за ними» (там же).

Четвертый этап — XVI—XVIII вв. — связан с присоединением башкир к Русскому государству и сложением башкирской народности (там же).

Не вызывает возражения выделение последних двух этапов как в отношении хронологии, так и этнических образований. Но первые два, относящиеся к древним периодам истории населения Башкирии, где археологические материалы должны иметь решающее значение, на наш взгляд, не могут быть приняты в свете новых исследований.

Археологические исследования, проведенные в последние десятилетия на территории Башкирии и сопредельных областей, дали ряд новых материалов, позволяющих по-новому поставить вопрос об этнической принадлежности древнего населения этой области, особенно в I тысячелетии н. э., когда наблюдается массовый приток различных племен не прикамского происхождения.

В настоящей статье автор пытается обобщить вновь накопленные материалы, обращаясь, однако, лишь к их этнической интерпретации.

II

На территории Башкирии к эпохе раннего железного века (VII в. до н. э. — II—III вв. н. э.) относятся три, в значительной степени различающиеся между собой, группы памятников, отражающие не только этническое, но и хозяйственное различие племен, оставивших эти памятники.

Южная степная Башкирия была занята племенами сарматской культурной общности, хозяйство которых базировалось на кочевом скотоводстве (Смирнов, 1957). Пределы расселения сарматов к северу прослежены еще чрезвычайно плохо. В частности, по р. Белой пока не выявлены памятники, бесспорно относящиеся к сарматской культуре.

Курганы у с. Кишки на р. Белой, (Садыкова, 1962), а тем более случайные, без достаточной документации материалы курганов у с. Асавабаш, нельзя безоговорочно относить к культуре сарматов (Генинг, 1961). Еще большее сомнение вызывает отнесение к сарматской культуре находок в г. Уфе (Смирнов, 1957, стр. 25—27). Недостаточно твердо определяется также и культурная принадлежность кургана у г. Ишимбая (Дмитриев, Сальников, 1941).

Курганы у с. Кишки обнаруживают большое сходство с погребениями прохоровской культуры сарматов в степях Южного Урала. Но в то же время в них имеются и черты, отличающие их от собственно сарматских. На наш взгляд, население, захороненное в курганах Кишки, этнически относится к тому типу, который вошел в состав савроматского в период формирования прохоровской культуры на Южном Урале.

В культурном отношении это население, бесспорно, отлично от сарматского прежде всего тем, что оно имело постоянные поселения, в том числе городища. В основе его хозяйства лежало не кочевое, а пастушеское скотоводство в сочетании с земледелием, о чем наглядно свидетельствуют находки в курганах и городищах. Связь курганов с городищами доказывается сходством керамики (как по форме, так и орнаментации), а также примесями в глиняном тесте толченого талька и мергелистой крошки. На Курмантаевском городище слой с такой керамикой содержится в чистом виде, а на остальных составляет, вероятно, самостоятельный слой (Юсупов, 1959; Генинг, 1961, стр. 26—28).

Курганы Кишки и соответствующие им слои Гафурийских городищ датируются в основном III—II вв. до н. э., т. е. самым концом того периода, который в прикамских материалах относится к ананьинской культуре. Керамика, полностью соответствующая ананьинской в ее нижекамском варианте, встречается на всем протяжении р. Белой, в том числе и на Гафурийских поселениях (Юсупов, 1959). В какой мере ананьинская керамика этих поселений представляет самостоятельные группы населения, предстоит еще решить, но имеющиеся в настоящее время материалы свидетельствуют, что этот тип керамики относится в основном к периоду до III в. до н. э., т. е. ко времени более раннему, чем время появления населения типа захороненного в курганах Кишки. Бельское население раннего железного века было родственно собственно ананьинскому, что находит свое отражение как в сходстве керамики из поселений, так и материалов Уфимского могильника.

В свете новых материалов возник вопрос о датировке керамики кара-абызского типа. Это сосуды с примесью крупнотолченых раковин и поiskом ямок по шейке. Нами было высказано предположение о датировке этой керамики в основном послепьяноборским временем (Генинг, 1961, стр. 27). Этого же мнения придерживается в настоящее время и Н. А. Мажитов, производивший новые раскопки на ряде памятников, в том числе и на городище Кара-Абыз.

Памятников рубежа нашей эры в среднем течении р. Белой выявлено пока очень мало. К этому времени можно отнести Новый Уфимский могильник, ряд других случайно открытых погребений в г. Уфе (Ахмеров, 1959; Смирнов, 1957, стр. 35) и верхние горизонты некоторых городищ Гафурийского района (Юсупов, 1959; Троицкая, 1959). Эти памятники расположены в сравнительно небольшом районе, на протяжении 120—150 км, среднего течения р. Белой. По мере изучения этой группы памятников все больше выясняется их своеобразие. Керамика содержит в глиняном тесте примесь толченых раковин, преобладают, вероятно, низкие, широко открытые чашевидные сосуды. В погребальном обряде также имеются черты, отличающие эти памятники от более северной пьяноборской культуры. Могильные ямы обычно глубокие, до 1,5 м. В могилах нередки глиняные сосуды, кости животных и оружие, чего нет в пьяноборских погребениях. Среди костяных наконечников преобладают черешковые типы, лишь изредка встречающиеся в пьяноборских комплексах. Из бронзовых вещей часто встречаются украшения с ажурным орнаментом (Ахмеров, 1959, рис. 9). На своеобразие памятников этого времени указывал уже А. П. Смирнов, который считал, что с накоплением новых материалов появится возможность выделить здесь особый вариант культуры второй половины раннего железного века (Смирнов, 1957, стр. 36). Может быть, пока целесообразно в качестве рабочей гипотезы условно выделить эту группу памятников в особую уфимскую культуру, тем более, что этот термин уже употребляется некоторыми исследователями для обозначения всего раннего железного века Башкирии (Юсупов, 1959, стр. 87; Ахмеров, 1959, стр. 167).

Северо-западная окраина Башкирии в нижнем течении р. Белой в эпоху раннего железного века была занята ананьинскими и генетически связанными с ними пьяноборскими племенами.

В IV—III вв. до н. э. южная граница основной территории расселения пьяноборских племен проходила по р. Белой у с. Дюртюли. Послеананьинское время — это период существования сравнительно небольших, но прочных и постоянных союзов племен. Эта сторона развития общественной организации западноуральского населения хорошо прослеживается в пьяноборской культуре (Генинг, 1962). Аналогичный процесс проходил, надо полагать, и у населения среднего течения р. Белой, условно выделяемого в особую уфимскую культуру.

Таким образом, в эпоху раннего железного века древнее население Башкирии оставалось сравнительно однородным. Основная масса его относилась к ананьинской культурной общности. Этническая принадлежность ананьинского населения и его потомков (пьяноборская и уфимская группа) не вызывает особых разногласий среди исследователей. Это племена пермской ветви финно-угорских народов. В последних веках до н. э. на юге

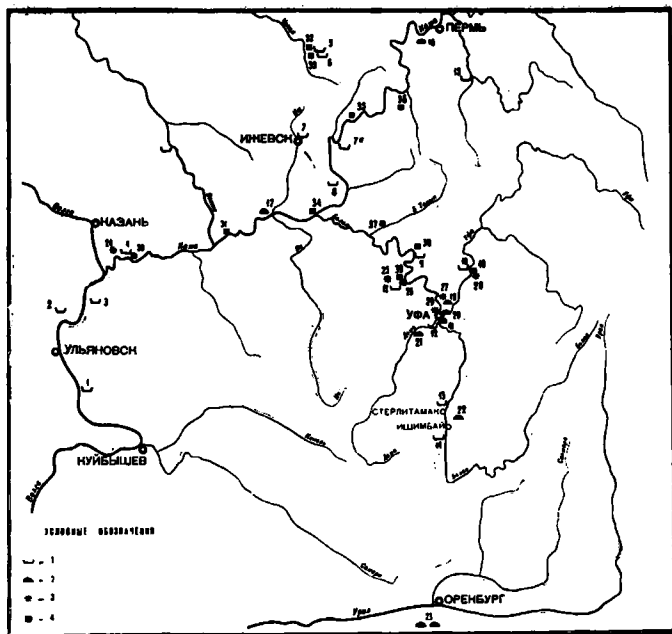

Рис. 1. Схематическая карта основных памятников Прикамья I тысячелетия н. э.

1 — могильники; 2 — курган; 3 — селище; 4 — городище.

Могильники: 1 — Хрящевский; 2 — Вольше-Тарханский; 3 — Танкесский; 4 — Рождественский; 5 — Поломский I; 6 — Поломский II; 7 — Ижевский; 7а — Сайгатский; 8 — Мазунинский; 9 — Бирский; 10 — Бахмутский; 11 — Кушаренковский; 12 — Уфимский; 13 — Стерлитамакский; 14 — Ишимбаевский; 15 — Неволинский; 16 — Азелинский.

Курганы: 17 — Турзевские; 18 — Качкинские; 19 — Ново-Турбаслинские; 20 — Орджоникидзевские; 21 — Старо-Муслинские; 22 — Саликовские; 23 — Мертвые соли.

Селища: 24 — Именьковские; 25 — Кушаренковское I; 26 — Кушаренковское II; 27 — Ново-Турбаслинское; 28 — Чапдарское; 29 — Романовские.

Городища: 30 — Именьковское; 31 — Котловское; 32 — Поломское I; 33 — Поломское II; 34 — Чеганда; 35 — Красногорское; 36 — Больше-Никольское; 37 — Юмакаевское; 38 — Бирское; 39 — Кушаренковское; 40 — Соколинный камень; 41 — Чертово.

Башкирии и частично в среднем течении р. Белой появляются какие-то новые инородные группы, родственные населению прохоровской культуры Южного Урала.

В целом для раннего железного века можно констатировать сравнительно слабую заселенность территории Башкирии. На значительных пространствах за пределами основной водной магистрали — р. Белой — неизвестны памятники этого времени.

Совершенно иную картину представляет собой территория Башкирии в III—VIII вв. (рис. 1). Поселения этого времени расположены не только по р. Белой, но и по ее многочисленным притокам и на водоразделах. Практически в эту эпоху заселяется вся территория Башкирии. Увеличение населения происходило главным образом за счет притока извне.

Это пришлое население было чрезвычайно пестрым по своему этническому составу, что отразилось и в археологических материалах.

Культура этого периода отличается наличием на одной и той же территории, зачастую в одних и тех же памятниках, смешанных комплексов.

При современном состоянии источников вопрос об этническом составе населения данного периода приходится решать главным образом на основании сведений о погребальном обряде, керамике и, в редких случаях, вещевых комплексов. Именно эти стороны развития культуры являются наиболее надежными в этнической характеристике племен I тысячелетия, когда происходит удивительная унификация вещевого материала на обширном пространстве не только нашей страны, но и далеко за ее пределами.

Рассмотрим вначале отдельные, выявленные в настоящее время типы керамики и приемы погребального обряда, а затем попытаемся наметить расселение этнических групп.

В керамических комплексах памятников III—VIII вв. на территории от Уральского хребта до р. Волги, которую мы условно будем называть древней Башкирией, можно выделить следующие типы посуды:

а) бахмутинский тип — круглодонные шаровидные или слегка вытянутые сосуды, изготовленные из красной глины с примесью мелкой гальки. Сосуды покрыты беспорядочными ямочными наколами. Обработка поверхности чаще штриховая, обжиг хороший (рис. 2);

б) кушнаренковский тип — круглодонные вытянутые сосуды с узкой горловиной, украшенной сложным, чрезвычайно изящным орнаментом. Глиняное тесто хорошо отмучено, содержит незначительные примеси песка. Большинство сосудов тонкостенные, с тщательно заглаженной поверхностью, покрытой красным ангобом (рис. 3). Крупные экземпляры сосудов этого типа имеют обычно высокую прямую шейку и лишены орнамента (Мажитов, 1959, табл. 1, III);

в) чермасанский тип — круглодонные сосуды чашевидных или шаровидных форм из глины с примесью шамота и песка. Орнаментация по шейке и плечикам состоит из резных комбинаций и ряда ямочных наколов с бугорками на внутренней стороне сосуда (рис. 4, 6—10);

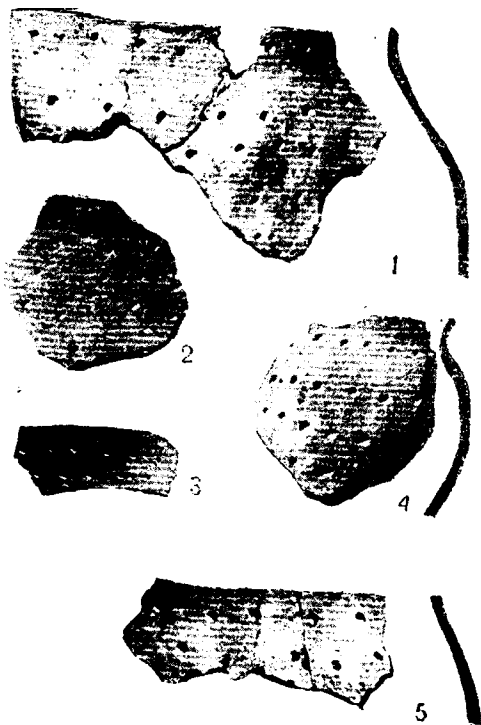

Рис. 2. Керамика бахмутинского типа.

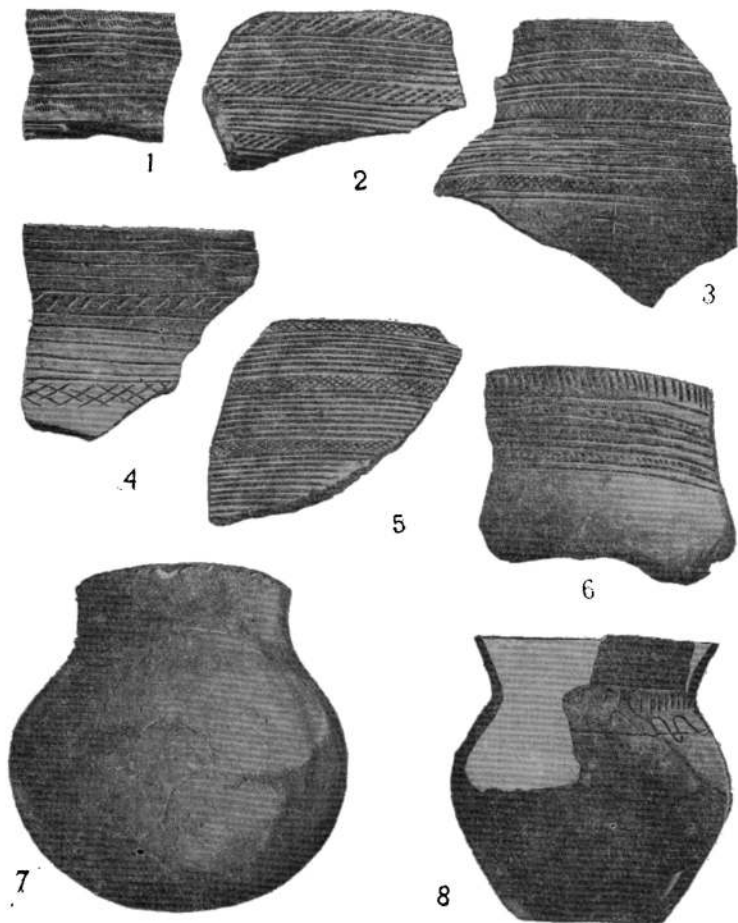

Рис. 3. Керамика кушнаренковского типа.

г) прикамский тип — сосуды чашевидных форм из теста с примесью мелкотолченых раковин и песка, украшенные по шейке пояском ямочного орнамента (рис. 4, 1—5);

д) плоскодонный тип — горшковидные сосуды, которые пока что весьма плохо поддаются дальнейшему расчленению.

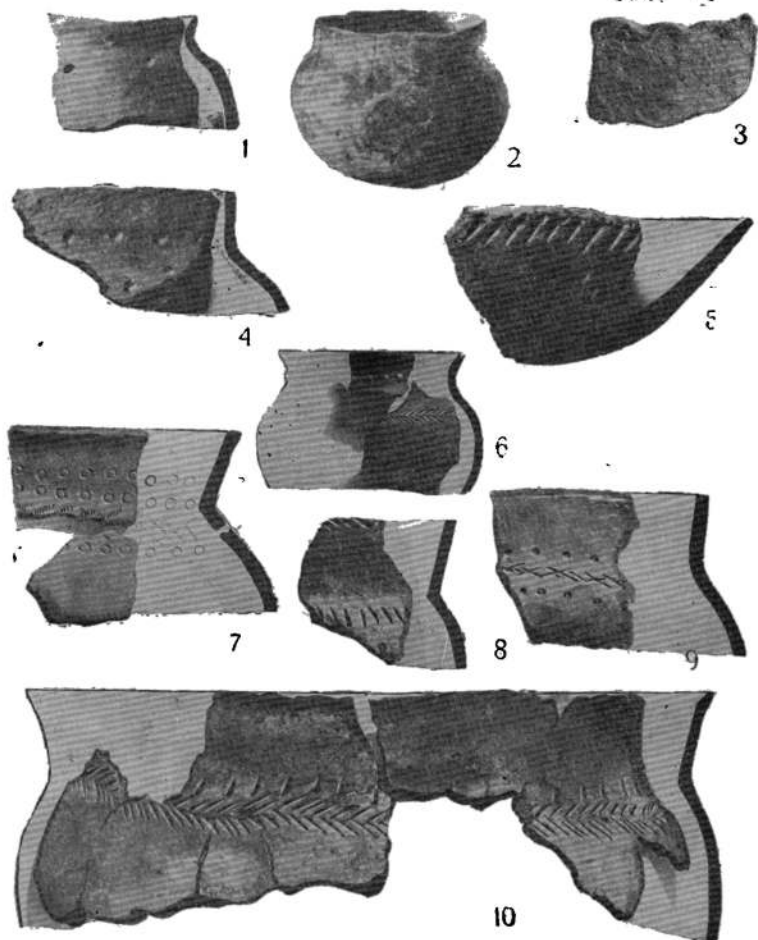

Рис. 4. Керамика: 1—5 — прикамский тип; 6—10 — черманский тип.

Большинство сосудов плоскодонного типа—это грубые горшки с широкой горловиной и невысокой шейкой, которые изготавливались в одних районах из глины с примесью большого количества шамота (рис. 5. Генинг, 1960, рис. 6), в других (рис. 6,4) — из глины с примесью песка и реже шамота (Сальников, 1958, рис. 5).

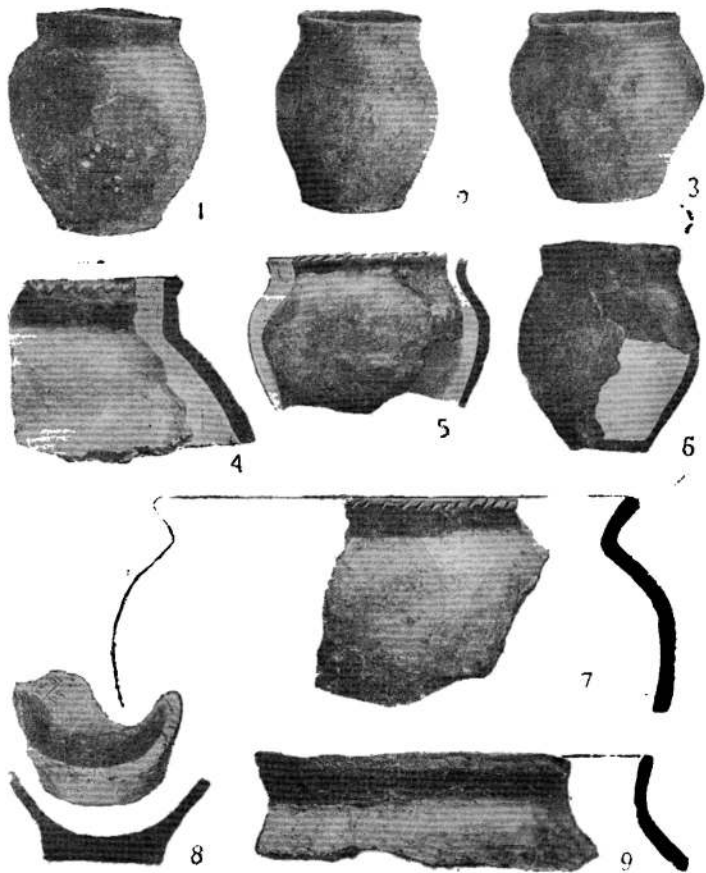

Рис. 5. Плоскодонная керамика.

Среди плоскодонной керамики наряду с вышеописанными грубыми сосудами встречаются сосуды с высокой шейкой и сильно раздутым туловом, с гладкой, а иногда и залощенной поверхностью, изготовленные из глины с примесью песка (рис. 6, 1—3. Генинг, 1960, рис. 5).

Плоскодонные сосуды, как правило, не орнаментированы, лишь в некоторых районах часто встречаются насечки по венчику.

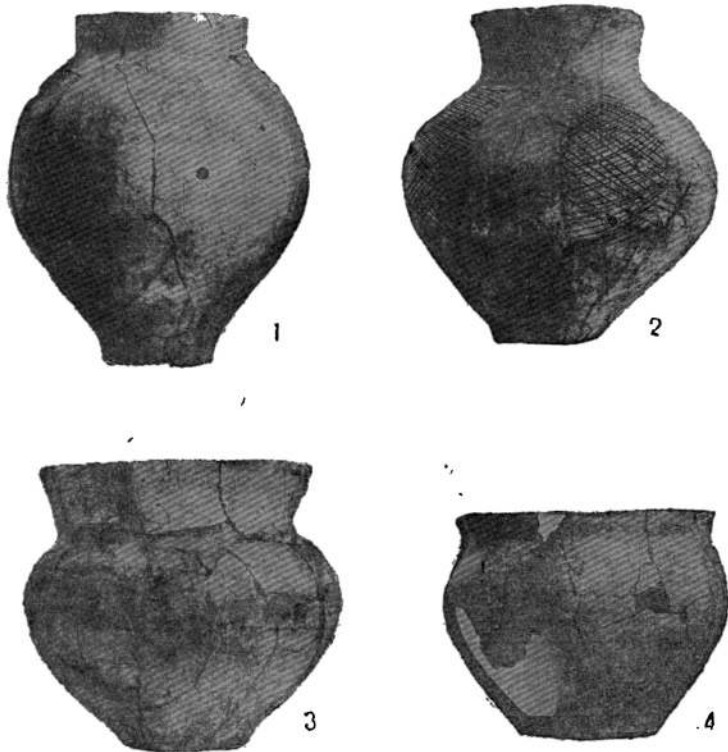

Рис. 6. Плоскодонные сосуды.

Описанные типы сосудов резко различаются по всем основным признакам — составу глиняного теста, форме и орнаментации.

Среди погребальных памятников также выделяется ряд типов, различающихся по устройству могильных ям и обряду захоронения. Особенно разнообразны по форме могильные ямы, среди которых встречаются: а) простые прямоугольной формы (рис. 7,1); б) прямоугольные с низкими заплечиками у дна, высотой 25—35 см (рис. 7,2); в) прямоугольные с низкими заплечиками у дна и нишами-подбоями в изголовье (рис. 7,3); г) прямоугольные с одной-двумя ступеньками в изголовье (рис. 7,4); д) весьма небольшие прямоугольные квадратные ямки, обычно со ступенчатым дном с остатками трупосожжения (рис. 7,5). Кроме того, нередко случаи, когда над могилами имеются курганные насыпи.

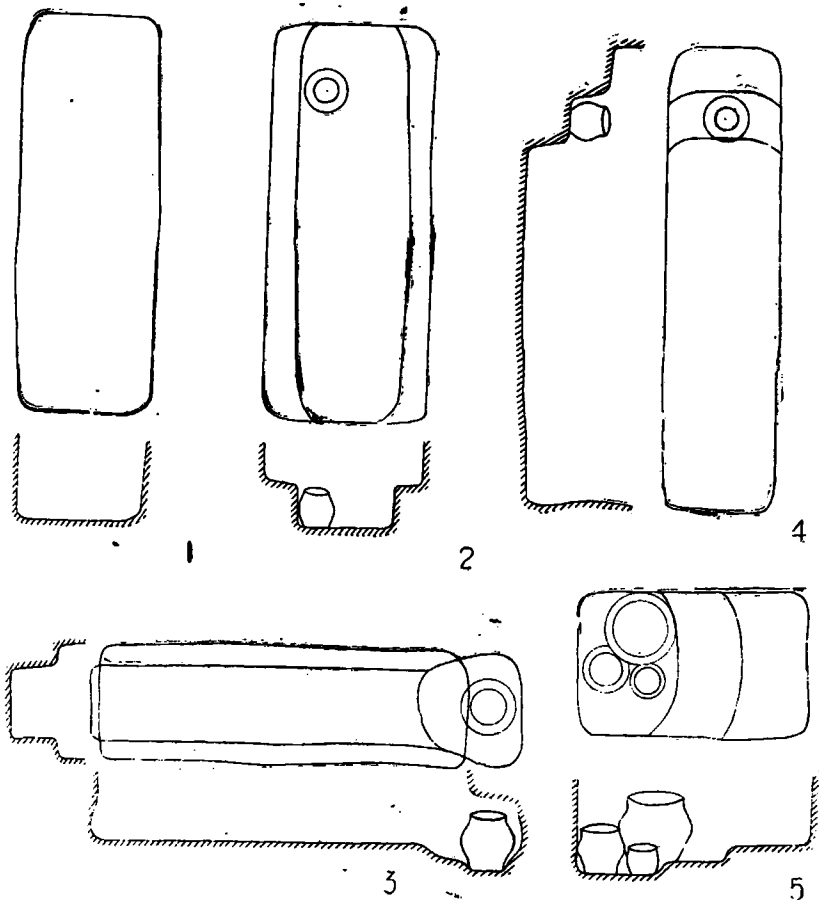

Рис. 7. Типы могильных ям.

Рядом с погребаемым в могильную камеру или гроб в качестве заупокойной пищи помещались обычно крупные куски мяса лошади или коровы (кости ребер и бедер), а в засыпь могильной ямы — части коня (голова, ноги и хвост), связанные с культом путешествия в загробный мир.

Часто в погребениях встречаются глиняные сосуды, причем иногда по несколько экземпляров, и так называемые жертвенные комплексы, когда несколько предметов (ук-

рашения, изредка и другие вещи) сложены в кучку у изголовья или в других местах рядом с погребаемым.

Особенности погребений III—VIII вв. древней Башкирии — малочисленность бронзовых вещей, украшавших костюм. В других районах Прикамья, как известно, костюмы древних обитателей обильно украшались всевозможными подвесками, бляшками, накладками, наборами бус и т. п.

Разобраться во всем этом своеобразии памятников огромного и пока еще слабо исследованного района весьма трудно. В общепринятое понятие археологической культуры, которая характеризуется определенным комплексом вещей и других признаков, башкирские материалы III—IX вв. не укладываются. Поэтому при выделении археологически своеобразных районов, отражающих особенности этнического состава древних племенных групп, нужен какой-то иной подход, нежели тот, который мы используем при выделении археологических культур. Лучше всего, нам кажется, использовать принцип сочетаний, т. е. выделять особые этнические районы по сочетаниям тех простейших признаков погребального обряда и керамики, которые были перечислены выше и в целом характерны для всей рассматриваемой области. Как назвать эти районы — культурными вариантами или еще какими-либо терминами, не имеет принципиального значения. Важно, что в выделенных районах удастся уловить реально существовавшие племенные объединения, решить вопрос об этническом составе их и происхождении отдельных племенных групп.

Выделение таких этнических районов необходимо при разработке вопросов этнической истории, поскольку перечисленные выше своеобразные черты в культуре, бесспорно, отражают различное происхождение отдельных групп древнего населения и различные исторические пути его развития.

Только разобравшись во всех частностях развития культуры отдельных районов можно правильно подойти к рассмотрению путей возникновения обширной культурной общности I тысячелетия.

Для изучения вопросов социально-экономической истории населения Башкирии в III—IX вв. выделение этнических районов не имеет большого значения, так как уровень развития отдельных этнических групп был более или менее одинаков и лишь некоторые особенности их хозяйства и быта отражают влияние конкретных географических условий тех областей, которые они занимали.

Итак, для III—IX вв. н. э. на территории древней Башкирии можно выделить следующие этнические районы, далеко, однако, не исчерпывающие всю эту область, поскольку многие части ее, особенно южные и восточные, почти совершенно не изучены в археологическом отношении.

1. Бахмутинский район — по р. Уфе и, вероятно, Бельско-Уфимскому междуречью до р. Быстрый Танып на севере. Памятники этого района, как известно, впервые были выделены А. В. Шмидтом по материалам раскопок Бахмутинского могильника на р. Уфе и обследования нескольких поселений — Чандарского селища, Соколиного камня и ряда других пунктов (Шмидт, 1929; Смирнов, 1957). В последние годы большие исследования бахмутинских памятников проведены Н. А. Мажитовым (дополнительные раскопки на Бахмутинском могильнике, большие раскопки Бирского могильника и нескольких поселений). В бахмутинских памятниках встречается керамика трех типов: бахмутинского, прикамского и чермасанского, хотя в поселениях, абсолютно преобладает первый тип.

В погребальном обряде для бахмутинских могильников характерны простые могильные ямы и ямы со ступеньками в изголовье (Бирский могильник). Кости коня встречаются изредка вне погребений. В могилах часто глиняные сосуды (преобладают не бахмутинские формы) и жертвенные комплексы вещей. Умершие уложены обычно головой на восток, реже на запад.

2. Среднекамский район — бассейн р. Тулвы и других мелких левых притоков среднего течения р. Камы. Из памятников здесь известны пока лишь поселения, но с уверенностью можно сказать, что курганных могильников нет.

Керамика этого района во многом сходна с верхнекамской ломоватовской, а также с местной камской формой в виде чаш с пояском ямок (Оборин, 1961а).

В южных памятниках нередко встречается керамика бахмутинского типа (Оборин, 1961).

3. Мазунинский район — территория по р. Каме от устья р. Сивы (г. Воткинск) до устья р. Иж, междуречье Ижа и Камы и низовья р. Белой. Керамика района представлена тремя типами. Повсеместно встречается прикамский, на юго-востоке — бахмутинский и на юго-западе — одна из разновидностей (тураевская) плоскодонных сосудов. Погребальные памятники характеризуются неглубокими могильными ямами с дощатыми гробами или каменными ящиками, жертвенным комплексом вещей в гробах. Кости животных крайне редки, глиняные сосуды отсутствуют. Из вещей, типичных для мазунинских памятников, следует упомянуть фибулы с крупными овальными пластинками, изображающими бабочку, и височные подвески из перовитной проволоки в виде кольца и отвисающим стержнем с напуском бусиной (Генинг, 1958, стр. 75 и сл.).

4. Тураевский район — по р. Каме от устья р. Иж до устья р. Вятки. На поселениях встречается преимущественно плоскодонная керамика, хотя она имеет и некоторые своеобразия в форме (более раздутые сосуды) и составе глиняного теста: больше песка, меньше шамота по сравнению с соседним Именьковским районом (Збруева, 1953). Кроме того, здесь изредка встречаются сосуды прикамского и кушнаренковского типов.

Из погребальных памятников известен Тураевский курганный могильник, где захоронены исключительно военачальники. Могильные ямы очень глубокие — до 3,6 м. В могилах встречаются глиняные, иногда деревянные и даже стеклянные сосуды. Кости животных в могилах не обнаружены. Изредка незначительные остатки их имеются под курганными насыпями. Некоторые могилы заложены в средней части мелкими каменными плитками в два слоя (Генинг, 1962а).

5. Именьковский район — Нижнее Прикамье и прилегающие к устью р. Камы части Среднего Поволжья. Памятники представлены многочисленными поселениями — селищами и городищами (Калинин и Халиков, 1954, 1960) и могильником с трупосожжениями. Особенно примечательны могильники. Остатки трупосожжения вместе с сосудами (до 8 экз.) помещены в небольшие могильные ямы прямоугольной или квадратной, реже овальной формы со ступенчатым дном. Сосуды никогда не являются урнами, вещи в могилах, как правило, отсутствуют (Генинг, 1960).

6. Кушнаренковский район — левобережье среднего течения р. Белой, возможно, до р. Ик на западе. Исследованные памятники этого района весьма немногочисленны — селище и могильник у с. Кушнаренково (раскопки автора, 1959). Ново-Турбаслинский курганный могильник (Мажитов, 1959), курганы в Орджоникидзевском районе г. Уфы и Романовские селища, исследованные в 1961 г. К. В. Сальниковым.

Керамика кушнаренковской группы памятников включает собственно кушнаренковский тип, плоскодонные сосуды с высокой шейкой и грубые сосуды, отличающиеся от сосудов именьковского района насечками на венчике. Изредка встречаются также сосуды местного прикамского типа.

Погребальные памятники представлены грунтовыми (Кушнаренковский могильник) и курганными захоронениями. Могильные ямы в погребениях разнообразны. Есть простые прямоугольные ямы, ямы с заплечиками и ямы с заплечиками и нишами-подбоями в изголовье. В могилах обычны глиняные сосуды, изредка жертвенные комплексы вещей. Кости животных часто встречаются как рядом с погребенными, так и в засыпи могильных ям (костяк коня).

На Кушнаренковском могильнике обнаружены также остатки трупосожжения типа Рождественского могильника именьковской культуры. Имеются трупосожжения и среди погребений в г. Уфе (находки 1961 г.).

7. Салиховский район — среднее течение р. Белой у г. Стерлитамака. Из памятников здесь исследованы курганы у с. Салихово (Сальников, 1958) и Стерлитамакский могильник

(Ахмеров, 1955). Кроме того, по разведочным обследованиям известно несколько поселений и могильников (Викторова, 1962).

Салиховские курганы относятся к раннему периоду. Для них характерно заполнение ям камнями и каменная кладка в насыпи кургана. Могильные ямы в большинстве простые, в одном случае яма подбойная. В могилах поставлены глиняные сосуды, кости животных отсутствуют. По всей вероятности, курганы с каменными кладками в Салихово можно сблизить с подобными же курганами у пос. Мертвые соли, Оренбургской области (Нефедов, 1899, стр. 28).

Стерлитамакский могильник, относящийся к концу I тысячелетия, грунтовый, хотя, возможно, здесь и были курганные насыпи. Устройство могильных ям прослежено недостаточно четко. В могилах встречаются глиняные сосуды и единично кости животных.

Керамика Салиховского района представлена преимущественно плоскостонными сосудами с примесью в тесте дресвы и песка и насечками по венчику. Встречаются также чашевидные формы прикамского типа и изредка кувшины и сосуды кушнаренковского типа (Стерлитамакский могильник и погребение у г. Ишимбая).

Этим пока приходится ограничивать обзор памятников по отдельным этническим районам.

Неисследованными остаются памятники юго-западной Башкирии, по р. Деме. Единственный изученный здесь памятник — пять курганов VIII—IX вв. у с. Старо-Мусино. Захоронения под небольшими курганными насыпями находились в неглубоких могильных ямах. Кости животных, преимущественно лошади, встречались в могилах и под курганными насыпями. Глиняных сосудов не найдено (Садыкова, 1959).

Совершенно нет сведений о памятниках южной степной Башкирии. В соседних районах Оренбургской области значительный интерес представляют многочисленные курганы у Илецка, раскопанные еще в 1887—1888 гг. (Нефедов, 1899). Многие из них, несомненно, относятся к I тысячелетию н. э. и могут быть связаны с печенежскими, огузскими, а возможно, и древнебашкирскими племенами. Однако материал этих раскопок опубликован совершенно недостаточно, и без новой детальной обработки вещевых комплексов и новых полевых исследований едва ли может быть полноценным источником (Смирнов, 1957, стр. 41 и сл.). В этом же плане следует обратить внимание на раскопки Ф. Д. Нефедова в бывшей Самарской губернии, где вскрыт ряд интересных памятников, но, к сожалению, недостаточно полно опубликованных и поэтому мало понятных (Нефедов, 1899, стр. 2 и др.).

Значительный интерес представляет погребение, вскрытое Н. Я. Мерпертом в кургане № 8 у с. Хрящевки (Мерперт, 1954, стр. 128). Круглодонный чашевидный сосуд, покрытый по шейке шнуровым и круглоямочным орнаментом, бронзовая колесовидная подвеска несомненно указывают на уральское происхождение погребенного.

И, наконец, раскопки А. Х. Халикова в 1961 г. на могильнике у с. Танкеевка, который был известен пока лишь по находкам одного богатого комплекса, также дали новый, чрезвычайно важный материал, по всей вероятности, того же круга племен I тысячелетия.

Нельзя также не обратить внимания на интересное городище «Городок Стеньки Разина» близ с. Усолье на Самарской Луке, давшее керамику с примесью толченых раковин и гребенчатой орнаментацией, которая, по мнению исследовавшей этот памятник Н. В. Трубиной (1960, стр. 127), имеет самые близкие аналогии в Приуралье. В свете этих материалов еще более досадным выглядит огромное белое пятно на археологической карте между-речья Волги и Белой. Восточные районы Куйбышевской и Ульяновской областей, западные районы Башкирии и юго-восточные районы Татарии, представляющие исторически весьма важные области, настоятельно ждут своих исследователей.

III

Археологические материалы I тысячелетия н. э. с территории Башкирии достаточно ярко показывают неоднородный этнический состав населения. Здесь сосуществуют такие весьма различные, с точки зрения этнографических особенностей, черты культуры, как

плоскодонная и круглодонная керамика, курганные и бескурганные могильники, трупосожжения и труположения, простые и сложные могильные ямы. Причем эти элементы культуры не только сосуществуют, но и тесно переплетаются, что заставляет предполагать не только постоянные связи различных групп населения, но и совместное обитание их в небольших районах и даже на одних поселениях, хотя происхождение и этническая принадлежность этих элементов безусловно различны.

В основной своей массе культура I тысячелетия н. э. в Башкирии не местного происхождения, поскольку не имеет генетических связей с предшествовавшими комплексами. Местные, прикаские, элементы культуры, конечно, тоже прослеживаются, но удельный вес их незначителен. В культуре пришлых групп населения достаточно хорошо различается ее двухкомпонентность, что позволяет предполагать появление в I тысячелетии н. э. на территории Башкирии племен двух различных этнических массивов.

Этническая принадлежность этих племен может быть уточнена с привлечением письменных источников, которые позволяют заглянуть в глубь истории населения Башкирии вплоть до IX в.

Основные выводы, извлеченные из анализа этих источников, сводятся к следующему.

В VII—VIII вв. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье появляются болгарские племена, столкнувшиеся здесь с местными племенами (народом) суваз (сувар), по всей вероятности древнетюркской ветви, с языком, близким чувашскому.

В IX в. в Западном Приуралье, скорее всего на территории к юго-востоку от болгар (бассейн Кинели и Самары), возникает Мадьярский союз, объединивший два племени угорского происхождения и пять — тюркского.

В 80-х годах IX в. чрезвычайно обостряется политическая обстановка в Северном Прикаспии и Приаралье. Союзные силы хазар и гузов разгромили Печенежское племенное объединение, в составе которого были и племена древних башкир. Отступая из Приаралья, башкиры, занимавшие восточное крыло Печенежского объединения, осели в предгорьях Южного Урала и верховьях р. Белой. Основные же силы печенегов, обходя территорию Хазарии в Нижнем Поволжье, обрушились на Мадьярское племенное объединение, выступавшее в союзе с хазарами (первая мадьяро-печенежская война). Мадьяры не выдержали натиска печенегов и, перейдя Волгу, достигли Днепра. Печенеги после кратковременного пребывания в Поволжье, опасаясь близости хазар и гузов, двинулись в степи Причерноморья, где в союзе с дунайскими болгарами вновь разгромили Мадьярский союз (вторая мадьяро-печенежская война). После этого мадьяры в 895 г. заняли Паннонию; пребывание их в Причерноморье было очень кратковременным.

В начале II тысячелетия н. э. значительная часть племен Западного Приуралья попадает в сферу влияния волжских болгар. В начале XIII в. западноевропейские путешественники, побывавшие на востоке, называют земли по р. Белой «Баскарт, то есть Великая Венгрия», подчеркивая сходство языка населения этих земель с венгерским. В странном, с точки зрения этнического состава, термине «Баскарт-Венгрия» (тюрки-угры) прекрасно нашел свое отражение процесс смещения угорских и тюркских племен на территории Башкирии.

Таким образом, для I — начала II тысячелетия н. э. на юге Западного Приуралья письменные источники констатируют наличие племен угорского и тюркского происхождения, часть которых входила в единый племенной союз. Это мирное сосуществование различных этнических групп можно видеть и в археологических материалах, когда на одних территориях и в одних памятниках в культуре обнаруживаются отдельные черты и даже комплексы, восходящие к различным этническим образованиям.

С определенной долей достоверности можно попытаться проследить и в археологических материалах, какие элементы культуры имеют тюркское, а какие — угорское происхождение, и что сохранилось в культуре от местных пермских племен. Кроме того, на археологических материалах можно попытаться установить, откуда пришли в начале I тысячелетия н. э. на территорию Башкирии угорские и тюркские племена, о чем совершенно молчат письменные источники.

Местные, прикамские черты в культурах I тысячелетия н. э. сохранились в незначительной степени. Но наличие их бесспорно, что подтверждается очень широким, хотя и не массовым распространением местного типа керамики в виде чаш с пояском ямочного орнамента по шейке, а также местным антропологическим типом определенной части населения. Интересно отметить, что в Кушнаренковском могильнике этот местный тип характерен для женской серии черепов, резко отличается от своеобразного европеоидного типа мужской серии (Акимов, 1964).

Но в общем пришлые группы населения были гораздо более многочисленны, и это обусловило сложение на территории Башкирии культуры, сильно отличавшейся от местных прикамских культур, хотя последние также включили ряд пришлых элементов (ломоватовская, азелинская и поломская культуры).

Различить, какие черты культуры имеют угорское и какие тюркское происхождение, можно лишь по самым общим аналогиям. А в отношении конкретных памятников и даже районов зачастую трудно решить, к какой из этих двух групп они принадлежат. Объясняется это, на наш взгляд, с одной стороны, тем, что эти два основных этнических массива были тесно связаны между собой уже в период, предшествовавший переселению их на территорию Западного Приуралья. Постоянные контакты на протяжении длительного времени привели к взаимозаимствованиям многих черт культуры, если при определении угорского компонента все же можно опираться на аналогии в археологических материалах либо данной (мадьярской), либо близко родственных групп (хантыйской и мансийской), то в отношении тюркского компонента вопрос стоит гораздо сложнее. Тюркский компонент в составе населения Башкирии I тысячелетия н. э. относится к той языковой группе, которую лингвисты выделяют как древнетюркскую, очень рано отделившуюся от основного тюркского массива. Как известно, от этой группы сохранился до нашего времени лишь чувашский язык, происхождение которого обычно связывают с древнебулгарским, хотя, по нашему мнению, чуваша и булгары составляли две этнические группы, которые следует ставить параллельно, а не выводить одну из другой. К сожалению, древние тюрки почти совершенно не изучены археологически, особенно в периоды, предшествовавшие появлению их в Европе, что создает известные трудности и в определении тюркского компонента среди археологических материалов Башкирии.

С древнетюркским этносом в культуре населения Башкирии I тысячелетия н. э. могут быть связаны следующие черты.

Могильные конструкции в виде простых ям с прямыми вертикальными стенками. Ямы подобной конструкции выявлены в погребениях Больше-Тарханского и Кайбельского могильников VIII—IX вв., бесспорно связанных с булгарскими племенами периода их переселения на Волгу. По всей вероятности, этот же тип могил был характерен и для Зливинского могильника салтовской культуры, также относимого к булгарской группе, оставшейся в Приазовье (Мерперт, 1957).

Аналогичные устройства могильных ям в погребениях Башкирии (Кушнаренковский, Ново-Турбаслинский, в Орджоникидзевоком районе г. Уфы и некоторые могилы Бирского могильника) позволяют предполагать тюркскую принадлежность и этих групп населения. Чрезвычайно большую близость с булгарскими памятниками VIII—IX вв. (Б. Тарханы, Зливки) обнаруживают и некоторые серии черепов, особенно Бирского могильника (Акимов, 1964).

Трупосожжения встречаются в массе пока лишь в Рождественском могильнике именьковской культуры. Здесь остатки их находятся в весьма своеобразных небольших могильных ямах обычно с несколькими сосудами (Генинг, 1960). Аналогичные погребения единично вскрыты в Кушнаренковском могильнике и несколько трупосожжений с сосудами зафиксировано при строительных работах в г. Уфе. Именьковские памятники принадлежат добулгарскому населению на территории Татарии, которое, на основании ряда данных, можно считать тюркским, в частности, связанным этнически с чувашами (Ковалевский, 1956, стр. 49; Генинг, 1961а, стр. 335).

Значительную трудность вызывает определение этнической принадлежности и происхождения плоскодонной керамики, широко распространенной в памятниках к западу от р. Белой. Плоскодонные горшковидные сосуды этих памятников в общих чертах близки сосудам волго-окских поселений I тысячелетия н. э. (поздние варианты городецкой культуры). Эта близость и послужила основанием для отнесения, например, именьковской культуры к Халуи памятников городецкого происхождения (А. Смирнов, 1951, стр. 20; Калинин и Халиков, 1954; Генинг, 1959). Но это сходство случайное и далеко не полное.

Городецкая культура, по единодушному мнению археологов, принадлежит предкам волжских финнов (мордва, мурома и др.). Пока плоскодонная керамика, близкая городецкой, обнаруживалась лишь в Среднем Поволжье (именьковские культуры), ее можно было генетически связывать с городецкой, поскольку районы эти весьма близки, да и наличие древнемордовского или какого-либо иного населения этого круга на территории Татарии не вызвало особых сомнений. Между тем дальнейшие исследования выявляли совершенно аналогичную керамику все дальше на востоке вплоть до среднего течения р. Белой (Салиховские курганы). Сходство именьковских памятников с более восточными обнаружилось также в конструкции жилищ, погребальном обряде (трупосожжение). Именьковская культура входит в обширный круг памятников западных районов Башкирии I тысячелетия н. э., и совершенно естественно, что если мы будем связывать именьковские памятники с городецкими, то должны признать факт продвижения волжских финнов на восток вплоть до р. Белой и Южного Урала. Но это противоречит всему, что мы знаем по истории волжско-финских племен, противоречит письменным данным о составе населения древней Башкирии. Следовательно, плоскодонная керамика Волго-Бельского междуречья, включая и Среднее Поволжье (именьковская культура), принадлежит какому-то иному, не волжско-финскому этносу. Плоскодонная керамика с территории древней Башкирии всегда сопровождается находками сосудов более тщательного изготовления, а в погребениях это как правило. Так, в Кушнаренковском могильнике грубые плоскодонные сосуды были единичны, а на рядом лежащем селище они составляли основную массу находок. Среди тщательно изготовленных сосудов часто встречаются сосуды кушнаренковского типа, не имеющие аналогий в западных памятниках.

Плоскодонную керамику содержали также погребения Больше-Тарханского и Кай-бельского могильников и уже описанные выше погребения Рождественского могильника. Все это дает основание считать плоскодонную керамику Волго-Бельского междуречья характерной для группы древнетюркских племен, особенно если учесть, что второй, основной тип керамики памятников I тысячелетия круглодонный, который с уверенностью может быть отнесен к угорским группам.

С угорским этносом в культурах древней Башкирии связаны различные вариации круглодонных сосудов (кушнаренковский, бахмутинский, чермасанский типы), которые имеют близкие аналогии в керамике как прикамских, так и зауральских культур, финно-угорская принадлежность которых общепризнанна. Так, сосуды, аналогичные кушнаренковским, встречены в Зауралье, в Перейминском могильнике под Тюменью (Чернецов, 1957, табл. XIV). Чермасанский тип керамики по резным узорам весьма близок к ломоватовской керамике Прикамья (Генинг, 1959, табл. VI).

Еще А. В. Шмидт (1929 г.) указывал на чрезвычайно большую близость бахмутинских памятников к ломоватовским и предлагал называть бахмутинскую и ломоватовскую культуру двумя вариантами одной культуры. Весьма своеобразна, конечно, орнаментация бахмутинской керамики, не имеющая в настоящее время убедительных аналогий в Прикамье, но имеющая очень большое сходство с некоторыми прииртышскими комплексами, правда, пока еще плохо датированными. Чермасанский тип керамики в генетическом плане восходит скорее всего к керамике памятников рубежа нашей эры в лесостепных районах Западной Сибири, где она также имеет резную и ямочную орнаментацию. Эта аналогия будет еще более убедительна, если учесть, что подобная керамика сопровождает в Западной Сибири захоронения в могильных ямах с низкими заплечиками, перекрытыми бревенчатым накатником.

Погребальные конструкции со сложными ямами, где умерший укладывался не в гроб, а в особую камеру, выстланную берестой и перекрытую накатником из жердей, бревен или плах, характерны для многих угорских захоронений Западной Сибири.

Могильные ямы с заплечиками по своему происхождению связаны с угорским этносом, но в рассматриваемый период могут встречаться и в тюркских погребениях. Наглядный пример такой смешанности, а вероятнее всего, уже органического единства, слияния различных по происхождению элементов культуры дает кушнаренковский комплекс. На селище здесь абсолютно преобладает плоскодонный тип керамики и лишь единично встречаются круглодонные сосуды. А на могильнике большинство захоронений произведено в ямах с заплечиками. Если материалы селища как будто говорят о тюркском происхождении его обитателей, то могильник этого поселения, наоборот, содержит гораздо больше угорских черт. Решить в таких случаях (а их в памятниках этого периода чрезвычайно много) вопрос о языковой и этнической принадлежности конкретных групп населения нам представляется чрезвычайно трудным.

Итак, и в археологических памятниках Башкирии I тысячелетия н. э. удастся еще проследить отдельные элементы культуры пришлых племен, связанные в своем происхождении с угорским и древнетюркским этносом.

На основании привлечения некоторых, правда еще немногочисленных, аналогий в археологических материалах, мы попытались показать западносибирское и зауральское происхождение пришлых групп населения Западного Приуралья (Генинг, 1959, 1961, 1961а). Однако следует отметить, что убедительное решение проблемы генетической связи приуральского и западносибирского населения может быть получено лишь после достаточно широкого изучения археологических памятников западносибирской лесостепи, которая, наравне с территорией Северного Казахстана, являлась, по нашему представлению, «прародиной» угорских и древнетюркских племен.

Касааясь проблемы этнического состава населения Западного Приуралья, следует остановиться на вопросе о проникновении сарматов на территорию Башкирии. Как известно, ряд исследователей (А. П. Смирнов, Р. Б. Ахмеров, Н. А. Мажитов) считает, что новые элементы в культуре населения IV—IX вв. связаны с продвижением групп кочевников-сарматов к северу, вплоть до верховьев р. Камы, в область глухой северной тайги (Харинские курганы).

Не имея возможности в объеме статьи подробно разобрать доводы сторонников сарматизации приуральского населения, укажу лишь, что их доказательства исходят из методологически неверных построений. Эти исследователи совершенно не считаются с тем, что далеко не все элементы культуры могут быть использованы для определения этноса древнего населения. Особенно это важно для I тысячелетия н. э., когда наблюдается удивительная унификация вещевого комплекса на обширнейших пространствах. Именно такие унифицированные элементы культуры и используются этими исследователями для определения этноса.

Два небольших примера. Утверждение А. П. Смирнова о сарматских племенах в Приуралье, включая и такие северные области, как лесное Прикамье в районе с. Гайны (Харинские курганы), основывается на наличии курганных насыпей, пряжек с хоботовидным язычком и некоторых других вещей, имеющих аналогии на юге (Смирнов, 1952, стр. 80; 1957, стр. 37, 62 и др.). И курганы, и указанные пряжки в III—V вв. встречаются на столь обширном пространстве, что если бы это действительно было показателем сарматского этноса, то территория его заняла бы пространство от Алтая до Дуная.

Совершенно аналогичен случай со Стерлитамакским могильником, отнесенным к памятникам алайской культуры и даже болгар (Ищериков, 1952; Ахмеров, 1955; Смирнов, 1957, стр. 46 и сл.). Стерлитамакский могильник дал большое количество металлических украшений и оружия, аналогии к которым авторы публикаций нашли только в салтовских и северокавказских памятниках VIII—IX вв. Но круг этих аналогий далеко не ограничивается указанными районами, а имеет чрезвычайно широкое, почти повсеместное распространение. Все эти вещи прекрасно определяют хронологию Стерлитамакского комплек-

са, но не этническую принадлежность населения. Ни керамика, ни погребальный обряд, ни специфически местные, хотя и немногочисленные, украшения (Ахмеров, 1955, табл. I) не имеют аналогии в аланских памятниках, но достаточно хорошо представлены в уральских памятниках того круга, который мы рассматривали выше.

И уже совершенно невероятно движение кочевников-сарматов, культура и хозяйственные навыки которых имеют тысячелетнюю традицию, в область глухих лесов (Смирнов, 1957, стр. 63).

Население, осевшее в III в. на территории древней Башкирии, было отнюдь не кочевым. Многочисленные укрепленные городища, селища с мощными культурными слоями, постоянные жилища в виде полуземлянок — все это свидетельство достаточно прочной оседлости. Основой этой оседлости являлось высокоразвитое земледелие, что подтверждается находками в памятниках этого времени серпов, кос, каменных жерновов, железных наконечников мотыг и ральников, особенно железных топоров, совершенно необходимых при развитии подсечно-огневой формы земледелия. Земледелие сочеталось с развитым пастушеским, а не кочевым, скотоводством, о чем говорят многочисленные находки костей домашних животных, в том числе свиньи, в культурных отложениях поселений.

И, наконец, это же подтверждается данными лингвистики. Так, в венгерском языке имеется до 200 слов, заимствованных из тюркского языка чувашского типа, и среди них 38 слов связано с земледелием, более 30 — со скотоводством, 31 — с разведением крупного рогатого скота и не менее 3-х — со свиноводством, но не с коневодством, где сохранилась в основном финно-угорская терминология (Эрдей, 1959, стр. 9). Все это свидетельство не кочевого, а оседлого быта как древних тюрков, так и угров.

IV

В заключение дадим краткий обзор основных путей развития этнической истории населения Башкирии на основании изученных материалов.

В начале I тысячелетия н. э. территория лесостепного Приуралья была занята пермским населением. На севере, в низовьях р. Белой, это были племена Пьяноборского союза, а в среднем течении — Уфимского. Южные районы Башкирии, в том числе и по р. Белой, занимали оседлые племена, весьма близкие по культуре к сарматам. В III в. на территорию Западного Приуралья начинается мощный приток новых групп населения. Из-за недостаточной изученности археологических памятников невозможно пока заключить, был ли это одновременный приток различных по своему происхождению и, следовательно, смешанных групп населения, или сюда вторгались последовательно различные племена. Но уже сейчас достаточно ясно, что к середине I тысячелетия население было в значительной мере смешанным. В составе западноуральского населения этого времени можно выделить три основных компонента, различных по своему происхождению.

Часть местных племен была вытеснена со своих исконных территорий (Пьяноборский союз), часть же влилась в состав пришельцев.

Пришлое население состояло в основном из двух этнически различных групп.

Значительную часть составляли племена угорского происхождения — мадяры и другие близко родственные им группы. То, что в позднейшее время некоторые из этих групп называли иштяками (остяками), по всей вероятности, может свидетельствовать, что часть угорских племен ближе всего стояла к хантыйской ветви угорских народов.

Угорские группы вышли из Западной Сибири, о чем свидетельствуют как аналогии в археологическом материале, так и сохранение пришлыми группами на Западном Урале общего имени всех угорских народов, населявших Западную Сибирь — саварты (сувары).

Немалую и, по всей вероятности, все возрастающую роль в сложении западноуральского населения играли тюркские племена. В языковом отношении это должны были быть племена древнетюркской ветви, говорившие на языке типа чувашского. Да и тюркские племена, вошедшие в состав чувашского народа, в этот период входили в обширную западноуральскую общность тюркско-мадярских племен и даже сохранили общее имя этих племен — сабир (сувар), суваз (чуваш).

Происхождение тюркских племен Приуральской общности I тысячелетия н. э. пока наименее ясно. Часть из них, а может быть и все, по своему происхождению восходят к кругу огурских племен, в частности, близки к таким племенам, как кутригуры или котраги, принявшие участие в этногенезе булгарских племен Поволжья и входившие в состав внутренних булгар на Донце.

Этим, вероятно, можно объяснить сходство погребального обряда (могильные ямы с низкими заплечиками) и антропологического типа населения столь различных памятников, как Бирский могильник на р. Белой, Больше-Тарханский могильник ранних булгар на р. Волге и Зливкинский могильник салтовской культуры на Донце. Первоначальная территория расселения огурских племен достаточно твердо не установлена. Некоторые группы накануне движения в Европу обитали, возможно, в степях Казахстана и Сибири, по р. Иртышу, где известны погребения в могилах с низкими заплечиками.

Появление тюркских и угорских племен в Западном Приуралье было лишь частью большого потока переселенческого движения, охватившего в I тысячелетии азиатские племена. Вперед этого потока двигались гунны, затем на смену им пришли огуры, болгары, сабыры, авары, хазары и другие племена. Массовое движение населения, занятие им новых земель и позволяет выделить это время как эпоху великого переселения народов.

Западное Приуралье было периферией мощного потока переселений, и здесь быстро оседали отдельные племенные группы, по той или иной причине оторвавшиеся от основной массы переселявшихся племен. Вероятно, решающее значение в быстром оседании некоторых групп сыграло то, что хозяйство этих племен базировалось на земледелии и пастушеском скотоводстве. Они не были кочевниками, и степные просторы юга их не привлекали. И если для основной массы кочевников причиной движения было давление избыточной части населения и поиски новых пастбищ для все возрастающих стад (К. Маркс), то движение этих групп племен было вынужденным, под натиском наседавших кочевников.

Новый этап в развитии этнической истории западно-уральского населения начинается с приходом башкирских племен, занявших в конце IX в. степные и горные районы Южного Урала. Башкиры были тюркоязычным народом, составлявшим одну из ветвей Печенежского племенного объединения. В отличие от племен, осевших в Западном Приуралье в I тысячелетии н. э., башкиры были скотоводами-кочевниками. Археологические памятники собственно башкир пока совершенно не изучены.

Таким образом, если в течение I тысячелетия преобладающее значение в среде западно-уральского населения имели угорские племена, то в начале II тысячелетия начинается усиленный процесс тюркизации этого населения.

Однако угорские группы населения сохранились вплоть до монгольского нашествия XIII в.

И лишь после притока на территорию Башкирии ряда новых тюркских племен, в частности кипчакских, в период монгольского нашествия и после него полностью завершается процесс тюркизации населения.

Итак, в этнической истории древнего населения Башкирии до XIII в. можно выделить следующие этапы.

Первый этап — до III в. н. э. — связан в основном с пермской группой финно-угорских племен, формирование которых в Приуралье прослеживается вглубь до эпохи бронзы и неолита. Роль в этом процессе монголоидных элементов древнетюркского происхождения (Руденко, Кузеев) остается пока недостаточно выясненной.

На юг Башкирии проникают какие-то восточные племена, родственные сарматам. Второй этап — III—IX вв. Местное пермское население ассимилируется пришлыми угорскими и древнетюркскими племенами западносибирского происхождения.

Третий этап — IX—XIII вв. Появление башкирских племен, тесно связанных с печенгами, и постепенная тюркизация населения Западного Приуралья, завершившаяся уже после монгольского завоевания, с притоком новых тюркских групп.

В. А. ОБОРНИ

**О СВЯЗЯХ ПЛЕМЕН ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ С ПЛЕМЕНАМИ
БАШКИРИИ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА**

Связи верхнекамских племен и племен, располагавшихся на территории Башкирии, уходят в глубокую древность. В Башкирии изучены памятники палеолита, мезолита и неолита, очень близкие верхнекамским по своей материальной культуре. Эти связи особенно усилились в эпоху бронзы и раннего железа, в период сложения ананьинской культуры. Связи эти были двухсторонними и проявлялись не только в межплеменном обмене, но и в передвижениях отдельных групп населения. Основное направление этих связей шло с юга на север — с территории Башкирии к верхнекамским племенам. Это же направление сохранилось и в эпоху железа.

Для раннего железного века Башкирии выделяется своеобразная кара-абызская (или уфимская, по Г. В. Юсупову) культура. Одни исследователи считают ее вариантом ананьинской (А. В. Збруева, А. П. Смирнов, Т. Н. Троицкая), другие — самостоятельной культурой (Г. В. Юсупов), третьи полагают, что большинство так называемых кара-абызских поселений являются многослойными и относятся ко всему периоду раннего железного века, но в целом отличаются от ананьинских памятников (Генинг, 1961, стр. 27—28). Наиболее ранними памятниками этой культуры, по крайней мере синхронными ананьинской, исследователи считают такие поселения, как селище Курман-Тау и городища Касьяновское и Курмантаевское в Стерлитамакском районе, а также Бирское городище. Интересно, что именно с этими памятниками имеет наибольшие черты сходства керамика одновременных памятников Еловского района, Пермской области (Калиновское городище и селище, Еловское селище). Дата их — V—II вв. до н. э. — устанавливается по находкам бронзовых трехгранных наконечников стрел и небольшой примеси поздней ананьинской керамики (Вечтомов, 1960, стр. 203—204, рис. 11). Керамика Еловского селища представлена сосудами, имеющими следы лощения и ангоба, с выгоревшими растительными примесями и песком и только изредка с примесью толченой раковины. Абсолютное большинство сосудов украшено круглоямочным орнаментом (85%) в виде редких параллельных рядов или сочетанием трех ямок в треугольной форме.

Аналогичную керамику дает и нижний слой Калиновского городища (рис. 1, 1—3, 5). Здесь представлены два типа сосудов: 1) глубокие круглодонные чаши с выпуклыми стен-

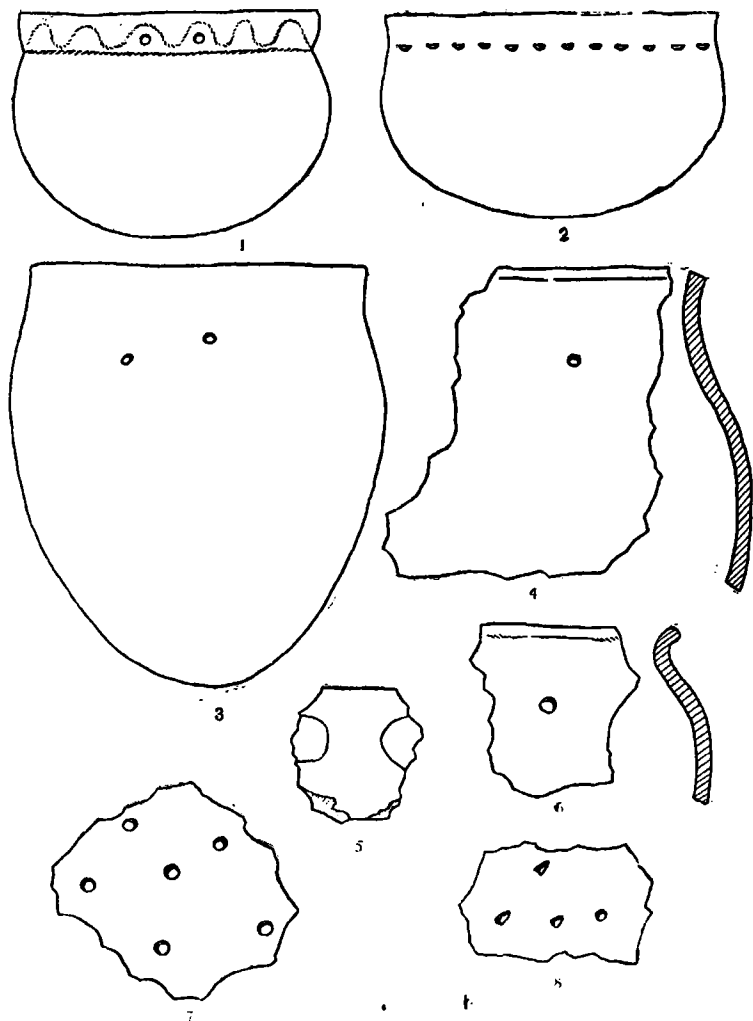

Рис. 1. Керамика среднекамских поселений:

1-3, 8 - Калниновское городище; 4, 6 - Гагарское селище; 7, 8 - Уртюлинское городище.

ками и прямыми или отогнутыми шейками и 2) крупные «кошелеобразные» сосуды с закругленным или заостренным дном. В глиняном тесте встречается примесь раковины (около 50%), а также выгоревшие растительные примеси, шамот и крупный песок. Сосуды имеют ангоб и реже лощение. Незначительная часть сосудов первого типа (5%) имеет слабо выраженные «воротнички». Сосуды второго типа их совершенно не имеют. Большинство сосудов первого типа орнаментировано по шейке (60%), ямочным (85%) и реже шнуровым (7%) орнаментом. Ямочный представлен рядами круглых, полукруглых и треугольных ямок, иногда группами по 2—3—4. Редко встречаются узоры шнурового орнамента в виде прямых линий, иногда в сочетании с волнистой линией. Сосуды второго типа орнаментированы ямочным (80%) и реже кружковым и гребенчатым орнаментом. Прочерченного и шнурового орнамента на них не встречается. По форме и орнаменту эти сосуды наиболее близки керамике одного из комплексов городища Кара-Абыз (Шмидт, 1929, стр. 6—8) — лощение, почти полное отсутствие «воротничка», орнаментованность большинства сосудов, резкое преобладание ямочного орнамента, бедность узоров, круглодонная глубокая форма сосудов, примесь толченой раковины в тесте (Збруева, 1952, стр. 71—73, 300, 303, табл. XVI, рис. 1, 3—5, 7). Такая же керамика найдена на селище Курман-Тай и Касьяновском городище в Гафурийском районе (Юсупов, 1959, стр. 69, табл. IV; Юсупов, 1956, стр. 89, рис. 36, стр. 90, рис. 37).

Керамика Калиновского городища и Еловского селища резко отличается от керамики среднекамского варианта ананьинской культуры, где большинство сосудов (до 50%) имеет «воротнички», кроме ямочного (70%), широко распространен шнуровой орнамент (до 20%), почти все сосуды (98%) имеют примесь толченой раковины, узоры орнамента гораздо богаче (Вечтомов, 1962, стр. 85—88). Поэтому вышеописанные памятники можно отнести к кара-абызской (уфимской) культуре и считать население, оставившее их, этнически родственными племенам, обитавшим на территории Башкирии. Можно согласиться с В. Ф. Генингом, что примесь собственно апаньинской керамики на этих памятниках, так же как и на территории Башкирии, может быть результатом сильного влияния или проникновения в местную среду отдельных групп апаньинского населения (Генинг, 1961, стр. 28).

Из Южного Приуралья через территорию Башкирии в Верхнее Прикамье проникло оружие и украшения савроматов и сарматов: меч из Висимской дачи, костяные псалии из Копецгорского селища и Гремячанского поселения, бронзовые втульчатые трехгранные наконечники стрел, отдельные сюжеты звериного стиля (Збруева, 1952, стр. 170—178; Смирнов, 1961).

В послепаньинское время в пьяноборских могильниках Башкирии (Уфимский III) и на некоторых поселениях встречается керамика, аналогичная керамике южного варианта гляденовской культуры (Махонинское городище. Поляков, 1962, стр. 90—94; Гагарское селище. Рис. 1, 4, 6). С другой стороны, отдельные пьяноборские вещи, скорее всего происходящие из пьяноборских могильников Башкирии (Ахмеров, 1959, стр. 166, рис. 10, 2), изредка встречаются на гляденовских памятниках — Глядеповском костыше (Новокрещенных, 1914, табл. IV, рис. 8, табл. VIII, рис. 19, 28, табл. X, рис. 5, 10), в могильнике «Городок», в Субботинском городище. Эти связи могли быть следствием межплеменного обмена. В южных районах Среднего Прикамья гляденовских памятников нет. Очевидно, здесь продолжали обитать потомки кара-абызских племен и пьяноборское население.

Наиболее интенсивные связи верхнекамских племен с племенами, обитавшими на территории Башкирии, устанавливаются в период III—IX вв. В Среднее Прикамье проникают племена мазунинского варианта бахмутинской культуры (Сайгатский могильник в Фокинском районе). К мазунинским поселениям относятся Рождественское и Поздышкинское городища в Еловском районе, давшие находки круглодонной керамики плохого обжига, с выгоревшими растительными примесями, мелкотолченой раковины и песка, с бедным орнаментом в виде ряда овальных, круглых и квадратных ямок под венчиком (Оборин, 1961, стр. 63, рис. 3, 6—8). Найден обломок одного плоского днаща. Эта керамика совершенно аналогична керамике мазунинских поселений (Генинг и Стоянов, 1961б, стр. 84, рис. 8). По обряду погребения к мазунинским памятникам относятся и Кляновский могильник в

Кунгурском районе. Это, очевидно, крайняя северная точка проникновения мазунинского населения.

В южных районах Среднего Прикамья распространяются памятники собственно бахмутинской культуры. В случайных сборах типично бахмутинская керамика с ямочными грубыми наколами была найдена на двух городищах у с. Уртолга, Куединского района (рис. 1, 7—8). Это также пока самый северный памятник бахмутинских племен.

В Среднем Прикамье в III—IV вв. памятники гляденовской культуры сменяются памятниками с грубой, почти неорнаментированной керамикой с растительными примесями в тесте, с насечками или защипами по венчику. По своему внешнему виду она также напоминает керамику мазунинской культуры (городище Больше-Никольское II в бассейне р. Тулвы). Возможно, мазунинские племена через осинскую лесостепь прошли дальше на северо-восток, в полосу кунгурской лесостепи. В VI—VIII вв. в Среднем Прикамье редко встречаются памятники, имеющие в керамике много общего с керамикой Невولينского могильника ломоватовской культуры и некоторые черты сходства с керамикой бахмутинской культуры (городище Больше-Никольское I.—Оборин, 1961а, стр. 282).

Очевидно, почти все Среднее Прикамье в III—VIII вв. было занято племенами угорского происхождения, ближайшей территорией распространения которых по отношению к Верхнему Прикамью была северная Башкирия. В керамике Невولينского могильника есть характерная форма сосудов с круглым туловом и высокой прямой шейкой, имеющая близкие аналогии в керамике Кушпаренковского могильника на территории Башкирии. Топонимика Среднего Прикамья также говорит о смене древнепермской гидронимии древнеугорской (протомадьярской), в основном по левобережью р. Камы и особенно в Сылвенском бассейне (Матвеев, 1961, стр. 328—329).

Вещи бахмутинского типа проникают далеко на север и встречаются в ломоватовских могильниках Верхнего Прикамья. В Вахмутинском могильнике встречаются колесовидные застёжки с круглыми двойными выступами по краю, части поясного набора (фигурные накладки с круглыми отверстиями, характерные пряжки с В-образным держателем, бутылчатые стилизованные фигурки медведя, Т-образные бляшки (Смирнов, 1957, стр. 51, табл. VI—VII). Очень близкие вещи были найдены в Новиковском могильнике в г. Уфе (Смирнов, 1957, стр. 57, табл. VIII) и в Ново-Турбаслинском могильнике около г. Уфы (Мажитов, 1959, стр. 114—142). Аналогичные предметы встречаются в памятниках ломоватовской культуры.

В Больше-Висимском могильнике Добрянского района (раскопки В. П. Денисова), который по сасанидским и хорезмийским монетам датируется V—VIII вв. н. э., найдены бутылчатая пронизка в виде медведя, бляшки, накладки поясного набора, наконечники поясов и пряжки, совершенно аналогичные бахмутинским (рис. 2, 1—8, 16). Такие же вещи найдены в кладе на территории Коми-Пермяцкого округа, вместе с серебряным сосудом на высоком поддоне, украшенном крупными выпуклыми (рис. 2, 9—15, 17). Вещи, аналогичные находкам в Вахмутинском и других могильниках этого времени Башкирии, найдены на Каме среди случайных находок в дер. Писсо, Харипо, в б. Аннинской волости и в других местах Верхнего Прикамья. Эти вещи проникали на север в результате межплеменного обмена через этнически родственную среду Среднего Прикамья.

С другой стороны, вещи камского происхождения проникали на территорию Башкирии. Это особенно хорошо видно на примере Стерлитамакского могильника, где найдены камские типы коньковых подвесок, флаконовидные пронизки, планчатые подвески и другие вещи (Ахмеров, 1955, стр. 154, табл. 1, рис. 2, 3, 5, 6, 8).

Через территорию Башкирии в Верхнее Прикамье проникло большинство сасанидских, арабских, среднеазиатских монет и драгоценной посуды из серебра и золота. Это можно проследить по находкам кладов монет на р. Деме, притоке р. Белой, византийских монет у дер. Шестаковой около Красноуфимска и многочисленным находкам серебра в Кунгурском районе. Они находятся на древнем торговом пути, который шел не по воде, а по суше — по лесостепи из северной Башкирии в Верхнее Прикамье. Из последних неопубликованных находок подобного рода следует отметить сасанидскую чашу и арабское

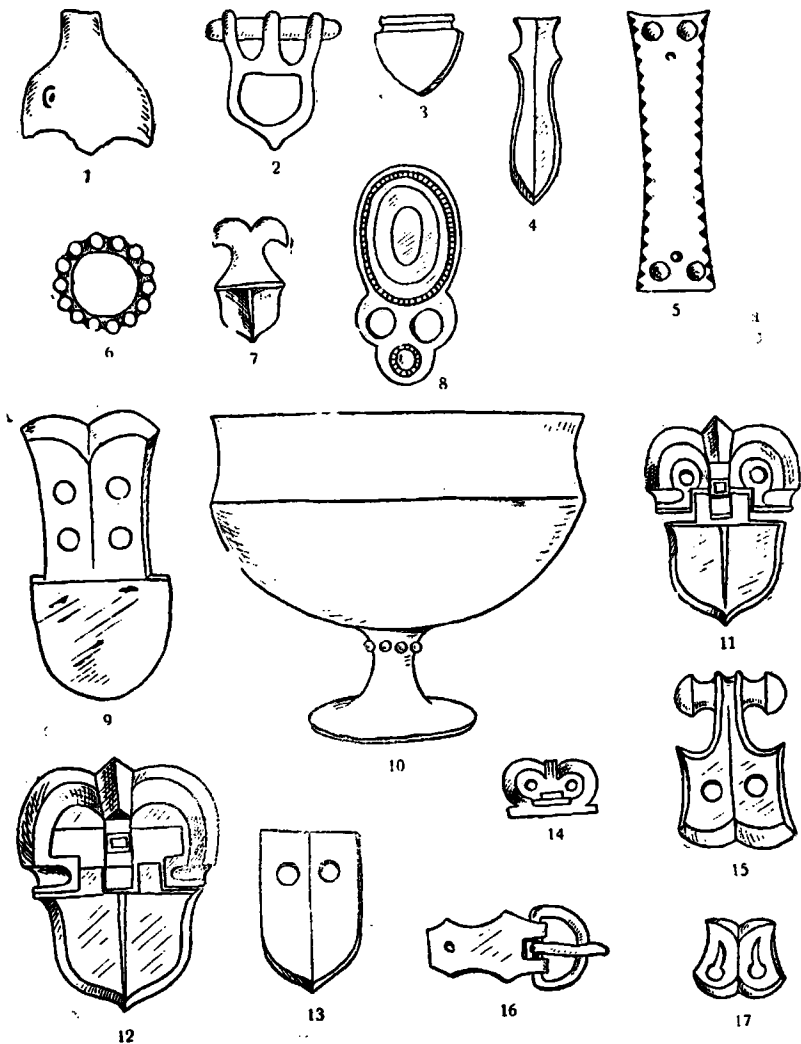

Рис. 2. Украшения и детали поясного набора из верхнекамских памятников, аналогичные найденным на территории Башкирии:

1—8 — Больше-Висимский могильник; 9—16, 17 — клад из д. Урья, Коми-Пермяцкого округа.

блюдо, найденные у с. Большой Пальник, Кочевского района, Коми-Пермяцкого округа.

Археологические памятники IX—XV вв. в Среднем Прикамье изучены слабо. И вопрос о связях в это время с населением территории Башкирии остается открытым.

Русские письменные источники (с XVI в.) говорят о расселении башкир в нынешнем Осинском районе, в низовьях р. Тулвы (Дмитриев, 1906, стр. 54, 139). В Верхнем и Среднем Прикамье отсутствует обско-угорская топонимика, в то же время древнеугорская (протомадьярская) топонимика встречается на обширной территории по левобережью Камы (Матвеев, 1961а, стр. 140—141). Поэтому остяков, живших в XVI—XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами. По писцовой книге М. Кайсарова 1623—1624 гг., остяки жили в бассейне р. Сылвы, Бабки, Мулянки, Тулвы, Сарса, Таныпа, т. е. в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье.

Происхождение этих культур связано с проникновением угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии. Антропологические исследования также говорят о наличии в Среднем Прикамье сильного угорского компонента (Вишневский, 1960, стр. 255—269). Очевидно, остяки русских источников — это потомки древнеугорского населения, ассимилированного затем тюркоязычными башкирами, продвигавшимися с юга на север, и русскими. Поэтому есть все основания говорить о том, что в состав современного татаро-башкирского населения Среднего Прикамья вошли древние угорские (протомадьярские) племена, связанные по происхождению с территорией северной Башкирии.

П. Д. СТЕПАНОВ

ПАМЯТНИКИ УГОРСКО-МАДЬЯРСКИХ (ВЕНГЕРСКИХ) ПЛЕМЕН
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

«Венгерская проблема» представляет значительный интерес как для советских, так и для венгерских историков. Мадьярско-венгерские племена, как известно, до IX в. н. э. жили на территории Восточной Европы и в Приуралье. Этот древний период их истории является наименее изученным.

В одной из позднейших работ по данному вопросу мы читаем: «Примерно в VI—VII вв. часть башкиро-угорских племен продвинулась к степям Южного Урала и двинулась далее как на запад, в Приазовье, так и юго-запад, в степи Северного Кавказа. В VIII — начале IX вв. мадьяры, очевидно, оставались в этих местах, угрожая хазарам с севера и с юга и соприкасаясь с аланскими племенами... В IX в. какая-то новая волна угорских племен прошла через Суздальскую землю, а южные венгры под давлением печенегов двинулись на запад в Карпаты и обосновались на Дунае, основав здесь Венгерское королевство.

Проверка и уточнение этой схемы является важной задачей исторической науки (подчеркнуто нами.— П. С.). К сожалению, археологические материалы еще в очень малой степени могут помочь нам в выяснении венгерской проблемы. Ранневенгерский археологический комплекс еще не определен, венгерские памятники не выделены среди массы единообразных памятников раннего средневековья степей и лесостепей Восточной Европы» («Очерки истории СССР, III—IX вв.», 1958, стр. 674).

Таким образом, перед исследователями ставится задача — отыскать памятники, которые можно было бы считать угорско-мадьярскими (венгерскими), определить путь и время продвижения этих племен от Приуралья до Паннонской низменности на Дунае. При крайней скудности фактического материала не следует удивляться тому, что работы, посвященные «венгерской проблеме», состоят из расшифровки и толкований письменных источников, часто весьма неубедительных (Э. Мольнар, 1955).

К настоящему времени положение с конкретным археологическим материалом по угорско-мадьярской (венгерской) проблеме несколько изменилось. Стали известны группы памятников по среднему течению р. Суры, на левобережье и правобережье р. Волги, на нижнем течении р. Камы и по р. Белой.

Нам кажется, что совокупность данных всех указанных памятников позволит решить наиболее важную задачу — выявить угорско-мадьярский комплекс материальной куль-

туры на разных этапах развития, установить условия жизни и быта, а также общественные отношения того сложного конгломерата племен раннего средневековья, который лег в основу формирования современного венгерского народа.

Основным материалом для выявления культурного комплекса угорско-мадьярских племен VI—IX вв. н. э. являются данные раскопок городища Ош Пандо близ с. Сайнино, Мордовской АССР, и некоторые вещи с соседних памятников — городища Ашна Пандо и селища у с. Гулюшево, Ульяновской области.

Городище Ош Пандо раскапывалось археологическими экспедициями Мордовского научно-исследовательского института с 1945 по 1949 г. включительно. Было вскрыто 2479 кв. м площади, добыто 2120 номеров разных вещей, более 40 тыс. обломков керамики и свыше 10 тыс. костей животных.

Городище Ош Пандо расположено на высоком меловом мысу и отделено от поля высоким валом и рвом. В группе соседних 11 городищ оно является одним из 4-х городищ с валом высотой до 6 м.

Мыс, занятый городищем, возвышается над уровнем протекающей у его подошвы р. Велелей примерно на 30 м. Площадка имеет в длину 81 м и в ширину от 16 до 44 м. Вал имеет в ширину 24 м и высоту над уровнем дна рва 5,9 м. Ширина рва 22 м и глубина 1,7 м. Концы кокошничкообразного вала заходят на площадку городища. Вне городища располагается одновременное ему селище.

Раскопками в культурном слое городища установлено не менее четырех культурных комплексов, которые не поддаются стратиграфическому расчленению. Древнейшим является культурный комплекс фатьяновского поселения эпохи бронзы. Затем следует комплекс I тысячелетия до н. э., характеризующийся «рогатыми кирпичами», грушевидными пряслицами и керамикой особого типа с площадками по краю венчика. В верхнем слое обнаружены вещи древнемордовского комплекса, датируемые не позднее VII в. н. э., и вещи, которые мы определяем как угорско-мадьярские, относящиеся к VI—IX вв. н. э.

Раскопками на городище и селище за валом вскрыты различные сооружения: вал, постройки, крепостная стена, многочисленные ямы и ямки, очаги и кострища. Большая часть этих сооружений связана с верхним слоем, т. е. с поздними обитателями городища. Разрез вала в центральной части показал наличие под ним более древнего вала и рва. Для крепления позднего вала применялась прокладка бревен вдоль вала. Позднейший слой подсыпки вала совпадает по времени с выравниванием площадки городища, в результате чего оказались засыпанными остатки старых оборонительных сооружений.

Жилища обнаружены как на площадке городища, так и за валом. Вскрыто 8 полуземлянок подквадратной формы со срезанными или неправильными углами, глубиной 0,8 м. Сохранились обгорелые плахи от перекрытий и нар.

На городище обнаружено 190 ям и ямок разного размера и глубины, часть из которых, несомненно, являлась продуктовыми, так как в них были обнаружены зерно, кости животных и раздаточные сосуды. В разных местах верхнего слоя встречены скопления камней в виде больших очагов. На камнях находились кости, обломки горшков, зола и уголь.

Население Ош Пандо и соседних аналогичных памятников вело оседлый образ жизни. Жили в неукрепленных и укрепленных поселениях, в полуземных и наземных жилищах. Поселения располагались довольно компактной массой на небольшой территории, захваченной, вероятно, одним племенем.

Трудовая деятельность обитателей Ош Пандо, оставивших верхний культурный слой, характеризуется сельскохозяйственными орудиями, предметами, связанными с коневодством и скотоводством, охотой и рыболовством, обработкой металла, гончарством, прядением и ткачеством, обработкой дерева и кости. Довольно разнообразны предметы вооружения. Много вещей, характеризующих внешний вид обитателей — различные украшения, бусы и т. д.

Недостаток места не позволяет нам дать развернутую характеристику вещевого материала и образа жизни населения. Поэтому мы отсылаем читателей к нашим рисункам,

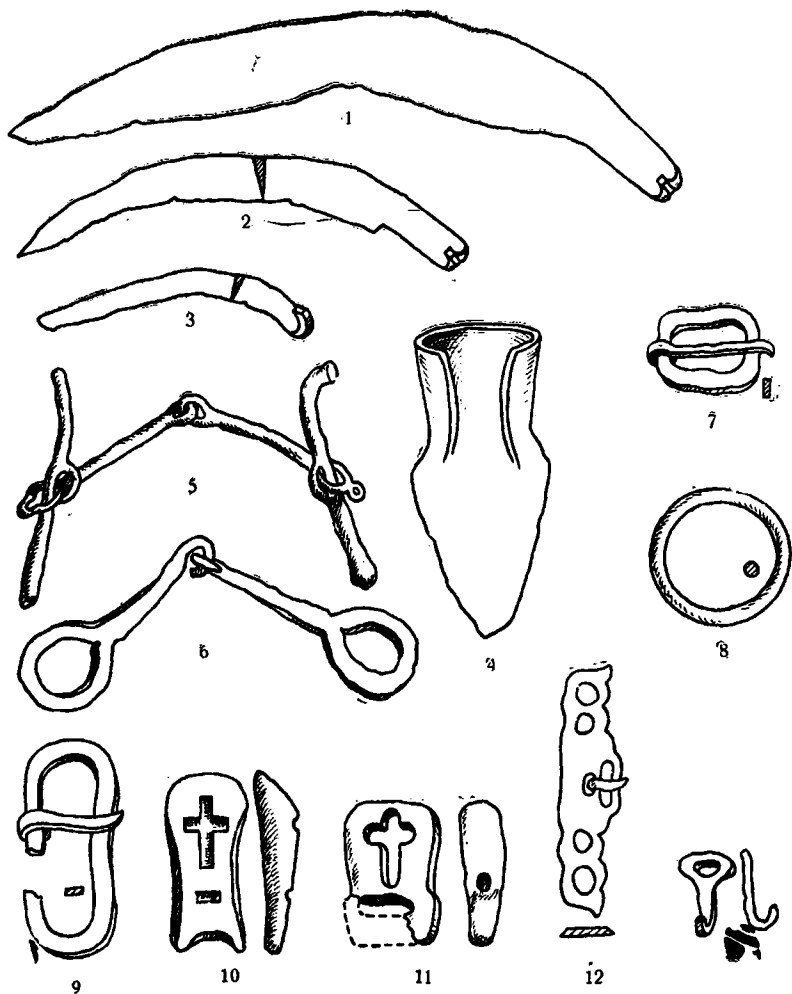

Рис. 1. Изделия из кости и железа:
 1, 2, 3, 5, 6 — Ашна Панло. 3, 4, 7—13 — Ош Панло.
 10, 11 — кость; остальное — железо.

Сельское хозяйство находилось на сравнительно высоком уровне, так как для обработки почвы использовались орудия с железными сошниками (рис. 1, 4). Пашни были постоянными, ибо среди найденного зерна оказалось много семян сорняков. Сеяли ячмень, полбу, рожь, горох. Для уборки хлебов применяли серпы, имевшие крюк для крепления в рукояти, а для уборки сена — косы (рис. 1, 1—3).

Разводили крупный и мелкий рогатый скот. Лошадь использовалась как верховое животное. Обнаружены принадлежности сбруи (рис. 1, 5, 6, 10, 11). Найдены также и кости свиньи.

О занятиях рыболовством говорят такие находки, как багор (рис. 2, 1), железная удочка (рис. 2, 2), позвонки частичковых рыб, использованные иногда для ожерелий. Многочисленны находки костей диких птиц и зверей: лося, медведя, бобра, кабана.

Домашние занятия заключались в обработке дерева (рис. 2, 3, 4), кости (рис. 1, 10, 11; 2, 30—36; 5, 26), кожи (рис. 2, 11—13). Железные ножи с прямой спинкой, коротким черешком и уступчиками со стороны спинки и лезвия, иногда с продольными канавками вдоль лезвия (рис. 2, 5, 9, 10), а также каменные точилки, иногда с отверстиями для подвешивания, найдены в большом количестве (рис. 2, 6, 7).

О широком распространении прядения свидетельствуют многочисленные пряслица (рис. 4, 32—35) из глины, чаще всего биконической формы, гладкие и с орнаментом или родовыми тамгами (рис. 4, 32, 34, 35). На Ош Пандо были найдены 524 пряслица — целых и в обломках. Много пряслиц обнаружено в нижних слоях жилища.

Обработка глины производилась в широком масштабе. Из глины делали необходимую в хозяйстве посуду (рис. 3, 4, 25—28), детские игрушки (рис. 4, 22—24), фигурки людей, животных и птиц (рис. 4, 18—21). Посуда была различной по форме и технике изготовления. Много образцов грубой посуды, сделанной без гончарного круга, чаще всего неорнаментированной, иногда с насечкой по краю венчика. Найдено некоторое количество горшков с высокой прямой шейкой, сильно выпуклыми боками, плоским дном и хорошо обработанными наружными стенками (рис. 3, 2, 6, 7, 11). По-видимому, имела посуда и с ручками. Найдено большое число глиняных бус (рис. 4, 8), глиняных лепешечек (рис. 4, 30) и других изделий (рис. 4, 29, 31).

Значительное место в жизни описываемой группы населения занимала обработка металла. Обнаружены запасы железной руды, обломки криц, много шлаков, куски полупереработанного железа и некоторые инструменты: зубило (рис. 2, 22), напильники (рис. 2, 20), молоточки (рис. 2, 17).

Более многочисленны находки, связанные с литьем металла: льячки (рис. 2, 8), литейные формы (рис. 2, 14—16), отливки болванок из бронзы и олова (рис. 2, 18, 19), тигли (рис. 2, 21). Есть неудачная отливка нагрудной бляхи бахмутинского типа из бронзы (рис. 5, 13).

Населению Ош Пандо и других соседних мест, несомненно, приходилось вести наступательные и оборонительные военные действия против соседей. Обращает на себя внимание большое количество предметов вооружения: железные наконечники копий (рис. 2, 23), железные черешковые наконечники стрел разных типов (рис. 2, 24—29), разнообразные костяные наконечники стрел (рис. 2, 30—36). Найдены части кольчуги (рис. 5, 27, 28).

Нельзя обойти молчанием многочисленные и разнообразные украшения как женского, так и мужского костюма, куда входят: серьги из бронзы (рис. 5, 1) и золота (рис. 5, 2), нашивные бляшки на одежду (рис. 5, 3) и пояса (рис. 5, 4, 5), привески бутылчатой формы (рис. 5, 6, 7) и в виде конической спирали (рис. 5, 8), нагрудные литые бронзовые бляхи с выступами (рис. 5, 12), литые кольца с шишечками (рис. 5, 14), небольшой браслет с орнаментом в виде зарубок (рис. 5, 16), перстень из медной проволоки в полтора оборота (рис. 5, 15), наконечники для ремней из железа (рис. 5, 17, 18), пряжки из бронзы (рис. 5, 10, 11, 22) и железа. Была найдена также литая бронзовая привеска в виде конька (рис. 5, 29).

В большом числе на городище встречены бусы и привески из янтаря, разноцветного стекла (рис. 4, 3, 5, 6, 7), раковин, глины (рис. 4, 8), синего и зеленого стекла в форме

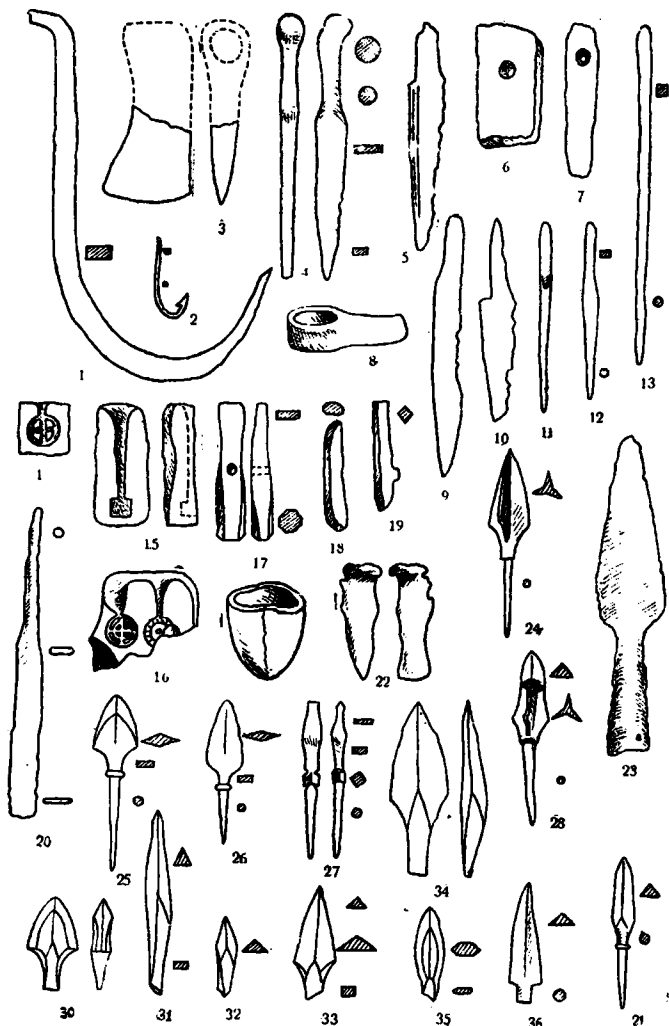

Рис. 2. Изделия из металла, камня и глины:

1-6, 8-10, 12-15, 18, 20-26 - Ош Гандо; 7, 11, 17, 19 - Аша на Пандо.
 1-6, 8-13, 17, 20, 22-29 - железо; 6, 7 - камень; 8, 21 - глина; 14-16 - ме; 18 - бронза; 19 - олово;
 остальное - кость.

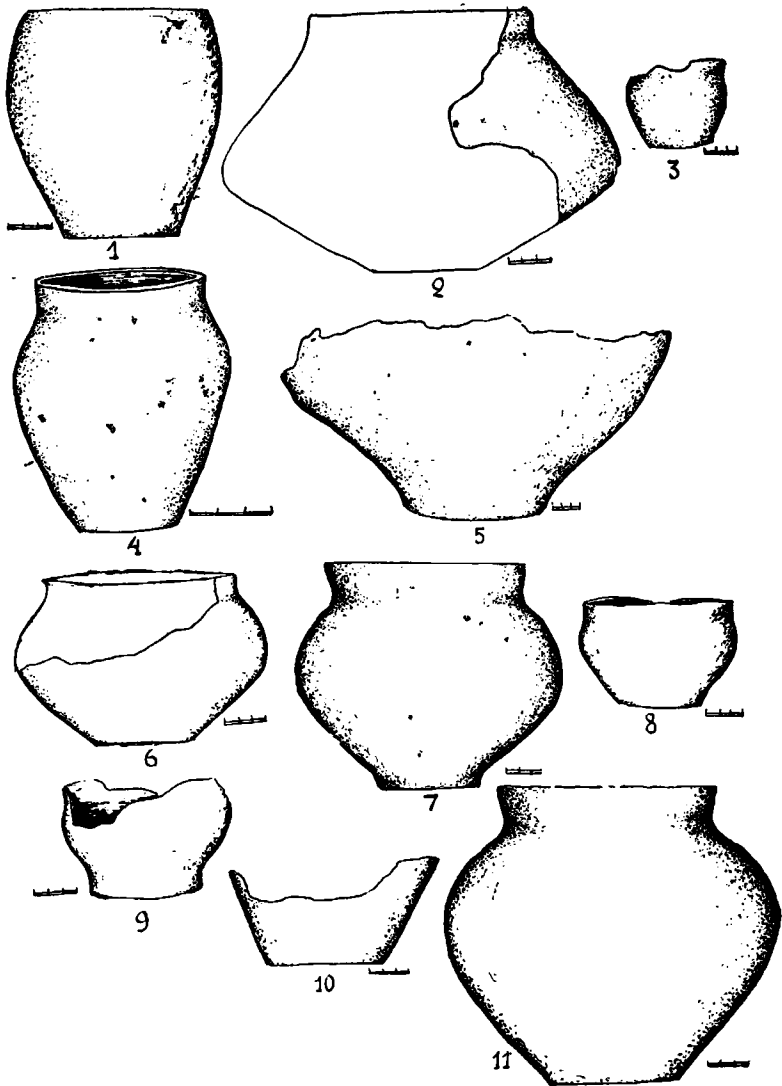

Рис. 3. Типы сосудов Ош Панло.

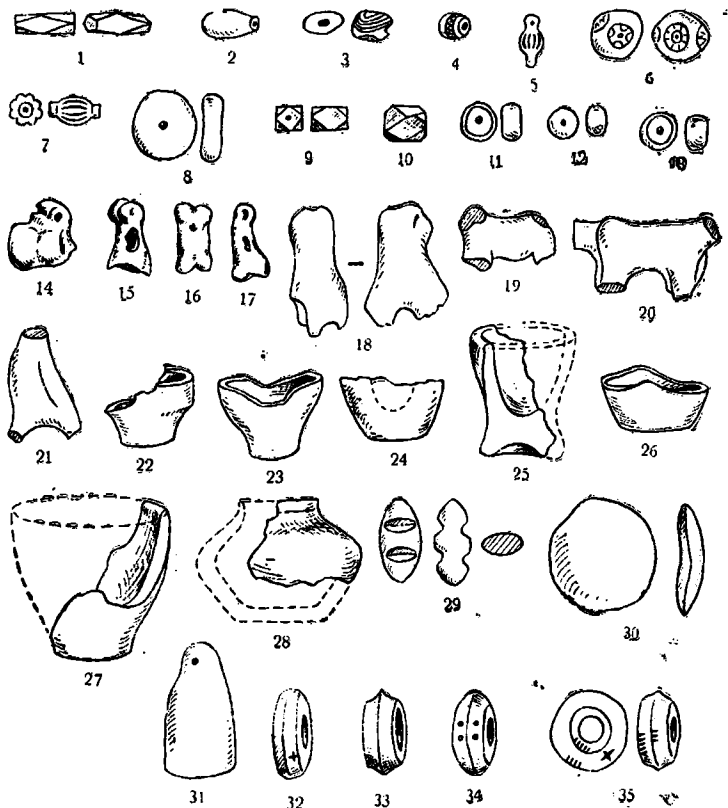

Рис. 4. Изделия из камня, кости, стекла и глины:

1—20, 22, 23, 26, 28—32 — От Пявдо; 21, 24, 27, 33, 34, 35 — Ашя Пявдо; 25 — Гулюшевское селище.
 1 — сердолик; 2 — горный хрусталь; 3—7, 9, 10 — цветное стекло; 8 — раковина; 11—13 — золоченое стекло;
 14—17 — кость; 18—35 — глина.

кирпичиков со срезанными углами (рис. 4, 9, 10), стеклянные и золоченые крупные (рис. 4, 11—13). Привесками служили кости мелких животных (рис. 4, 14—17) и клыки кабана.

Племенную принадлежность населения, оставившего памятники, можно установить по наличию определенного комплекса материальной культуры, формам различных сооружений и характеру могильных захоронений. Эти материалы мы и положим в основу нашего исследования. Что касается письменных источников, очень важных для решения поставленной проблемы, то они также не будут нами забыты.

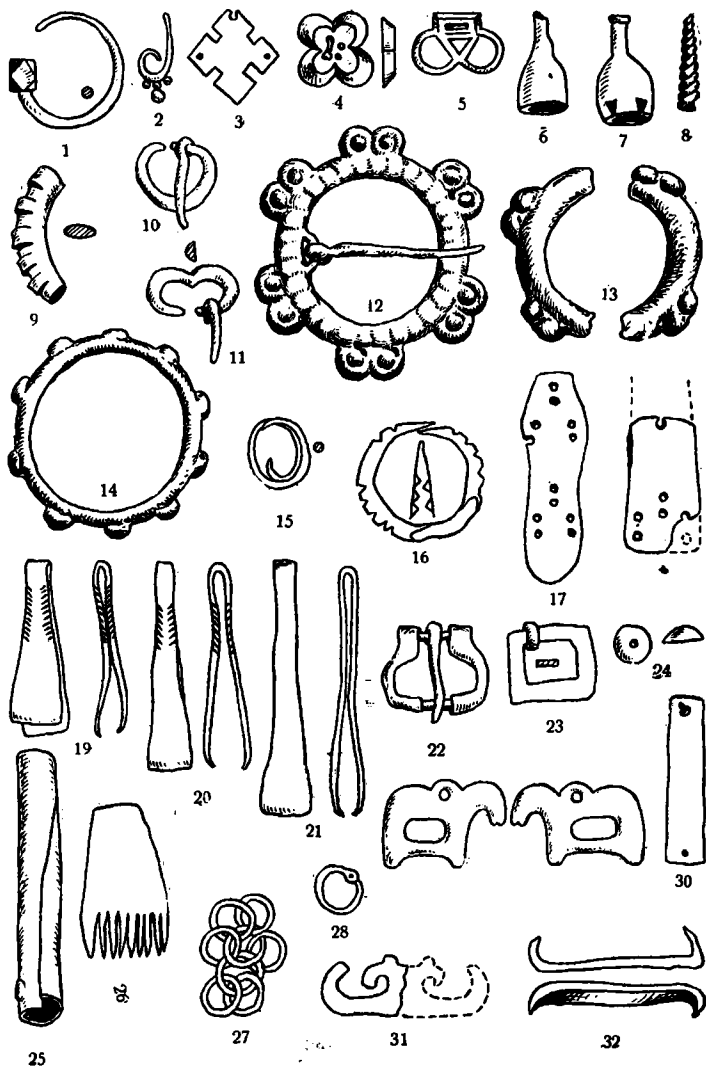

Рис. 5. Изделия из металла и кости:

1-26, 27-32 — Ош Панно; 26 — Гулюшевское селище.
 2 — золото; 17, 18, 27, 28, 31, 32 — железо; 26 — кости; остальное — бронза.

В своих предварительных публикациях мы ошибочно приписывали верхний слой городища Ош Пандо только древней мордве (Степанов, 1948, 1949, 1951). Основанием для этого была находка в верхнем слое бесспорно древнемордовских вещей: сьюлгам, бронзовых пронизок, пряжек, серповидной гривны и т. п. Однако более обстоятельное изучение всех вещей и сооружений позволяет говорить о двух культурных комплексах, отложившихся в верхнем слое городища. Что дает нам право интерпретировать указанный культурный комплекс как угорско-мадьярский?

Первое, что выделило угорско-мадьярский комплекс, было отличие его от древнемордовского: не оказалось массовых находок красных пастовых бус, столь характерных для всех древнемордовских памятников середины I тысячелетия н. э., привесок с грузиком и спиральчатых, пагрудных блях, тульчатых топоров и т. п.

Вторым обстоятельством было то, что наш культурный комплекс оказался идентичным во многих частях культурному комплексу памятников левобережья Волги и Нижней Камы (Именьевское городище, святилище Шелом, Рождественский могильник и др.), где, как известно, древняя мордва в I тысячелетии н. э. не проживала. Эти памятники рядом исследователей в последнее время приписываются угорско-мадьярским племенам (А. Х. Халиков, В. Ф. Генинг). Что касается отнесения памятников Среднего Поволжья I тысячелетия н. э. к так называемой «буртасской культуре», то эта гипотеза была выдвинута без достаточных оснований (Смирнов, 1951а, 1952). Мы понимаем термин «буртасы» как социальный, а не национальный (Степанов, 1941). Не можем мы принять и определение средневожских памятников второй половины I тысячелетия н. э. как «позднегородецких» ввиду расплывчатости этого термина (Смирнов, 1952). Следовательно, не мордва, не «буртасы», не «позднегородецки» племена обитали на Ош Пандо и ряде соседних памятников, а также в Среднем Поволжье во второй половине I тысячелетия.

В-третьих, древнемордовские племена к VII в. н. э. уходят из бассейна р. Суры на запад. Могильники Селикеевский, Армеевский, Шемышейский, Иваньковский, Сергачский, Б. Таутовских не дают вещей позднее VII в. (Рыков, 1931; Полесских, 1955, 1962; Смирнов, 1952; Трубникова, 1958). Поэтому наши памятники, как более поздние, никак нельзя приписать древней мордве, хотя не исключено одновременное проживание тех и других племен. В Армеевском могильнике М. Р. Полесских было вскрыто погребение № 215, которое, судя по вещевому материалу, принадлежало не мордве, а угро-мадьярам (Полесских, 1962).

В-четвертых, как значительная часть вещевого материала, так и форма сооружений имеют близкие аналогии в вещах и сооружениях памятников с территории Башкирии, относящихся к середине и второй половине I тысячелетия н. э. Башкирские памятники большинство исследователей связывают как раз с угорско-мадьярскими племенами.

В-пятых, ряд вещей, форма некоторых сосудов полностью совпадают с находками в ряде памятников с территории Венгерской Народной Республики (Пардуц, 1959; Эрдей, 1961).

Наконец, полная идентичность ряда вещей с Ош Пандо с вещами Пастерского городища (Ханенко, 1899) объяснима только при условии, что на Ош Пандо проживали угро-мадьяры.

Таковы археологические доказательства принадлежности описываемого комплекса вещей и памятников угро-мадьярам. Посмотрим, в каком соотношении находятся наши памятники с данными письменных источников. Таких источников имеется довольно много, но все они относятся ко времени после X в., т. е. к периоду формирования Венгерского королевства на Дунае. Арабские источники X в. говорят об угро-мадьярах как о современниках, но это не совсем верно, так как известно, что уже с 862 г. мадьяры находились на территории современной Венгерской Народной Республики (Мольнар, 1955). Однако вполне возможно, что арабы приводят сведения более раннего времени, поэтому сообщения их в какой-то степени могут быть использованы нами.

О расселении угорско-мадьярских племен Болхи сообщает: «Баштарды разделяются на два племени: одно племя живет на самой границе Гуззии — т. е. Гуззов — Куман —

близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны Болгарам. Другие Башджарты граничат с печенегами. Они и Печенеги — турки, и они близкие соседи Румийцев» (Хвольсон, 1869).

Ибн-Даста пишет: «Между землею Печенегов и землею болгарских Эсегель лежит первый из краев мадырских. Мадыры это тюркское племя... Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища. Земля их обширна; одной своей окраиной прилегает она к Румскому (Черному) морю, в которое впадают две реки; одна из них больше Джайгуна (Аму-Дарьи); между этими-то двумя реками и находится местопребывание мадыр. С наступлением зимнего времени, кто из них к какой реке ближе, к той и прикочевывает, и остается там в продолжение зимы, занимаясь рыболовством. Жить им у тех рек удобнее, чем где-либо. Земля мадыр богата лесами и водами, и почва там сыра. Много у них и хлебопахотных полей» (Хвольсон, 1869).

Гардизи пишет: «...Провинция мадыр лесистая и богата озерами. Их земля сырая... у мадыр есть низменности, богатые лугами и плодородными местностями» (Мольнар, 1955).

Приведенные высказывания не противоречат археологическим данным. Действительно, угорско-мадырские памятники располагаются в лесистых местах, достаточно влажных, касается ли это Башкирии, Среднего Поволжья или междуречья Днепр — Днестр. Есть здесь немало мест, пригодных для земледелия.

Часть памятников находится в пределах Камской Булгарии, где-то вблизи которой проходила граница Гуззии и Печенегии. Между Днепром и Днестром земля угро-мадыр доходила до берегов Черного моря.

Очень важно указание на разнородный и разнородный состав угро-мадыр: кочевники и оседлые земледельцы, угры и турки, что не расходится с показаниями Константина Багрянородного и «Повести Временных лет» («Белые» и «Черные угры»). Возможно, что некоторые захоронения кочевников в Нижнем Поволжье оставлены группой кочевников, входивших в Мадырский союз (Максимов, 1956а; Эрдей, 1961).

Значительно больше деталей по истории угро-мадыр мы находим у Константина Багрянородного (ИГАИМК, 1934), разобраться в которых, однако, не так просто. Автор, не будучи современником описываемых событий, довольно неудачно соединил в своем труде сведения, полученные из разных источников, предания далеких и близких времен.

Угро-мадыры, по терминологии Константина Багрянородного, турки. Нам кажется, что, отбросив неудачные формулировки и повторения, можно, по материалам автора, таким образом, представить историю угро-мадыр: «... В с т а р и н у (выделено нами.— П. С.) имели жительство вблизи Хазарии, в местности, называемой Леведией... в этой местности... течет река Хидмас, называемая также Хингилус. В то время они назывались не Турками, а по какой-то причине крепкими Савартами. У Турков было семь родов... Они жили три года вместе с Хазарами... В войне, возникшей между Турками и Печенегами, ...войско турков было разбито и разделилось на две части: одна часть поселилась на востоке в части Персиды..., а другая часть ...поселилась в западной стороне, в местах, называемых Ателькузу» (стр. 17). В другом месте об этом же говорится так: «Местность же, где Турки жили р а п ь ш е (выделено нами.— П. С.), называется по имени протекающей реки Этель и Кузу» (стр. 19), что прямо указывает на Поволжье. Именно отсюда угро-мадыры могли быть приглашены хазарским каганом, который, по преданию, будто бы провозгласил у них первым князем Арпада.

О последнем этапе их пути, перед Венгрией, автор пишет: «Область... в которой в т о г д а ш н е е (выделено нами.— П. С.) время проживали Турки, носит название по имени текущих там рек. Реки эти следующие: первая река называется Варух, вторая — Кузу, третья — Трулл, четвертая — Врут и пятая — Серет» (стр. 18). Именно отсюда, по приглашению византийского императора Льва, выступили турки на войну с Семеоном (Болгарским), который позднее, в союзе с печенегами, разбил их и они были вынуждены уйти на территорию современной Венгерской Народной Республики.

На всем обрисованном выше пути мы находим археологические памятники, содержащие частично или полностью описанный нами угорско-мадярский культурный комплекс.

В Приуралье — в Леведии — это памятники бахмутинской культуры в широком ее понимании, хронологически более ранние и потому несколько отличные от последующих (Бирский могильник. — Мажитов, 1962а; Каратамакский могильник. — Мажитов, 1960; Ново-Турбаслинский могильник. — Мажитов, 1959; Ново-Турбаслинское селище. — Мажитов, 1962; Кушнаренокский могильник. — Генинг и Акимова, 1959а; городище Уфа II. — Ищериков, 1959; памятники бахмутинской культуры. — Смирнов, 1957, 1957а). Большинство указанных памятников датируется серединой I тысячелетия н. э.

В Среднее Поволжье и на Суру — в «Ателькузу» — угро-мадяры приходят примерно в VI в. н. э.; остаются они здесь и после прихода камских булгар. В этих местах и формируется тот культурный комплекс, который мы описали (Ош Пандо, Ашна Пандо, селище у с. Гулошево. — Степанов, 1948, 1949, 1951; Именьковское городище. — Калинин, Халиков, 1960; святилище Шелом. — Жиромский, 1958; Рождественский могильник. — Генинг, 1960; группа памятников «восточно-буртасской культуры». — Калинин и Халиков, 1954). Время пребывания угро-мадяр на этой обширной территории было различно в разных районах.

В. Ф. Генинг в отчете о раскопках Больше-Тарханского могильника пишет: «Появление болгарских племен на Волге в конце VII — начале VIII вв. произошло в результате единовременного похода чрезвычайно крупной группировки племен... На протяжении более столетия болгары жили на Волге весьма обособленно от местного населения, нет никаких бесспорных материалов, которые свидетельствовали бы об их взаимном смешении» (Генинг, 1960б).

Таким образом, угро-мадяры в «Ателькузе» проживали относительно беспрепятственно в течение длительного времени, в результате чего именно здесь произошло формирование того культурного комплекса, которому мы дали описание.

В первой половине VII в. какая-то часть угро-мадяр продвинулась еще дальше на запад, в междуречье Днепра и Днестра. Вероятно, о них русский летописец пишет: «И по семь придоша Оугри Белии и наследиша землю Словенську» (627 г.). Не идет ли здесь речь о землях Тиверцев и Уличей?

Вторая волна угро-мадяр продвинулась на запад в конце IX в., о чем также имеется свидетельство русского летописца: «В лето 6405 (897 г.). Идоша Оугри мимо Киева горою, еже зоветься ныне Оугорское и пришедше къ Днепру, стаха вежами, бяше бо ходяще, яко се Половцы. Пришедше от востока и сустермишася чересь горы великия, иже прозвашася Угорския, и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словени» (Приселков, 1950). Археологическими памятниками на этой территории, вероятно, следует считать один из слоев на городище Пастерском (Голуцино), на правом берегу Днепра, и некоторые другие памятники VII—IX вв. (Ханенко, 1899; Брайчевский, 1951, 1953).

Можно предположить, что в состав второй волны входила группа угро-мадяр с Ош Пандо и Присурских памятников, так как именно ей всего удобнее было идти севернее Киева, по Окско-Донскому водоразделу.

Мы не считаем, что угро-мадяры на территории Венгерской Народной Республики появились одновременно, в виде большого массива завоевателей. Проникновение угро-мадяр в Паннонию началось, несомненно, весьма рано, в послегуннское время. Материалы могильника Шонград-Кондерфолде чрезвычайно близки многим вещам с Ош Пандо (серьги с кубиком, наконечники копий и стрел, бронзовые пряжки, ножи, бусы кирпичиком со срезанными углами, а также посуда. — Porcusz, 1959). Пардуц упоминает о находке в Прикарпатье 65 серег с кубиком.

Разновременный приход и, несомненно, разноплеменный состав угро-мадяр и были, на наш взгляд, причиной разноречивых сведений о них в письменных источниках.

Наши материалы позволяют отказаться от гипотезы о нахождении Леведии в районе

Дона и Донца. Эту гипотезу опровергают также данные И. И. Ляпушкина (Ляпушкин. 1958, стр. 136; Генинг, 1962б, стр. 61).

Таким образом, задача, которую мы поставили в начале работы, в какой-то степени решена. Наметился состав культурного комплекса угро-мадьяр в VI—IX вв. н. э. Выявляется путь продвижения их из Приуралья до современной Венгерской Народной Республики. Сделана увязка археологических памятников с данными письменных источников и определено место «Ателькуза».

Дальнейшие исследования новых памятников еще больше расширят наши знания не только в области истории угро-мадьяр, но одновременно будут способствовать изучению далекого прошлого других народов Поволжья и Приуралья.

Н. А. МАЖИТОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РАННЕЙ ИСТОРИИ БАШКИР

(предварительное сообщение)

Происхождение башкир — одна из спорных и малоисследованных проблем средневековой истории Башкирии. Письменные источники о самых ранних башкирах очень ограничены и не дают ясной картины об их происхождении и территории расселения. По своему характеру эти источники подразделяются на две группы.

Арабские авторы X—XIV вв. причисляют башкирские племена Южного Урала к тюркоязычным народам. К наиболее достоверным источникам этой группы относятся путевые записи Ахмеда ибн-Фадлана, в 921—922 гг. приехавшего в государство волжских болгар через «страну народа из [числа] тюрков, называемого башкиры».

Западноевропейские путешественники XIII—XIV вв. — монах Юлиан, Плапо-Карпини, Рубрук — указывали на территорию Южного Приуралья как на возможную прародину древних мадьярских (венгерских) племен и отождествляли живших здесь башкир с мадярами.

Все последующие исторические исследования о происхождении башкир велись вокруг этих противоречивых письменных сообщений. При слабой изученности археологии, этнографии и языка башкир конечный вывод авторов зависел от того, какой группе указанных источников они отдадут предпочтение. Так в науке возникли две диаметрально противоположные точки зрения о тюркском и угорском происхождении современных башкир. Подробно историография этого вопроса рассматривается в недавно вышедших работах А. П. Смирнова «Железный век Башкирии» (1957) и Т. М. Гарипова и Р. Г. Кузеева «Башкиро-мадьярская» проблема» (1962), которые освобождают нас от необходимости останавливаться на ее изложении. Обратимся лишь к некоторым позднейшим исследованиям, отражающим состояние изученности проблемы этногенеза башкир на современном этапе исторической науки.

Последнее десятилетие характеризуется возрастающим интересом археологов, этнографов, антропологов и лингвистов к средневековой истории Башкирии вообще и к вопросу об этногенезе башкир, в частности. Примечательно, что наблюдается тенденция исследовать эти вопросы не только в свете данных письменных документов, но комплексно, с привлечением материалов смежных наук. При этом почти все исследователи приходят к единому мнению о том, что современный башкирский народ сформировался в результате

расселения по Южному Уралу древнебашкирских, тюркоязычных в своей основе, племен, частично ассимилировавших местное угорское население. Эта точка зрения изложена в «Очерках по истории Башкирской АССР», т. I, ч. I (1956), в работе Р. Г. Кузеева «Башкирские шежере» (1960), коллективных трудах «Зауральские башкиры» и «Башкирмадьярская» проблема в книге «Археология и этнография Башкирии», т. I (1962).

Во всех этих работах средневековая история башкир освещается главным образом на основе данных этнографии, фольклора и письменных источников, без учета археологического материала. Слабая изученность средневековых археологических памятников Башкирии ограничивает полностью и бесспорность выводов авторов.

Совершенно очевидно, что только при помощи хорошо документированного и датированного археологического материала можно восстановить весь ход исторического развития, этнических образований и передвижений этого периода на Южном Урале, приведших в конечном счете к сложению здесь башкирской народности. К сожалению, средневековые археологические памятники Южного Урала до последнего времени выявлялись и изучались от случая к случаю. Известно, например, что в 60-х годах прошлого столетия в юго-восточных районах Башкирии Р. Г. Игнатьев исследовал пять небольших курганов диаметром 2—5 м, содержащих кочевнические захоронения, в которых были найдены кости лошади, остатки седла, наконечник стрел, серьги и другие предметы. Неглубокие могилы, среди которых имелись и коллективные, сверху были покрыты большими известняковыми плитами. Подобные же курганы в 80-х годах XIX в. были раскопаны И. Малиевым близ дер. Ильегулово на р. Деме (Альшеевский район БАССР), в 30-х годах нашего столетия — А. В. Шмидтом в Зауралье. Наконец, в 1951 г. Р. Б. Ахмеров исследовал разрушенный во время строительных работ могильник близ г. Стерлитамака. В работе Р. Б. Ахмерова «Некоторые вопросы этногенеза башкир» (1952), являющейся, по существу, первой попыткой осветить ранние этапы истории башкирского народа в историко-археологическом плане, было высказано предположение о принадлежности этого памятника древнебашкирским племенам.

В последние годы археологические материалы по Южному Уралу I тысячелетия н. э. значительно пополнились. Теперь мы можем более конкретно судить об основных компонентах этнических образований конца рассматриваемого периода.

Большие события в истории населения Западного Приуралья I тысячелетия н. э. произошли на рубеже IV—V вв. В этот период, совпадающий со временем проникновения гуниских орд в Северное Причерноморье, территория Центральной Башкирии была занята пришлым с юга населением, которое оставило здесь памятники типа Ново-Турбаслинского курганного и Кушнаренковского грунтового могильников. Своеобразие материалов указанных памятников позволяет выделить эти могильники в особую турбаслинскую культуру.

Основу хозяйства турбаслинских племен составляло кочевое скотоводство. Об этом говорит обряд подкурганых захоронений, характерный для кочевников-степняков. В курганых насыпях и погребениях много костей животных, главным образом, лошади. Но турбаслинские племена знали и земледелие, что доказывается находками обгорелых зерен полбы в одном из погребений Ново-Турбаслинских курганов¹.

В этническом отношении турбаслинские племена являлись, по нашему мнению, ранними тюрками. Характерные для турбаслинцев могильные ямы с заплечиками и глубокими подбоями, обычай захоронения в могильниках черепов и конечностей лошади, деформация черепов и ряд других признаков многими археологами рассматриваются как гуниские, т. е. тюркоязычные. Однако следует отметить, что в турбаслинской культуре имеется много черт, связывающих ее с культурой поволжских сарматов первых веков нашей эры. В этом плане особенно интересна турбаслинская керамика, которая по всем основным признакам (форма, тесто, размеры) восходит к сарматской. Последнее позволяет считать, что в слож-

¹ См. статью Н. А. Мажигова «К изучению археологии Приуралья I тысячелетия нашей эры» в в настоящем сборнике.

нии турбаслинской культуры Западного Приуралья V—VII вв. наряду с тюркским компонентом участвовали южноуральские племена сарматского происхождения.

Обращает на себя внимание сходство в орнаментике турбаслинцев и современных башкир. В курганах Ново-Турбаслинского могильника найдены серебряные ременные накладки S-видной формы (рис. 1; Мажитов, 1959, стр. 121, табл. II, 7, 8). S-видный узор является излюбленным мотивом в народной вышивке башкир (Мандоки, Кузеев, 1962, стр. 322, рис. 11). Древнейшие аналогии этого узора восходят к искусству племен Южной Сибири, Алтая и гуннов Забайкалья (Руденко, 1962).

Сказанное полностью можно отнести и к ромбическим, квадратным, сердцевидным, трехлепестковым и другим фигурным накладкам из Ново-Турбаслинских курганов (Мажитов, 1959, табл. II), аналогии которым широко распространены в современной башкирской орнаментике (рис. 1) и в то же время связаны с искусством древних народов Востока. Так, ромбический и квадратный узоры, наряду с S-видным, характерны для художественных изделий гуннов, оставшихся Ноин-Улинские курганы (Руденко, 1962, табл. 54, 56). Подобные турбаслинским трехлепестковые накладки за пределами Приуралья найдены только в тюркском могильнике VII в. Кудурзг на Алтае (Глухов, Руденко, 1927). Появление отмеченного комплекса узоров в башкирском орнаменте этнографы также связывают с ранними этапами этногенеза башкирского народа.

Турбаслинским племенам принадлежала керамика кушнаренковского типа. Оригинальный орнамент этой посуды оказался очень устойчивым в Приуралье: без особых изменений его можно увидеть на современных предметах искусства. Так, в Государственном музее Татарской АССР в г. Казани хранится кожаный башкирский щит уникальной формы (10190, № 6411 [4885]). Вся поверхность щита украшена густым тисненым орнаментом (рис. 2) из поясков, чередующихся с полосами пересекающихся коротких насечек, которые образуют ромбические и треугольные узоры. Этот комплекс узоров во всех деталях копирует орнамент сосудов кушнаренковского типа турбаслинской культуры. Дношки этих сосудов нередко покрыты горизонтальными поясками, зигзагами, пересекающимися насечками и расходящимися от центра линиями (Мажитов, 1962, стр. 160, рис. 6). Орнамент, очень близкий вышеописанному, мы находим на крышках деревянной посуды башкир XIX—XX вв. (Авижанская, Кузеев, 1962, стр. 352, рис. 7). Все это позволяет считать, что орнамент деревянной утвари, как и упомянутого кожаного щита, восходит к орнаментальным комплексам керамики кушнаренковского типа турбаслинских племен. Следовательно, намечается преемственная связь между турбаслинцами и башкирами.

Ценные материалы по истории раннебашкирских племен собраны археологической экспедицией Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР 1963 г.

В северо-восточных горных районах Башкирской АССР экспедиция исследовала группу памятников VIII—X вв.: курганные могильники у дер. Мрясиново, Карандельского района, дер. Старо-Халилово и Ишимбаево, Салаватского района, и поселения у санатория Янган-Тау, того же района, которые, по нашему мнению, могут рассматриваться как древнебашкирские.

Курганы Мрясиновского могильника представляют собой небольшие однотипные земляные насыпи средним диаметром около 6—8 м при высоте 20—40 см. На вершине многих курганов имеются неглубокие впадины. Могильник состоит из 32 курганов, густо и беспорядочно расположенных на сравнительно небольшой площади по краю высокого берега речки Мрясмики. Из девяти раскопанных курганов восемь содержали по одному или по два погребения и один оказался пустым. Почти все курганы разграблены в древности.

Погребения, как правило, расположены в центре насыпи в слое чернозема или на поверхности материковой глины. Очертания могильных ям в некоторых случаях не прослеживаются. Во всех курганах труположение, но в ориентировке умерших однообразия нет. На северо-запад ориентировано два костяка, на восток — один, на запад — один, на юго-запад — один. В заполнении некоторых могил прослежены мелкие угольки — следы кострища.

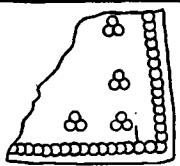
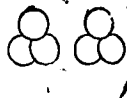

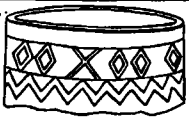

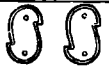
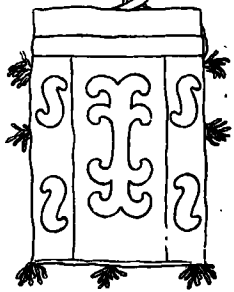
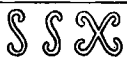
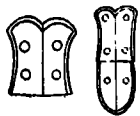

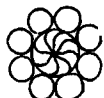

	Археологич находки металлич накладки ремя	Предметы искусства современ башкир	Узоры орнамента сов- ременных башкир
Турбаслинский курганный могильник (V-VII вв.)			
			
			
			
			
Бирский м.-г (VI-VIII вв.)			
Старо-Халиловский курганный могильник (VII-X вв.)			
			
			

Рис. 1. Сравнительная таблица орнаментов археологических культур Приуралья V—IX вв. и искусства современных башкир.

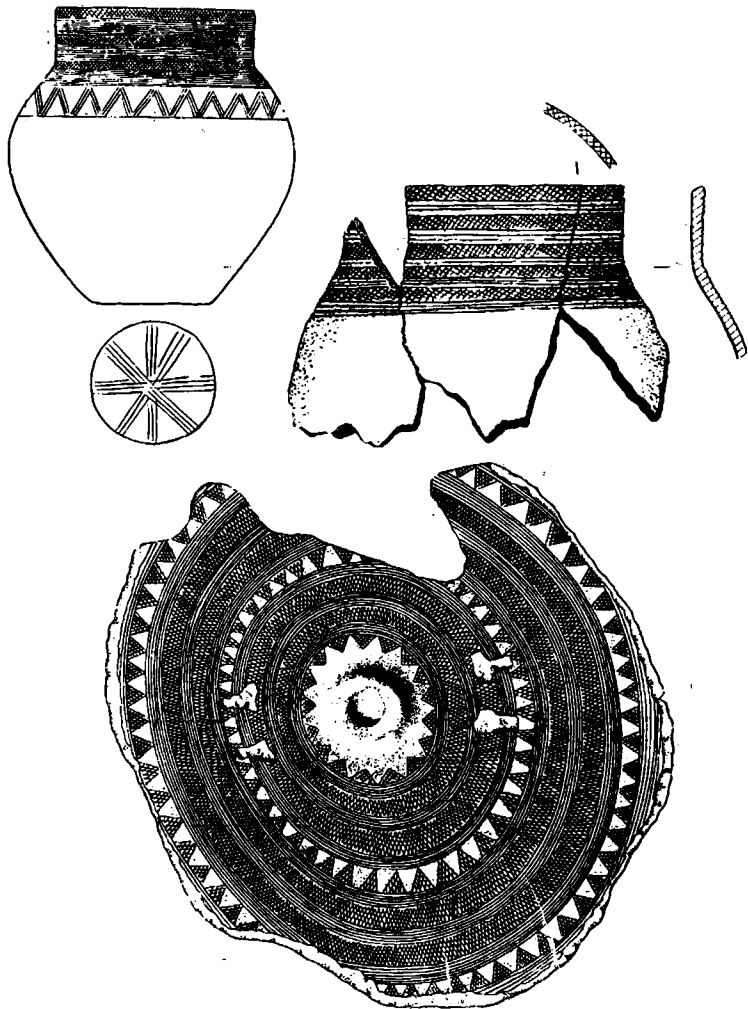

Рис. 2. Сравнительная таблица орнаментов керамики кушнаренковского типа в Приуралье V—IX вв. и кожаного пита башкир.

Найденные в курганах материалы показывают, что культура и быт умерших были тесно связаны с кочевым скотоводством. В непотревоженном кургане № 1 в могилу вместе с покойным, слева от него, были положены голова, четыре ноги и хвост лошади, которые символизировали неизменного спутника кочевника — коня, сопровождавшего его в загробный мир. Кроме того, в насыпях почти всех курганов найдены многочисленные конские черепя, остатки ритуальных тризн, устраиваемых соплеменниками в честь умерших.

В погребениях много предметов конской сбруи: удила, стремяна и т. д. Найденны также большие железные пряжки с выпуклыми длинными сторонами, костяные подпружные пряжки, серебряные серьги салтовского типа, серебряные бубенчики, подвески того же типа и много других предметов, широко распространенных в последние столетия I тысячелетия н. э. В одном погребении найден небольшой глиняный круглодонный сосуд, украшенный по узкому горлу и плечикам веревочным орнаментом. Сосуд вылеплен из глины с примесью мелкотолченой раковины. Наиболее поздними предметами являются кресала, датируемые не ранее X в. Общая дата раскопанных курганов приблизительно может быть определена VIII—X вв.

Мрясимовские курганы относятся к числу памятников, появившихся на Южном Урале не ранее VIII—IX вв. Единственным подобным памятником на территории Башкирии является Старо-Мусипский курганный могильник IX—X вв. в Кармаскалинском районе, раскопанный в 1957—1958 гг. М. Х. Садыковой. Старо-Мусипские курганы, как и Мрясимовские, невысокие, содержат кочевнические захоронения с костями лошади, удилами и стремянами (Садыкова, 1959).

По особенностям погребального обряда и вещевого инвентаря Мрясимовский могильник может быть сопоставлен с памятниками тюркоязычных кочевников Зауралья, Южной Сибири, Алтая и Восточной Европы. Он совпадает по времени и очень близок по материалам Синеглазовским курганам, опубликованным В. С. Стоколосом (1962а). По устройству курганов и основному составу вещей Мрясимовский могильник может быть сопоставлен с курганами тюрков в курайской степи на Алтае, исследованными в 1935—1937 гг. С. В. Кисельвым (1951, стр. 517, табл. XI, VIII, 2), и с печенежскими памятниками IX—X вв. в южнорусских степях (Плетнева, 1958, стр. 153—158).

Погребальный обряд, подобный обнаруженному в Мрясимовских курганах, наблюдал Ахмед ибн-Фадлан у гузов: «Если умрет человек, наденут на него его куртку, его пояс, его лук и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и накроют над ним пещо вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кости и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Иногда они пренебрегут убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа старейшин и говорит: «Я видел такого, то есть умершего, во сне, и он сказал мне: «Вот видишь, меня уже перегнали мои товарищи и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают и растягивают их на могиле» (Ковалевский, 1956, стр. 128).

Отмеченное сходство Мрясимовских курганов с памятниками тюркских племен Зауралья, Алтая и Восточной Европы позволяет рассматривать население, оставившее Мрясимовский могильник, как древнетюркское, имевшее непосредственное отношение к одной из групп древнебашкирских племен, обитавших на Южном Урале уже в VIII—IX вв.

Если этот наш вывод основывается только на доказательстве тюркской принадлежности Мрясимовских курганов, то раскопки богатых Ишимбаевских и Старо-Халиловских курганов дали материалы, на наш взгляд, более убедительно свидетельствующие о близости их культуры к культуре современных башкир.

Ишимбаевский могильник расположен близ дер. Ишимбаево, Яхинского сельского совета Салаватского района, на широкой возвышенности убалинской степи (Асы Ялан).

Местное население считает могильник кладбищем древних предков. В археологической литературе он известен с 70-х годов прошлого столетия (Талицкая, 1952, стр. 70). В настоящее время территория могильника ежегодно распахивается, насыпи многих курганов сильно расплылись. Из 30 едва заметных курганов экспедицией было раскопано два, материалы которых в основном дублируют содержание Мрясимовских. Это те же кочевнические погребения с черепами и конечностями лошади, стременами, удилами и другими предметами конской сбруи. Но среди прочего инвентаря особенно примечательны остатки поясного набора из погребения № 2 (курган № 2). Он состоит из одной серебряной позолоченной пряжки салтовского типа с растительным орнаментом на щитке и трех серебряных накладок, датироваемых VIII—IX вв.

Старо-Халиловский могильник находится на р. Ай, на окраине одноименной деревни, и состоит из 10 курганов, расположенных тремя группами. У местного башкирского населения сохранилось предание, согласно которому в этих курганах захоронены их древние предки — выходцы из Средней Азии. С севера к курганам примыкает старое мусульманское кладбище.

Экспедиция исследовала в этом могильнике 8 курганов. По внешним признакам все раскопанные курганы, за исключением кургана № 6, о котором ниже будет сказано особо, представляют небольшие земляные насыпи с впадинами на вершине. Средний диаметр курганов 5—7 м при высоте 20—40 см. В насыпях найдены остатки ритуальных захоронений в виде головы лошади и в одном случае головы лося (курган № 3).

Единообразия в устройстве курганов нет. В двух курганах никаких следов человеческих захоронений обнаружено не было, хотя в насыпях найдены черепа лошадей. Эти курганы являлись, по-видимому, кенотафами, т. е. были насыпаны в честь сородичей, погибших на стороне. В двух курганах было только по одной одиночной могиле, слабо углубленной в слой материковой глины (10—15 см). В курганах № 3 и 5 содержалось по одному коллективному захоронению: в погребении кургана № 3 найдено 3 костяка, кургана № 5 — примерно 10 костяков. Все костяки лежали в почвенном слое, почти на древней поверхности. Два погребения кургана № 8 также находились в почвенном слое, но в отличие от остальных были обложены по стенкам и покрыты сверху большими песчаниковыми плитами.

Оригинальна конструкция самого крупного кургана № 6. Диаметр его 14 м, высота 1 м. Форма округлая. Небольшое круглое возвышение в центре кургана диаметром около 4 м как бы образует курган на кургане. Вокруг этого возвышения на поверхности основной насыпи прослежены неглубокие, но широкие впадины, которые, как показали раскопки, совпадали с пунктами древних захоронений. В кургане — 24 погребения, большинство которых являлись впускными и находились в слое насыпи, на небольшой глубине. Два погребения содержали парные захоронения.

Всего в 8 курганах Старо-Халиловского могильника обнаружено 29 погребений, содержащих 50 костяков. Все костяки, за редким исключением, лежали в почвенном слое, в неглубоких ямах, не врезающихся в слой материковой глины. Для курганов характерны коллективные, содержащие до 10 костяков, и впускные погребения. Костяки обычно лежат вытянуто на спине. В их ориентировке постоянства нет, но преобладает северная (12 случаев). Два костяка ориентированы на запад, четыре — на северо-запад и два — на северо-восток. В остальных случаях ориентировку костяков, вследствие их плохой сохранности либо ограбленности погребений, установить не удалось.

Погребальный инвентарь Старо-Халиловского могильника очень богат (рис. 3). Помимо многочисленных костей лошади в погребениях найдены железные удила, стремена, наконечники стрел, серьги (рис. 3, 1—3), пряжки (рис. 3, 18—21) и накладки поясных ремней (рис. 3, 5—11), браслеты, перстни (рис. 3, 4), большинство которых находит ближайше аналогии в материалах Мрясимовского и Ишимбаевского могильников. Но есть вещи оригинальной формы. Так, например, в кургане № 8 найдены остатки удила с большими S-видными псалиями. Во впускном погребении № 19 (курган № 6) найдена серебряная ложка с фигурой медведя, лежащего на передних лапах. Ложка сходна с находками из

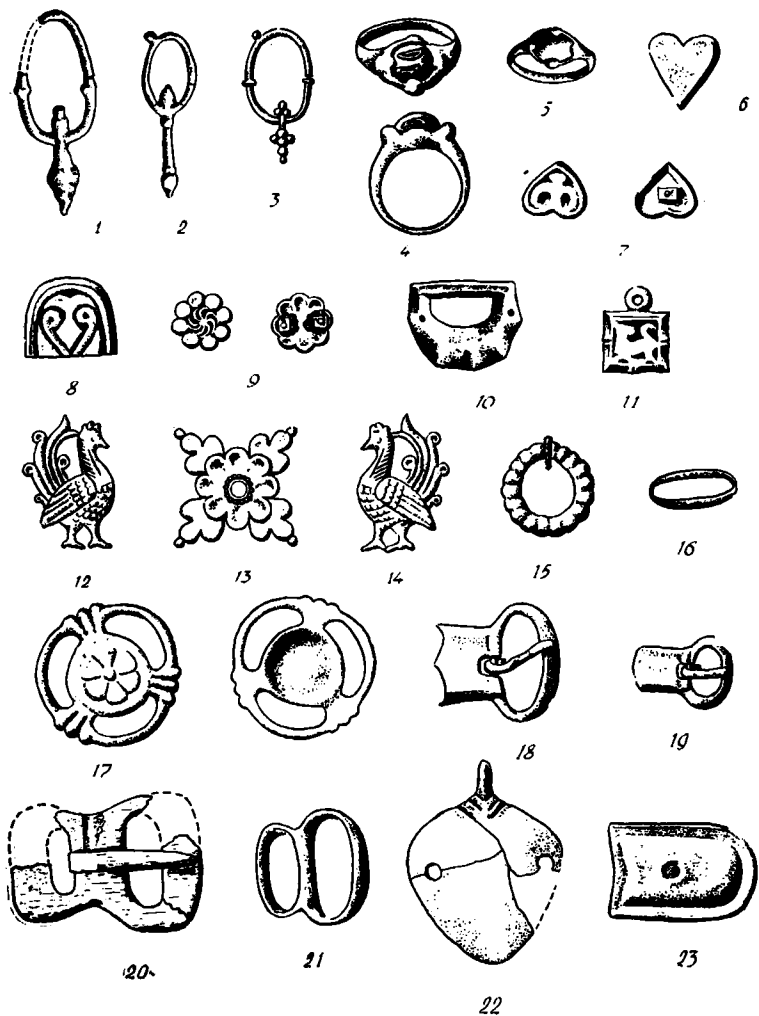

Рис. 3. Металлические и костяные предметы из курганов VIII—IX вв. у дер. Старо-Халидово Башкирской АССР. Раскопки 1963 г.

1—19, 21—23 — металл (серебро, позолота, бронза), 20 — кость.

Подчеремского клада, опубликованными В. А. Городцовым (1937). Рядом с ложкой лежали поясной ремень, сплошь украшенный бронзовыми накладками, и небольшой меч с ножами, обложенными тонкой серебряной пластинкой с орнаментом в виде петель и круглых выпуклин. По форме и размерам он близок к мечу из Веселовского могильника IX—XI вв. на р. Ветлуге, исследованного А. Х. Халиковым и Е. А. Безуховой (1960, стр. 35, рис. 27, 1).

Богатый комплекс украшений содержался в погребении № 15 кургана № 6. Здесь вместе с серебряными серьгами и пряжками салтовского типа найдены 4 ремешных накладки из позолоченного серебра в виде фигуры птицы, скорее всего, фазана (рис. 3, 12, 14). Пятая накладка из того же материала имеет форму розетки (рис. 3, 13). Много накладок прямоугольной формы с ушками по бокам, украшенных изображениями собаки или волка (рис. 3, 11), сердцевидных гладких и с изображением птицы с распростертыми крыльями, по-видимому, орла (рис. 3, 7), накладок в виде розетки и т. п.

Глиняные сосуды найдены в 15 погребениях. Большинство из них имеет чашевидную форму. Некоторые сосуды украшены орнаментированными зигзагами, образующими елочный узор. Своеобразен сосуд из погребения № 22, который по форме и орнаменту может быть сопоставлен с сосудами кушнаренковского типа из памятников турбаслинской культуры. Обломок шейки другого подобного сосуда, но более близкого к кушнаренковскому типу, был найден в кургане № 8 (к сожалению, этот сосуд потерян при транспортировке).

Керамика позволяет связать Старо-Халиловские, а также Мрясимовские и Ишимбаевские курганы с поселениями, где она составляет основной материал. Одно из таких поселений было исследовано в Салаватском районе на берегу р. Юрюзани у санатория Янган-Тау. Керамика поселения в целом сходна с керамикой курганов, но значительно богаче и разнообразнее. Для поселения характерны небольшие открытые круглодонные чаши (60%), орнаментированные насечками, образующими зигзаги, елочки, крючки и т. п. Найдены также четыре сосуда кушнаренковского типа и обломки от двух сосудов серого цвета, изготовленных на гончарном круге. Последние, по-видимому, болгарского — нижекамского — происхождения.

Многочисленные серьги и пряжки салтовского типа, браслеты, перстни, стремена и многие другие предметы позволяют датировать Старо-Халиловские курганы VIII—IX вв. Эта дата подтверждается находкой в погребении № 6 (курган № 6) медной монеты, которая чеканена, по мнению С. А. Яниной, в государстве Аббасидов во второй половине VIII в.

В материалах Старо-Халиловского могильника имеется ряд элементов, свидетельствующих о принадлежности всех исследованных в 1963 г. памятников древним башкирским племенам. Так, накладки в виде вихревой розетки встречаются только на Урале. Почти полное повторение этого своеобразного узора можно увидеть на башкирских декоративных лентях (Авижанская, Кузеев, 1962, стр. 353, рис. 8а). В орнаментальном искусстве современных башкир широко распространены узоры в виде розеток, спиралей, сердца, близкие аналоги которым мы находим на металлических накладках из Старо-Халиловских курганов. Что касается накладки с изображением фигур животных (собаки или волка) и птиц, то они, по-видимому, являются изображением древних тотемных животных. Отметим, что у горных башкир встречаются уникальные цельные деревянные цепи с фигуркой волка на конце. Изображения волка или другого животного, близко напоминающие подобные фигурки на башкирских цепях, мы видим на ремешных накладках из Старо-Халиловских курганов.

Раскопанные экспедицией 1963 г. памятники по особенностям культуры относятся к малоизученным в археологии Южного Урала I тысячелетия н. э., хотя аналогичных памятников на этой территории распространено, очевидно, немало. Таковы Синеглазовские курганы близ г. Челябинска, исследованные в 1906 г. Н. К. Минко и в 1959 г. В. С. Стоколосом. Опубликованные материалы из этого могильника: перстень, подвеска, браслет, удила и стремени, — полностью повторяют форму вещей из памятников, исследованных экспедицией 1963 г. Судя по отчету Н. К. Минко, некоторые раскопанные им курганы носили, подобно Старо-Халиловским, коллективный характер и содержали до

3—4 костяков, лежащих в почвенном слое (Стоколос, 1962а, стр. 168). Подобные коллективные курганы были раскопаны Р. Г. Игпатьяевым в прошлом столетии вблизи г. Миасса.

Вещевой материал и погребальный обряд тюркоязычных кочевников южных степей Восточной Европы отличаются сравнительным единообразием, чему способствовали подвижной образ жизни и постоянные перемещения больших этнических групп на широких территориях. Но культура памятников Южного Урала конца I тысячелетия н. э. наравне с чертами, общими для многих тюркоязычных племен, имеет свои особенности, что видно на материалах Старо-Халиловских курганов. Поэтому Южный Урал этого периода можно рассматривать как особую археологическую область, имеющую некоторые своеобразия в материалах памятников. Нельзя в связи с этим не вспомнить Ибн-Фадлана, который выделял башкир Южного Урала из окружающих тюркоязычных племен: болгар, гузов и печенегов, подчеркивая своеобразие их культуры. Публикуемый археологический материал служит хорошей иллюстрацией к описанию Ибн-Фадлана. Следовательно, башкирские племена уже в то время представляли территориально обособленное этническое объединение под современным названием.

М. С. АКИМОВА

ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ БАШКИРИИ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ*(предварительное сообщение)*

История формирования современного башкирского народа представляет сложный процесс. Можно согласиться с положением С. И. Руденко (1955, стр. 330), что не может быть речи о едином типе, характерном для всех башкир. Народ этот образовался в результате смешения разнородных как монголоидных, так и европеоидных племен. Ярким доказательством этого служит антропологический состав современных башкир.

С. И. Руденко (1916, стр. 264—284) в результате исследований, проведенных в 1916 г., выделил три области с населением, отличающимся особыми антропологическими признаками: восточную, юго-западную и северо-западную.

Башкиры восточной области отличаются наиболее интенсивной пигментацией, круглоголовостью, большой шириной лица, иными пропорциями тела. При относительно длинном туловище у них короткие ноги. В целом башкиры этой области по своему типу приближаются к казахам и киргизам.

Башкиры северо-западной области отличаются менее интенсивной пигментацией, относительно большой длиннголовостью, более узким лицом. Эта группа башкир приближается к восточно-финским народностям.

Башкиры юго-западной области занимают как бы промежуточное положение по указанным признакам.

Если принять во внимание, что каждая из выделенных областей подразделяется на районы с населением, различающимся по некоторым признакам, то станет еще более ясным сложный антропологический состав башкирского народа. Такая разнородность обусловлена тем обстоятельством, что территория современной Башкирии, как и все Приуралье и Зауралье, с давних пор была зоной смешения европеоидного и монголоидного типов.

Как же представляется происхождение башкир по археологическим данным? Прежде всего следует отметить, что с давних времен территория северной и южной Башкирии была населена племенами различных культур. Так, на севере Башкирии в эпоху бронзы были распространены памятники абашевской культуры, а позже — ананьинской. На рубеже нашей эры на основе ананьинской развивается пьяноборская культура. К V—VIII вв. относятся памятники бахмутинской культуры, которая отражает, с одной стороны,

продолжение развития культуры местных племен, с другой — влияние юга. Между всеми перечисленными культурами, как отмечает А. П. Смирнов (1957, стр. 74), наблюдается преемственность в развитии и генетическая связь между племенами — носителями этих культур. Население ананьинской и пьяноборской культур, по установившемуся среди археологов мнению, принадлежало к финно-уграм.

Иной путь развития прошли племена, заселявшие южную часть Башкирии. Здесь в эпоху бронзы жили группы северных ираноязычных племен, носители андроновской и срубной культур. В I тысячелетии до н. э. на основе этих двух культур развивается савроматская, а позже сарматская культура. Развитие сарматской культуры продолжалось в степях Урала и Поволжья непрерывно на протяжении тысячелетия — с VI в. до н. э. по IV в. н. э.

Таким образом, по крайней мере до середины I тысячелетия н. э. ясно прослеживаются различия в культурном развитии населения юга и севера Башкирии. Племена северной части были связаны с областью Прикамья, южной — со степным югом.

Дальнейшая история формирования населения Башкирии связана с проникновением на ее территорию различных кочевых племен. Все это не могло не отложить отпечаток на современный состав башкирского народа.

Какие же антропологические компоненты легли в основу физического типа башкир? С. И. Руденко (1955, стр. 351) допускает этническую связь древних башкир с тиссагетами Геродота для северо-западной территории Башкирии и савроматами и ирками для южной и восточной территории.

Физический тип тиссагетов, указывает С. И. Руденко, был европеоидным, но имел значительную примесь монголоидного компонента восточного происхождения. Он высказывает предположение, что какая-то часть тиссагетов говорила на одном из древних тюркских языков (Руденко, 1955, стр. 328).

О башкирах, как единой группе племен, по мнению С. И. Руденко, можно говорить только с первых веков I тысячелетия н. э. Проникновение южных племен, особенно со времени великого переселения народов, не могло не отразиться в какой-то мере на физическом типе башкир. Однако, пишет С. И. Руденко, ни контакт с северными финно-угорскими племенами, ни проникновение на территорию Башкирии гуниских, позднее татаро-монгольских и казахских племен, а также народов с Запада, коренным образом не изменили ни физического типа, ни языка, ни быта башкир (С. И. Руденко, 1955, стр. 351).

Таким образом, из всех высказываний С. И. Руденко можно сделать заключение, что в основе антропологического типа башкир лежит тип тиссагетов и сармат. У тех и других С. И. Руденко отмечает наличие монголоидной примеси.

С. И. Руденко отвергает гипотезу об угорском (финском) происхождении башкир. По его мнению, можно говорить только о примеси угорских элементов у части северных башкир.

Несколько иную картину формирования башкир рисует А. П. Смирнов (1957, стр. 74). Этот автор также отводит большую роль в процессе сложения башкир северным племенам, носителям ананьинской, позже пьяноборской и бахмутинской культур. Племена этих культур, согласно распространенной точке зрения, принадлежали не к тюркам, как предполагает С. И. Руденко, а к финно-уграм. Значительное место в образовании башкир играли и южные племена, которые, начиная по крайней мере с эпохи бронзы, проникали в северные районы. Движение на север особенно усилилось с эпохи великого переселения народов. Новые волны сармат внесли изменения в этнический состав населения северной части Башкирии. Часть местных финно-угорских племен ушла на север — на Каму, часть осталась на месте. Памятники бахмутинской культуры, генетически связанной с пьяноборской, свидетельствуют о дальнейшем развитии культуры финно-угорских племен (Смирнов, 1957, стр. 104).

Начиная с IV в. н. э. большие изменения произошли и в южной части Приуралья. Здесь появился много новых разновременных памятников, отражающих смешанный этнический состав населения.

Выделяется группа курганов, часть которых можно условно связать с башкирами. Датируются эти курганы VII—IX вв. Собственно башкиры населяли первоначально юго-восточную часть современной территории Башкирской АССР. К X в. они расселились по всей Башкирии и дали свое имя остальным племенам, обитавшим в бассейне р. Белой. Башкирские племена были одной из последних волн кочевников, занявших эту территорию. Еще до появления башкир на этой территории часть населения была тюркизирована и, по-видимому, здесь уже господствовал тюркский язык.

Подводя итог, А. П. Смирнов (1957, стр. 105) пишет, что в башкирах следует признать пришлый народ, смешавшийся с местными народами финно-угорской языковой системы, которые несколько раньше были тюркизированы пришельцами — болгарями.

Как же освещаются эти вопросы по антропологическим данным? В настоящее время нет возможности проследить процесс сложения башкирской народности на всех этапах ее истории из-за отсутствия достаточного антропологического материала. Сбор его только начался, и пока имеются лишь отрывочные данные, относящиеся к небольшому отрезку времени.

В нашем распоряжении имеются следующие материалы:

- 1) серия черепов III—II вв. до н. э. из сарматского могильника, раскопанного около дер. Ст. Кишки, Кармаскалинского района;
- 2) серия черепов из Камышлы-Тамакского могильника II—I вв. до н. э. — I в. н. э., раскопанного в 1961 г. около дер. Камышлы-Тамак, Бакалинского района;
- 3) серия черепов V в. н. э. из Кушнаренковского могильника;
- 4) серия черепов IV—VI вв. из Бирского могильника.

Сарматская серия, состоящая из 10 мужских и 10 женских черепов из Кишкинского могильника, является в общем европеоидной. Она характеризуется крупными размерами длины и ширины мозговой коробки при малом размере высоты (см. табл.). По черепному указателю серия относится к группе брахикраних. Лицо низкое и довольно широкое. Профилировка его в горизонтальной плоскости умеренная. Выступление носа сильное, переносе высокое. По некоторым признакам эта серия сближается с астраханской, описанной Г. Ф. Дебецом (1948, стр. 168). Объединяет эти две группы небольшая высота лицевого и мозгового отделов черепа, брахикрания, одинаковая скуловая ширина. Однако по продольному и поперечному диаметрам наблюдаются значительные различия, так что об аналогии этих двух групп говорить не приходится. Возможно, дальнейшее накопление материала позволит выделить в локальный вариант серию из Кишкинского могильника.

Европеоидное население на территории современной Башкирии к югу от Уфы сохраняется и в более позднее время. Об этом свидетельствует материал из Стерлитамакского позднеаналогического могильника, который Р. Б. Ахмеров датирует VIII в. Материал из этого могильника, описанный Т. А. Трофимовой (1952, стр. 56—65), очень небольшой и фрагментарный, но он позволяет сделать заключение об отсутствии монголоидной примеси в населении, оставившем этот могильник. Вполне возможно, что это потомки более ранних сарматов, живших на территории Башкирии.

Следовательно, материал из указанных двух могильников позволяет говорить о наличии европеоидного населения на территории Башкирии к югу от Уфы в период II в. до н. э.—VIII в. н. э. Отражает ли этот материал в полной мере антропологический состав населения южной Башкирии? Вероятно, нет. Разнообразие археологических памятников второй половины I тысячелетия говорит о неоднородности и этнического состава населения. Сборы палеоантропологического материала с южных районов Башкирии позволят ответить на этот вопрос.

При рассмотрении антропологического материала по сарматам естественно возникает вопрос, какую роль сыграли сарматы в сложении физического типа башкир? Как указывалось выше, С. И. Руденко считает сарматов одним из основных компонентов, участвовавших в формировании башкир. Учитывая имеющиеся антропологические данные, такое представление о роли сарматов нам кажется преувеличенным. В самом деле, современные башкиры, особенно южных районов, в своем составе несут значительную долю монго-

лоидного элемента. Сарматские же серии черепов с территории Западного Казахстана, разных мест Поволжья и Украины не имеют монголоидных черт. Следовательно, надо полагать, что в Башкирии имело место значительное проникновение в сарматскую среду тюркского монголоидного элемента. Когда и как долго протекал этот процесс, покажут дальнейшие исследования.

Теперь обратимся к материалам северных районов Башкирии. Если не считать очень скудных данных об ананьинских черепах из Уфимского могильника, приведенных в статье Р. Б. Ахмерова (1952, стр. 39), наиболее ранней является серия черепов из Камышлы-Тамакского могильника пьяноборской культуры. Эта серия, включающая 17 мужских и 12 женских черепов, характеризуется длинной и узкой мозговой коробкой, долихокранией, средними размерами лица, сильной его профилированностью, высоким перепошем (см. табл.). По всем перечисленным признакам исследованную серию можно отнести к европеоидному типу, но довольно слабое выступание носа свидетельствует о наличии монголоидной примеси. Об этом же говорит и уплощенность лицевого скелета на некоторых черепах. Население, оставившее Камышлы-Тамакский могильник, было близко к населению пьяноборской культуры Прикамья, известному по костным остаткам из Чегандинского и Ныргиндинского могильников на территории южной Удмуртии (Акимова, 1961, стр. 130). Можно полагать, что население пьяноборского времени, в основе своей европеоидное, происходило от местных племен, издавна живших в этих краях. Преобладание европеоидных черт у этого населения подтверждает высказанное автором (Акимова, 1961, стр. 133) положение о том, что проникновение монголоидных племен в предшествующую — ананьинскую — эпоху было незначительным и не оставило заметного следа в последующих поколениях. В состав населения ананьинской, а затем и пьяноборской культуры входили местные племена.

Следующими по времени памятниками, давшими костные остатки человека, являются Каратамакский и Бирский могильники.

Из Каратамакского могильника имеется всего пять черепов: четыре мужских и один женский, причем только на одном возможно было взять все размеры. Такой небольшой и фрагментарный материал не позволяет дать антропологическую характеристику населению, оставившему этот могильник. Но все же с большой долей вероятности можно говорить о наличии монголоидной примеси в его составе. Основанием для такого заключения служит череп 2 из погребения № I, который отличается чрезвычайно сильной уплощенностью лица при небольших размерах его.

Из Бирского могильника за два года раскопок получено 29 мужских и 20 женских черепов. Сопоставление этих черепов с камышлы-тамакскими (см. табл.) показывает некоторые различия, свидетельствующие о смещении местного населения на севере Башкирии в середине I тысячелетия н. э. с пришлыми группами. По всем основным признакам наблюдается тенденция к увеличению монголоидности па бирских черепах: увеличение размеров лица, особенно его ширины, уплощенность всего лицевого отдела, понижение переносы, увеличение высоты орбит. Различия по указанным признакам наблюдаются как на мужских, так и на женских черепах, что делает их еще более достоверными. Эти небольшие изменения в антропологическом типе дают основание предполагать появление на севере Башкирии в середине I тысячелетия н. э. нового населения, характеризующегося монголоидными чертами. Новое население следует связывать прежде всего с восточными районами, а именно с Западной Сибирью. Имеющиеся с этой территории, правда единичные, черепа из Козловского и Персейминского могильников IV—V вв. имеют монголоидные черты (Золотарева, 1957, стр. 246—250). Далее эта связь может быть продолжена на юго-восток, на территорию лесного Алтая, к верхнеобской культуре, население которой также характеризуется монголоидным комплексом признаков (Алексеев, 1954, стр. 63—69). Монголоидные племена, по-видимому, доходили до Камы. Об этом свидетельствует большая монголоидность черепов из Мазунинского могильника по сравнению с черепами из Сайгатского и Ижевского могильников, занимающих более северное положение. К какой этнической группе — уграм или тюркам — принадлежали пришлые племена, сказать трудно, так как собственно древнеугорские черепа неизвестны.

СРЕДНИЕ РАЗМЕРЫ И УКАЗАТЕЛИ ИССЛЕДОВАННЫХ ЧЕРЕПОВ

Признаки	Пыльчоская			Базумтинская			Саратовская			Базумтинская			Саратовская			
	Камышлы-Ташинский			Бирский			Кушарен-Ковский			Камышлы-Ташинский			Бирский			
	II в. до н. э. - I в. н. э.			IV-VI вв.			V в.			п. до н. э. - I в. н. э.			IV-VI вв.			
	N	M	M	N	M	M	N	M	M	N	M	M	N	M	M	
1. Продольный диаметр	17	189,3	22	182,6	4	186,5	7	184,1	11	183,6	13	173,7	5	177,6	9	178,6
8 Поперечный диаметр	17	134,2	23	139,8	4	139,5	8	151,4	11	130,6	12	136,4	5	134,0	9	145,0
17 Высотный диаметр	15	136,6	16	136,6	4	135,0	7	129,3	10	125,6	9	128,3	4	130,5	6	127,5
5 Длина основания черепа	12	103,8	16	102,2	5	101,8	7	97,4	9	95,6	9	96,1	5	98,1	6	99,5
9 Наименьшая ширина лба	17	98,2	23	96,4	5	96,6	11	97,7	10	93,9	14	94,5	7	98,3	9	95,1
8:1 Черепной указатель	17	71,0	22	76,8	4	74,9	8	83,2	11	72,5	11	78,2	5	76,5	9	81,3
17:1 Выотно-продольн. указатель	15	72,4	16	74,8	4	72,4	6	71,1	10	69,4	9	74,3	4	74,1	6	72,0
9:8 Лобно-теменной указатель	18	73,0	23	69,1	4	68,8	9	65,1	10	72,2	12	69,6	4	68,7	8	64,8
40 Длина основная лица	11	97,5	19	96,3	4	92,8	6	96,8	9	92,8	10	93,6	5	97,2	6	96,5
45 Скуловая ширина	15	133,9	26	136,2	4	134,0	9	137,1	8	122,6	15	123,4	7	125,6	8	134,6
48 Верхняя высота лица	17	71,5	27	72,0	5	70,0	10	67,4	11	64,8	17	66,5	7	67,3	10	66,6
51 Ширина орбиты	16	42,7	27	42,0	4	42,6	10	43,2	10	39,3	15	40,7	7	41,2	9	42,4
52 Высота орбиты	13	32,4	28	33,4	5	32,0	10	33,4	11	32,4	17	32,0	7	33,3	10	32,6
54 Ширина носа	17	25,5	27	25,8	5	23,5	10	24,7	11	25,6	15	25,2	7	24,5	10	24,3
55 Высота носа	17	52,5	27	52,6	5	51,0	10	49,4	11	48,6	16	49,2	7	50,0	10	49,3
DS Дакриальная высота	8	12,60	17	11,95	3	12,90	10	12,81	5	12,00	12	10,18	6	10,90	6	11,38
SS Самотинская высота	10	4,30	19	3,65	4	5,10	7	4,26	6	4,40	13	3,15	6	3,90	7	3,97
Зигомалиарный угол	17	138,5	27	140,6	5	136,0	9	143,0	10	140,0	17	143,3	7	136,0	10	142,5
Зигомаксиллярный угол	16	126,9	25	131,8	5	124,0	8	133,5	9	127,6	14	130,5	6	122,7	9	133,1
32 Угол лба	17	84,2	22	82,0	4	82,0	9	83,1	10	86,4	19	83,3	5	84,6	10	83,7
5 (I) Угол носовых костей и линии профиля	10	23,2	17	25,0	4	37,8	7	31,7	7	18,1	11	21,4	5	26,6	7	28,0
8:45 Верхний лицевой указатель	16	53,0	25	53,0	4	52,7	9	48,8	8	52,3	15	52,1	7	53,6	8	49,4
4:55 Носовой указатель	17	48,8	27	49,1	5	46,6	10	50,3	11	52,2	15	51,4	7	49,9	10	49,4
2:51 Орбитный указатель	14	75,1	27	79,3	4	74,6	10	77,4	9	81,6	15	79,4	7	80,9	9	75,8
DS: DS Дакриальный указатель	8	57,0	17	50,9	3	59,4	7	64,6	5	59,6	12	46,3	6	53,5	6	54,8
SS: SC Самотинский указатель	10	54,0	19	42,9	4	61,1	7	57,6	6	47,2	15	38,6	6	45,2	7	50,3

В населении, оставившем Бирский могильник, возможно также южное влияние, что подтверждается наличием деформированных черепов.

Синхронным Бирскому является Кушнаренковский могильник. Имеющиеся 5 мужских и 7 женских черепов из этого памятника отличаются от бирских резкой выраженностью европеоидных черт, особенно в мужской серии.

Особенностью кушнаренковских черепов является сильная горизонтальная профилировка лица, средние размеры его, высокое переносье, сильное выступание носа (см. табл.). Правда, в женской серии на некоторых черепах имеется небольшая уплощенность лица, умеренное выступание носа. Эти черепа можно сопоставить с черепами из Камышлы-Тамакского и Бирского могильников. Создается впечатление, что часть населения, оставившего Кушнаренковский могильник, была местной, находящей аналогии в предшествующее время; другая часть населения, очевидно, была пришлой.

Особенности черепов из Кушнаренковского могильника позволяют с уверенностью говорить о том, что население, оставившее его, в отличие от населения, оставившего Бирский могильник, принадлежало к другому антропологическому типу. Наибольшее сходство кушнаренковские черепа обнаруживают с черепами Салтовского могильника (Алексеев, 1959, стр. 86—87). Это дает основание предполагать проникновение на территорию Башкирии в середине I тысячелетия н. э. и южных племен, что прослеживается и на археологическом материале. Пришлые племена, как отмечает А. П. Смирнов (1957, стр. 104), частично вытеснили местное население, заняв его территорию, а затем ассимилировались в нем. Вполне возможно, что Кушнаренковский могильник как раз и является таким памятником, где происходил процесс смешения пришлого и местного населения.

Приведенный антропологический материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Население северной Башкирии рубежа нашей эры характеризовалось не резко выраженными европеоидными чертами и по типу было близко к населению пьяноборской культуры Прикамья. Своим происхождением оно связано с предшествующим ему местным населением. Этот тип, по-видимому, и являлся основным компонентом в сложении северных башкир.

2. В середине I тысячелетия н. э. на севере Башкирии происходили значительные изменения в этническом составе населения. Можно предполагать проникновение монголоидных племен с востока, которые, смешавшись с местным населением, дали некоторый сдвиг в сторону увеличения монголоидной примеси.

Одновременно с движением населения с востока имело место проникновение европеоидных групп с юга, о чем свидетельствует антропологический материал из Кушнаренковского могильника.

3. Юг Башкирии в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. был заселен сарматами, относящимися к европеоидной расе. Позже, очевидно, во второй половине I тысячелетия н. э., здесь появляются тюркские племена, которые и явились основным компонентом, принявшим участие в образовании физического типа южных башкир. Этот процесс из-за отсутствия материала пока проследить невозможно.

4. Антропологический тип населения Башкирии последующих столетий остается неизученным из-за отсутствия, за исключением единичных черепов, антропологического материала.

Чтобы проследить дальнейшую историю формирования современных башкир, необходимо продолжить сбор палеоантропологических материалов.

Н. В. БИКБУЛАТОВ

ТЕРМИНОЛОГИЯ И СИСТЕМА РОДСТВА БАШКИР

(общая характеристика)

Впервые номенклатура родства башкир была описана С. И. Руденко. В его монографии дается перечень почти всех основных башкирских терминов родства и свойства, записанных им в различных районах Башкирии (Руденко, 1925, стр. 253—256). Наиболее полный свод башкирской терминологии родства и ее лингвистический анализ содержится в статье Х. Г. Юсупова «Термины родства в башкирском языке» (Юсупов, 1959, стр. 123—135). Некоторые особенности башкирской терминологии и системы родства освещены также в работах Т. Г. Баишева, Р. Г. Кузеева и Дж. Г. Киекбаева (Баишев, 1955, Приложение, табл. I; Кузеев, 1957, стр. 39; Киекбаев, 1960, стр. 35 и далее).

В историко-этнографическом плане система родства башкир изучена недостаточно. Предлагаемая работа является по существу первой попыткой дать общую историко-этнографическую характеристику башкирской системы родства; она ставит задачей раскрыть основные принципы построения этой системы, определить ее отношение к системам родства других народов алтайской и отчасти уральской семьи и объяснить происхождение некоторых ее особенностей.

В основу статьи легли полные исследования автора, проведенные в 1959—1962 гг. в составе этнографических экспедиций Института истории, языка и литературы БФАН СССР. Были использованы также фонды диалектологических экспедиций института. В распоряжении автора оказался материал, охватывающий почти всю территорию расселения башкир и отражающий все основные диалектные варианты терминов родства. Данные по терминологии и системе родства других народов извлечены из опубликованных этнографических и лингвистических работ, а также из двуязычных русско-национальных и национально-русских словарей.

* *

подавляющее большинство башкирских терминов родства имеет групповое значение и охватывает широкий круг родственников, выходящий далеко за рамки индивидуальной семьи. Например, термин *агай* означает старшего брата любой степени родства, младшего

брата (любой степени родства) отца или матери, но старше говорящего и, наконец, вообще родственника или даже односельчанина старше говорящего и младше его родителей. Таковы и многие другие термины. Как видно, в башкирской терминологии родства довольно явно выступают черты классификационных систем.

Классификационный характер системы родства сочетается у башкир с выделением индивидуальными терминами отца (*атай*), матери (*әсәй, инәй, әнәй*), мужа (*ир, кейәу*), жены (*бисә, катын, кәләш*) и младшего сына (*кинйә, кинйә ул, төбсөк ул*). Нередко термином *кинйә* или *төбсөк* с прибавлением слова *кыз* (дочь, девочка, девушка) обозначают также младшую дочь.

Боковые линии слиты с прямой линией родства, хотя можно заметить следы различия в недавнем прошлом потомства женской ветви родственников. Родственники по отцу и родственники по матери обозначаются одними и теми же терминами (табл. 1).

Таблица 1

Групповые термины родства

Поколенно-возрастные группы	Возрастной состав групп	Родственные отношения	Термины родства
I	Дед, бабушка по материнской и отцовской линии и родственники старше их	1. Прадед; дед; старшие братья деда и бабушки; другие категории родственников и односельчане этого возраста. 2. Прабабушка; бабушка; старшие сестры деда и бабушки; другие категории родственников и односельчане этого возраста.	<i>олатай, карттай</i> (сев.-вост. ¹ , ю.-зап., челяб. Заур., центр.) ¹ , <i>бабай</i> (зап.) <i>оләсәй, картнай</i> (сев.-вост., ю.-зап., центр., челяб. Заур.), <i>әбей</i> (зап.), <i>әсәй</i> (ю.), <i>картыкай</i> (зап.)
II	Родственники старшие родителей и молодые деда и бабушки	1. Младшие братья деда и бабушки; мужья младших сестер деда и бабушки; старшие братья отца и матери; мужья старших сестер отца и матери; другие родственники и односельчане этого возраста. 2. Младшие сестры деда и бабушки; жены младших братьев деда и бабушки; старшие сестры отца и матери; жены старших братьев отца и матери; другие родственники и односельчане (женщины) этого возраста.	<i>бабай, апа</i> (ю.-вост.) <i>олатай</i> (ю.-вост.), <i>зур атай</i> (сев.-зап.), <i>абый</i> (зап.) <i>әбей, инәй</i> (ю., ю.-вост.), <i>тутай</i> (зап.)
III	Родственники старше говорящего, но моложе его родителей	1. Младшие братья отца и матери; старшие братья говорящего; односельчане этого возраста. 2. Младшие сестры отца и матери; старшие сестры говорящего; односельчане (женщины) этого возраста. 3. Жены родственников, перечисленных в п. 1. 4. Мужья родственников, перечисленных в п. 2.	<i>ағай, абый</i> (зап.), <i>абый</i> (зап.) <i>апай, тутай</i> (зап.) <i>әкә</i> <i>әзнә</i>

¹ Сначала даны термины, принятые в литературном языке. Затем приведены диалектные термины с указанием в скобках района бытования. Фонетические варианты литературных или диалектных терминов не приводятся.

По-оленно-возрастные группы	Возрастной состав групп	Родственные отношения	Термины родства
IV	Младшие братья и сестры говорящего; дети представителей II—III групп (моложе говорящего), их мужья и жены	<ol style="list-style-type: none"> 1. Младшие братья говорящего; племянники (дети старших братьев и сестер) моложе говорящего; односельчане моложе говорящего, но старше его детей. 2. Младшие сестры говорящего; племянницы (дочери старших братьев и сестер) моложе говорящего; односельчане (женщины) моложе говорящего, но старше его детей. 3. Жены родственников, перечисленных в п. 1. 4. Мужья родственников, перечисленных в п. 2. 	<p><i>эне, кусты</i> (ю.-вост.), <i>мырза</i> (ю), <i>туған</i> (ю.-зап.)</p> <p><i>һеңле, кәрендәш</i> (вост.);¹ <i>туған</i> (центр.)</p> <p><i>килен</i></p> <p><i>кейәү</i></p> <p><i>ул(ым), малай</i></p>
V	Дети и внуки говорящего; дети и внуки родственников, входящих в гр. IV; внуки родственников, входящих в гр. III	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сын и внук говорящего; сыновья и внуки младших братьев и сестер говорящего; сыновья и внуки младших племянников и племянниц говорящего; лица значительно моложе старшего сына (или дочери) говорящего. 2. Дочь и внучка говорящего; дочери и внучки младших братьев и сестер говорящего; дочери и внучки младших племянников и племянниц говорящего; лица значительно моложе сына (или дочери) говорящего. 3. Жены родственников, перечисленных в п. 1. 4. Мужья родственников, перечисленных в п. 2. 	<p><i>кыз(ым)</i></p> <p><i>килен</i></p> <p><i>кейәү</i></p>

В то же время башкирская система довольно четко и последовательно различает так называемое кровное родство и свойство, т. е. родство по браку. В терминах родства как по крови, так и по свойству обязательно различается пол называемого лица.

Основным принципом вертикальной (по восходящей и нисходящей линиям) классификации родственников (кроме лиц, обозначаемых индивидуальными терминами) является их возраст по отношению к возрасту говорящего, его родителей, деда и бабушки. В соответствии с этим родственники говорящего подразделяются на пять возрастно-поколенных групп.

Первую (верхнюю) группу составляют дед и бабушка как по отцовской, так и по материнской линии, а также родственники и односельчане старше деда и бабушки. Термины для этой группы, будучи явно классификационными, различают родственников только по полу)

Во вторую группу входят родственники моложе деда и бабушки, но старше родителей: младшие братья и сестры деда и бабушки, старшие братья и сестры (всех степеней родства)

¹ *Һәрендәш* называется только младшая сестра или племянница мужчины.

отца и матери, а также другие категории родственников и односельчане этого возраста. Сюда же входят мужья и жены родственников указанных категорий. Характерно, что и в этой группе говорящий не различает родства по крови и свойству. Жена старшего брата отца или матери он называет так же, как и родную или двоюродную сестру отца или матери. Одинаковыми терминами обозначаются также старший брат отца или матери и муж старшей сестры отца или матери и т. д.

Третья группа состоит из родственников старше говорящего, но моложе его родителей: младших братьев и сестер (всех степеней родства) отца и матери, старших братьев и сестер (всех степеней родства) говорящего и других родственников этого же возраста. Сюда относятся также по возрастной классификации мужья родственниц и жены родственников: мужья старших сестер или теток, жены старших братьев или дядей. Но в пределах этой группы термины различают не только пол называемого лица, но и его принадлежность к числу родственников или к числу кровных родственников по свойству. В результате мы имеем четыре термина: два — для обозначения «кровных» родственников и два — для свойственников. Родство и свойство с такой же последовательностью различаются и в последующих нижних группах.

Четвертая группа охватывает младших братьев и сестер любой степени, младших племянников и племянниц говорящего — потомство второй и третьей групп. Группа включает также две категории свойства — жен и мужей перечисленных родственников и односельчан.

Пятая группа — это собственные дети и внуки говорящего, а также дети и внуки его младших родственников, включая их жен и мужей. Характерно, что родственники по свойству в четвертой и пятой группах имеют одинаковые названия.

По возрастано-поколенному принципу классифицируются и родственники мужа или жены. Термины свойства делят их на три группы, первая из которых соответствует первой и второй группам родства, вторая — третьей группе, третья — четвертой.

Как видно из табл. 2, принципиальной разницы в классификации «своих» родственников и родственников жены (мужа) не имеется. Наиболее существенное различие заключается в том, что пяти поколенно-возрастным группам родственников соответствует всего лишь три группы свойственников. Однако мы имеем достаточно оснований утверждать, что те и другие группы когда-то совпадали. Между третьей и четвертой группами родства и второй и третьей группами свойства можно ставить знак равенства. Отсутствие терминов свойства для нижней (пятой) группы родственников жены (мужа) обусловлено самим характером терминов для обозначения родственников. Если я называю одинаково старшего брата отца или матери и мужа старшей сестры отца или матери, то тем самым обязан обозначать одинаковыми терминами детей своих младших братьев и сестер, с одной стороны, и детей младших братьев и сестер своей жены — с другой. К тому же жена говорящего детей своих младших братьев и сестер называет так же, как и своих собственных. Вполне логично, что и муж будет называть их своими «детьми». Таким образом, различия в классификации «своих» родственников и родственников жены (мужа) сводятся, главным образом, к тому, что две верхние группы родственников объединены в терминах свойства в одну группу. Но в терминах родства содержится довольно ясные указания на то, что две верхние группы родства составляли когда-то единое целое и соответствовали верхней группе свойства. В частности, сложные термины для деда, бабушки и их старших братьев и сестер, включая жен и мужей этих братьев и сестер, в переводе означают «старший отец», «старшая мать», «старый отец», «старая мать» и т. д. Очевидно, существующая классификация родственников жены (мужа) сложилась в тот период, когда в системе родства башкир было не пять, а четыре возрастано-поколенной группы. Отсюда следует и другой вывод, а именно: в то время как в системе родства происходили довольно крупные перемены, классификация свойственников оставалась почти неизменной. В этом плане классификация свойственников, будучи сравнительно молодой частью системы родства, отражает довольно древнее ее состояние.

Иначе классифицируются родственники мужа и жены при взаимном обращении — друг к другу. Всех мужчин — родственников жены независимо от возраста — родня мужа

Классификация родственников жены и мужа

Группы свойственников	Возрастной состав группы	Родственные (свойственные) отношения	Термины свойства
А. Говорящий — мужчина			
I	Родители жены, родственники жены старшего поколения	<p>1. Отец и дед жены; младшие братья деда и бабки жены; старшие братья отца и матери жены; мужья старших сестер родителей жены и младших сестер деда и бабки жены.</p> <p>2. Мать и бабушка жены; младшие сестры деда и бабки жены; старшие сестры отца и матери жены; жены старших братьев родителей жены и младших братьев деда и бабки жены.</p>	<p><i>кайна, бабай</i> (центр. зап.)</p> <p><i>кэйнэ, эбей</i> (центр., зап.)</p>
II	Родственники жены старше нее, но моложе ее родителей	<p>1. Младшие братья отца и матери жены; старшие сестры жены; родственницы и односельчане (женщины) жены этого возраста.</p> <p>2. Младшие сестры отца и матери жены; старшие сестры жены; родственницы и односельчане (женщины) жены этого возраста.</p> <p>3. Жены родственников жены, перечисленных в п. 1.</p> <p>4. Мужья родственников жены, перечисленных в п. 2.</p>	<p><i>кайнага, абый</i> (зап.)</p> <p><i>кэйнбикэ, түтэй</i> (зап.)</p> <p><i>кэйнэйцэгэ, ецэгэ</i> (зап.)</p> <p><i>бажа</i></p>
III	Младшие родственники жены	<p>1. Младшие братья жены; племянники жены (дети ее старших братьев и сестер) младше нее; односельчане жены моложе нее.</p> <p>2. Младшие сестры жены; племянницы жены (дочери ее старших братьев и сестер) моложе нее; односельчане (женщины) жены моложе нее.</p> <p>3. Жены родственников жены, перечисленных в п. 1.</p> <p>4. Мужья родственников жены, перечисленных в п. 2.</p>	<p><i>кэйнеш, балдыу</i> (сег. — вост., челяб. Заур.)</p> <p><i>балдыу</i></p> <p><i>килен</i></p> <p><i>бажа</i></p>
Б. Говорящий — женщина			
I	Родители мужа, родственники мужа старшего поколения	<p>1. Отец и дед мужа; младшие братья деда и бабки мужа; старшие братья отца и матери мужа; мужья старших сестер родителей мужа и младших сестер деда и бабки мужа; односельчане мужа старше его родителей.</p> <p>2. Мать и бабушка мужа; младшие сестры деда и бабки мужа; старшие сестры отца и матери мужа; жены старших братьев родителей мужа и младших братьев деда и бабки мужа; односельчане (женщины) мужа старше его родителей.</p>	<p><i>кайна, бей ата</i> (зап.), <i>эткай</i> (зап.)</p> <p><i>кэйнэ, бей (ем)</i> (ю.— вост.), <i>бей ана</i> (зап.), <i>энкай</i> (зап.), <i>инэй</i> (центр.)</p>

¹ Термин *бей(ем)* индивидуальный.

Группы свойственников	Возрастной состав группы	Родственные (свойственные) отношения	Термины свойства
II	Родственники мужа старше него, по моло- же его роди- телей	<ol style="list-style-type: none"> 1. Младшие братья отца и матери мужа; старшие братья мужа; родственники и односельчане мужа этого возраста. 2. Младние сестры отца и матери мужа; старшие братья мужа родственницы и односельчане (женщины) мужа этого возраста. 3. Жены родственников мужа, перечисленных в п. 1. 4. Мужья родственниц мужа, перечисленных в п. 2. 	<p><i>кайнага, бей агай</i> (сев.-зап.), <i>абый</i> (сев.-зап.)</p> <p><i>кайенбика, бика</i> (ю.-зап.), <i>апа</i> (зап.), <i>ту-тэй</i> (сев.-зап.)</p> <p><i>еңәә, аһын</i> (за глаза), <i>килендәш</i> (за глаза)</p> <p><i>кайенбегән, еңә</i> (зап.)</p>
III	Младшие род- ственники мужа	<ol style="list-style-type: none"> 1. Младшие братья мужа; племянники мужа (дети его старших братьев и сестер) моложе него; односельчане мужа моложе него. 2. Младшие сестры мужа; племянницы мужа (дочери его старших братьев и сестер) моложе него; односельчане (женщины) мужа моложе него. 3. Жены родственников мужа, перечисленных в п. 1. 4. Мужья родственниц мужа, перечисленных в п. 2. 	<p><i>кайнеш, кайенне</i> (че-ляб. Заур.), <i>тәнәй</i> (сев.-вост.), <i>жанагай</i> (сев.-зап.)</p> <p><i>кайенһеңле, бикәс</i> (ю.-вост.), <i>кыззар</i> (сев.-вост.)</p> <p><i>килен, аһын</i> (за глаза), <i>килендәш</i> (за глаза)</p> <p><i>кейәу</i></p>

называет *коза*. Женщины же подразделяются на две категории: *козагай* и *козаса*. *Козагай* — это мать и бабушка невестки (снохи), другие ее родственницы старшие родителей, а также жены ее старших и младших братьев и младших братьев ее родителей. *Козаса* называется старшие и младшие сестры невестки (снохи), ее племянницы, младшие сестры ее родителей. На первый взгляд может показаться, что различие между этими двумя категориями чисто возрастное. Современное поколение башкир обычно так и воспринимает их, причисляя более пожилых женщин к категории *козагай*, а молодых — к категории *козаса*. Нередко при записи этих терминов между информаторами возникают оживленные споры, в которых почти всегда берут верх пожилые люди. Между тем нетрудно заметить, что единственным критерием различения *козагай* и *козаса* была их родовая принадлежность. *Козаса* — это сестры и дочери *коза*, женщины, родившиеся в роде невестки (снохи), это класс возможных невест для представителей противоположного рода. *Козагай* — это жены и матери *коза*, женщины, пришедшие в данный род из какого-либо другого рода. Наличие двух категорий женщин в одном роде — следствие патрилокальных браков. Устойчивые термины для них свидетельствуют о древности патриархальных начал в башкирском роде.

Термины для сватов и сватий взаимные. Они одинаково приложимы к родителям и родственникам зятя.

Выделенные группы учитывают и поколенные различия. Старшие братья и сестры родителей в этой схеме отделены от братьев и сестер говорящего. Точно так же верхняя часть поколения дедов и бабок составляет иную группу, чем поколение родителей. Поколение говорящего, по крайней мере его верхняя часть, отделено от поколения детей и внуков. Но идея поколений проведена далеко не полно и не точно. Младшие братья и сестры родителей объединены в одну группу со старшими братьями и сестрами говорящего. Так же объединены между собой старшие братья и сестры родителей и младшие братья и сестры деда и бабушки; младшие братья и сестры говорящего и племянники и племянницы говорящего и т. д. Каждое поколение, кроме поколения внуков, разбито на две части между двумя смежными группами, а каждая группа, в свою очередь, состоит из представителей двух

и более поколений. В результате грани между поколениями стираются и счет поколений приобретает «скользящий» характер. Соотношение поколений и возрастно-поколенных групп, правда несколько упрощенное, хорошо видно в предлагаемой схеме (рис. 1).

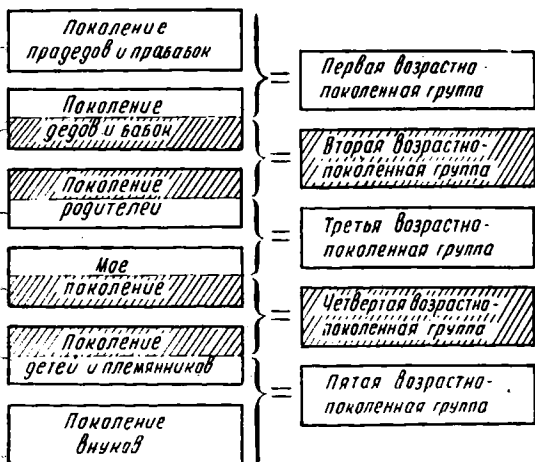

Рис. 1. Соотношение поколений и возрастно-поколенных групп.

одной стороны, перед нами индивидуальные термины для основных представителей семьи; с другой — классификационный характер системы, а именно: обозначение групповыми терминами родственников различных степеней родства, представителей разных поколений и даже лиц, родственные связи которых с говорящим фактически не прослеживаются. Такая двойственность системы образовалась, очевидно, сравнительно недавно в результате обособления терминов «мать», «отец», «муж», «жена». Башкирская родственная номенклатура сохранила следы того состояния, когда отец и мать обозначались групповыми терминами. Как ни странно, у башкир нет единого термина «мать»: у одних башкир мать называется *эсэй*, у других — *инэй*. В тех районах, где мать называют *эсэй*, термином *инэй* обозначают тетку старше матери и отца. Следовательно, термин *инэй* означал раньше одновременно и мать и старшую тетку. Позднее, с выделением матери индивидуальным термином, это слово сохранилось у одних этнических групп в значении «мать», у других — «тетка старше матери», но всюду оно сохранило одно из старых значений. Отсутствие устойчивого общенародного термина для обозначения матери характерно и для других тюрко-монгольских народов. По два и более термина имеется у казахов (*ана, апа, эже, шеше*), киргизов (*апа, эне*), каракалпаков (*апа, эне*), бурят (*ижи, шиби*), монголов-халхасцев (*ээжэ, эхэ*) и др. (Русско-казахский словарь, 1946; Н. Р. Дыренкова, 1927; А. Джумагулов, 1960, стр. 86—98; Народы Средней Азии и Казахстана, I, 1962, стр. 495; К. В. Вяткина, 1962, стр. 230—237; С. П. Балдаев, 1960)¹. У тех же или у других народов эти термины часто

Такова вкратце система родства башкир. У различных этнографических групп башкир имеются некоторые отклонения от этой схемы. В ряде районов наблюдается тенденция выделить поколения прадедов и внуков, индивидуализировать термины для деда и бабки, в чем нельзя не видеть дальнейшее развитие поколенно-семейного начала в системе. Встречаются случаи, когда одинаковыми терминами обозначаются старшие и младшие братья родителей (северо-западная Башкирия), но в одну категорию с ними попадают и старшие братья говорящего и младшие братья деда и бабки. Однако эти отклонения не нарушают основных принципов построения системы.

В системе родства башкир прежде всего бросается в глаза ее двойственность: с

¹ По терминам родства бурят, кроме книги С. П. Балдаева, мы располагаем сведениями, предоставленными нам старшим научным сотрудником Бурятского комплексного института СО АН СССР И. Е. Тугутовым.

обозначают также тетку или другие категории женщин-родственников. Отсюда нетрудно убедиться, что у тюрко-монгольских народов индивидуальные термины для обозначения матери были выработаны сравнительно поздно, при этом за матерью был сохранен или старый классификационный термин «мать», или одно из прежних названий различных категорий родственников.

Термин «отец» у башкир также был классификационным. Параллели башкирских терминов *бабай* и *ала*, применяющихся для обозначения старшего брата отца и младшего брата деда, у ряда других народов алтайской семьи означают отца или одновременно отца и дядю по отцу. Кроме того, слово *ала* в значении «отец», «предок» мы находим в орхон-енисейских надписях (С. Е. Малов, 1952, стр. 40—42 и др.). Следовательно, термины *бабай* и *ала* и у башкир могли быть общим термином для отца и его братьев. Кстати, одинаковые названия для отца и его братьев сплошь и рядом встречаются у народов Средней Азии. В частности, у киргизов термином *ата* обозначаются и отец, и его старшие братья. Весьма примечательно, что некоторые группы киргизов до смерти деда называли отца *аке*, а после смерти деда — *ата* (Н. П. Дыренкова, 1927, стр. 9—10), в чем нельзя не видеть выражение неустойчивости термина «отец».

Как видно, в более отдаленном прошлом башкирская система родства принадлежала к числу типичных классификационных систем. Но к какому типу классификационных систем она относилась?

Родственные системы тюрко-монгольских народов Сибири, Средней и Центральной Азии принадлежат к числу турано-ганованских и строго различают родственников по отцу, по матери и особо выделяют потомство женской ветви родственников (Н. П. Дыренкова, 1927, стр. 7—25, 1926; А. Джумагулов, 1960, стр. 86—98; К. Л. Задыхина, 1952, стр. 397—403; Т. А. Жданко, 1952; Народы Средней Азии и Казахстана, I, 1962, стр. 495; А. П. Дульзон, 1954, стр. 59—94; С. П. Балдаев, 1960, стр. 9—12, 19 и др.; К. В. Вяткина, 1962, стр. 230—237), тогда как в башкирской системе, как отмечалось выше, боковые линии слиты воедино с прямой линией родства. В этом башкирская система наиболее близка к татарской, отличающейся от башкирской в основном фонетическими различиями терминов. Но в то же время мы располагаем сведениями, которые подтверждают бесспорную однотипность башкирской системы в прошлом с системами тюрко-монгольских народов Сибири и Средней Азии.

В языке башкир сохранились фактически вышедшие из обихода термины *ейән* (*жыян*), *ейәнсар* (*жыянсар*), *булә*, *буләсар*, *тыуа*, *тыуасар*. В книге Т. Г. Баишева (1955, Приложение, табл. 1) они трактуются как парные термины для обозначения внука и внучки, правнука и правнучки, праправнука и праправнучки. В такой трактовке эти термины вошли впоследствии и в работы С. И. Руденко (1955, стр. 266), Р. Г. Кузеева (1957, стр. 35) Х. Г. Юсупова (1959, стр. 128—129). Слово *ейән* в значении «внук» утвердилось в башкирском литературном языке. Однако эти термины имели иное значение. Во многих районах восточной, центральной и юго-западной Башкирии население и ныне называет *ейән* сына или дочь сестры, а также сына или дочь дочери. При этом, как правило, подчеркивают, что так называли детей женщины не только ее родители и братья, но и все ее односельчане. «Наш *ейән ул*, *ейән ул* нашей деревни», — говорят односельчане о детях женщины, вышедшей замуж в другую деревню. Дети *ейән*, т. е. внуки этой женщины, для ее родственников и односельчан являются *ейәнсар*. Термином *булә* в восточных районах обозначали детей сестры матери, точнее так обращались друг к другу дети двух сестер. Дети *булә* назывались *буләсар*.

Примечательно, что эти термины с небольшими фонетическими различиями в том же значении бытуют в языках тюрко-монгольских народов Сибири и Средней Азии. Башкирские *ейн* и *ейәнсар* имеют свои параллели в казахском (*жиен*), каракалпакском (*жиен*, *жиеншер*), узбекском (*жиен*), киргизском (*жээн*, *жээнчэр*), чулымско-татарском (*чин*, *шин*), бурятском (*зээ*, *зээнэр*) и других языках. Всюду эти термины обозначают детей сестры, дочери и вообще потомство женской ветви родственников по отцу. Термин *ейән* в форме *jāgin* зафиксирован также в памятниках енисейских тюрков (С. Е. Малов, 1952, стр. 84).

Находят свои аналоги и термины *була*, *буласар*. В значении «дети и внуки сестер» они известны в системах родства каракалпаков (*буле*), казахов (*буле*), киргизов (*буле*), алтайцев (*була*), хакасов (*буле*), чулымских татар (*була*), бурят (*була*, *булэнсар*)¹.

Значение терминов *тыуа* и *тыуасар* у башкир, по-видимому, забыто окончательно. Можно предположить, что и здесь мы имеем дело с одной из боковых ветвей родственников. Если даже это предположение не подтвердится, оно не изменит общей картины. Мы имеем достаточно оснований утверждать, что в прошлом башкирская система, как и системы тюрко-монгольских народов Сибири и Средней Азии, различала отцовскую и материнскую линии родства и истомаства женской ветви родственников по отцу. Следовательно, ей были присущи все основные черты классификационных систем турано-ганованского типа. Все это еще раз подтверждает правоту Л. Я. Штернберга, который писал, что в итоге предварительных исследований в Сибири он пришел к несомненному убеждению, что тюрки и монголы тоже прошли через стадию турано-ганованской системы брака (Штернберг, 1933, стр. 158).

В результате слияния отцовской и материнской линий родства, при сохранении группового значения большинства терминов, в башкирской системе выявились, притом довольно четко, малайские черты. В этом нельзя не видеть одно из подтверждений выдвинутого в этнографической науке тезиса о вторичном характере малайской системы и ее производности от турано-ганованской (С. А. Токарев, 1929, стр. 23—53; А. М. Золотарев, 1940, стр. 144—149; Д. А. Ольдерогге, 1951, стр. 28—66).

Однако упрощение туранской системы у башкир не привело к образованию малайской системы в ее классической (гавайской) форме, ибо у башкир еще до слияния боковых линий родства были выработаны индивидуальные термины для родителей, мужа и жены. В результате башкирская система, еще не порвав окончательно с особенностями турано-ганованских систем, наряду с классификационными малайскими признаками, выработала в себе черты описательных систем. Кстати, обособление терминов для отца, матери, мужа и жены до слияния отцовской и материнской линий родства характерно также для систем родства тюрко-монгольских народов Средней Азии и Сибири, тунгусо-маньчжурских и самодийских народов.

Отсюда вытекает вывод, что малайская система в ее гавайской форме не является универсальной стадией развития родственных систем. По-видимому, турано-ганованские системы при разложении в той или иной мере неизбежно выявляют в себе малайские черты, но это не всегда ведет к образованию малайской системы гавайского типа.

От гавайской системы родства башкирскую отличает еще одна существенная особенность — «скользящий» характер счета поколений. Как известно, в гавайской системе не допускается смешение поколений, в то время как в башкирской младшая ветвь одного поколения объединена в одну категорию со старшей ветвью следующего за ним нисходящего поколения. Такой «скользящий» счет поколений не является особенностью только башкирской системы, он характерен для систем родства тюркоязычных, монгольских, тунгусских, угро-финских и самодийских народов (кроме отмеченных работ см. Л. Я. Штернберг, 1933, стр. 16—18; Н. К. Каргер, 1927, стр. 27—33; А. М. Золотарев, 1939, стр. 62—78; А. Ф. Анисимов, 1936, стр. 5—45; М. Маркелов, 1928, стр. 44—78; Л. А. Файнберг, 1962, стр. 226—237; Г. И. Пелих, 1962, стр. 176—196) и отражает, по-видимому, общие моменты в развитии семейно-брачных отношений у народов урало-алтайской общности. Лишь допуская глубокую древность этого принципа, можно объяснить его общность для столь обширного круга народов, разбросанных на громадной территории, но связанных древним языковым родством.

Смешение поколений является следствием последовательного проведения возрастного принципа и восходит, очевидно, к самым ранним периодам развития общества. В истории

¹ Наиболее полная сводка параллелей терминов *ейэн* и *була*, равно как и других терминов, содержится в работе Л. А. Покровской «Термины родства в тюркских языках». См. сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 11—81.

человечества, по-видимому, был период, когда каждый человек делил своих сородичей только на старших и младших, не различая поколений. При равенстве всех членов рода в осуществлении тех или иных прав предпочтение отдавалось старшим. Каждый человек имел преимущественные права перед младшими и уступал старшим. Различение поколений не имело какого-либо значения, и в одном ряду оказывались представители разных поколений. К тому же различение поколений предполагает счет происхождения, генеалогию, счет индивидуального кровного родства, чего не могло знать раннее родовое общество¹.

Поколенный принцип фактически ознаменовал начало счета происхождения. Не вдаваясь в мотивы этого нововведения, скажем, что всюду оно имело своим следствием включение родителей, прежде всего матери, и их детей в различные возрастные (брачные) классы или группы. По достигалось это двойко. В одних случаях каждая категория родственников «матрелей», «дядей», «теток», «отцов», «детей» и т. д. состояла исключительно из представителей одного поколения, а классификация родственников по возрасту сохраняла свою силу лишь внутри поколения говорящего. Впоследствии это привело к системам родства ирокезско-гиляцкого и гавайского типов и австралийским классам.

В других случаях поколенный принцип был проведен весьма непоследовательно и явился лишь дополнением к возрастному: при отнесении каждого человека к тому или иному классу (категории, группе) решающее значение имела не принадлежность его к определенному поколению, а его возраст относительно возраста говорящего, его матери или отца. Такое скрещение поколенного и возрастного принципов, сохранив смешение поколений, обусловило «скользящий» характер счета поколений. Но поколения все же различались, поскольку родители и дети, а также верхняя часть восходящего и нижняя часть нисходящего за ним поколения относились к разным категориям родства. При матрилинейной филиации это привело к системам родства типа кроу. Как известно, турапо-ганованские системы типа кроу объединяют в один класс племянника и дядю (сына сестры и брата матери), тетю и двоюродную сестру (сестру отца и ее дочь), отца и его племянника и т. д. И это вполне соответствовало правовому положению людей обозначаемых категорий в семейно-брачных отношениях в условиях материнско-родового и авукулатного общества. В частности, племянник занимал одинаковое положение с младшими братьями дяди по матери: он имел право на жену дяди еще при жизни последнего, мог жениться на женщинах класса жен дяди, после смерти дяди наравне с его младшими братьями наследовал его имущество и вдове (Ю. П. Аверкиева, 1961, стр. 40—44 и др.). Как видно, наследственные и брачное право в данном случае понималось как нечто одно и то же.

С переходом к патрилинейной филиации произошла значительная переоценка родственных отношений. Дети мужчины оказались в одном коллективе с ним и его братьями, а дети сестры (племянники) были исключены из членов рода. Но отцовский род долго еще не мог порвать с традициями материнского рода: в нем по-прежнему действовал старый родовый принцип «от старшего к младшему». Каждый член коллектива мог осуществлять то или иное свое право, будь оно имущественное или брачное, лишь после старшего; после смерти последнего он заступал на его место. И наоборот, каждый старший член коллектива, умирая, уступал свое место следующему за ним младшему, но старшему из числа младших. В таких условиях имущество мужчины переходило к следующему за ним младшему брату или племяннику. Дети мужчины могли наследовать наравне с младшими братьями и племянниками отца, а чаще всего ограничивались тем, что наследовали своим старшим братьям, родным и коллатеральным, или младшим братьям отца. Наследственное право и в отцовском роде выступало обычно в форме брачного. Наследуя имущество старшего брата или дяди, младший брат или племянник одновременно наследовали и вдове. Большой интерес в этом

¹ Мысль о более древнем характере возрастного принципа в сравнении с поколенным была высказана впервые в советской этнографии С. А. Токарьевым (1929, стр. 42—43, 46).

плане представляет форма левирата и сорората у народов алтайской языковой семьи. У большинства (а возможно и у всех) тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов после смерти мужчины на его вдове женился или младший брат или племянник, и наоборот, в случае смерти жены мужчина женился на ее младшей сестре или племяннице¹.

Как видно, в отцовском роде алтайских народов в вопросах брака и наследования права каждого человека определялись по возрастано-поколенному принципу: он находился в одном ряду со старшими братьями и младшими братьями отца, т. е. с людьми старше себя и младше своих родителей. В пределах этой категории преимущественно пользовались старшие, а принадлежность к тому или иному поколению не учитывалась. Поколенно-возрастной принцип был довольно гибким и универсальным институтом, им определялось в известной мере и общественное положение людей. Старшинство, т. е. принадлежность к той или иной категории, а в пределах категории — относительный возраст, в патриархальном обществе было одним из обязательных условий при занятии той или иной должности. В итоге мы имеем родственную систему, которая объединяет в одну категорию старших братьев горящего и младших братьев отца, другую — младших братьев и племянников горящего и т. д.

Ряд исследователей «скользящий» характер счета поколений у народов алтайской семьи объяснял браком между лицами разных поколений, а именно между дядей и племянницей (Л. Я. Штернберг, 1933, стр. 151; А. Ф. Анисимов, 1936, стр. 32—34, 43—44; А. М. Золотарев, 1939, стр. 66—69). Это мнение, хотя и отражает несомненную связь между этими двумя явлениями, не может быть признано приемлемым. На самом деле брак между лицами разных поколений (а женитьба на племяннице — разновидность этой формы брака) является лишь конкретным проявлением того принципа, который определил «скользящий» счет поколений.

В процессе борьбы родового и семейного начала в отцовском роде и хозяйственного обособления семьи был учрежден особый институт наследования от отца к сыну, каким явился минорат у народов алтайской семьи. Но наследование было еще настолько не дифференцировано от брачных норм, что зачастую сын вместе с имуществом отца наследовал и его жен, за исключением родной матери. Однако это явление, несмотря на его известное распространение среди тюрков и монголов (А. Н. Бернштам, 1946, стр. 95—96; Путешествия в восточные страны Пяно Карпина и Рубрика, 1957, стр. 26—27, 101), не стало общим правилом и быстро изжило себя. Оно было преодолено, во-первых, отделением способа наследования от норм брака и, во-вторых, тем, что родители и дети входили в разные категории родственников. В результате разложения родового строя, выделения семьи в самостоятельную социально-экономическую ячейку произошло обособление терминов для отца, матери, мужа, жены и младшего сына, расширилась сфера приложения поколенного принципа (у ряда тюрко-монгольских народов были выделены поколения дедов и внуков). Но эти изменения на затронули по существу «скользящего» счета поколений. В свете изложенного нам представляется неверным утверждение, по которому «скользящий» характер счета поколений у народов Сибири явился результатом выделения индивидуальной семьи как хозяйственной ячейки (Л. А. Файнберг, 1962, стр. 232—233). В действительности разделение одного поколения на старших и младших и смещение поколений в вертикальной классификации родственников произошло задолго до обособления индивидуальной семьи. Но выделение семьи, изоляция терминов для родителей и супругов не всегда сопровождаются смещением поколений.

Таким образом, «скользящий» счет поколений соответствует возрастано-поколенному принципу в определении правового положения членов рода, родового подразделения или общины в семейно-брачных отношениях и берет свое начало еще в материнском роде. В

¹ Браки на вдове старшего брата или дяди, по-видимому, являются спутником системы родства со «скользящим» счетом поколений. Такая форма левирата, названная Л. Я. Штернбергом «левиратом чисто тунгусского типа», характерна и для самодийских народов (Л. А. Файнберг, 1962, стр. 233; Г. И. Пелих, 1962, стр. 192).

отцовском роде он был лишь трансформирован в соответствии с изменением положения племянников и детей и с некоторыми изменениями дожил до наших дней.

Между системами тюркских народов имеется большая общность схемы и терминов. Значительно терминологическое и принципиальное сходство между системами тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. В целом родственные системы алтайских народов обнаруживают известную близость к системам угро-финских и самодийских народов как по структуре, так и в области терминологии. В то же время родственные системы этих различных народов находятся на разных стадиях развития, имеют свои особенности, что составляет благодатный материал для сравнительного историко-этнографического и историко-лингвистического исследования. Этот материал при углубленном его изучении даст возможность воссоздать общую схему развития систем родства названных народов за длительный период времени, подтвердить на конкретных фактах связь тех или иных особенностей родственных систем с определенными формами общественных отношений, объяснить природу некоторых неясных принципов классификации родственников.

Б. Г. КАЛИМУЛЛИН

КАРАВАН-САРАЙ

На рубеже сороковых годов прошлого столетия в г. Оренбурге¹ был построен комплекс зданий, известный под названием Караван-Сарай. Это сооружение, ознаменовавшее собой памятную веху в истории культуры башкирского народа, является значительным архитектурно-художественным произведением XIX в.

История строительства Караван-Сарая начинается с обращения оренбургского генерал-губернатора В. Перовского 20 апреля 1836 г. к начальникам башкирских и мещеряцких кантонов. В этом обращении генерал-губернатор отмечал, что «приезжающие в Оренбург по своей надобности и по службе башкиры и мишари не имеют никакого пристанища в городе» и предлагал построить для этого специальное помещение². Обращение, которое заканчивалось призывом сделать пожертвования для строительства в г. Оренбурге «постоялого двора или Караван-Сарая», было благожелательно встречено башкирским населением. За короткий срок в фонд строительства были собраны значительные денежные средства.

Составление проекта было поручено осенью 1836 г. одновременно двум авторам: строителю Казанского университета — архитектору М. Коринфскому и выдающемуся петербургскому архитектору А. Брюллову³. Проект архитектора М. Коринфского при рассмотрении встретил ряд существенных замечаний и был отклонен. В январе 1837 г. для реализации был принят проект, разработанный архитектором А. Брюлловым.

Строительные работы были начаты уже летом 1837 г. Число башкир, занятых на стройке, достигало 1000 и более человек⁴.

Основной корпус был построен к 1842 г., о чем свидетельствуют чугунные таблицы, помещенные под карнизом ризалитов⁵, фланкирующих въезд во внутренний двор. Неко-

¹ В первой половине XIX в. значительная часть территории, населенная башкирами, входила в Оренбургскую губернию, а в г. Оренбурге находилось военно-административное управление башкирами.

² Караван-Сарай. «Башкорт аймагы», 1927, № 3, стр. 35.

³ Архив Брюлловых. Ред. и примечания И. А. Кусасова, СПб., 1900, стр. 191.

⁴ Юдин П. Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае. Русская старина. СПб., 1896, стр. 519; Записки генерал-майора И. В. Чернова, 1825—1902, Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XVIII. Оренбург, 1907, стр. 60.

⁵ Р и з а л и т — выступи стены со всеми ее частями (цоколем, окнами, карнизом и т. д.).

торые помещения верхнего этажа были закончены еще раньше, и уже в декабре 1841 г. они были заняты канцелярией командующего башкиро-мещеряцким войском. Строительство мечети и минарета по одним документам было завершено в 1842, по другим — в 1844 г. Внутренняя отделка мечети и наружная облицовка минарета изразцами заняла еще много времени. Однако к 1846 г. все работы были закончены.

30 августа 1846 г. состоялось торжественное открытие Караван-Сарая.

АРХИТЕКТУРА КАРАВАН-САРАЯ

Караван-Сарай был построен на свободной площадке в некотором отдалении от города. Со временем город разросся, и территория Караван-Сарая оказалась в окружении жилых кварталов. В настоящее время Караван-Сарай находится недалеко от центральной городской площади. Своим главным фасадом и полуоткрытым двором он ориентирован в сторону Паркового проспекта, соединяющего город с железнодорожным вокзалом.

Весь отведенный участок был превращен в парк и огражден каменным забором. К нашему времени парк в своих прежних границах не сохранился, хотя и сейчас он занимает большое место.

Караван-Сарай представляет собой комплекс каменных зданий, состоящий из основного корпуса, мечети и минарета (рис. I). В основу планировочной структуры основного корпуса положен распространенный в русской архитектуре прием планировки зданий с внутренним двором. Конфигурация плана с прямоугольным полуоткрытым в одну сторону двором напоминает, в частности, планы Московского университета (арх. М. Казаков) и почтамта в Ленинграде (арх. Н. Львов), построенного в конце XVIII в. Два других здания вписаны в контур основного корпуса и посажены на его главную ось симметрии, так что восьмиугольная в плане покрытая куполом мечеть образует центр композиции, а устремленный ввысь минарет закрепляет пространственную ось ансамбля со стороны въезда во двор.

Таким образом, все объекты Караван-Сарая трактованы как части единого архитектурного организма. Объемно-пространственное решение комплекса основано на приеме художественного противопоставления энергичной вертикали минарета спокойной горизонтали основного корпуса.

ОСНОВНОЙ КОРПУС

Наиболее крупным по площади и объему зданием комплекса является основной корпус. Он состоит из пяти связанных воедино одноэтажных объемов, образующих в плане П-образную форму: центрального, составляющего задний план, двух боковых крыльев и двух объемов, расположенных перпендикулярно к крыльям и составляющих первый план композиции. Между ними находится полуоткрытый в южную сторону внутренний парадный двор, имеющий близкую к квадрату форму (48 x 53 м) и отделенный от улицы двумя воротами. Здание с планом такой конфигурации в архитектуре носит название монопиль¹.

Корпус имеет значительную протяженность. Если растянуть его периметр в одну линию, то он занял бы расстояние более четверти километра.

В основном корпусе объединены многочисленные и различные по характеру и назначению помещения. Первоначально в здании было предусмотрено училище для башкирских детей с образцовыми мастерскими при нем (слесарной, кузнечной, столярной, малярной, шорно-седельной и др.). Здесь же должны были находиться квартиры для командующего башкирским войском, для временного проживания приезжающих из районов башкир и для обслуживающего персонала.

Общая планировка помещений проста, рациональна и соответствует их утилитарному назначению.

¹ Монопиль — здание, открытое только с одной стороны.

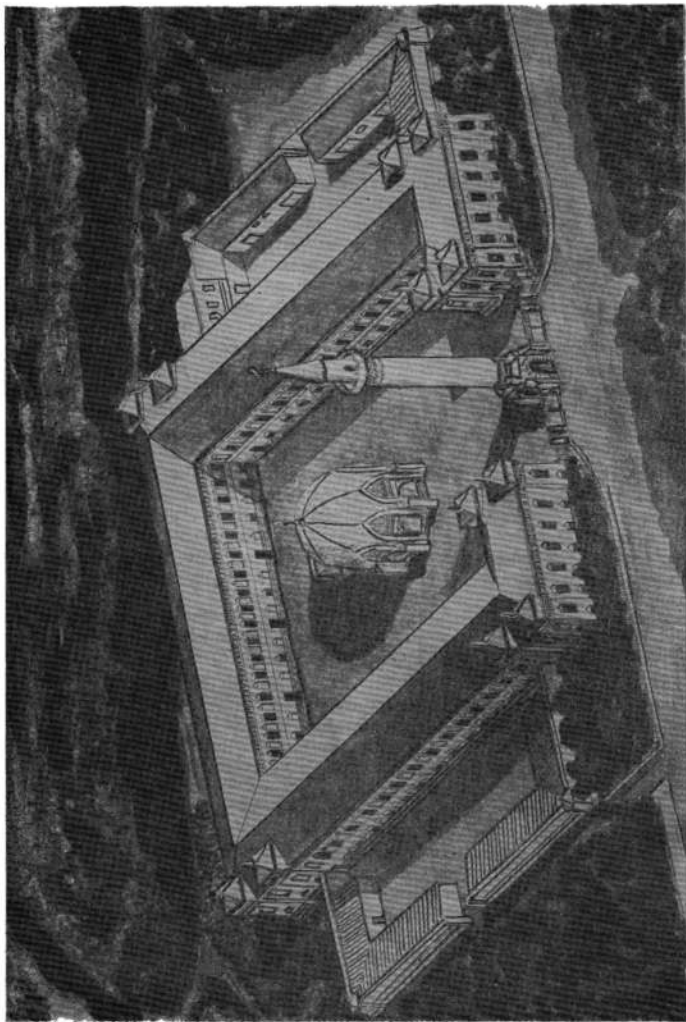

Рис. 1. Общий вид Караван-Сарая.
(Аксуюметрия)

Ввиду того, что в здании должны были разместиться многие разнохарактерные по назначению учреждения, в каждое из них были предусмотрены изолированные входы. Таких входов насчитывается тринадцать. Размещены они равномерно со стороны внутреннего парадного двора: по три на восточной и западной сторонах, пять на северной стороне и по одному на торцах, ориентированных в сторону въездов.

Внутренняя связь между этажами в корпусе осуществлялась пятью лестницами, заключенными в капитальные стены.

Для содержания верховых лошадей и для других хозяйственных нужд имелись особые дворы, примыкающие к главному корпусу с восточной и западной сторон (конюшня, каретник, ледник и т. п.).

Сообщение с ними осуществлялось через арки-проходы, устроенные в первых этажах в каждую сторону; в каждый хозяйственный двор были предусмотрены въезды.

Фасады, выходящие во внутренний двор, решены простыми средствами (рис. 2). По высоте они разбиты на две почти равные части горизонтальными поясками, протянутыми на линии подоконников второго этажа и на уровне междуэтажного перекрытия. Пояски эти сильно подчеркивают общую горизонтальную протяженность фасадов, в силу чего здание зрительно кажется более низким, чем другие объекты комплекса.

По архитектурной обработке первому этажу придан подчиненный характер. Выше сильно рустованного цоколя на глади его стены нет никаких архитектурных элементов и деталей, кроме квадратных окон и входов в здание, размещенных в неглубоких нишах, имеющих очертание шпоровидных арок.

Фасады второго этажа обработаны несколько оживленнее. Прямоугольные окна размером 1,1 x 2,2 м, как и окна первого этажа, углублены в ниши, оформленные в верхней части в виде трехлепестковых арок. Учитывая, видимо, что невысокое здание при редком расположении оконных проемов и обилии гладких стен будет казаться слишком массивным, автор превратил широкие простенки в ложные окна, заключенные в точно такие же арочные ниши.

Трехлепестковые и стрельчатые арки сообщают зданию восточный колорит. Длинный ряд их с узкими промежуточными опорами разбивает плоскость фасадов, облегчает их и вносит оживление. Вместе с тем они роднят здание с другими объектами комплекса. Немного выше арок проходит широкая горизонтальная лента фриза, пробегающая по всему фасаду и состоящая из повторения прямоугольных отступов (ниш) и рамок, разделяющих их между собой. Здание венчает незначительно выступающий карниз простейшего профиля.

В противоположность дворовым внешние фасады не имеют горизонтальных тяг, а поверхность их стен, кроме редких оконных проемов, оставлена гладкой. Особо следует остановиться на решении главного фасада, углы которого удачно акцентированы сужающимися кверху ризалитами, завершенными над крышей небольшими стройными башенками (рис. 3).

Архитектурное значение ризалитов и особенно их верхних завершений состоит в том, что они композиционно завершают протяженные фасады главного корпуса, подчеркивают главную ось комплекса и дают закономерный переход к энергичной вертикали минарета. Верхняя часть ризалитов оформлена своеобразным сталактитовым фризом, а над карнизом поднимаются легкие четырехскатные островерхие крыши, подчеркивающие общую вертикальную устремленность сооружения. Благодаря вогнутости своих скатов кровли этих башен напоминают покрытия прямоугольных лубковых шалашей, используемых в то время в качестве временных переносных жилищ в летних аулах на «йэйлэу».

Другие внешние фасады решены идентично с главным, но по сравнению с ним более сдержанно. Каждый угол здания, как и на главном фасаде, отмечен возвышениями небольших башенок.

Различный подход к решению внешних и внутренних фасадов одного и того же здания, на первый взгляд, может вызвать недоумение. Тем не менее это вполне объяснимо. В центре относительно небольшого двора расположено компактное купольное здание мечети, представляющее основной элемент композиции караван-сарайского комплекса. Имея целью

Рис. 2. Дворовой фасад основного корпуса.

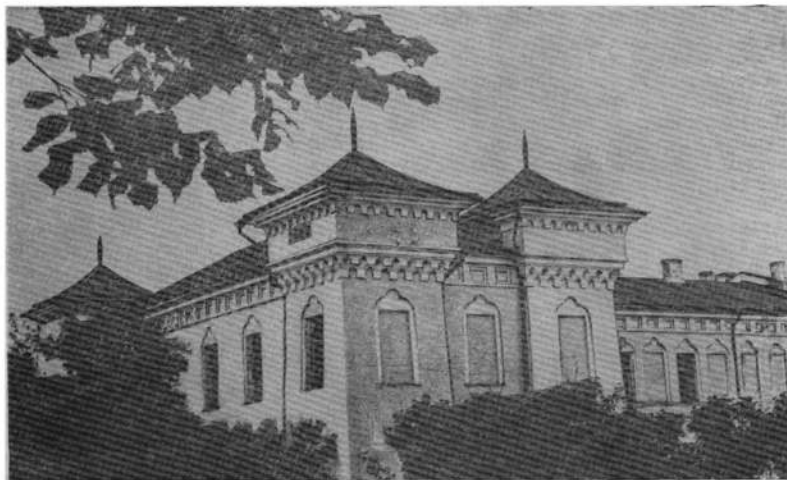

Рис. 3. Угловые башни основного корпуса.

подчеркнуть композиционное значение этого объекта, автор в решении внутренних фасадов, окружающих это здание, применил такие архитектурные приемы, которые придают им подчиненный характер.

Другие условия имел автор при решении внешних фасадов, выходящих в парк, где вблизи нет зданий, с которыми можно было бы сопоставлять и сравнивать их. Поэтому, решая фасады, обозреваемые из парка, архитектор поставил перед собой лишь одну цель — сделать их более приподнятыми и выразительными.

В конструктивном отношении здание решено просто. Наружные и внутренние стены сложены из хорошо обожженного красного кирпича на известковом растворе.

Междустажные перекрытия в большей части выполнены из кирпичных крестовых сводов, опирающихся на наружные капитальные стены и внутренние столбы, остальная часть перекрытий — плоская по деревянным балкам. Капитальные стены снаружи и внутри оштукатурены и окрашены. Помещений с богатой отделкой в здании нет. Все выполнено очень скромно, с соблюдением экономии материальных и декоративных средств.

Многие помещения сделаны проходными, благодаря чему площадь коридоров сведена к минимуму. Всюду устроено печное отопление. Прямоугольные печи расставлены в удобных местах.

Все учреждения объединены в одном корпусе, а мечеть находится посреди внутреннего двора.

Следует, однако, подчеркнуть, что такая композиция плана не вызвана ни назначением помещений, ни соображениями компактной планировки. Можно предположить, что эта схема архитектором была принята потому, что она в известной степени напоминала наиболее распространенные схемы устройства летних башкирских аулов и поэтому была более близка башкирскому народу. В летних башкирских аулах жилища (*тирмэ*)¹ располагались таким образом, что образовывали близкую к кругу или овалу форму плана, в центре которого ставилось жилище старейшины (*оло тирмэ*)². В результате аул представлял из себя полузакмнутый коллективный двор с объединяющим смысловым центром (*оло тирмэ*), на который ориентировались все выходы из отдельных жилищ.

Подобную ассоциацию должны были поддерживать, вероятно, и такие объемно-пространственные элементы здания, как угловые башенки, возвышающиеся над крышей здания и напоминающие легкие летние юрты.

МЕЧЕТЬ

Мечеть представляет собой свободно стоящее, просматриваемое со всех сторон здание, размещенное в центре прямоугольного внутреннего двора Караван-Сарая. По своему значению и занимаемому месту она является центральным элементом этого комплекса.

В плане мечеть имеет форму правильного восьмиугольника, имеющего в поперечнике 12,6 м. Вход в нее размещен с северной стороны. Перед входом устроен легкий тамбур и небольшое прямоугольное помещение вестибюля (3 x 3,5 м), предназначенное для оставления обуви.

В основном гладкие безоконные стены мечети внутри оштукатурены под мрамор, а в углах оформлены пилястрами³, выступающими из стены на 15 см. В промежутке между пилястрами помещены таблицы: они оформлены арабскими письменами — изречениями из корана, выполненными вызолоченными буквами. Над ними — неширокая галерея с точеными балясинами, охватывающая три стороны помещения (рис. 4). Окна помещены в нижней части купола.

¹ Тирмэ — войлочная кибитка, юрта.

² Арх. фонд Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР, научный отчет за 1956 год по теме: Архитектурно-планировочное устройство башкирских деревень, стр. 55.

³ Пилястра — четырехгранная полуколонна, одна грань вделанная в стену.

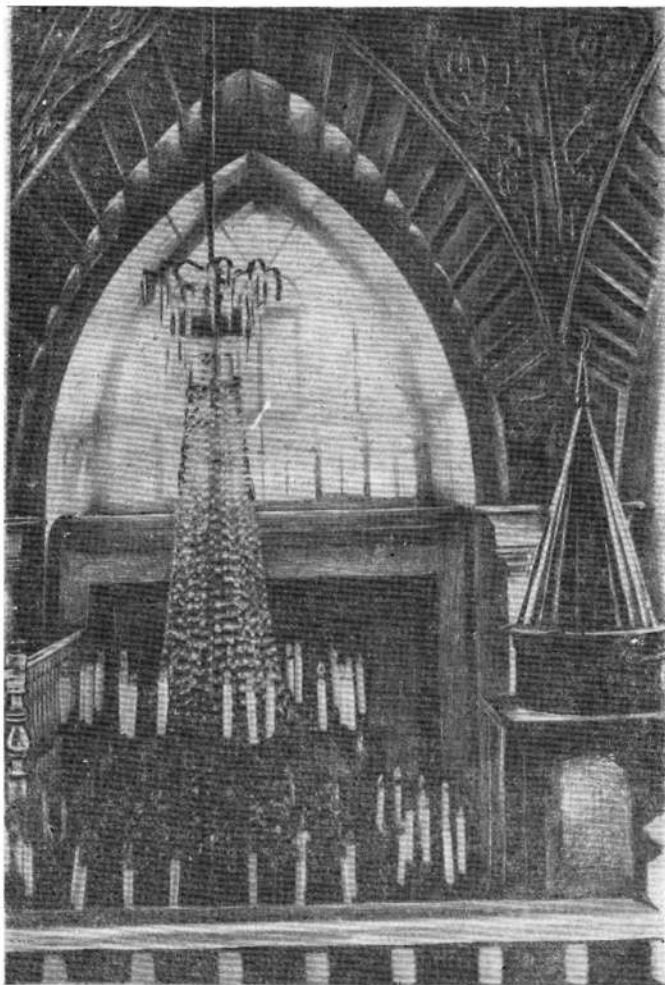

Рис. 4. Внутренний вид мечети.

Распределение основных элементов, оформляющих интерьер (пилястры, арки, членение внутренней поверхности купола и т. д.), имеет органическое единство со структурной основой сооружения. Благодаря этому элементы интерьера дают отчетливое представление о конструктивной схеме сооружения, логической взаимосвязи архитектурного оформления и конструкции. Так, например, пилястры, размещенные в углах, удачно оформляют места стыка двух соседних стен. В то же время они усиливают основную стену на тех участках, которые принимают на себя всю нагрузку и распорные усилия от купола.

Пилястры (шириной в 70 см), не доходя до пята арок, заканчиваются карнизом, составленным из ряда прямоугольных и криволинейных классических обломов. На нем находится расширяющаяся сверху плита, дающая естественный переход от пилястры к аркам.

Пята двух соседних арок в месте стыка объединены попарно и оформлены в виде капители, лицевым сторонам которых придана форма неправильного пятигранника. Поверхность капителей оформлена рельефной лепкой с применением старинных башкирских орнаментов.

Архивольты¹ окон по ширине разделены на две полосы, из них внутренняя, непосредственно опоясывающая окно, оставлена гладкой, внешняя обработана каннелюрами². Просто, но интересно оформлен интерьер купола (рис. 5). Две горизонтальные линии, идущие кольцами, делят сферу купола по высоте на три части. Самая верхняя оформлена в виде неба. В центре на синем фоне помещено сияющее солнце, а вокруг расположились восемь полумесяцев и множество шестиконечных звезд. Средняя часть, заключенная между двумя кольцевыми линиями, разделена тягами, идущими от оси пилястр (в радиальном направлении), на 8 равных полей, идентично оформленных лепными узорами. В центре каждого поля помещена восьмиконечная звезда. Ниже оформление купола составляют арочные окна. Поля между арками (тимпаны) заполнены выпуклыми арабесками и сложными башкирскими народными орнаментальными узорами.

Композиция орнаментов, их место, размеры и детали говорят об умелой творческой переработке архитектором многовековых традиций в области народного орнаментального фольклора. В украшении капители, купола и тимпанов применены, например, изображения в виде знаков интеграла и запятых, которые часто встречаются в резьбе по дереву, аппликациях из сукна и вышивках башкир.

К середине купола мечети подвешена золоченая люстра, убранная многочисленными шестигранными хрустальными призмами. Такие же хрустальные подвески украшали и настенные осветительные арматуры, размещенные по сторонам зала.

Зал был просторен и совершенно луст. Единственный предмет обстановки — небольшая дубовая кафедра с шатровым верхом, увенчанная шпилем и позолоченным полумесяцем, размещалась у южной стены. Кафедра заменяла молитвенную нишу-михраб, откуда во время богослужения мулла произносил проповедь. Простыми лаконичными средствами решены фасады мечети.

Сверху здание увенчано куполом. В своей нижней части он сферичен, а выше принимает слегка конусообразную форму. Купольными опорами служат стрельчатые арки окон, которые передают давление от купола на стены в углы здания. Углы снаружи усилены выступами (контрфорсами) прямоугольного сечения, составляющими со стенами единое монолитное целое. На фасаде они выглядят как приставленные столбы, покрытые сверху кровлей в один скат.

Окна заполнены ажурными металлическими переплетами и разноцветными стеклами. Прорезанные у самого основания купола, они придают его оболочке легкий, невесомый характер. Впечатление легкости усиливают и сверкающие на солнце, словно посеребренные, листы белой жести, которыми покрыто здание.

На вершине купола — небольшой фигурный шпиль, увенчанный полумесяцем — эм-

¹ Архивольты — обрамление около дуги арки (над окном, дверью).

² Каннелюры — желобчатые углубления на колонах, архивольтах и т. п.

Рис. 5. Оформление купола.

блемой магометанской религии. Вся высота мечети от фундамента до верха купола составляет 18,9 м.

Композиционная схема фасадов, как и плана в целом, отличается четкостью и простотой. Все они оформлены совершенно одинаково, и на них нет ничего лишнего. Широкие архивольты, опоясывающие окна и спущенные до цоколя, использованы как единственный мотив архитектурного решения фасадов. Плоскости стен, расположенные ниже окон, по высоте разбиты на три части незначительно выступающими тянутыми филенками. Средние, большие из них на каждом фасаде оформлены в виде пологой стрельчатой арки.

В целом по наружному виду мечеть воспринимается как простейшая композиция, составленная всего лишь из двух элементов: высоких стрельчатых арок с легкими заполнениями и объединяющего их купола. В этой ясности и классической простоте построения состоит одно из архитектурных достоинств мечети.

Как было сказано выше, план мечети представляет восьмиугольник. Нужно отметить, что такая форма плана для мечети является необычной. В странах Востока, в частности в Средней Азии, откуда мусульмане России заимствовали основные принципы планировки и строительства молитвенных зданий, мечети, начиная с небольших и кончая широко известными, имеют прямоугольные планы. Такими являются соборная мечеть Биби-ханым в Самарканде, Калян в Бухаре, Анау в Туркменской ССР и многие другие.

Городские и сельские мечети Башкирии второй половины XIX и начала XX вв. в плане также были прямоугольными; об этом свидетельствуют дошедшие до нас образцы. В связи с этим невольно возникает вопрос, почему для караван-сарайской мечети была принята необычная форма плана.

Среди старожилов-башкир живет предание о том, что их деды, создавшие Караван-Сарай, хотели отразить в нем устройство башкирского летнего аула — *йэйлау*, центром которого, как было сказано выше, являлось круглое в плане *тирма*. Насколько правдоподобным является такое предание и было ли предьявлено подобное требование автору проекта, достоверно мы не знаем. Но исходя из анализа самой композиции Караван-Сарая и архивных документов о ходе проектирования, можно полагать, что какое-то определенное задание, направляющее творческую мысль зодчего, имело место.

Как известно, проект, выполненный архитектором Коринфским, не был принят. Основным мотивом для отклонения его явилось то, что «...строению не дано характера, соответствующего его назначению, и что даже мечеть слишком походит на христианский храм»¹.

В осуществленном варианте само здание мечети формой плана, лаконичностью архитектуры фасадов и силуэтом близко напоминает *тирма*, как бы подтверждающая достоверность приведенного выше предания. Вся тектоника сооружения также говорит за это. Стандартная сборно-разборная *тирма* имела элементарно простую структурную основу. Она состояла всего лишь из двух основных элементов: каркаса стены (*кэрагэ*) и каркаса купола (*сатырма*). После установки весь каркас обтягивался белым войлоком. В плане решетчатая юрта представляла собою шести- или восьмиугольник.

Мечеть по внешнему виду также состоит из двух простых элементов: восьми одинаковых стенок и купола. Кровля купола также четко разделена на восемь частей выступающими гранями (фальцами). Исключение составляет третий конструктивный элемент — контрфорсные столбы. Их не имеет *тирма*, так как в ней распорные усиления от купола погашаются нижним поясом купольного каркаса — *сатырма*.

О стремлении архитектора придать мечети форму *тирма* говорит и такой существенный момент, как исключение обязательной составной части мечети — молитвенной ниши-михраба.

Перенесение традиционной формы плана войлочных *тирма* на постройки из других материалов, особенно деревянных, судя по литературе, рассказам старожилов и кое-где уцелевшим памятникам, в прошлом встречалось довольно часто. Но так как придавать

¹ Караван-Сарай. Оренбург. 1917. стр. 9.

круглый план, особенно деревянным постройкам, с конструктивной точки зрения было неудобно и нелогично, им придавали близкие к кругу восьми- или даже шестигранные формы.

Восьмигранные формы придавались как бревенчатым жилым постройкам, так и культовым сооружениям. В XIX в., в частности на юго-востоке Башкирии, наряду с круглыми войлочными *тирмэ*, получили распространение дощатые, состоящие из шести и восьми одинаковых полотен. Такие *тирмэ*, кроме двери, имели одно или два окна.

О мечети с восьмигранным планом в дер. Старо-Кайпаново, Татышлинского района, имеется упоминание в литературе начала XX в.¹ Другая двухъярусная мечеть, основной зал которой представляет восьмигранник, существует и в настоящее время в Мечетлинском районе².

Круглые и близкие к кругу формы плана, унаследованные от переносных жилищ, отмечены в исторической литературе и у других народов полукочевового образа жизни в прошлом.

МИНАРЕТ

Наибольшая выразительность архитектуры Караван-Сарая сосредоточена в минарете, который по праву следует считать кульминационной точкой караван-сарайского ансамбля. Он представляет собой высокую и стройную трехъярусную башню (рис. 6). Нижний ярус минарета трактован как пьедестал для вышележащей части. В плане по наружному абрису³ он имеет квадратную форму размером 3,5 м. По углам кладка усилена контрфорсами метрового сечения.

На высоте 5,2 м квадратный план переходит в восьмигранник, а затем начинается средний ярус минарета, представляющий по наружному виду многогранную каннелированную колонну, облицованную снаружи блестящими на солнце глазурованными изразцами белого цвета. Колонна эта внутри полая (внешний диаметр ее равен 3,66 м, внутренний — 2,1 м), и в ее центре сложена вторая колонна малого диаметра (68 см).

На высоте 19 м минарет украшен сталактитовым карнизом, выше которого начинается третий завершающий ярус. Здесь минарет принимает цилиндрическую форму. Поверхность этого яруса не облицована глазурью, а просто оштукатурена и побелена. В таком виде минарет продолжен выше карниза еще на 5,28 м и закончен вторым карнизом, который в противоположность сталактитовому сделан еле заметным.

Выше минарет имеет остроконечное завершение в виде конуса, покрытого железом, покрашенным в зеленый цвет. Над ним — высокий шпиль с вызолоченным полумесяцем. Вся высота минарета равна 38,76 м.

В общем построении минарета и в его отдельных архитектурных формах и деталях, материалах и их сочетании видна высокая степень архитектоничности сооружения.

Фасады пьедестала имеют простой и монументальный вид. Со всех четырех сторон на них помещены незначительно отступающие ниши, обрамленные стрельчатой аркой с выдающимися клиньями и швами. С северной стороны предусмотрена дверь для входа в минарет.

Пропорции и характер архитектурной обработки постамента не только выявляют его конструктивную сущность как основы, но и помогают соразмерить высоту минарета с его величиной и ростом человека.

Угловые контрфорсы, скошенные в своей верхней части в виде односкатных кровель, создают плавный переход от квадратного подножия к небольшому восьмигранному аттиковому поясу. Последний, в свою очередь, играет важную роль: он сглаживает переход от монументального основания к многогранному стволу минарета.

¹ Абрамов А. Н. Башкиры. Русский антропологический журнал, 1907, № 3 и 4. М., 1908, кн. XXVII—XXVIII, XX, стр. 21.

² Калимуллин Б. Г. Архитектурные памятники Башкирии, вып. III. Уфа, 1958.

³ А б р и с — очерк, рисунок, контур.

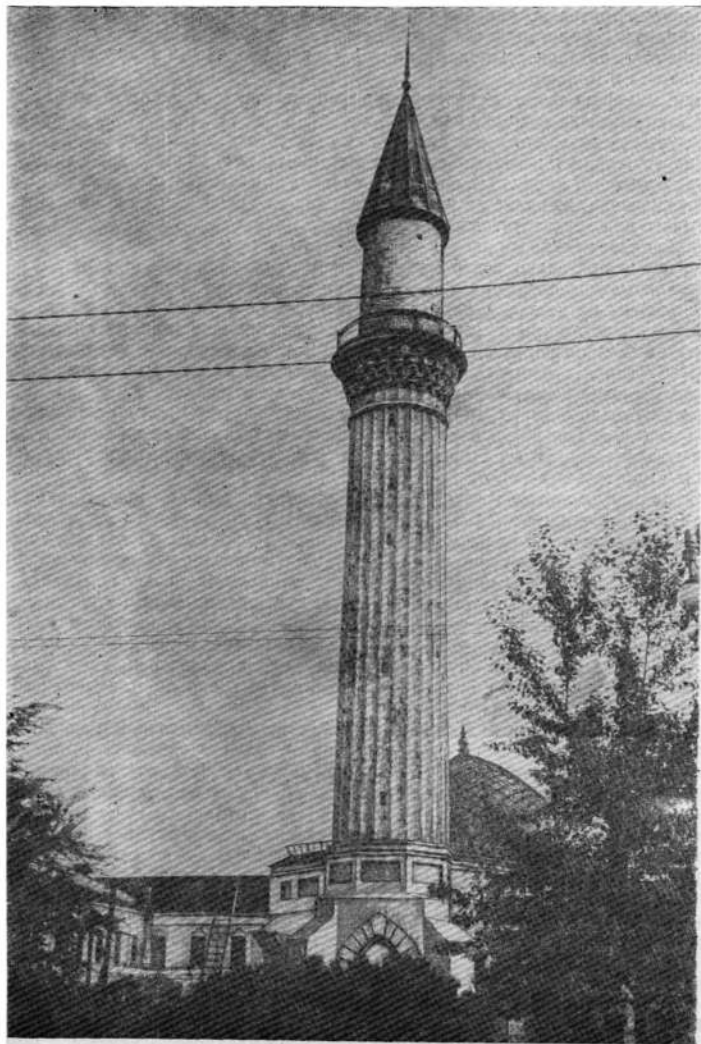

Рис. 6. Минарет.

Верхняя кромка аттикового пояса оформлена в виде тяги, состоящей из прямолинейных обломов. Зрительно они выполняют роль обруча, стягивающего воедино отдельные грани минарета. На поверхности пояса помещены прямоугольные лежащие нишки, подчеркивающие горизонтальность пояса в контраст с вертикальными архитектурными элементами пьедестала и минарета.

Стол минарета имеет 24 грани, оформленные в виде каннелюр, изгибы которых образуют выступающие острые углы.

Следует отметить, что характерным для всех объектов Караван-Сарая, в том числе и для минарета, является гармоническое сочетание архитектуры и декорации. Так, например, сталактитовый карниз, венчающий основной ствол минарета, имеет не только декоративное значение, но является и основанием для галерей, устроенной над ним.

Немного ниже сталактитового карниза ствол минарета охвачен пояском, составленным из двух обломов: валика и полочки. Поясок стягивает в один пучок все грани минарета и в то же время зрительно подготавливает переход к карнизу. Над карнизом минарет окружает легкая галерея, снабженная ажурной металлической решеткой.

Все элементы и детали минарета выполнены с чрезвычайной точностью.

По совершенству пропорций и красоте силуэта минарет является самым выдающимся архитектурным произведением среди всех капитальных сооружений на территории бывшей Оренбургской губернии. Значительно превышая высоту близлежащих зданий, он приобрел значение важнейшей доминанты в окружающем районе.

Как уже было сказано, при незначительном диаметре (3,66 м) минарет вытянут на высоту около 39 м. При такой высоте особенно важно было обеспечить сооружению прочность и устойчивость. Это достигнуто структурой и безукоризненной тщательностью выполнения строительных работ.

Кладка стен пьедестала выполнена из точно отесанных каменных блоков правильной формы. Стены толщиной в 78 см и внутренняя колонна сложены из отборных красных кирпичей. Местами (через каждые два, три и большее число рядов) в кладке устроены каменные пояса из одного ряда точно отесанных блоков, скрепленных между собой железными связями. Для подъема на минарет внутри устроена винтообразная лестница, выходящая вокруг осевой колонны. Тщательно обработанные каменные ступени одним концом заделаны в кладку внутренней колонны, другим — в специальные борозды в наружной стене. Лестница ведет до галерей, охватывающей минарет с внешней стороны на высоте 24,3 м. Внутренняя колонна круглого сечения, доходя до галерей, превращается в квадратный столб. В таком виде она идет выше и служит опорой для верхнего покрытия минарета.

Для освещения лестницы в стене с южной, северной и западной сторон на разных уровнях предусмотрены по четыре прямоугольных узеньких окна. С внутренней стороны окна имеют размер 50 x 30, снаружи 40 x 18 см. Ввиду малых размеров с фасада они почти не видны. Заметить их можно только с близкого расстояния, и то лишь при специальном рассмотрении.

В заключение следует сказать следующее: минарет размещен в отрыве от мечети и представляет совершенно самостоятельное сооружение. Такое отделение минаретов от мечетей было принято в ранний мусульманский период. В поздних примерах, в частности на территории бывшей Оренбургской губернии, отделение минарета от мечети, помимо рассматриваемого, имело место в г. Миассе. Во всех других случаях минареты непременно вкомпановывались в архитектуру мечети и составляли ее неотъемлемую часть.

АНСАМБЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА КАРАВАН-САРАЯ

Каждое здание, входящее в комплекс Караван-Сарая, представляет собой оригинальное архитектурное произведение, простое и удобное в планировке, конструктивном решении и выразительное по внешней архитектуре. Но самое главное и наиболее ценное в нем состоит в соразмерности отдельных частей комплекса, стройности общего силуэта, согласован-

ности всей композиции. Караван-Сарай обладает высокими ансамблевыми качествами.

Как было показано выше, отдельные его здания по своим архитектурным формам резко отличаются друг от друга, но вместе с тем все они решены по единому замыслу. Между ними существует взаимная подчиненность, они дополняют друг друга.

Все три здания — основной корпус, мечеть и минарет — посажены в плане на одну линию, которая является главной осью симметрии комплекса. Связав таким образом все объекты, архитектор подчеркнул их органическую связь и каждому из них отвел особую роль в композиции. Распластаный по горизонтали основной корпус служит как бы основанием для двух других зданий, вертикально устремленных ввысь. Первое из них занимает в комплексе центральное положение и выполняет роль композиционного центра Караван-Сарая, а второе логически завершает композицию.

В распределении архитектурных средств соблюдена определенная закономерность, учитывающая назначение каждого объекта в ансамбле.

Сила архитектуры нарастает от основного корпуса к мечети, а от нее к минарету. Каждый из этих объектов по отношению к предыдущему представляет как бы ступень к совершенству. От одного здания к другому архитектура становится все богаче и выразительнее, формы определеннее, детали рельефнее. На фасадах всех трех зданий повторены стрельчатые арки, совершенно одинаково решены контрфорсные стенки мечети и минарета. Оба эти здания имеют одинаковое венчание своих верхних частей и т. п. Основной корпус с минаретом связывают сталекарнитовые карнизы на ризалитах, полосы фризов и линии горизонтальных членений. Кроме того, основной корпус с двумя другими связывается возвышающимися над ним островерхними башенками, благодаря чему завершено художественное единство сооружений.

Ясное и лаконичное решение фасадов мечети средствами повторения вытянутых стрельчатых арок, сообщающих зданию приподнятость, и, наоборот, примененные подчеркнутых горизонтальных членений в решении дворовых фасадов основного корпуса находят свое оправдание в их назначении. Мечеть как центральное здание выполняет в композиции ведущую роль, а основной корпус — лишь подчиненную: дворовые фасады его, огибая мечеть со всех сторон, создают ей спокойное обрамление. Следует заметить, что при приближении к минарету внешние фасады основного корпуса решены активнее, чем на остальном протяжении, а их ризалиты с башнями создают закономерный переход к уходящей ввысь вертикали минарета.

ПАРК

Караван-Сарай со всех сторон окружен парком, площадь которого превышает 5 гектаров. Создание парка было задумано одновременно с проектированием и строительством зданий и осуществлялось в начале пятидесятых годов.

Устройство парка в степи при резком Оренбургском климате потребовало огромных усилий. Весь посадочный материал для него был взят из башкирских лесов, и весь труд по созданию парка и уходу за посадками также принадлежит башкирам. Как описывают местные краеведы, специальные команды в лесах Стерлитамакского уезда и других местах выкорчевывали многолетние деревья и в громадных кадках доставляли в Оренбург за сто и более километров.

Парк удачно дополняет архитектуру отдельных зданий и весь ансамбль Караван-Сарая. В настоящее время Караван-Сарай окружен парком с трех сторон, а с южной стороны обозревается лишь на близком расстоянии — с соседней улицы. В той части парка, которая лежит на противоположной стороне улицы, произведена перепланировка, в связи с чем оттуда можно видеть лишь общий силуэт Караван-Сарая.

Караван-Сарай как памятник эпохи, как архитектурно-художественное произведение сохраняет свое место и значение среди других ценностей, созданных народным гением.

ПУБЛИКАЦИИ

В. Д. ВИКТОРОВА, В. Ф. ГЕНИНГ, В. Е. СТОЯНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Для решения проблемы периодизации памятников эпохи железа в Зауралье требуются сплошные обследования и раскопки в лесостепном Зауралье и Западной Сибири. На выполнение этой задачи были направлены в 1961 г. усилия Уральской археологической экспедиции, организованной Уральским государственным университетом им. А. М. Горького при участии Свердловского и Курганского краеведческих музеев (начальник экспедиции В. Ф. Генинг). В составе экспедиции в течение всего сезона работала научный сотрудник Курганского музея Т. М. Потемкина.

Полевые исследования Уральской экспедиции проводились тремя отрядами: Тобольским (руководитель В. Ф. Генинг), Исетским (руководитель В. Е. Стоянов) и Туринским (руководитель В. Д. Викторова). Исследования ряда памятников проводились совместно с антропологической экспедицией Московского государственного университета (руководитель экспедиции М. С. Акимова).

В задачу каждого отряда входила организация сплошного археологического обследования сравнительно небольших районов и проведение стационарных раскопок на ряде памятников эпохи железа. Объектами исследований были памятники в среднем течении р. Исети (г. Каменск-Уральский — с. Мехонское), по р. Тоболу в пределах Белозерского района Курганской области, по р. Туре у устья р. Ницы.

Как известно, археологические памятники эпохи железа в лесостепном Зауралье до сих пор изучены очень слабо. Небольшие раскопки на Мысовских курганах у г. Тюмени, проведенные еще в 1929 г. П. А. Дмитриевым, и многолетние исследования К. В. Сальникова на городище Чудаки (Сальников, 1940б, 1947, 1951а, 1952а) — вот те немногие сведения, которыми мы располагали по памятникам раннего железного века. В последние годы К. В. Сальников, опираясь главным образом на разведочные или «попутные» материалы, полученные при раскопках более ранних поселений, сделал попытку выделить в лесостепном Зауралье особую бакальскую культуру середины I тысячелетия н. э. (Сальников, 1956, 1961а).

Совершенно естественно, что при таком состоянии источников в первый год наших работ мы не могли в полевых условиях надежно ориентироваться в материале. Поэтому стационарные раскопки носили в большинстве случаев рекогносцировочный характер.

Разведочными группами экспедиции по рекам Исети, Тоболу, Туре и Нице было обследовано 88 памятников, относящихся, главным образом, к различным периодам эпохи железа, из них — 4 стоянки, 23 селища, 1 вал, 3 грунтовых могильника и 40 курганных групп, содержащих 183 кургана.

Раскопки производились на 21 памятнике. Среди этих памятников 8 могильников: Прыговские курганы, Воробьевские I и II курганы, Шадринские курганы, Макушинские курганы, Мысовской, Катайский и Шушарский грунтовые могильники. Всего вскрыто 36 курганов, под которыми обнаружено не менее 52 погребений, правда, в большинстве оgrabленных.

Исследования проведены также на 6 городищах: Воробьевском, Прыговском, Юдинском, Носиловском, Большом и Малом Бакальском, где вскрыто в общей сложности 1890 кв. м культурного слоя и собрано большое количество вещевого материала.

Хороший материал дали 7 исследованных стоянок и селищ: стоянка Лужки I, Катайское, Речкинское I и II, Юдинское и Кашиинское селище. На этих памятниках вскрыто 2080 кв. м культурного слоя. Исследованные поселения дали ряд интересных объектов: жилищ, хозяйственных и других сооружений и большие керамические комплексы, представляющие на первоначальном этапе нашей работы по систематизации и периодизации памятников лесостепного Зауралья наибольший интерес.

Самый ранний раскопанный экспедицией памятник, селище Лужки I, расположен в Каменск-Уральском районе, Свердловской области, на расстоянии 2,5 км от одноименной деревни, ниже по течению р. Исети. Селище занимает участок низкой надпойменной террасы левого берега, распаханной повсеместно в окрестностях деревни. Площадь сохранившейся части поселения, установленная по распространению подъемного материала, составляет почти 10 000 кв. м, мощность культурного слоя у склона — более 0,5 м.

Поселение обнаружено и впервые раскопано В. С. Стоколомом в 1956 г. Исследования 1961 г. явились продолжением этих работ. Культурный слой селища (раскоп 1961 г.), монолитный по структуре, не членившийся на прослойки, содержал два четко различающихся комплекса находок. Первый представлен некрупными фрагментами плоскодонных сосудов с тщательно заглаженной поверхностью, украшенных горизонтальными желобками (ок. 33,5%), резным и гребенчатым орнаментом в виде наклонных и пересекающихся линий, зигзагов, заштрихованных косоугольных треугольников и ромбов. Описанная посуда очень близка к поселенческой керамике федоровского этапа андроновской культуры.

Второй комплекс представлен также обломками плоскодонных сосудов с обильной примесью слюды и талька, с воротничками и валиками (ок. 46%), резными (68%), по преимуществу зигзаговыми (41%) и крестообразными (22%) узорами по шейке и верхней части тулова. Он в значительной мере близок к поздней (замараевской) керамике Замараевского, Ново-Буринского и других поселений андроновской культуры.

Резкие различия комплексов по форме, орнаментации, составу теста и характеру обработки поверхности сосудов, ряд других наблюдений и аналогий позволяют с достаточной уверенностью относить первый комплекс к федоровскому этапу андроновской культуры, а второй синхронизировать с замараевским.

Из второго (позднего) комплекса в коллекции В. С. Стоколома выделяется незначительное количество обломков сосудов с вертикальной шейкой средней высоты, украшенной валиком, орнаментом чаще всего в виде резного трехзвенового вертикального зигзага и оканчивающейся отогнутым плоским или приостренным венчиком. Судя по сохранившимся обломкам, эти сосуды имели резко расширенное овальное тулово, плоское, иногда, вероятно, округлое или уплощенное дно. По форме, орнаменту и фактуре описанные фрагменты очень близки к керамике городища Чудаки.

В той же коллекции есть несколько обломков, аналогичных керамике городища Чудаки. Это остатки сосудов со сферическим или овальным туловом, круглым дном, высокой, прямой, вертикальной или отогнутой, очень редко слегка вогнутой, шейкой, плоским или отогнутым венчиком. Орнамент, состоящий из двух- или трехзвенового зигзага, покрывает

шейки и плечики сосудов. Стратиграфические условия залегания керамики типа городища Чудаки выяснить пока не удалось.

Большинство исследованных экспедицией памятников относится к раннему железному веку.

Первым периодом раннего железного века (VIII—VI вв. до н. э.) можно предположительно датировать ряд поселений со специфической керамикой, представленной в материалах Носиловского и Прыговского городищ.

В культурном слое Прыговского городища это обломки сосудов с невысокой, плоско-срезанной шейкой, вытянутым туловом и округлым дном. Глина содержит в качестве примеси песок и древесю. Орнамент, занимающий, как правило, горловину и верхнюю часть тулова, выполнен оттиском гребенчатого штампа. Характерной особенностью орнамента этой посуды являются круглоямочные наколы, нанесенные по шейке изнутри и имеющие полусферические выпуклости на наружной поверхности (керамика I типа). Такая же керамика содержится в нижних горизонтах Носиловского городища. Происхождение данного типа сосудов не ясно.

К этому времени относится часть исследованных экспедицией курганных захоронений Прыговского, Воробьевского I и II могильников, расположенных на боровых террасах в бассейне р. Исети.

Найденные в Прыговском могильнике архаические двухлопастные втульчатые и трехгранные черешковые бронзовые наконечники стрел позволяют датировать некоторые захоронения VI—IV вв. до н. э. Часть погребений относится к III—II вв. до н. э. Самые ранние захоронения Воробьевского I могильника датируются V—IV вв. до н. э.; некоторые погребения следует относить к IV—II вв. до н. э.

Исследованные исетские могильники характеризуются рядом своеобразных черт погребального обряда. Подкурганные захоронения находятся в прямоугольных, реже овальных, неглубоких могильных ямах, прорезающих лишь погребенную почву. Почти все ямы ориентированы по линии Ю—С. Погребенные уложены в них вытянуто, на спине, головой к северу. Массивных надмогильных перекрытий, подстилок, подсыпок охры, мела, белой глины в захоронениях не прослеживается.

Столь же своеобразная находимая в захоронениях посуда. Наиболее полная коллекция погребальной керамики собрана на Прыговском могильнике. Это круглодонные сосуды с прямой вертикальной или отогнутой шейкой, оттянутым и отогнутым венчиком. Орнамент чаще всего резной, реже гребенчатый, зигзагообразный, иногда звездообразный, занимающий шейку и плечики сосуда.

Описанные сосуды очень напоминают керамику городища Чудаки. Близкая керамика составляла основное содержание культурного слоя Катайского селища; незначительное количество такой керамики залегало в нижних горизонтах Прыговского городища. Это круглодонные сосуды со сферическим или высоким яйцевидным туловом, высокой прямой вертикальной или отогнутой шейкой, оттянутым или отогнутым венчиком. В глиняном тесте обильная примесь талька (условно керамика III типа).

Жилища с керамикой III типа исследованы на Катайском селище. Селище занимает часть невысокой боровой террасы правого берега р. Исети. Поверхность памятника покрыта несколькими достаточно четкими овальными впадинами, представляющими собой заплывы котлованов древних жилищ. Поселение кратковременное, культурный слой тонок и очень беден находками. Особенно хорошо сохранились остатки первого жилища. Это небольшая прямоугольная полуземляночная постройка с длинным коридорообразным выходом и, вероятно, двускатной кровлей. В центре полуземлянки — очаг, рядом с ним неглубокая яма-кладовка.

На Носиловском городище пласты, содержащие керамику I типа, перекрываются горизонтами с обломками сосудов очень своеобразного облика. Это серые толстостенные сосуды с обильной примесью слюды и талька в глине. Шейки сосудов утолщенные прямые вертикальные или отогнутые с плоскосрезанными венчиками, покрытыми насечками или оттисками гребенчатого штампа. Горловина резко переходит в расширенное, овальное,

реже приостренное у дна тулово. Орнамент в подавляющем большинстве случаев гребенчатый, крупнозубый в виде трехзвенного вертикального зигзага. Он занимает шейку сосуда и верхнюю часть тулова (керамика II типа). Такая керамика составляет основное содержание культурного слоя Воробьевского городища на р. Исети, Речкинского I селища на р. Тоболе, есть она в насыпях курганов Шадринского и Воробьевского I могильников на р. Исети.

Воробьевское городище (К. В. Сальников, 1956, стр. 197) расположено недалеко от обоих курганных могильников и представляет собой крайне интересное сооружение. Оно занимает край боровой террасы и состоит из большой центральной части и двух боковых приделов, большого и малого. Все они ограничены валом и рвом. Некоторые участки вала напоминают развалы или основания башен. Это достаточно четкие, но небольшие по площади четырехугольные или овальные выступы. Исследования показали, что все три части поселения существовали одновременно. Культурный слой городища тонок и беден находками. Происходящая из него керамика однообразна.

Изученная на Воробьевском городище полуземлянка напоминает жилища Китайского селища и городища Чудаки. Это двухкамерная постройка с двумя длинными коридорообразными выходами.

Очень близкую керамику дало Речкинское I селище, расположенное близ одноименной деревни Белозерского района, Курганской области, на р. Тоболе. Здесь также открыто полуземляночное жилище. Таким образом, для раннего железного века в Зауралье намечаются три последовательных этапа: носилковский — VIII — VI вв. до н. э., воробьевский — VI — III вв. до н. э., чудаковский — III — I вв. до н. э. Каждый из этих этапов характеризуется своеобразными типами керамики. Очевидно, дальнейшие работы позволяют наметить и некоторые локальные варианты материнской культуры.

Описанные памятники довольно четко отличаются от савромато-сарматских. Особенно четкие различия между этими памятниками устанавливаются по погребальному обряду (размеры, глубина ям, ориентировка и т. п.). Не менее резко различаются и керамические комплексы.

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют выделить расположенные в лесостепном Зауралье памятники в особую, отличную от савромато-сарматской культурную общность (Сальников, 1961а, стр. 50—51).

Наличие в ряде памятников предметов южного типа (акинаки, стрелы, зеркала, импортные бусы и т. п.) указывает на тесные культурные связи лесостепного населения со скифо-сарматским миром, аналогичные взаимоотношениям, установившимся в это же время между скифами и населением лесостепной и лесной зоны Восточной Европы.

Весьма слабо в материалах экспедиции 1961 г. представлены памятники I тысячелетия н. э. Мы не можем с уверенностью отнести к этому времени ни один из исследованных памятников.

На р. Тоболе обнаружено большое количество крупных курганов, расположенных, как правило, у края коренного берега небольшими группами по 2—3 или 5—7, редко 10 курганов, а часто это одиночные курганы. Размеры курганов довольно стандартны — диаметром до 20—25 м при высоте 1,5—2 м, и лишь изредка среди них возвышаются насыпи в 5 и 10 м высоты при соответствующем диаметре в 50 и 100 м. Один из таких памятников — Царев курган у г. Кургана — был исследован в 1959—1960 гг. К. В. Сальниковым, датировавшим его ориентировочно (поскольку курган был полностью разграблен) концом I тысячелетия до н. э. Но полученные сейчас результаты радиокорбонного анализа древесины из кургана дали иную дату — середину I тысячелетия н. э.

У дер. Шамаково, Белозерского района, экспедицией было исследовано четыре кургана этого типа. Под каждой насыпью оказалась только одна могила, перекрытая бревенчатым (березовым) накатником, обычно обожженным. Могильные ямы имели значительную глубину — до 1,5—2 м от погребенной поверхности. Ориентированы они в направлении С—Ю. К сожалению, никаких деталей больше зафиксировать не удалось, поскольку курганы неоднократно подвергались ограблению. Из вещей в курганах сохранились лишь обломки

железной вещицы и до десятка костяных прямоугольных пластинок с отверстиями по углам и в середине. Достаточно твердо датировать эти вещи пока не удалось. В одном из курганов у с. Замараево, раскопанных Зыряновым еще в прошлом столетии, подобная костяная пластинка была найдена вместе с трехперым наконечником стрелы типа середины I тысячелетия н. э. В другом кургане этого же типа были вещи бесспорно этого периода.

Но в курганах у дер. Черноярской на р. Миасс, раскопанных крестьянами еще в 1887 г. (коллекция ГИМ), костяные пластинки находились в кургане вместе с двумя серебряными блюдами, время которых определить пока трудно, но два других кургана содержали вещи — золотую гривну из двух спаренных полых трубок, бронзовый кельт, бронзовый котел с ушками, — относящиеся к I тысячелетию до н. э.

Приведенные данные не дают пока возможности достаточно надежно определить время захоронений в Шмаковских курганах. Лишь дальнейшие исследования этого памятника позволят, вероятно, решить этот вопрос.

К началу I тысячелетия н. э. относятся, возможно, остатки верхнего горизонта культурного слоя на Речкинском II селище на р. Тобол. Здесь собрана керамика с примесями шамота в глиняном тесте и резной орнаментацией. По форме это сосуды с короткими шейками и вытянутым почти полуяйцевидным туловом. У края селища обнаружено детское погребение с подобным же сосудом в изголовье. Из-за отсутствия надежно датированных предметов определить время поселения пока затруднительно, скорее всего, оно относится, как и погребение, к I тысячелетию н. э.

Севернее границы лесостепи в среднем течении р. Туры на ее притоке Нице раскопано несколько памятников I тысячелетия н. э.

На Юдинском селище выделяются два комплекса керамики этого периода. Первый типологически близок нижним горизонтам Носиловского и средним горизонтам Прыговского городищ.

Для второго характерны сосуды с прямой или чаще наклонной наружу шейкой, резко переходящей в округлое тулово и круглое дно. Венчик сосудов плоский. В тесте небольшая примесь крупнотолченой слюды. Орнамент в виде зигзагов крупного гребенчатого штампа нанесен по шейке и иногда опускается на верхнюю часть тулова. С этим комплексом на Юдинском селище предположительно можно связать прямоугольное жилище с длинным выходом и очагом в центре.

Аналогичная керамика встречена при раскопках Кашинского селища, расположенного в 200—300 м к северо-востоку от Юдинского селища. На Кашинском селище выявлены два слабоуглубленных в землю подпрямоугольной формы жилища с околочажными канавками и очагами в центре и одно сооружение округлой формы без следов очага на полу.

По находкам на Кашинском селище железного ножа и небольшого числа обломков керамики со звездчатым орнаментом по верхней части тулова этот комплекс предположительно датируется первой половиной I тысячелетия н. э.

Предварительно к середине I тысячелетия н. э. можно отнести 2-й слой Юдинского городища на р. Туре. Он стратиграфически залегает между первым слоем с керамикой Кашинского типа и более поздним слоем с керамикой типа Макушинских курганов XII—XIV вв. Типологически керамика второго слоя Юдинского городища близка к сосудам с Переиминского могильника, который можно датировать VI—VII вв. н. э. по форме перстней и пряжек (Чернецов, 1957, табл. XIII).

К рубежу I и II тысячелетий относится ряд поселений и могильников. В бассейне р. Исеты исследовалось два памятника этого времени — Большое Бакальское и Прыговское городища. Принадлежность этих городищ к рубежу I и II тысячелетий определяется на основании находок железного ромбовидного наконечника стрелы IX—XI вв. на Большом Бакальском городище и железных ножей на Прыговском городище.

На Прыговском городище, видимо, к позднему времени относится полуземлянка размерами 5,5 x 9 м с четырьмя опорными столбами в центре. Керамика верхнего горизонта городища — сосуды с четкой профилировкой, слегка вытянутым туловом и круглым дном. Они украшены только по шейке пояском из резных, гребенчатых и реже — грубошнуровых

отпечатков. Следует отметить, что сравнительно близко расположенные друг от друга по р. Исети Прыговское и Большое Бакальское городища имеют совершенно различные комплексы керамики.

На Большом Бакальском городище вскрыта почти вся оставшаяся площадь и перерезан траншеей внутренний и внешний вал. На площади городища никаких сооружений не обнаружено. Разрез вала дал возможность проследить систему укрепления городища. Керамика с городища представлена круглодонными сосудами с преимущественно ямочно-резным и резным орнаментом.

По системе укреплений — большим и малым валам и рвам, типу керамики Большого Бакальского городища относится к памятникам сылвинской культуры. До сих пор мы знали памятники этой культуры лишь на западном склоне Урала в бассейне р. Сылва. Раскопки Большого Бакальского городища, а также привлечение ряда материалов из разведок и старых раскопок позволяют расширить территорию распространения сылвинской культуры на весь юг Среднего Урала, включив в нее бассейны рек Чусовой и Сылвы на западе и Исети и верховьев Пышмы — на востоке.

На р. Туре раскопано три памятника, относящихся к IX—XIV вв.: Мысовской могильник, Макушинские курганы и верхние слои Юдинского городища. Раскопки 5 курганов у дер. Макушино позволили установить погребальный обряд: захоронения на уровне древнего горизонта головой на С-З.

Средний слой Юдинского городища очень беден находками, остатков жилищ не обнаружено. Керамика из макушинских курганов и среднего горизонта Юдинского городища представлена круглодонными сосудами с орнаментом из пояaska шнура по шейке и подковок шнура по тулову.

К более позднему времени относится ряд погребений Мысовского могильника и верхний горизонт Юдинского городища. Одно не разрушенное погребение дает представление об обряде захоронений: костяк лежал в неглубокой яме на спине, головой на С-З. Несколько в стороне от погребения на уровне древнего горизонта стоял круглодонный сосуд. С правой стороны погребенного лежали костяные наконечники стрел, с левой — кресало, оселок и нож, которые позволяют датировать погребение XII—XIV вв. Керамика из могильника и городища круглодонная, украшенная рядами шнура по шейке и гребенчатой «бахромой» по тулову или только гребенчатыми узорами в виде горизонтальной елочки.

По форме и орнаментации сосудов и по погребальному обряду памятники IX—XI и XI—XIV вв. по р. Туре весьма близки, что, вероятно, свидетельствует об их генетической связи.

Сравнение керамики с памятников рубежа I—II тысячелетий н. э. в бассейне рек Исети и Туры позволяет сделать вывод о том, что в этих районах мы имеем дело с различными в этническом отношении племенами. Исетский район, расположенный на территории распространения сылвинской культуры, характеризующейся керамикой с резной орнаментацией, был заселен какой-то угорской группой племен, возможно, близкой остякам, судя по сообщениям писцовых книг XVI в. Район бассейна среднего и нижнего течения Туры в IX—XIV вв., где на памятниках преобладает веревочно-гребенчато-шнуровая орнаментация, был населен, по мнению В. Н. Чернецова (1957, стр. 180) и А. К. Матвеева (1961, стр. 140), протомансийской группой угорских племен.

Находки на Большом Бакальском и Прыговском городищах керамики со шнуровой орнаментацией свидетельствуют о связи, существовавшей между населением Исети и Туры на рубеже I—II тысячелетий н. э.

К середине II тысячелетия н. э. относится Малое Бакальское городище на Исети. Раскопана вся оставшаяся площадка городища, включая оборонительные укрепления. Находки чугуна, стекла, железных ножей дают возможность датировать городище не IV—V вв., как предлагал К. В. Сальников, а XIV—XV вв. Наличие наземных жилищ на городище устанавливается по развалинам глинобитных очагов. Керамика с городища выделена от руки, имеет форму открытых чаш со слегка уплощенным дном. Орнамент очень бедный,

ямочный или отсутствует вообще. По форме эта керамика близка к чашевидным сосудам Большого Бакальского городища. Близость форм керамики этих двух памятников может свидетельствовать о генетических связях населения, оставившего эти городища. Материалы Малого Бакальского городища характеризуют, вероятно, поздний этап развития сывинской культуры.

В бассейне р. Туры на Мысовском поселении XIV—XVI вв. вскрыто 6 построек прямоугольной формы. Из них одна углублена в землю, остальные наземные. В двух постройках обнаружены ямы, округлые в плане и глубиной до 1—1,30 м.

Сосуды с Мысовского поселения не имеют ничего общего с керамикой предыдущего времени: они изготовлены преимущественно на гончарном круге, не орнаментированы, имеют плоское дно и разнообразную форму горшков, мисок, сковородок.

По летописным источникам, в бассейне среднего и нижнего течения р. Туры в конце XVI в. жили оседлые пашенные татары. Оседлый образ жизни, земледелие у туринского населения позволяет сделать вывод о том, что население, жившее по Туре в середине II тысячелетия н. э., никак нельзя смешивать с кочевыми татаро-монгольскими племенами. Видимо, на Туре угорское население в XIV в. было вытеснено или ассимилировано какими-то пришлыми тюркскими племенами оседлых земледельцев.

В. А. ОБОРИН

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1961 г. Камская археологическая экспедиция Пермского университета начала обследование зоны затопления будущей Верхнекамской (Соликамской) ГЭС и вела работы в других районах Пермской области (Кунгурский, Кишертский районы).

Разведки велись шестью отрядами. Обследован 61 памятник, из них 49 открыты вновь. Общая протяженность маршрутов — около 200 км.

Отряд под руководством Ю. А. Полякова провел разведку по р. Нижней Мулянке, где было обнаружено 12 новых памятников. После этой разведки стало ясно, что бассейн Верхней и Нижней Мулянки по плотности заселения в древности не уступал хорошо изученному ранее району устья р. Чусовой.

Был дополнительно обследован правый берег р. Камы, против г. Осы (В. А. Оборин), где рядом с известным уже I Монастырским городищем обнаружено II Монастырское городище. Оно так же, как и первое, относится к лочоватовской культуре.

Два отряда экспедиции (В. А. Оборин и Ю. А. Поляков) были обследованы сплошным маршрутом оба берега р. Камы от устья Вишеры до с. Бондог. Район Верхней Камы имеет некоторые черты своеобразия в топографии памятников. Пойма р. Камы в обследованном районе постепенно расширяется с юга на север. Особенно широка она у левого берега. На довольно большом участке хорошо выражена песчаная боровая терраса, в заболоченной пойме много песчаных дюн, часто расположенных на краю старичных озер. Самые древние памятники (стоянки мезолита и неолита) расположены довольно высоко над уровнем поймы (до 18—20 м). Много памятников находится на боровой террасе. Культурный слой большинства памятников на боровой террасе и дюнах сильно разрушен, а на многослойных поселениях сильно перемешан. На ранних памятниках плохо сохраняется керамика. Это вызывает трудности при выделении культурных комплексов. Их приходится устанавливать не столько стратиграфически, сколько типологически.

В отличие от южных районов поздние памятники, в том числе и городища (например, Петуховские, Пянтежское), часто расположены очень низко над поймой (5—7 м), что связано с углублением русла Камы и понижением ее уровня в поздние эпохи. Абсолютное большинство обнаруженных памятников, особенно в левобережье, будет затоплено при сооружении Верхнекамской ГЭС.

Небольшой разведочный маршрут (рук. Р. Вотинцева) был проведен в верхнем конце будущей зоны затопления — в Гайинском районе Коми-Пермяцкого округа; между с. Монастырь и дер. Усть-Чикурья. Здесь были обнаружены две стоянки и одно селище.

Всего в зоне Верхнекамской ГЭС был обследован 41 памятник, в том числе 30 новых. Наибольший интерес представляют обнаруженные здесь стоянки каменного и бронзового века, неизвестные ранее в этом районе.

К эпохе мезолита относятся три памятника — Дубровская, Казанцевская и Гашковская стоянки.

Дубровская стоянка расположена на невысокой боровой террасе. Находки сделаны в слое светло-серого песка, лежащего под темным слоем с русской керамикой. Здесь найден призматический нуклеус из белого камня и мелкие ножевидные пластинки (рис. 1, 8).

Казанцевская стоянка расположена на краю высокого берега р. Камы (18—20 м), над озером. Культурный слой разрушен. Кремневые остатки собраны в углублениях. Здесь найден довольно крупный (длина 5 см, ширина 3,5 см) призматический пуклеус из белого мелового кремня, имеющий следы девяти негативов от отжатых тонких пластинок. Кремневые орудия представлены 31 ножевидной пластинкой, одним резцом и тремя мелкими отщепами (рис. 1, 1—7). Почти все пластинки очень маленькие (длина 1—2—5 см, ширина 5—8 мм). Часть их намеренно сломана. Некоторые имеют слабую ретушь со стороны спинки.

Гашковская стоянка расположена на высокой боровой террасе (до 18—20 м). В песчаном культурном слое, залегающем прямо под дерном, были найдены кремневый скребок на крупном отщепе (рис. 1, 9—12) и ножевидные пластинки несколько больших размеров в сравнении с пластинками Казанцевской стоянки (длина 1,5—4 см, ширина 6—10 мм).

Материал этих трех стоянок имеет много общего с мезолитическими памятниками Верхнего и Среднего Прикамья (абсолютное преобладание тонких правильных ножевидных микропластин, очень малый процент отщепов, отсутствие керамики). Все три стоянки, очевидно, относятся к позднему мезолиту и наиболее близки Нижнеадищевской (Бадер, 1951а, стр. 7—14) и Огурдинской (Бадер, 1953в, стр. 82—83) стоянкам. По топографическим условиям и характеру материала они близки также вычегодским стоянкам с микролитическим инвентарем (Буров, 1961, стр. 247). Это подтверждает предположение о камском происхождении вычегодского мезолита (Буров, 1961а, стр. 101).

К неолиту относятся четыре стоянки (Петуховские I и II, Найдановская, Мелехинская).

Петуховские стоянки расположены на краю невысокой (4—5 м) боровой террасы. Находки с них представлены тонкими ножевидными пластинками средних (4—4,5 см) и мелких (1,5—3 см) размеров, а также главным образом крупными и мелкими отщепами со следами отжима ножевидных пластинок (рис. 1, 18—22). Явное преобладание отщепов над ножевидными пластинками говорит о более поздней дате этих стоянок по сравнению с вышеописанными.

Найдановская и Мелехинская стоянки расположены на краю высокой песчаной террасы (12—13 м над поймой р. Камы). Здесь найдены концевой скребок на ножевидной пластинке, три скребка на небольших отщепках, крупная ножевидная изогнутая пластинка (длина 6,5 см, ширина 2 см) с ретушью со стороны брюшка (рис. 1, 13—16), две ножевидных прямых пластинки (длина 1,5—2 см, ширина — 6—7 мм) с ретушью со стороны спинки и пять крупных и мелких отщепов. Один из отщепов использовался в качестве нуклеуса.

Ни на одной из стоянок не найдена керамика. Кремневые орудия имеют значительное сходство с материалом Хуторской неолитической стоянки (Денисов, 1960, рис. 13,4—6, рис. 14,5, 6, 11, рис. 15,1, 2), относящейся к позднему неолиту. Около дер. Гашково и Сумчк найдены крупные кремневые отщепы, скорее всего тоже неолитического возраста.

Восемь стоянок относятся к эпохе бронзы (Усть-Урольская I и II, Яранинская, Курганская, Усть-Чикурьянские I и II, Пянтежская и Кататыб).

На Усть-Урольских стоянках, одна из которых расположена на склоне боровой террасы, а другая — на песчаной дюне в пойме р. Уролки, найдены фрагменты керамики

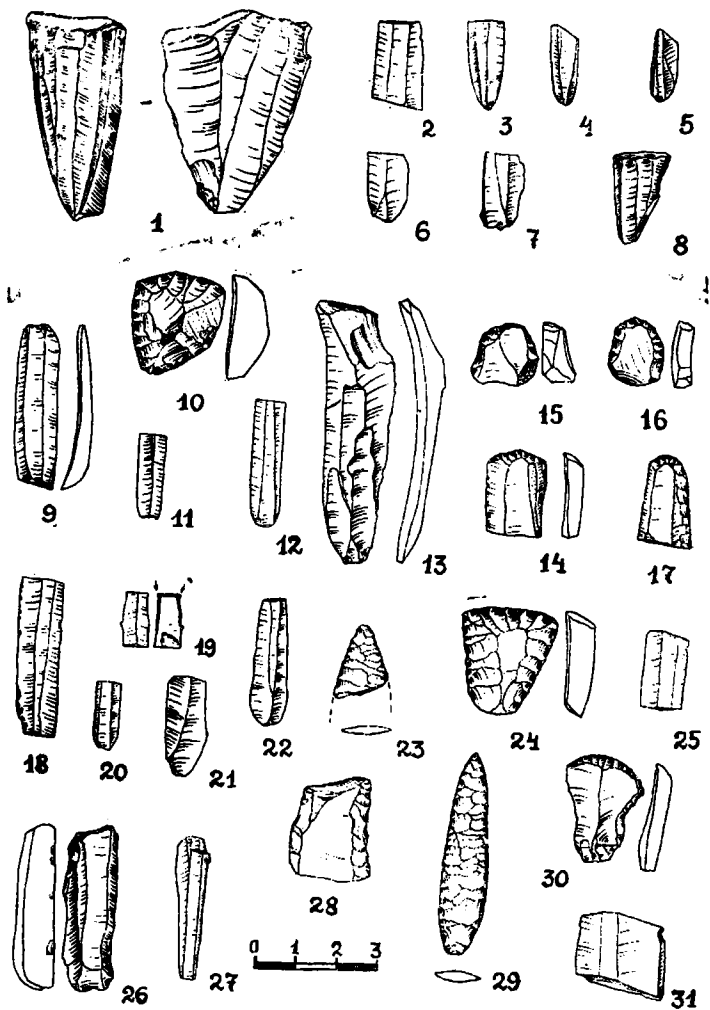

Рис. 1. Кремневые орудия из верхнекамских стоянок:

1-7 - Казанцевская; 8 - Дубровская; 9-18 - Гашковская; 13-14 - Найдаевская; 15-16 - Мельниковская; 17 - Усть-Уральская I; 18-19 - Петуховская I; 20-22 - Петуховская II; 23-25 - Усть-Чикуринская I; 26-27 - Усть-Чикуринская II; 28 - Плятежская; 29-30 - Курганская; 31 - Кататыб.

серовато-желтого цвета с выгоревшими растительными примесями. Некоторые фрагменты имеют орнамент из горизонтальных отпечатков зубчатого штампа. На стоянках найдены также обломок ножевидного орудия на крупной пластине, обломок небольшой ножевидной пластины с ретушью по краю, обломок крупного нуклеуса, несколько грубых отщепов и расколотые кремневые гальки.

Яранинская стоянка расположена на склоне боровой террасы над поймой. В культурном слое под дерном найдены мелкие фрагменты керамики с выгоревшими растительными примесями и с примесью крупного песка. Один фрагмент имеет орнамент в виде пояса наклонных отпечатков зубчатого штампа и дугообразных углублений. Здесь же найдено несколько кремневых отщепов.

Примерно также расположена и Курганская стоянка, где найден иволистный наконечник стрелы, концевой скребок на обломке крупной ножевидной пластины (рис. 1, 29, 30) и несколько грубых отщепов. Наконечники такой формы часто встречаются на турбинских поселениях в Прикамье (Бадер, 1961, стр. 62, рис. 5, 10 и др.).

На Усть-Чикуринских стоянках найден нуклеус, две ножевидных пластинки без ретуши, массивный скребок с полой ретушью по трем краям, обломок крупного наконечника стрелы и обломок крупного ножевидного орудия с плоской ретушью по краям (рис. 1, 23—27).

На Пянтежской стоянке найден массивный грубый скребок из кремнистого сланца и несколько отщепов (рис. 1, 28), на стоянке Кататыб — обломки двух крупных ножевидных орудий с ретушью по краю (рис. 1, 31).

Все описанные стоянки имеют много общего с материалом турбинских стоянок и относятся к турбинской культурной области.

Среди других памятников Верхней Камы было обследовано одно селище ананьинской культуры (Вилисовское), три памятника ломоватовской культуры (Вилисовский могильник, селища Кататыб и Губинское IV), 22 памятника родановской культуры и два памятника, датировать которые точнее, чем железным веком, не удалось.

В бассейне р. Сылвы отрядом Г. А. Шокушева было обнаружено шесть новых памятников. Два из них — селища Сухой Лог и Пентюринское — относятся к сылвенской культуре, причем, судя по стратиграфии раскопанного неподалеку городища Лобач, к ее позднему этапу — XI—XII вв. Два селища (Копчанковское III и Филипповское) относятся к неволинскому этапу ломоватовской культуры. Все селища, кроме Филипповского, расположены на первой надпойменной террасе р. Шаквы и Сылвы. Весьма интересно Ломотинское костяше со скоплениями необожженных костей животных и находкой костяного наконечника. Датировать этот памятник более точно, чем эпохой железа, пока не представляется возможным. Филипповский могильник дал находки вещей (железный наконечник стрелы, втульчатое копьё, сломанный нож), типичных для ранних русских поселений XVII в. Около селища Копчиковское III найдены три кремневых скребка с подтесанным брюшком и несколько отщепов, происходящих, видимо, из разрушенной древней стоянки. Это — первый памятник древней эпохи железа, обнаруженный в Кунгурском районе.

Раскопки в 1961 г. производились на восьми памятниках, четыре из которых находятся в Среднем Прикамье, два — в Кунгурском районе и два — на Верхней Каме. Общая площадь раскопок — 3620 кв. м.

В зоне затопления Воткинской ГЭС раскопки велись двумя отрядами.

Верхнемуллинский отряд (рук. В. П. Денисов) раскопал селище Заосиновское IV и могильник. Селище имеет небольшой культурный слой (30—50 см), в котором встречаются открытые очаги с зольно-угольными скоплениями, вытянутыми вдоль песчаной дюны. Здесь же обнаружены остатки небольшого углубленного жилища с очагом и двумя выходами. На селище найдена позднеананьинская и гладыновская керамика, а на одном из раскопов — ранняя ананьинская с шнуровым орнаментом. Из орудий труда встречены бронзовые втульчатый наконечник стрелы, костяные гарпуны и обломки ладьевидных тиглей.

Могильник располагался на краю поселения. За два года раскопок на нем вскрыто 58 погребений. Погребения находятся в культурном слое или прорезают нижнюю часть его и тогда на подстилающем песке хорошо видны могильные ямы. Глубина погребений невелика — 30—60 см от поверхности. Могилы составляют четыре ряда. Основной ряд был вытнут вдоль дюны с севера на юг, костяки имели западную ориентировку. Второй ряд располагался перпендикулярно к первому и имел северную ориентировку. Остальные два ряда шли параллельно основному, как бы огораживая его с трех сторон. В отдельных могилах найдены железные ножи с горбатой спинкой, медная пронизка и мелкая керамика гряденовского типа. Большинство погребений не имеет вещей. В могилах встречаются угольки, часть человеческих костей обожжена.

По датировке В. П. Денисова, могильник относится к началу гряденовской культуры. Никаких вещей более позднего времени здесь не найдено. В связи с этим интересны выявленные факты зарождения обряда трупосожжения, который затем получает полное развитие в середине и конце существования гряденовской культуры (Геннинг и Оборин, 1960а, стр. 167—171). Этот могильник, видимо, является наиболее поздним из серии подобного рода могильников, изученных ранее («Городок», погребения на Заюрчим I и Гремячанском поселении). Он имеет известные черты сходства с ранними пьяноборскими могильниками в Башкирии (Чигатовский) — неустойчивая ориентировка, коллективные погребения, неглубокое захоронение умерших, почти полное отсутствие керамики (Мажитов, 1959а, стр. 110—111). Наиболее вероятная дата его — II—I вв. до н. э. Так же, как и в раннепьяноборских могильниках, здесь сохраняются традиции погребального обряда позднеананьинского населения. Однако, в отличие от пьяноборских могильников Башкирии, здесь можно видеть почти полное отсутствие вещей и зарождение гряденовского обряда трупосожжения. Отнести его к пьяноборской культуре не представляется возможным.

Этим же отрядом были проведены рекогносцировочные раскопки селища «Волчья грива». Здесь были найдены остатки более 20 сосудов раннеананьинского типа, совершенно аналогичных керамике Заюрчимского VI и Большевятского селищ (Бадер, 1957а, стр. 68—69, рис. 22). Обнаружены следы металлургического комплекса в виде трех ладьевидных тиглей из песчаника со следами меди на стенках. Селище датируется самым началом ананьинской культуры — VIII в. до н. э.

Гремячанский отряд (рук. А. Д. Вечтомов) продолжил раскопки Гремячанского поселения и жертвенного места ананьинской и начала гряденовской культур, начатые в прошлые годы (Вечтомов, 1962, стр. 85—89). Основной целью раскопок этого года было установление характера поселения. Три траншеи и два раскопа дали возможность убедиться, что канавообразное углубление пересекает всю широкую часть мыса, на котором расположено поселение. Его вполне можно назвать рвом. Углубление имеет ширину от 2 до 7,4 м, глубину от 1,25 до 2,52 м. Очертания его хорошо видны в подстилающем слое. Находок как в основном углублении, так и к югу от него очень мало. Очевидно, оно являлось древней границей поселения. В одной из траншей, в 2,5 м к северу, были прослежены остатки второго канавообразного углубления, шедшего параллельно первому (ширина 2,5—4 м, глубина 1,7 м). Время сооружения этих укреплений относится к позднему периоду существования памятника, так как на дне их найдена позднеананьинская и раннегряденовская керамика и углубления прорезают нижнюю часть культурного слоя. Остаток вала пока не обнаружено. Однако в одной траншее была найдена обугленная доска с наклоном в сторону углубления. Здесь можно реконструировать укрепление типа забора, стоявшего вдоль края большой канавы, как это реконструируется на болгарском святилище «керемети» по раскопкам Тигашевского городища в Чувашии (Федоров-Давыдов, 1960, стр. 122—127).

В Гремячанском поселении, скорее всего, нужно видеть древнее святилище, предшествовавшее образованию гряденовских костниц-могильников. Здесь были найдены погребения человека со следами обжига костей, сопровождавшиеся жертвенными выкладками конских черепов и не содержащие вещей. Сопоставляя это с вышеописанными могильниками типа Заоснянского IV, можно высказать предположение, что и на Гремячанском

святилище уже начинал зарождаться типично гляденовский обряд трупосожжения. С костями его сближают наличие жертвенных комплексов из сырых костей животных, многочисленные зольники, иногда составлявшие сплошной зольный слой, в который входила масса сильно пережженных мелких костей. Наличие здесь бытовых вещей и обычной бытовой керамики не должно смущать, так как подобные вещи найдены и на известном Гляденовском косте. Возникнув сначала как селище, Гремячанское поселение превратилось затем в святилище и было окружено рвом, имеющим магическое значение. Основная часть зольников и почти все жертвенные комплексы обнаружены именно в верхней части культурного слоя. Кстати, среди керамики Гляденовского святилища встречаются небольшие сосуды, почти не имеющие орнамента, похожие на ритуальные сосуды гляденовских костящ (Генинг и Оборин, 1960а, стр. 168, рис. 3).

Среди памятников среднекамского варианта ананьинской культуры Гремячанское поселение является уникальным. Оно представляет собою такое же межплеменное святилище для среднекамских племен, как Гляденовское косте для верхнекамских.

В зоне затопления Верхнекамской ГЭС раскопки велись также двумя отрядами.

Чердынский отряд (рук. Ю. А. Поляков) произвел раскопки Петуховского городища родановской культуры XI—XIII вв.¹

Плесинский отряд (рук. В. А. Оборин) продолжал раскопки Плесинского могильника, начатые в 1960 г. (Оборин, 1962, стр. 97—99). Завершены исследования северо-западной части могильника и заложен новый раскоп в юго-восточной части. За два года на могильнике изучено 54 погребения. Большинство из них (41) находилось в северо-западной части. Они датируются по находкам серебряных брактеев, подражающих аббасидским диргемам IX в. н. э., и относятся к началу лаврятского этапа родановской культуры.

Погребения лежали в четырех рядах, вытянутых с юго-запада на северо-восток, на глубине 30—50 см от поверхности. Костяки ориентированы головой на запад, с отклонениями к северу и югу, ногами к р. Каме. Между могилами находились остатки трезны — глиняные сосуды, скопления костей животных и жертвенные ямы, заполненные глиняными сосудами, углями и костями животных. Расстояние между погребениями в рядах обычно больше (5—7 м), чем между рядами. Однако некоторые погребения лежали очень близко друг к другу. Пять погребений третьего ряда (№ 21—25) находились рядом, соприкасаясь краями могильных ям. Четыре погребения принадлежали детям или подросткам и одно — взрослому мужчине. Такая группировка говорит о том, что дети хоронились вместе с отцом, патрилинейность и патрилокальность были уже явлением крепко укоренившимся. Однако пережитки матриархата еще не были изжиты. Это проявляется в отсутствии парных захоронений мужчин с женщинами, в наличии полного погребального инвентаря в женских погребениях, захоронение женщин в одном ряду с мужчинами. Женщина занимала в обществе, оставившем этот могильник, равноправное положение. В отдельных женских погребениях встречаются оружие и части конского убранства. Могильник родановского времени принадлежал очень небольшой группе людей, составлявших патронимию — группу родственных патриархальных семей, каждая из которых хоронила умерших в особом ряду.

На могильнике прослеживается имущественное неравенство, но оно лучше различимо по рядам. В третьем ряду, самом большом (17 могил), находятся мужские и женские захоронения членов самой богатой патриархальной семьи. В остальных рядах резкого имущественного различия нет. На могильнике нет ни одного погребения без вещей или с иным обрядом захоронения. Ни одно из них нельзя связывать с захоронениями патриархальных рабов.

Плесинский могильник является самым северным из изученных раннеродановских могильников. Здесь, на окраине обитания родановских племен, дольше, чем в более южных и восточных районах, держались пережитки родового строя. Поэтому не случайно, что

¹ См. статью Ю. А. Полякова «Раскопки Петуховского городища» в настоящем сборнике.

именно в северных районах расселения коми-пермяков вплоть до XIX в. сохранились слабые пережитки матриархата.

В этом глухом таежном крае большое значение в хозяйстве населения имела охота. Поэтому в абсолютном большинстве погребений найдены железные и костяные наконечники стрел, очень дифференцированные по форме и назначению (ромбовидные, треугольные, листовидные, с развилкой, с шипами, с тупым концом, с когтями (рис. 2, 5, 6). В домашнем производстве большое значение имела обработка дерева, из которого изготовлялись орудия труда, жилища и хозяйственные постройки, средства передвижения и бытовая утварь, в том числе и посуда. В восьми мужских погребениях найдены орудия обработки дерева: скобели, тесла, стамески, ложжари, широколезвийные лесорубные топоры (рис. 2, 3, 4, 7—10). Одно погребение (№ 35) принадлежало мастеру-кузнецу. В нем был найден молоточник и длинные кузнечные клещи (рис. 2, 1—2). Это погребение совершенно аналогично погребению кузнеца из Редикорского могильника (Лунегов, 1955, стр. 126, рис. 47—5, 6).

Обнаружено еще два мужских погребения, выделяющихся среди других обилием оружия и конского убранства. В них найдены слабоизогнутые однолезвийные мечи, аналогичные найденному в погребении № 5 из раскопок 1960 г. (рис. 2, 15—16). В погребении № 19 кроме меча находились серебряные височные кольца, два втульчатых железных наконечника копья, боевой топор, наконечники стрел, удила от уздечки, остатки богатого поясного набора, шило (рис. 2, 12), ложжарь, тесло и скобель. В погребении № 26 сохранились остатки деревянных ножен, в которые был вложен меч. Ножи обложены листовым серебром. Верхний край наконечника, скобы для прикрепления ножен к ремню и набалдашник рукоятки покрыты позолотой и украшены фигурным вдавленным орнаментом. Кроме меча в погребении найдены втульчатый наконечник копья (рис. 2, 14), черешковые наконечники копий и стрел, костяная рукоять нагайки с изображением головы лошади (рис. 2, 11), железные удила и стремена, боевой топор (рис. 2, 13), кинжал с костяной рукоятью, остатки богатого поясного набора и серебряная маска, накладывавшаяся на лицо (рис. 2, 17). Погребения этого типа бесспорно принадлежат не рядовым воинам, а военачальникам.

Глиняная посуда, находящаяся в женских погребениях, представлена небольшими чашками с округлым или уплощенным дном, с прямой или слегка отогнутой шейкой, с примесью раковины в глиняном тесте. Почти все они орнаментированы по шейке узорами в виде нескольких параллельных линий шнура с наклонными рядами или зигзагом короткого зубчатого штампа, или с петлями шнура и редким кружковым орнаментом. Есть и более сложные узоры в виде зигзага гребенчатого штампа, дополненного несколькими прямыми отпечатками гребенки между углами зигзага. По венчику они имеют защипы или прямые и наклонные насечки. Эта керамика совершенно аналогична керамике Урянского, Каневского и других северных раннеродановских могильников. Население, хранившее в этой части могильника, очевидно, жило на расположенном неподалеку Усть-Чикурьинском селище, где найдена керамика, аналогичная керамике из жертвенных ям Плесинского могильника.

В юго-восточной части могильника были вскрыты погребения, относящиеся к более раннему времени, чем вышеописанные. В них найдены сасанидские монеты Арвиза (Ормузда) IV—584 г. н. э., Хозроя — II — 597 г. и 610 г. (определение Д. Е. Харитонова). Таким образом, ранняя дата могильника может быть доведена до VII в. Ей не противоречат и находки в погребениях вещей ломоватовской культуры. Это — прямоугольные прорезные накладки, бляшки-тройчатки, Ж-образные бляшки поясного набора, аналогии которым можно видеть в Неволинском могильнике VII—VIII вв. (Бадер, 1953б, стр. 101, рис. 32; Генинг, 1959, стр. 193, рис. 78), в Поломском могильнике VI—IX вв. на р. Чепцы (Генинг, 1959, стр. 198, рис. 5), в Хотимльском могильнике VI—VIII вв. (Горюнова, 1961, стр. 126, рис. 56—9).

В ломоватовских погребениях Плесинского могильника обнаружены тонкие серебряные витые шейные гривны, аналогичные найденным в Бродовском могильнике VII—VIII вв. (Генинг, 1953, стр. 93, рис. 34—12). Характерен также и набор бус круглые сердоли-

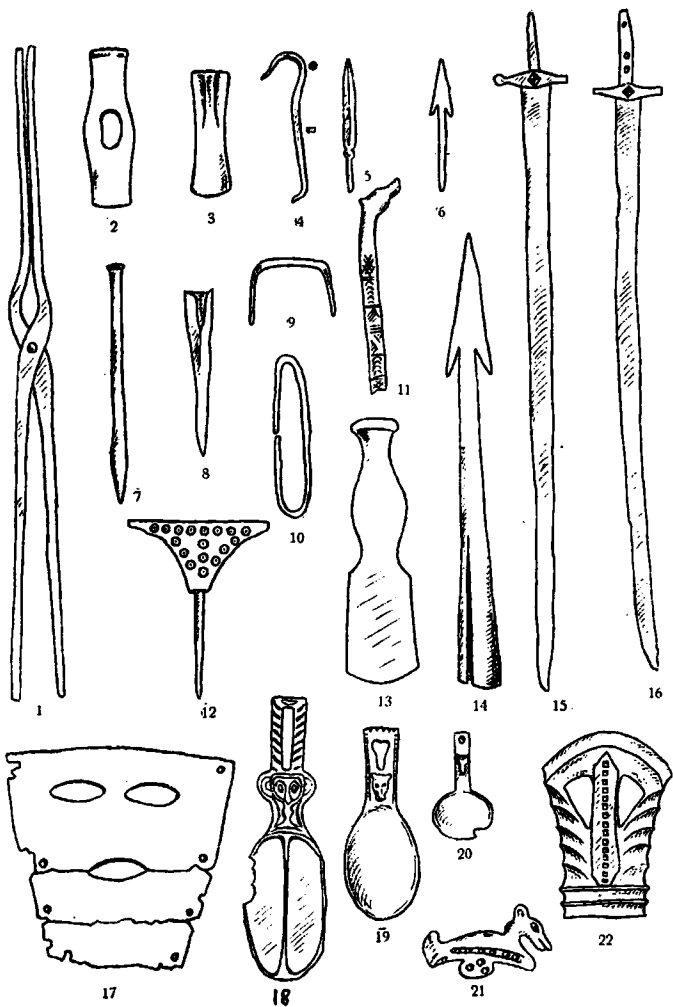

Рис. 2. Плесинский могильник VII—IX вв.:

кузнечные клещи; 2 — молоток-ручник; 3 — тесло; 4 — ложка; 5-6 — наконечники стрел; 7 — долото; 8 — стамеска; 9 — ско-
 : 10 — скоба для топора; 11 — костяная рукоять нагайки; 12 — шило; 13 — топор; 14 — копье; 15-16 — мечи; 17 — серебря-
 ная маска; 18-20 — бронзовые ложки; 21 — птицидная подвеска; 22 — навершие кинжала.

ковые, стеклянные глазчатые и пастовые бородавчатые с выпуклыми глазками, имеющие аналогии в памятниках VI—IX вв., во многих могильниках юго-восточной Европы (Деопик, 1961, стр. 211, рис. 2—1, рис. 5—12, 17, 18). В этой части могильника прослеживается четко только один ряд погребений (5), параллельный рядам северо-западной части, с западной и северо-западной ориентировкой. Остальные погребения, не входящие в этот ряд, имеют юго-западную ориентировку с отклонением к югу и не образуют четких рядов. Однако бесспорно, что обе части могильника хронологически связаны между собой. Обряд погребения и в этой части очень похож на родановский (неглубокое захоронение — 30—40 см, остатки деревянных колод). В ломоватовских погребениях найдена керамика, похожая на родановскую. Она отличается только более пористым глиняным тестом, почти полным отсутствием примеси толченой раковины. Один сосуд имеет более закрытую форму и узкое горло, а орнамент его мало отличается от родановского — сочетание ряда круглых маленьких ямок с параллельными линиями шнура и двумя рядами наклонных отпечатков гребенчатого штампа.

Плесинский могильник вместе с другими (Деменковский, Урьинский) показывает генетическую связь северного варианта ломоватовской культуры с родановской. Детальное изучение материала могильника дает новые доказательства автохтонного происхождения коми-пермяков.

Кунгурский отряд (рук. Г. А. Шокушев) провел большие раскопки на городище Лобач, где вскрыты шесть жилищ прямоугольной и квадратной формы (площадь — 40—45 кв. м). Жилища представляли собой наземный столбовой дом, слабо углубленный в землю (16—20 см), с плоской односкатной крышей, с хозяйственными ямами и очагами против входа. Все жилища входами обращены в сторону вала.

В раскопках был получен большой вещественный материал, по которому памятник датируется VIII—XI вв. Керамика по форме и орнаменту имеет близкие аналогии керамике Неволинского могильника (шаровидные сосуды с прямым горлом, низкие открытые чаши, преобладание (76%) резного орнамента). В то же время выделяются сосуды удлиненной формы с плавным переходом от высокой шейки к тулову, орнаментированные беднее других. Они встречаются только в верхнем слое и относятся к позднему этапу жизни на городище. В разведках обнаружены селища, имеющие только такую керамику. Это в будущем даст возможность выделить поздний этап сылвенской культуры. Сохранение формы шаровидных сосудов, ведущих происхождение от сосудов кушнарниковского типа (Генинг, 1961, стр. 40—44), говорит о возможном этническом родстве населения сылвенской культуры с племенами среднего течения р. Белой в Башкирии.

На городище в хозяйственной яме найдены остатки зерна (ячмень, рожь). Вещественный материал городища показывает резкие отличия сылвенской культуры от одновременной родановской.

Кунгурским отрядом были проведены небольшие раскопки Кляповского могильника, где были вскрыты три погребения. Овальные и квадратные могильные ямы расположены неглубоко от поверхности (35—45 см). Стенки их обложены сланцевыми плитками. Косточки лежали на спине, головой на юго-запад. Одно погребение было коллективным. В могильнике найден железный широкий нож с желобком харинского типа, бронзовые пряжки III в. с обоймой и вытянутым язычком и костяные наконечники стрел. Могильник датируется III—IV вв.

Кляповский могильник следует относить к мазунинской культуре. Очевидно, какая-то небольшая группа населения Среднего Прикамья вместе с харинцами проникла в бассейн Сылвы и оставила этот интересный памятник.

Разведки и раскопки Камской археологической экспедиции 1961 г. дали интересный и разнообразный материал, изучение которого проливает новый свет на историю древнего населения Верхнего Прикамья.

В. И. ФОМИНА

СЕЛИЩЕ У СПАССКОГО МОСТА

Летом 1961 г. Челябинский краеведческий музей произвел раскопки курганов и селищ, попадающих в зону затопления в районе сооружения Верхне-Уральского водохранилища. В числе исследованных памятников было селище у Спасского моста, открытое в 1950 г. разведочным отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского университета (руководитель отряда — В. И. Фомина, начальник экспедиции — К. В. Сальников).

Селище расположено у северной окраины с. Спасское, Верхне-Уральского района, Челябинской области, на правом берегу р. Урал, у моста через реку. Площадь селища — около 1000 кв. м.

Поверхность значительной части селища испорчена при сооружении моста и посадке тополей. В настоящее время в северной его половине, рядом с тополями, разбит огород, скрывающий хорошо заметную прежде большую жилищную впадину. В южном конце памятника разместились постройки свинофермы.

В северной части селища, среди тополей и в огороде, было заложено два разведочных раскопа площадью 56 кв. м (раскоп II) и 64 кв. м (раскоп III). Возможность расширения площади раскопов исключалась в связи с ограничением их с трех сторон мостом, рекой и огородом.

В 180 м к югу от раскопа II были разбиты еще два раскопа — площадью 400 кв. м (раскоп I) и 120 кв. м (раскоп IV). Всего вскрыто 640 кв. м.

В почти соприкасающихся раскопах II и III на вскрытой площади обнаружен огромный зольник, занимающий большую часть поверхности раскопов, кроме восточной части, где прослежены лишь вкрапления прокаленного песка и золы.

В юго-западном углу раскопа II, на глубине 0,60 м от уровня современной поверхности, сохранились остатки очага: несколько камней размером 0,20 x 0,10 м, подвергавшихся воздействию огня. Камни со следами сажи лежат поверх золы. Близ северной стенки раскопа III, на глубине 0,60 м от уровня современной поверхности, также найдены остатки очага в виде прокаленного пятна (0,50 x 0,20 м) и двух небольших камней. В заполнении очага найдено множество мелких раздробленных костей и обломков сосудов. Культурный слой раскопов II и III составляли кости животных, обломки сосудов, кусочки обожженной глины и золы, створки речных раковин, кусочки талька, каменные диски диаметром 0,08 м.

Раскоп I заложен по обе стороны от проходящего по территории поселения оврага, в обрыве которого виден культурный слой. Стратиграфия восточной половины раскопа: чернозем — от 0,28 до 0,72 м; зола — 0,10 м; чернозем — 0,06 м; грунт. Всю западную часть раскопа I, за исключением северного края, занимал зольник площадью 149 кв. м, залегавший на глубине от 0,35 до 0,70—0,80 м. Зольник насыщен осколками керамики, расколотыми и целыми костями животных.

В юго-западной части, в грунте под зольником, оказалось углубление на 0,16–0,19 м, заполненное культурным слоем зольника. Углубление почти прямоугольной формы, вытянуто на 5 м с северо-востока на юго-запад и уходит под западную стенку раскопа. Длина его по этой стене—7,5 м. Это углубление -- либо след какого-то сооружения (жилища), либо вырыто специально для зольника, поскольку зола лежит непосредственно на грунте.

К востоку от зольника, на глубине 0,60 м от современной поверхности грунта, выявлено черное пятно жилищного углубления. Удалось проследить западную и восточную стенки жилища, вытянутого с юго-востока на северо-запад и врезанного в грунт на глубину от 0,15 до 0,27 м. Длина его 14 м, ширина — 6 м.

С юга и северо-запада к жилищу примыкают два узких длинных, но более мелких (0,12 м), чем основная впадина, углубления размером 2 x 1 м в южной части и 2 x 3,5 м у северо-западной части жилища. Назначение их неясно. Возможно, это остатки входа. К ним можно отнести и две канавки (0,35 x 0,33 м и 0,35 x 1,25 м) глубиной 0,10 м от уровня грунта, с востока и запада примыкающие к северо-западной части жилища.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие ямок от столбов. Исключение составляют две круглые ямки до 0,20 м глубины и такого же диаметра у южной стенки жилищной впадины. Отсутствие столбовых ям на поселении, сравнительно мелкая глубина жилища, наконец, почти полное отсутствие четких глубоких впадин при внешнем осмотре селища позволяют предполагать наземный характер его жилищ.

Внутри жилища, в юго-восточной части его, оказалось два очага. Первый очаг в виде овального углубления в полу (глубина 0,25 м, размеры 2 x 1,5 м), по внешнему краю его прослеживаются остатки каменной кладки (размеры камней 0,10 x 0,15 м). Заполнение очага: прокаленный песок, зола, осколки обожженных косточек, очень мелкие обломки сосудов. Вокруг очага и над ним — зола. В 1 м к северо-востоку от первого очага расположен второй очаг. Он поверхностный, в виде сильно прокаленного овала площадью 3 кв. м.

У западной стенки жилища, в средней части его, на глубине 0,35–0,40 м от поверхности — полоса золы с небольшим прокалом, насыщенная обломками сосудов и расколотыми костями животных.

В заполнении жилища найдено 75 мелких, плохо сохранившихся костей животных, 41 обломок сосудов, 16 из которых обнаружено в зольных пятнах очагов. В первом очаге найден обломок сосуда, орнаментированный поясками желобков, которые как бы подчеркивают идущей под ними линией резного зигзага. В тесте -- примесь дресвы. Два других фрагмента сосудов, один из которых имеет желобчатый орнамент, а другой орнаментирован «проташенной» гребенкой, содержат в тесте густую примесь талька. Эти сосуды явно алакульского типа. Один фрагмент имеет валик, покрытый резной елочкой, под валиком идет поясок из косых насечек. Все обломки сосудов залегают на одном уровне.

Культурный слой раскопа I, состоящий из осколков керамики, костей животных, золы, кусочков талька, поделок из камня и бронзы, выявлен на глубине 0,20 м от уровня современной поверхности и наиболее насыщен находками на глубине 0,40 м. Большинство находок сосредоточено в зольнике и около жилища.

Поделки из камня представлены пестом, каменным отбойником, колотушкой, терочными плитками, обломком конусовидного кремневого нуклеуса, точильным камнем.

В западной половине раскопа на глубине 0,25 м обнаружен бронзовый ножичек длиной 0,07 м, шириной 0,012 м. Кончик ножа обломан. В выбросе земли из раскопа найден второй бронзовый нож, также обломанный. Форма обоих ножей нетипична для срубной и андроновской культур (рис. 1—15, 16).

Изделия из камня, бронзы и глины, за исключением некоторых, найдены вне жилищ, на глубине 0,25—0,40 м.

В 14,5 м к западу от северо-западного угла раскопа I был заложен раскоп IV. В восточной половине раскопа вскрыты зольник и часть жилища полуземляночного типа, устройство которого полностью проследить не удалось. Жилище это идет в небольшом плавном понижении с востока на запад и непосредственно примыкает к зольнику. Длина понижения 14 м, ширина — 8 м. В грунт жилище врезалось на 0,60 м. На его площади обнаружены две столбовые ямы глубиной 0,20 м, диаметром 0,15—0,19 м. На понижении и вне его прослежено еще 6 мелких ямок глубиной до 0,12 м, диаметром до 0,15—0,18 м. Ямки следует рассматривать как следы стены и каких-то перегородок, относящихся к жилищу.

На вскрытой площади прослежены остатки очагов.

В северной части раскопа IV обнаружен очаг площадью 6 кв. м, заполненный золой и вкраплениями комочков прокаленной глины. В юго-западном углу раскопа — другой очаг, в виде прокаленного пятна 1,5 x 0,30 м; в очаге угли и несколько камней на краю канавки (длина 5 м, ширина — 0,50 м, глубина — 0,50 м).

В заполнении очага найден обломок придонной части сосуда алакульского типа, орнаментированный «протасенной» гребенкой, и фрагмент сосуда с резными наклонными линиями. В тесте — примесь талыка.

В канавке рядом с очагом найдено два плоскодонных раздавленных сосуда. Орнамент одного сосуда нанесен гребенчатым штампом и состоит из полосы наклонных линий и равнобедренных треугольников, поставленных вершиной вниз. Сосуд грубой лепки, напоминает посуду срубного типа. Второй сосуд имеет короткую шейку с утонченным венчиком, по краю которого идут косые насечки, а по округлому плечу — поясok из елочки, нанесенной гребенчатым штампом. Лепка сосуда грубая. Тут же найдены небольшие обломки пяти сосудов баночной формы; сосуды грубой лепки, в тесте примесь дровы. Два обломка украшены зигзагом, нанесенным на одном «протасенной» гребенкой, на другом — резьбой.

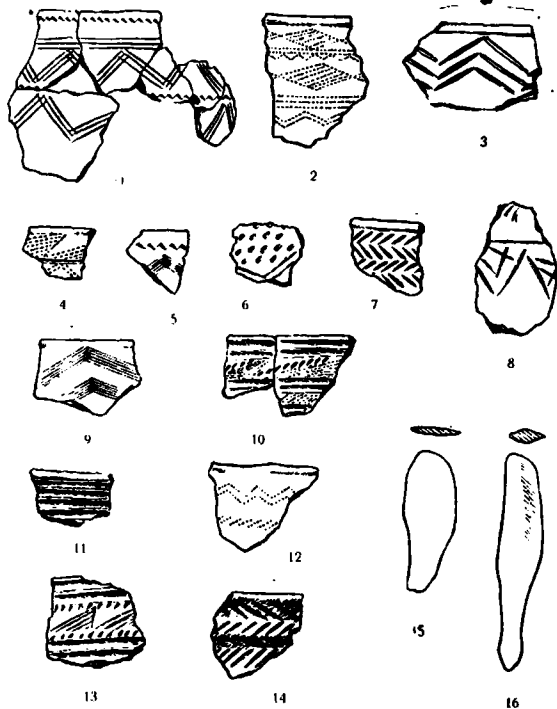

Рис. 1. Селище у Спасского моста. Изделия из металла и глины: 1-14 — образцы керамики; 15, 16 — бронзовые ножи. К статье Г. И. Матвеевой.

Третий фрагмент украшают косые треугольники, заштрихованные вертикальными линиями оттисков гребенчатого штампа и пояском из уголков. Прочие фрагменты не орнаментированы.

В северо-западном углу раскопа IV, в толще чернозема на глубине 0,60 м от уровня современной поверхности, обнаружено женское погребение. Длина погребения 0,75 м, ширина 0,37 м. Костяк лежал в скорченном положении на левом боку, головой к северу. На запястьях рук — желобчатые браслеты алакульского типа, у черепа — обломок височной подвески.

Культурный слой раскопа IV аналогичен культурному слою трех первых раскопов. Из каменных поделок в раскопе IV найдены: обломок зерпотерки, терочные камни, точильный брусок, обломок каменного молота, аналогичный молоту из землянки Садчиковского поселения (Кривцова-Гракова, 1951, стр. 159, рис. 8).

Изучение остатков жилищ поселения у Спасского моста позволяет сделать следующие выводы.

1. Селище расположено в типичных для зауральских поселений андроновской культуры топографических условиях.

2. Первоначальная площадь селища, в значительной своей части уничтоженная или испорченная, равнялась 1000 кв. м.

3. Отсутствие четких внешних следов жилищ, мелкая глубина жилища в раскопе I, почти полное отсутствие столбовых ям свидетельствуют о том, что на селище существовали, а может быть и преобладали наземные жилища и полуземлянки.

4. В культурном слое селища обнаружено более 3000 костей животных, до 2400 фрагментов керамики, 30 поделок из камня, бронзы и глины.

Кости, очевидно, принадлежали домашним животным. Найдено также несколько птичьих костей.

Шестьдесят процентов фрагментов сосудов неорнаментированы. Из орнаментированных сосудов 43% имеют гребенчатый орнамент, 32% — резной, 14% — желобчатый и ямочный, 11% орнаментированы «проташенной» гребенкой (рис. 1, 1—14).

По форме сосуды можно разделить на: а) горшечно-баночные с округлыми плечиками и несколько отогнутым венчиком, б) горшечно-баночные с уступчиком на границе шейки и плечиков, в) прямостенные баночные, г) чашечки с округлыми стенками и несколько вогнутым внутрь венчиком.

В teste сосудов встречается примесь талька, слюды, дресвы и толченой раковины. Преобладает примесь слюды и талька.

Размеры сосудов различны: от маленьких чашечек диаметром 0,04 м до корчаг диаметром 0,30 м.

Все виды керамики как по форме, так и по орнаменту входят в единый культурный слой селища, который стратиграфически на горизонты не делится.

Одна группа сосудов украшена оттисками гребенчатого и гладкого штампа и нарезкой, которые образуют заштрихованные треугольники, меандры, зигзаги, ромбы, дополняемые желобками, ямками. Большинство фрагментов этой группы имеет примесь толченого талька или слюды, изредка встречается примесь дресвы и толченой раковины. Эта группа сосудов относится к федоровскому и алакульскому типам.

Другая группа сосудов орнаментирована поясками елочек, косых насечек, ямок различной формы. Орнамент нанесен грубо, в teste имеется примесь песка и дресвы. Эти сосуды аналогичны керамике Замараевского селища (Сальников, 1951 б).

Фрагменты с наленными или рельефными валиками, характерные для памятников поздней бронзы, единичны.

5. Редкие обломки лощеных сосудов, орнаментированных по шейке удлиненными косыми треугольниками с десятью овальными ямками по гипотенузе, напоминают карасукскую керамику.

6. Несколько обломков сосудов, орнаментированных резными насечками и грубым крупным гребенчатым штампом, свидетельствуют о влиянии срубной культуры.

7. Топографические условия поселения, большой зольник, состав культурного слоя, тип керамики позволяют считать селище у Спасского моста памятником андроновской культуры и датировать его второй половиной II тысячелетия до н. э.

Что касается погребения, то скорченное положение костяка, северная ориентировка и наличие желобчатых браслетов позволяют отнести его к погребениям алакульского типа.

Г. И. МАТВЕЕВА

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА САВРОМАТСКОГО ВРЕМЕНИ БЛИЗ г. ТРОИЦКА

Летом 1961 г. Троицким краеведческим музеем были произведены раскопки двух курганов Бобровского курганного могильника.

Могильник находится в 20 км к востоку от города Троицка, Челябинской области, и в 3,5 км к востоку от пос. Бобровка. Он расположен на левом берегу р. Уй, в 250 м от реки, близ плотины Троицкой ГРЭС.

Могильник, состоящий из 4 курганов, был открыт и обследован сотрудниками Троицкого музея Ю. А. Азаровым и Г. И. Матвеевой в 1959 г.

Курган № 1 находится на наиболее высокой части площадки могильника. Он отличается своими размерами и хорошо заметен издалика. Высота кургана 2 м, диаметр 30 м. В центре кургана две глубокие воронки — следы хищнических раскопок его в конце 20-х годов. Во время этих раскопок жителями Бобровки были найдены, по сообщениям старожил, меч, удила, обрывки кольчуги и т. д. Вещи утеряны.

Курган № 2 расположен несколько южнее первого. Диаметр его 16 м, высота 0,4 м. В центре кургана неглубокая воронка.

Курган № 3 без следов раскопок, низкий, оплывший, диаметр 20 м, высота 0,5 м.

Курган № 4 расположен к востоку от трех предыдущих курганов. Его диаметр 17 м, высота 0,55 м.

В 1961 г. учащиеся Бобровской школы под руководством преподавателя истории К. Х. Ковтуненко начали раскопки курганов. Насыпь кургана № 3 была снята с помощью бульдозера. При этом устройство курганной насыпи не было прослежено. Было лишь замечено, что в насыпи большое количество больших и малых камней, некоторые камни со следами огня. Затем открылось темное пятно могильной ямы, часть заполнения которой также было срыто бульдозером. В заполнении могильной ямы, как сообщил К. Х. Ковтуненко, была найдена челюсть человека. Насыпь кургана № 4 бульдозером потревожена незначительно, после чего раскопки были прекращены.

О раскопках было сообщено в Троицкий краеведческий музей, который организовал исследование потревоженных курганов. При просмотре отброшенных камней и земли из насыпи кургана № 3 установлено, что отдельные камни действительно носили следы огня. Могильная яма была ориентирована с севера на юг и имела овальную форму. В заполнении

могильной ямы удалось обнаружить отдельные кости человека (берцовая кость, ребра и т. д.), голубую бусину с белыми глазками и небольшой обломок пряслица. Других находок найдено не было. Вокруг могильной ямы прослеживалась незначительная меловая подсыпка.

Малое количество вещей в погребении затрудняет его датировку. Следует отметить, что бусы описанного типа часто встречаются в сарматских памятниках прохоровского времени (IV–II вв. до н. э.). В прохоровских погребениях нередко и меловая подсыпка. Однако с уверенностью говорить о дате кургана невозможно из-за недостатка вещей и вследствие того, что не удалось проследить устройство погребального сооружения.

Более детально исследован курган № 4.

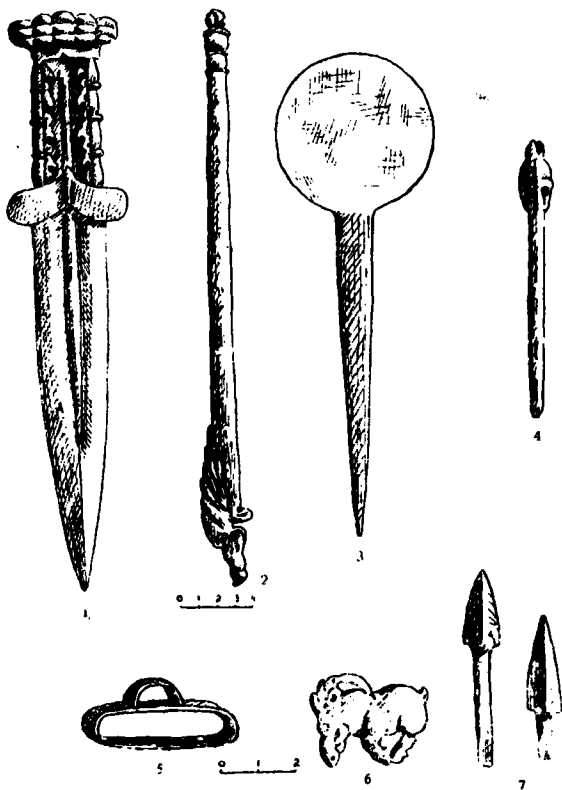

Рис. 1. Бобровский могильник. Вещи из кургана № 4.

Бульдозером была снята лишь часть насыпи кургана, не более 20 см. Нами удалена остальная часть насыпи, состоявшая из земли и камней, большинство которых находилось в центральной части кургана.

Могильная яма прямоугольной формы находилась в средней части кургана и была несколько смещена к югу. Яма размером 2,1 x 0,85 м, вытянута с северо-запада на юго-восток. Она выбита в твердом каменистом слое на глубине не более 40 см от древней поверхности.

В могильной яме лежал очень крупный мужской костяк (длина около 2 м). Костяк был ориентирован головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль тела, ноги раздвинуты, как у всадника, сидящего на лошади.

У правого плеча погребенного лежала небольшая бронзовая бляшка в виде барана или горного козла (рис. 1, 6), в области таза—10 бронзовых поясных накладок (рис. 1, 5), у правой руки — бронзовый кинжал, на котором сохранились следы деревянных ножен (рис. 1, 1). Прямо на кинжале лежало круглое бронзовое зеркало с длинной ручкой; зеркало было помещено в кожаный футляр, остатки которого хорошо сохранились (рис. 1, 3). Несколько выше таза у правого бока найден изогнутый железный предмет плохой сохранности, назначение которого определить не удалось.

У левого бока умершего лежал небольшой каменный брусок. Здесь же, у левого бедра, находилось 9 бронзовых трехгранных черешковых стрел двух типов (рис. 1, 7). Стрелы лежали кучкой (видимо, были помещены в колчан, который не сохранился). У кисти левой руки найден бронзовый предмет неизвестного назначения (рис. 1, 4), у правой ноги — бронзовое кнутовище нагайки с изображением головы кабана на конце (рис. 1, 2).

Комплекс кургана № 4 легко поддается датировке. Кинжал, близкий бобровскому, был найден в одном из погребений Ананьинского могильника, который датируется VI в. до н. э. (Збруева, 1952, стр. 100). Подобные бронзовые кинжалы часто встречаются в Северном Казахстане в раннескифское время (Грязнов, 1956, стр. 12). Черешковые бронзовые стрелы в памятниках Восточного Казахстана и в раннетагарских памятниках также датируются не позднее VI в. до н. э.

Этому времени соответствуют и остальные вещи из погребения. Бронзовое зеркало с длинной ручкой близко по форме зеркалу, найденному близ с. Маринского, у Кокчетова (Грязнов, 1956).

Весь комплекс вещей кургана № 4 значительно отличается от материальной культуры курганов этого времени в окрестностях Троицка, принадлежащих местным савроматским племенам. Можно предполагать, что курган сооружен племенами, жившими в савроматское время в Северном Казахстане, так как ближайшие аналогии найденным в кургане вещам и обряд захоронения уводят нас именно в Северный Казахстан (Грязнов, 1956, стр. 12).

А. Х. ПШЕНИЧНЮК

БИКТИМИРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

При попытке разрешения ряда спорных вопросов, сложившихся вокруг кара-абызской проблемы, остро чувствуется слабая изученность могильников. Немногие погребения, вскрытые при раскопках Уфимского (Гольмстен, 1913), Правая Белая (Ахмеров, 1952 а) и Нового Уфимского (Ахмеров, 1959) могильников, в большинстве своем были разрушены во время земляных работ, что, естественно, привело к частичной утрате вещевого материала. Неизвестно и расположение многих предметов по отношению к костяку. Поэтому каждый новый могильник, связывающийся с поселениями типа Кара-Абыз, представляет большой научный интерес.

В 1962—1963 гг. экспедицией Башкирского филиала АН СССР изучался Биктимировский могильник, обнаруженный в 1955 г. краеведом А. П. Шокуровым.

Могильник расположен возле дер. Ново-Биктимирова, Бирского района, на невысоком коренном берегу безымянного ручейка, впадающего в старицу р. Белой. Площадь памятника нарушена в четырех местах большими силосными траншеями. На двух раскопках вскрыто 522 кв. м и обнаружено 47 погребений (рис. 1). Границы могильника не определены. По словам местных жителей, древние могилы встречались на значительном расстоянии от края террасы. Исследована, видимо, незначительная часть памятника.

Из 47 раскопанных погребений непо потревоженными оказались 28, в том числе 7 детских. Остальные разрушены либо в результате ограбления в древности (14 погребений), либо при сооружении силосных траншей (5 погребений).

Погребальный обряд. Могильные ямы четырехугольной формы с закругленными углами. Костяки лежали вытянуто на спине. В одном погребении (№ 9) костяк оказался слегка скорченным на левом боку. Подавляющее большинство погребенных — 29—ориентировано головой на запад, иногда с незначительными отклонениями, ногами к ручью. В 6 нарушенных погребениях ориентировка точно не установлена, но для 5 из них с большой долей вероятности можно допустить также западную ориентировку. Из остальных на восток ориентирован один костяк, на юг — 2, север — 3, северо-запад — 3, юго-запад — 2, северо-восток — 1. Выделяется ориентировка погребений № 39 и 43. В отличие от основной массы погребений, они были ориентированы не по линии восток—запад, а по линии, приближающейся к север—юг, причем в погребении № 39 костяк лежал головой на север,

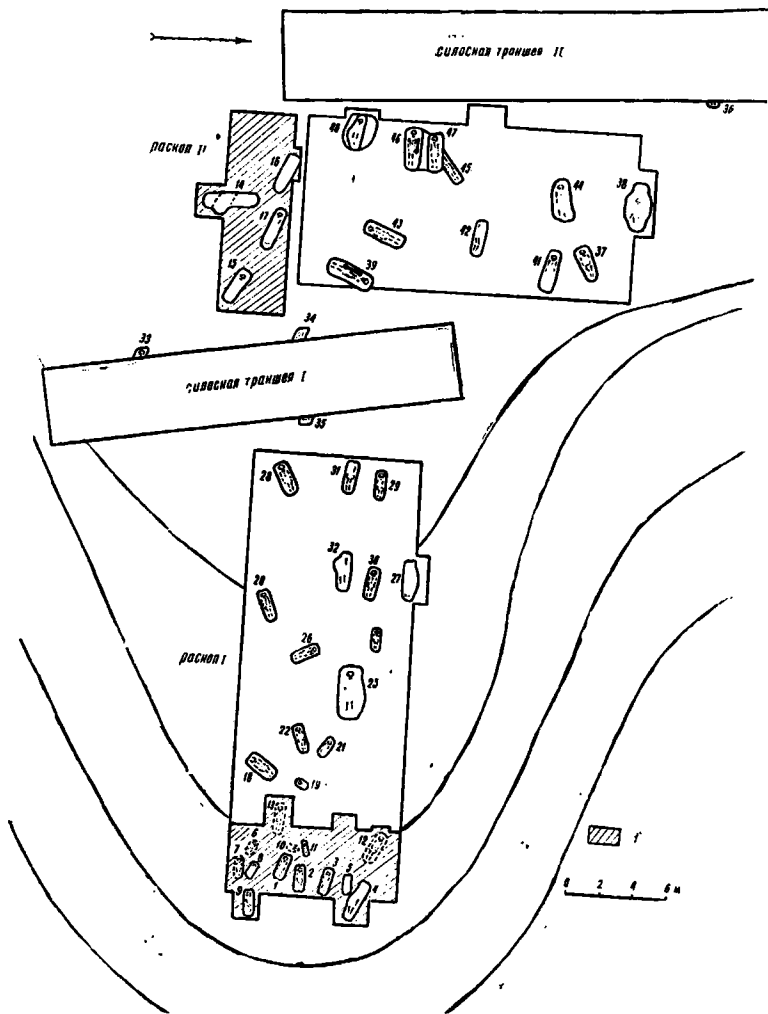

Рис. 1. План раскопов Биктимировского могильника.

1 — участки, вскрытые в 1962 г.

а в погребении 43 — на юг. Оба погребения сопровождалась самыми богатыми наборами женских украшений.

В расположении некоторых могил можно усмотреть ряды: погребения № 1—6; 27, 30, 32; 28, 31, 29 (рис. 1). Лишь одно погребение (№ 47) прорезано другим (№ 45). Несколько отличаются по своему устройству могильные ямы погребений № 46 и 47. Вначале для них была вырыта обширная подквадратная общая могильная яма, ориентированная по сторонам горизонта. На глубине 110 см от поверхности яма была поделена материковой перемычкой шириной 40 см на две обычные могильные ямы, углубленные еще на 40 см и ориентированные по линии восток-запад. Оба погребения принадлежали женщинам.

Размеры могильных ям взрослых погребений колеблются в пределах 170—270 х 50—100 см при глубине 70—190 см, чаще встречаются ямы размерами 210—220 х 60—70 см при глубине 120—130 см. В ряде могил прослеживались остатки древесной коры, хорошо сохранившейся на бронзовых украшениях. Вероятно, умерших завертывали в лубок. На дне двух могильных ям обнаружены остатки деревянной подстилки. Глиняная посуда в погребениях отсутствует. Лишь над погребением № 32 на глубине 12 см от современной поверхности найдено два маленьких ритуальных сосуда из глины. Оба сосуда сделаны грубо, поверхность их плохо сглажена и испещрена мелкими выщербинами от выгоревшей растительной примеси. Один сосуд имеет форму чашечки с круглым дном и двумя ушками; в верхней части чашечка украшена рядом мелких круглых ямок и коротким резным зигзагом (рис. 2, 3). Второй сосуд — курильница на поддоне (рис. 2, 4). Почти во всех женских погребениях обнаружены 1—3 кусочка мела, которые обычно лежали ниже пояса погребенного.

Большинство погребений сопровождалось инвентарем. Наряду с очень богатыми погребениями, встречались могилы без вещевого материала либо с очень незначительными мелкими находками. Очень бедными оказались детские погребения. Женские погребения сопровождалась богатым набором украшений, мужские — главным образом предметами вооружения. На основании инвентаря уверенно можно определить пол большинства погребенных: 18 погребений принадлежали женщинам и 14 — мужчинам. В 15 погребениях пол по инвентарю не определяется. В подростковом погребении № 29 сугубо мужской инвентарь — бронзовые наконечники стрел — сочетался с предметами женских украшений — бусами.

Женские украшения представлены разнообразными металлическими наборами поясов и нагрудных ремней, поясными подвесками, бляхами и обоймами, нашитыми на подол одежды, височными кольцами, браслетами, перстнями, бусами.

Пояса встречаются в большинстве женских погребений. Обычно они лежат на кости — вытянуты от левой тазовой кости к правому колену или, наоборот, от правой тазовой кости к левому колену. В погребениях № 39 и 46 пояса лежали рядом с костяками, вдоль скелета. В двух случаях пояса сохранились полностью (рис. 2, 1). Они представляют собою широкие кожаные ремни, сплошь покрытые 18—22 массивными бронзовыми¹ овальными пластинами с двумя перехватами, делящими пластину на три приблизительно равные части. Средняя часть выпукло-вогнутая, на крайних глубокой нарезкой изображены головы лошадей с сильно изогнутой шеей. На оборотной стороне накладки имеют по два ушка (рис. 2, 5) для продергивания узких ремешков, с помощью которых они крепились к ремню-основе.

На одном конце ремня, а иногда и на обоих, находилось по одной дисковидной бляхе из «серебристой» бронзы. В погребении № 39 ремень был снабжен тремя бляхами — две на одном конце и одна на другом (рис. 2, 1). Всего обнаружено 15 таких блях диаметром от 8,5 до 13,5 см, чаще от 11 до 12 см. Все они слегка выпукло-вогнутые, с двумя небольшими отверстиями на противоположных краях. Наружная сторона блях гладкая, тщательно отполированная. 11 блях на внутренней стороне имеют небольшое утолщение с валиками по краю (рис. 2, 2). На многих хорошо заметны следы отрубленного штыря. Совершен-

¹ В наиболее богатом погребении № 39 почти все украшения, в том числе поясные накладки, сделаны из низкопробного серебра.

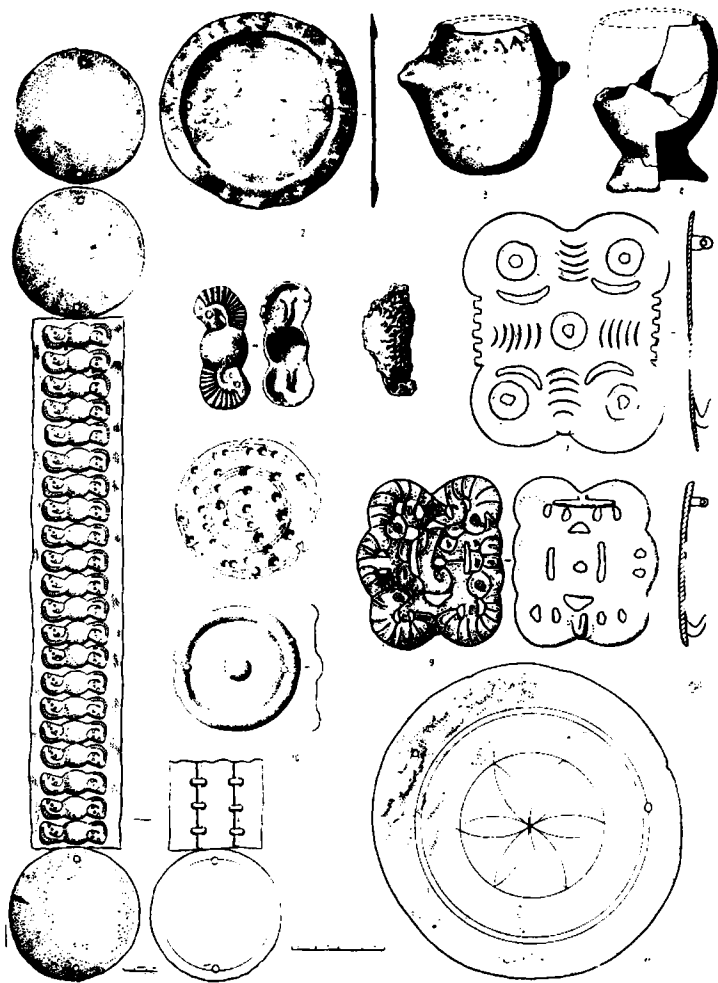

Рис. 2. Поясные ремни, глиняные сосудики:

1, 5 — погр. № 39; 2, 6 — погр. № 30; 3, 4 — погр. № 52; 7 — погр. № 46; 8, 9 — погр. № 43; 10 — погр. № 47;
11 — погр. № 37.

но очевидно, что бляхи были изготовлены из обычных раннесарматских зеркал путем удаления штыря рукоятки и снабжения диска двумя отверстиями. Бляха из погребения № 37 по внутренней стороне украшена концентрическими кругами и шестилепестковой розеткой (рис. 2, 11), что также встречается на сарматских зеркалах. Почти всегда под бляхой находились кусочки железа очень плохой сохранности, в одном случае удалось установить, что это был крючок (рис. 2, 6). Расположение блях на концах ремней (отверстиями по длине ремня), находки под бляхами крючков наводят на мысль, что они выполняли роль поясных застежек. Иногда рядом с дисковидными бляхами прикреплялось по одной-две бляхи меньшего диаметра, причем большая дисковидная бляха всегда оказывалась крайней. В погребении № 43 на одном конце ремня рядом с тонкой круглой бляхой с концентрическими кругами, сквозными отверстиями и выпуклинами (рис. 2, 8) находилась круглая бляшка, аналогичная бляшкам, украшавшим нагрудные ремни (рис. 3, 4); в погребении № 28 на обоих концах ремня, помимо большой дисковидной бляхи, имелись круглые бляшки с ушком на обороте. В ряде погребений найдены только дисковидные бляхи. Очевидно, поясные ремни из этих погребений не имели бронзовых накладок, отчего и не сохранилось никаких остатков ремня. Примечательно, что бляхи в таких случаях лежат слева или справа от таза, отверстиями вдоль костяка, т. е. и тут пояса были вытянуты от таза к коленным суставам. В погребении № 47 дисковидная бляха находилась на груди. Ниже нее лежала выпуклая бляха меньшего диаметра. Отверстия на обеих бляхах приходились вдоль скелета (рис. 2, 10). Вторая бляха малого диаметра найдена у левого колена. В этом случае также вполне допустимо предположение, что бляхи украшали концы поясного ремня, положенного поверх умершего.

В двух погребениях вместе с бляхами находились большие бронзовые пряжки с крючком и костыльком на обороте. Одна пряжка украшена глубокими резными линиями, в очертании которых можно различить изображения голов горных баранов (рис. 2, 9), другая орнаментирована четырьмя резными кружочками по «углам» и четырьмя рядами полувальных линий (рис. 2, 7).

Нагрудные украшения состоят из двух широких кожаных ремней, спускающихся в виде портупей от плеч к поясу. Ремни украшены бронзовыми гофрированными обоймами, чередующимися с круглыми выпукло-вогнутыми бляшками с одним или двумя ушками на обороте (рис. 3, 1—3). В погребении № 43 обоймы чередовались с плоскими бляшками с выпуклинами в виде кружочков и линий (рис. 3, 4), в погребении № 28 — с маленькими круглыми бляшками-пуговицами (рис. 3, 5). В подростковом погребении № 14 нагрудные украшения состояли из двух узких ремешков, обвитых спиралями, которые чередовались с круглыми и фигурными бляшками (рис. 3, 7). В погребении № 30 нагрудные ремни были сплошь покрыты только гладкими обоймами (рис. 3, 6). Часто нагрудные ремни оканчивались трапециевидными подвесками. В погребениях № 39 и 46 на нижних концах нагрудных ремней находились большие бляхи с изображением оленя (рис. 3, 1). В двух богатых погребениях (№ 3 и 39) параллельно «портупеям», с их наружной стороны спускались по четыре узких ремешка, украшенных удлинненными гофрированными обоймицами. Ремни прикреплялись к квадратным бляхам (рис. 3, 8—9) и оканчивались трапециевидными подвесками или бляхами со стилизованным изображением животного (рис. 3, 10).

Поясные подвески встречаются во многих женских погребениях. Большинство из них имеет пластинчатую трапециевидную форму. Некоторые вырублены из дисковидных блях или зеркал с валиком по краю (рис. 4, 2—3). В трех погребениях найдены подвески в виде колокольчиков. Колокольчики из погребения № 3 украшены схематическим изображением птиц (рис. 4, 4). В погребении № 39 найдены две пары массивных серебряных колокольчиков. В одном колокольчике язычком служило маленькое медное колечко, в трех остальных — бронзовые трехперые наконечники стрел с боковыми отверстиями, за которые они привязывались тонкими ремешками (рис. 4, 1). Колокольчики из погребения № 28 аналогичны вышеописанным, только меньшего диаметра и без язычков. В двух по-

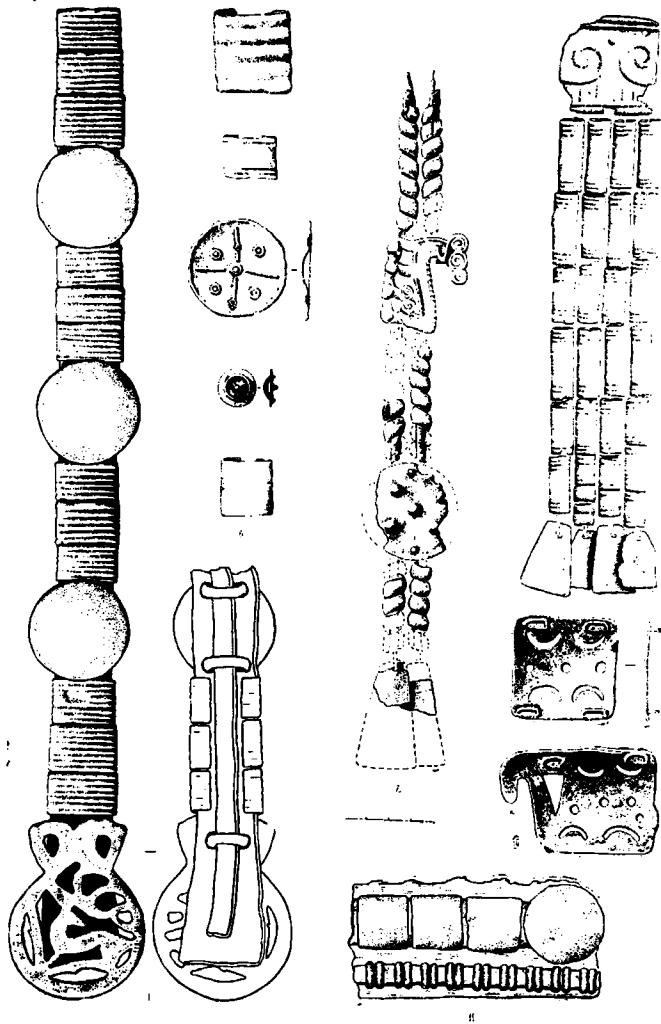

Рис. 3. Украшения нагрудных ремней и подола:

1, 8, 11 — погр. № 39; 2, 9, 10 — погр. № 3; 3 — погр. № 30; 4 — погр. № 43; 5, 6 — погр. № 28; 7 — погр. № 24.

гребенях найдено по паре петлевидных подвесок (рис. 4, 5), в одном — подвески со стилизованным изображением какого-то животного (рис. 4, 7).

Подвески подвешивались одной-двумя парами на проволочных цепочках (рис. 4, 2) или, чаще, на узких ремешках. В одних случаях ремешки продеты в бронзовые трубочки (рис. 4, 4, 9), в других покрыты мелкими обоймицами (рис. 4, 1, 3).

Подвески не прикреплялись к поясному ремню — обычно поясной ремень лежал поверх костяка или сбоку, а подвески находились в области пояса. Вероятно, подвески прикреплялись прямо к верхней одежде.

В большинстве погребений все украшения, за исключением поясных ремней, расположены так, как, видимо, их носили при жизни. Но в двух погребениях (№ 3 и 39) все украшения были сдвинуты по отношению к скелету: в погребении № 3 — кверху и находились частично под костяком, а в погребении № 39 — книзу и лежали поверх костяка. Это объясняется, очевидно, тем, что верхняя одежда со всеми украшениями в этих двух погребениях не была надета на умерших, а положена отдельно — в погребении № 3 перед положением трупа, а в погребении № 39 — после положения трупа, поверх него. К такому выводу мы пришли на том основании, что если все украшения в погребении № 3 передвинуть на 30 см книзу (к ногам), а в погребении № 39 — на 55 см кверху (к голове), то они окажутся на своих местах — там, где обычно лежат в других погребениях.

В описанных погребениях, помимо обычных украшений, в области плечей найдены подвески на узких ремешках, продетые в бронзовые или серебряные широкие спирали. В погребении № 3 на каждом плече было по 4 проволочных подвески в форме овала, поделенного пополам (рис. 4, 8), в погребении № 39 — по 10 подвесок в виде трапеций (рис. 4, 9) и лунниц (рис. 4, 10).

В разграбленном погребении № 40 вместе с овальными поясными накладками с изображением голов лошадей, гладкими и гофрированными обоймицами, что указывает на женский пол погребенного, найдены две подвески в форме маленького лука (рис. 4, 6).

Обшивки подола. Во многих женских погребениях на костяке и под ним в области коленных суставов находилось от 26 до 35 прямоугольных обойм, лежащих в один ряд. Среди обойм встречается по несколько круглых выпуклых бляшек с одним или двумя ушками на обороте. В двух погребениях параллельно крупным обоймам шел ряд мелких, расположенных парами (рис. 3, 11). Под костяком обоймы лежали внутренней стороной кверху. Следовательно, здесь мы имеем круговую обшивку костюма. В погребениях № 39 и 43 возле обойм хорошо сохранились остатки кожи. Очевидно, эти украшения нашивались на подол верхней кожаной одежды — шубы (?).

Височные кольца спиральные в полтора оборота найдены в 12 погребениях. Обычно они лежат попарно справа и слева у черепа. Кольца сделаны из бронзовой проволоки, обложенной тонким золотым листом, изредка из чистой бронзы или золота. Диаметр их колеблется в пределах 1,8—3 см (рис. 5, 1—2). В трех погребениях к височным кольцам были прикреплены золотые подвески в виде короткой гофрированной трубки (рис. 5, 3). В погребении № 37 вместе с бронзовыми височными колечками находились проволочные подвески в виде несомкнутого кольца со стержнем (рис. 5, 4).

Браслеты — по одному на каждой руке — найдены в двух погребениях. Все они сделаны из бронзового или серебряного овального в сечении прута, согнутого в несколько оборотов (рис. 5, 5).

Перстни — по 1—3 на пальцах каждой руки — найдены в 10 погребениях. Из 23 экземпляров 11 спиральных (рис. 5, 6), 8 снабжены широкими орнаментированными щитками (рис. 5, 7—12), 2 сделаны из спаянных колец (рис. 5, 13) и 2 массивных полуовальных в сечении (рис. 5, 14).

Мелкие бронзовые обоймицы и круглые бляшки найдены почти во всех женских погребениях. Чаще всего они лежат на плечевых костях, реже в области черепа и на костях предплечья. Наиболее распространены различных размеров гофрированные обоймицы (рис. 5, 15), реже встречаются гладкие (рис. 5, 16). Круглые бляшки представлены двумя

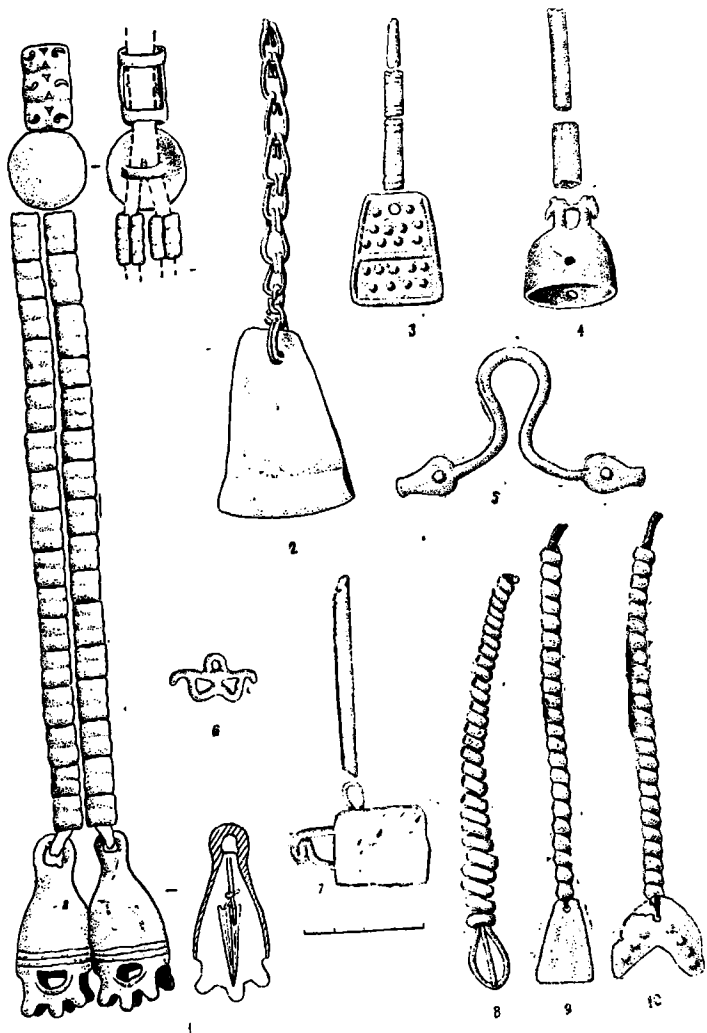

Рис. 4. Подвески.

полушарными типами: с ушком на обороте (рис. 5, 17) и с двумя отверстиями по краям (рис. 5, 18).

Бусы являются наиболее массовыми находками в женских погребениях. В 15 погребениях обнаружено 1079 различных бусин. Почти половина из них — 495 экземпляров — светлые стеклянные, округлой формы, размером большей частью с крупную горошину (рис. 5, 24—25). Подавляющее большинство имеют внутреннюю позолоту. Шесть стеклянных бусин вытянутой цилиндрической формы (рис. 5, 26). Найдено большое количество — 337 экземпляров — дисковидных и цилиндрических гешировых бус (рис. 5, 27—29). Затем идут стеклянные голубые бусы шарообразной формы — 115 экземпляров (рис. 5, 30—31). Тридцать мелких округлых бусинок желтого цвета, 6 бусин биконической формы темно-синего цвета (рис. 5, 32). Сравнительно много — 21 экземпляр — бус-подвесок из светло-желтого, светло-зеленого или белого стекла в виде «слезок» или «кувшинчиков» (рис. 5, 33—35). Встречено также 3 подвески из гешира (рис. 5, 36). Из многоцветных бус наибольшее количество падает на темно-синие и голубые с глазками в белой и желтой окантовке — 23 экземпляра (рис. 5, 37). За ними идут бусы с поперечными полосами, главным образом белыми по синему фону — 9 экземпляров (рис. 5, 38), 8 ребристых бусин черного, коричневого или темно-синего цвета с красными полосами (рис. 5, 39). Редкими являются сердо-ликовые бусины — 2 экземпляра: одна крупная округлой формы (рис. 5, 40), вторая плоская с прожилками (рис. 5, 41); крупные гешировые округлой формы — 2 экземпляра (рис. 5, 42); многогранные из светло-зеленого стекла — 2 экземпляра (рис. 5, 43—44); плоские светло-зеленые и темно-синего цвета — 2 экземпляра (рис. 5, 45). В погребениях № 37 и 43 найдено по 3 мелких красных пастовых (?) бусинки (рис. 5, 46). Обычно бусы находятся на костяках в области шеи и верхней части груди. В богатых погребениях ожерелья состоят из нескольких низок, причем на одну нитку назывались преимущественно одинаковые бусины. В наиболее богатом погребении № 39, кроме ожерелья на шею, большое количество бус находилось на нагрудных украшениях.

На основании расположения украшений мы попытались дать примерное описание костюма женщин, захороненных в Биктимировском могильнике. При реконструкции костюма за основу взято расположение украшений в погребении №46 (рис. 6, 1). Подобный костюм можно реконструировать также по материалам погребений № 1, 3, 24, 28, 30, 39, 43.

О материале и форме головного убора трудно судить: только в четырех погребениях в области черепа обнаружены мелкие гофрированные обоймицы. К головному убору или прямо к волосам прикреплялись височные кольца. На шею надевалось несколько низок различных бус. Основной набор украшений приходился на верхнюю одежду. Плечи украшались различными обоймочками или подвесками, рукава в некоторых случаях обшивались мелкими выпуклыми бляшками-пуговицами с ушком на обороте. От плеч к поясу в виде портупей спускались широкие кожаные ремни, покрытые гофрированными накладками, чередующимися с круглыми бляшками. «Портупей» часто оканчивались трапециевидными подвесками или бляхами с изображением животных. Иногда параллельно широким ремням прикреплялось по 4 узких ремешка, покрытых удлиненными гофрированными обоймами. Поверх одежды носился широкий пояс, силлошь покрытый металлическими накладками. От пояса свисали различные подвески. Низ одежды был обшит ремнем, украшенным гладкими обоймами и круглыми бляшками. Остатков обуви не сохранилось. Лишь в погребении № 37 на ступнях обнаружены пряжка (рис. 5, 22) и круглая бляшка (рис. 5, 23), выполнявшие, видимо, роль застежек. Все женщины носили от одного до трех перстней на каждой руке, а некоторые также браслеты.

Инвентарь мужских погребений. В мужских погребениях наиболее распространенными являются предметы вооружения.

Наконечники стрел найдены во всех мужских погребениях. Подавляющее большинство — 48 экземпляров — составляют бронзовые трехлопастные наконечники с внутренней втулкой (рис. 7, 4—12), 10 экземпляров имеют выступающую втулку (рис. 7, 13—18). В погребении № 42 вместе с бронзовыми лежали 3 железных черешковых наконечника очень плохой сохранности (рис. 7, 19). В погребении № 4 найден один костяной наконечник

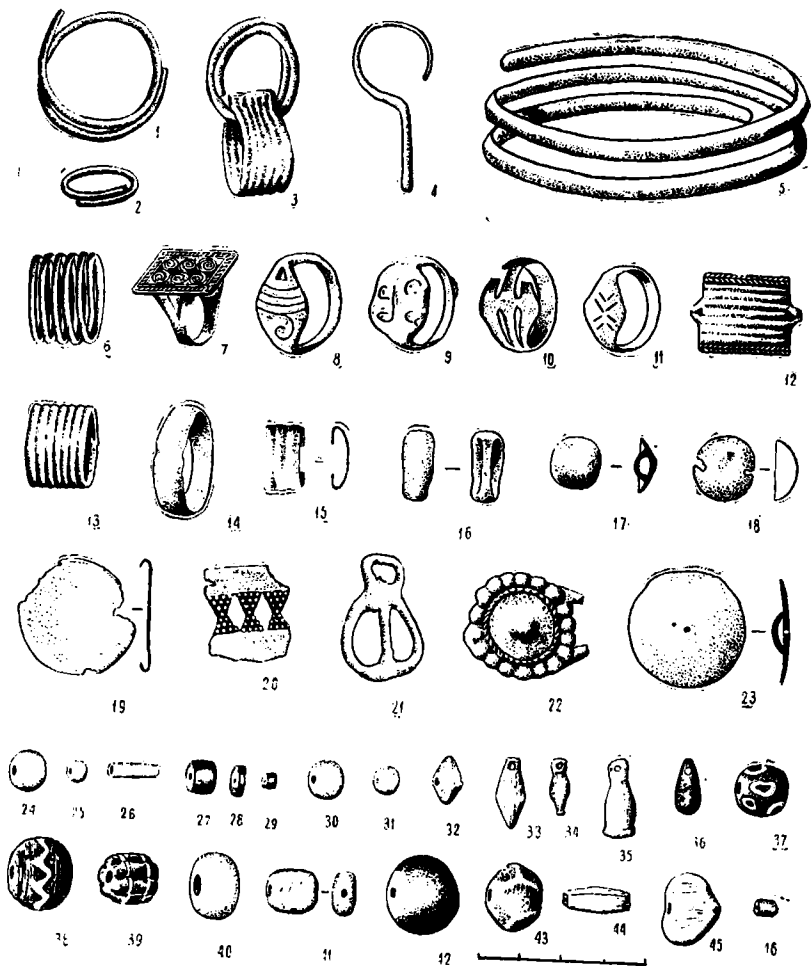
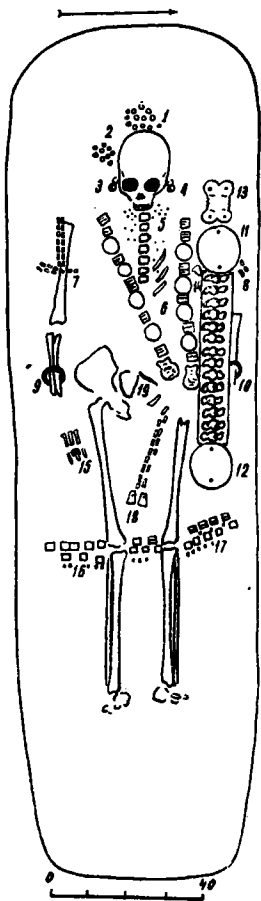
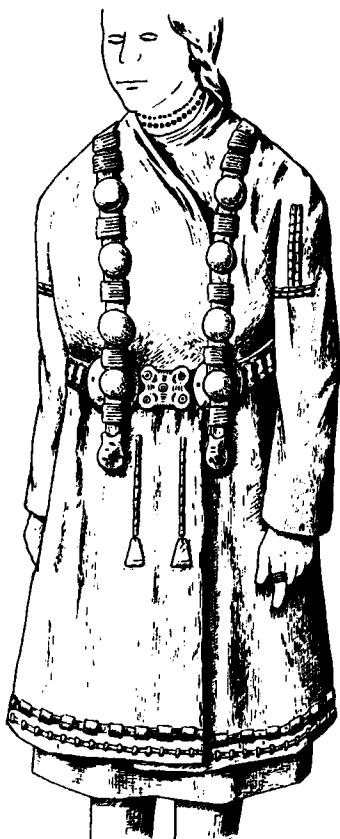

Рис. 5. Височные кольца, перстни, браслеты, бляшки, бусы.

I

II

Рис. 6.

I. План погребения № 46.

1, 2 — медные бляшки; 3, 4 — височные кольца; 5 — бусы; 6 — «порупен»; 7, 8 — гофрированные обоймы; 9, 10 — браслеты; 11, 12 — дисконидные бляхи; 13 — пряжка; 14 — пояс; 15 — перстень; 16, 17 — глазные накладки-обоймы; 18 — подвески; 19 — нож.

II. Реконструкция костюма по погребению № 46.

(рис. 7, 20). Почти всегда стрелы лежат кучкой у левой голени. Очевидно, они клялись в колчан.

Наконечники копий обнаружены в 4-х погребениях. Все они железные, с ромбическим в сечении пером и несомкнутой втулкой, длина 18—25 см (рис. 7, 3). В двух погребениях наконечники копий были воткнуты в стенку могилы у правого виска захороненного, на 50—60 см от дна. В погребении № 31 копье лежало на левом плече и в погребении № 44 — снаружи правой ступни.

Меч из погребения № 31 лежал у правого бедра погребенного. Меч железный, однолезвийный, изогнутой формы, с лезвием на вогнутой стороне. Перекрестие и навершие отсутствуют, длина сохранившейся части 40 см (рис. 7, 1).

В погребении № 18 найдено железное однолезвийное орудие в виде большого ножа без навершия и перекрестия, длина его 25 см (рис. 7, 2). В погребении № 13 обнаружен обломок клинка обоюдоострого меча или кинжала.

Пряжки бронзовые с неподвижными язычками и пуговковидными выступами. Найдено три экземпляра: восьмеркообразная, орнаментированная в месте соединения колец короткими насечками (рис. 7, 21), овальная с тремя пуговками (рис. 7, 22) и круглая с одной пуговкой (рис. 7, 23).

Удила найдены в двух погребениях. Они изготовлены из железного квадратного в сечении прута (рис. 7, 28).

Очень редки в мужских погребениях предметы украшений.

Височные подвески или серьги — по одному экземпляру в области черепа — обнаружены в трех погребениях. Они представляют собою коническую спираль из тонкой золотой проволоки с кольцом на верхнем конце (рис. 7, 26).

В погребении № 2 найдены бронзовые пронизки округлой формы с широкой сверлиной (рис. 7, 27). Они лежали в один ряд вдоль правого бедра, пересекая под прямым углом коленные суставы. Кроме того, по несколько бронзовых пронизок найдено в двух разграбленных погребениях.

Изредка в мужских могилах встречаются бронзовые бляшки (рис. 7, 24—25).

В погребении № 32 сохранился железный крючок (рис. 7, 31).

Во всех женских и большинстве мужских погребений в области пояса найдены железные ножички, обычно сильно окисленные. Все они небольших размеров — 8—9 см, с короткими черешками. Сохранившиеся экземпляры представлены двумя формами — с прямой спинкой и скошенным лезвием (рис. 7, 29) и с горбатой спинкой и прямым лезвием (рис. 7, 30).

Следует отметить, что большинство мужских погребений оказались ограбленными. Инвентарь их был, вероятно, гораздо полнее.

* *

Датировка исследованных погребений Биктимировского могильника не вызывает особых затруднений. В инвентаре их имеется ряд предметов, для которых разработаны убедительные хронологические шкалы. Особенно ценны в этом отношении работы по сарматам прохоровской культуры (Мошкова, 1960, 1962, 1963), где мы находим прямые аналогии многим вещам Биктимировского могильника. В мужских погребениях это бронзовые наконечники стрел (рис. 7, 5—18), железный меч (рис. 7, 1) и пряжки (рис. 7, 21—23), характерные для третьей хронологической группы прохоровской культуры — III—II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, табл. 14, 15, 19, рис. 28, 25, рис. 22—24, 26—30). Датированными в женских погребениях могут быть такие предметы украшений, как дисковидные бляхи с валиком по краю, изготовленные из зеркала (рис. 2, 2), височные кольца в полтора оборота (рис. 5, 1—2), бусы (рис. 5, 24—46), встречаемые в погребениях второй хронологической группы раннесарматских могильников — рубеж IV—III вв. до н. э. и особенно широко распространенные в погребениях третьей хронологической группы — III—II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, стр. 43—45, рис. 28—31).

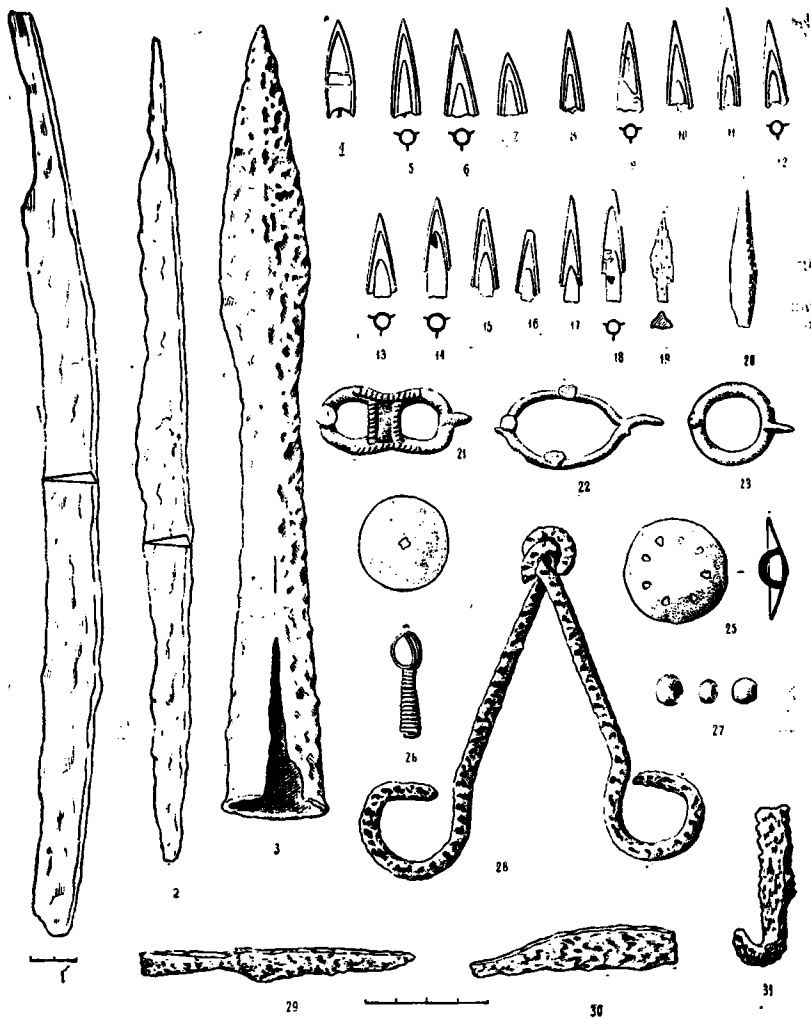

Рис. 7. Инвентарь мужских погребений:

1 — погр. № 31; 2, 3, 7, 13, 23 — погр. № 18; 3, 8-10, 14-16, 26 — погр. № 38; 4, 29 — погр. № 26; 11, 12, 17, 18 — погр. № 44;
 19 — погр. № 42; 20 — погр. № 4; 21, 23 — погр. № 13; 27 — погр. № 17; 28 — погр. № 23; 29, 31 — погр. № 32;
 27 — погр. № 2; 30 — погр. № 29.

Некоторые предметы могильника могут быть отнесены к более раннему времени. Так, наконечник стрелы из погребения № 26 (рис. 7, 4) с уверенностью можно датировать второй половиной IV в. до н. э. (Мошкова, 1963, табл. 16, рис. 26—32). Височные кольца в полтора оборота больших диаметров (до 3 см), найденные в ряде погребений, также характерны для сарматов IV в. до н. э. (Мошкова, 1963, стр. 44). На раннюю дату как будто указывает и почти полное отсутствие в инвентаре мужских погребений железных черешковых наконечников стрел, в то время как в раннесарматском могильнике III—II вв. до н. э. у дер. Старые Кишки, расположенном несколько южнее г. Уфы, бронзовые наконечники обычно сочетаются с железными (Садыкова, 1962, стр. 117). Но, с другой стороны, такие вещи, как бронзовые пряжки и меч серповидной формы, никак не могут быть датированы ранее III в. до н. э. Восьмеркообразные пряжки хотя и были известны на рубеже IV—III вв. до н. э., но отличались некоторой сплюснутостью колец (Мошкова, 1963, табл. 25, рис. 5—6). Наборы бус также более характерны для III—II вв. до н. э., нежели для IV в. до н. э. Именно в погребениях III—II вв. до н. э. наиболее широко распространено сочетание гешировых бус дисковидной и цилиндрической форм со стеклянными с внутренней позолотой (Мошкова, 1963, стр. 45).

Разновременность инвентаря раскопанной части могильника можно объяснить заорением в нем в течение длительного промежутка времени. Но в таком случае наиболее ранние вещи должны были находиться в погребениях, расположенных на каком-то определенном участке, скорее всего на краю террасы, поскольку более вероятно, что могильник начал заполняться именно отсюда. Но такой картины не наблюдается. Погребение № 26, в котором найден ранний наконечник стрелы, расположено ближе к середине раскопанного участка (рис. 1). Височные кольца диаметром в 2,5—3 см найдены в погребениях № 1, 3, 28, 39, 46, т. е. по всему раскопанному участку (рис. 1). А такие сравнительно поздние вещи, как восьмеркообразная (см. рис. 7, 21) и кольцевая (рис. 7, 22) пряжки, обнаружены, соответственно, в погребениях № 13 и 18, т. е. ближе к краю террасы. Вполне возможно, что раскопанный участок могильника был заполнен в течение относительно короткого промежутка времени.

Из основной массы выделяется по своему инвентарю погребение № 37. Здесь найдены височные подвески в виде знака вопроса (рис. 5, 4), обувная застежка (рис. 5, 22), несколько бляшек (рис. 5, 19—21), отсутствующих в остальных погребениях могильника. Только в этом погребении обнаружены украшения под костяком — мелкие плохо сохранившиеся бляшки, шедшие вдоль позвоночника до пояса. Отличается это погребение и тем, что в нем найдены кости животного, лежавшие с внутренней стороны правой руки погребенного, в то время как в других погребениях могильника кости животных не обнаружены. Дисковидная бляха лежала здесь не как обычно, справа или слева у таза, а в области пояса на позвоночнике. Бляха большого диаметра — 13,5 см — более выпуклая и украшена на внутренней стороне концентрическими кругами и шестилепестковой розеткой (рис. 2, 11). Накладок пояса с изображением голов лошадей здесь только 3, в то время как в других погребениях их по 18—22. Нагрудные украшения — «портупей», — поясные подвески, гладкие обоймы, украшавшие подол, отсутствуют. Последнее, правда, не выделяет это погребение из основной массы, так как подобная картина наблюдается в ряде бедных захоронений.

Возможно, указанные особенности объясняются тем, что погребение № 37 является наиболее поздним из раскопанных на Биктимировском могильнике, на что косвенно указывают три красных бусинки в ожерелье, не характерные для III—II вв. до н. э. и обычные для более позднего времени. В то же время в погребении имеется несколько вещей пьяноборского типа: височные подвески в виде знака вопроса, обувная пряжка и некоторые бляшки (Генинг, 1962, рис. 8, 3, 13), позволяющие говорить о влиянии пьяноборской культуры Прикамья.

Ближайшей аналогией Биктимировскому могильнику является Новый Уфимский могильник, для которого также характерны поясные накладки с изображением голов

лошадей, дисковидные бляхи, височные кольца в полтора оборота, трапециевидные подвески, различные мелкие обоймицы, золотые проволочные спиральные подвески, бронзовые пронизки, многовитковые браслеты (Ахмеров, 1959; часть неопубликованных материалов хранится в Уфимском институте ИЯЛ АН СССР и кабинете археологии Башгосуниверситета). Часть предметов украшений, характерных для Биктимировского могильника (нагрудные ремни — «портупей», украшенные гофрированными обоймами и круглыми бляшками, гладкие прямоугольные обоймы — обшивка подола), отсутствуют в Новом Уфимском могильнике, и наоборот, такие предметы Нового Уфимского могильника, как прямоугольные прорезные и гладкие с двумя перехватами накладки поясов, прямоугольные обоймы с вырезом на внутренней стороне и некоторые другие, не имеют аналогов в инвентаре Биктимировского могильника. Это объясняется, очевидно, тем, что материалы Нового Уфимского могильника разновременны — наряду с погребениями, датирующимися не позднее IV в. до н. э., имеются могилы, которые уверенно можно отнести к первым векам нашей эры (Ахмеров, 1959). Притом нельзя не учитывать и того обстоятельства, что почти весь инвентарь Нового Уфимского могильника извлечен из погребений, разрушенных строительными работами, и частичная утрата и смешение материала здесь неизбежны. Так, в погребениях Нового Уфимского могильника в большом количестве встречается прямоугольные обоймы с вырезом на внутренней стороне, схожие с обоймами Биктимировского могильника, и круглые крупные бляшки с ушком на обороте. Но каково их назначение — употреблялись ли они как украшения нагрудных ремней — «портупей» или подола верхней одежды, или носились как-то иначе — нам неизвестно, поскольку неизвестно положение их по отношению к костяку. Поэтому к материалу Нового Уфимского могильника нужно подходить с большой осторожностью. Однако принадлежность Нового Уфимского и Биктимировского могильников к одной археологической культуре не вызывает сомнения.

Накладки пояса с изображением голов лошадей и дисковидная бляха найдены в одном из пяти ранних погребений Галановского могильника на территории г. Уфы, раскопанного в 1960—1961 гг. Н. А. Мажитовым.

Несколько особняком стоит Уфимский могильник, исследованный В. В. Гольмстен (Гольмстен, 1913). Наряду с некоторыми находками, аналогичными Биктимировскому могильнику: височные кольца в полтора оборота, покрытые золотым листом, спиральные перстни, бляхи с изображением животных, наконечники стрел, копий, — в нем совершенно отсутствуют такие характерные для Биктимировского и Нового Уфимского могильников предметы, как поясные накладки с изображением голов лошадей, дисковидные бляхи, различные обоймы. Возможно, это объясняется несколько более ранней датой Уфимского могильника (IV—III вв. до н. э. — Смирнов, 1957, стр. 31) по сравнению с Биктимировским, а также разрушенностью и общей бедностью его.

Все перечисленные могильники связываются с поселениями типа Кара-Абыз. Рядом с Биктимировским могильником расположено огромное городище с культурным слоем мощностью более 2 м, содержащим кара-абызскую керамику. Кроме того, на Биктимировском могильнике найден небольшой сосуд, орнаментированный рядом ямок по шейке (рис. 2, 3).

О культурной принадлежности кара-абызских памятников единого мнения не существует. Одни исследователи видят в них самостоятельную культуру, другие — вариант ананьинской и пьяноборской культур. Попытаемся рассмотреть материалы Биктимировского могильника в плане сравнения их с культурами Прикамья.

Исследованные погребения Биктимировского могильника синхронны в основном раннему пьянобору — стадии «А» (Генинг, 1962), но по погребальному обряду и особенно по инвентарю они значительно отличаются. Так, в Биктимировском могильнике преобладает ориентировка костяков ногами к ручью, в пьяноборской же культуре никакой закономерности в ориентировке по отношению к реке не наблюдается (Генинг, 1962, стр. 10). Глубина могильных ям пьяноборских погребений в среднем 30—70 см, очень редко 100—105 см (там же), в Биктимирово лишь детские погребения находятся на глубине 50—60 см, глубина же взрослых погребений в среднем 120—130 см, а некоторые достигают 190 см.

Предметы украшений, наиболее характерные для стадии «А» пьяноборской культуры — эполеообразные застёжки, височные подвески в виде знака вопроса, ромбические и ажурные накладки (там же, рис. 7). — почти не находят аналогий в инвентаре Биктимировского могильника. С другой стороны, такие предметы украшений, как накладки на ремни с изображением голов лошадей, дисковидные бляхи с двумя отверстиями по краям, височные кольца в полтора оборота, массивные прямоугольные пряжки, различные гладкие и гофрированные обоймы, украшавшие нагрудные ремни — «портупей», подол, наплечную часть и рукава одежды, подвески с изображением животных и в виде колескольчиков, характерные для Биктимировского могильника, не встречаются или очень редки в инвентаре пьяноборских могильников. Женский костюм, реконструированный нами (рис. 6, 1), резко отличается от костюма пьяноборских женщин (Генинг, 1958, рис. 28; 1963).

Занимая территорию, граничащую с сарматским миром, кара-абызские племена не могли не испытывать влияния со стороны своих южных соседей, происходил процесс взаимовлияния, а возможно, и частичного смешения этих двух групп племен. Связями с сарматами объясняется наличие в Биктимировском могильнике таких предметов украшений, как височные кольца в полтора оборота и дисковидные бляхи с валиком по краю, сделанные из зеркал. Вероятно, у сарматов перенят обычай класть в могилу куски мела. Ритуальный сосудик на поддоне, найденный над погребением № 32 (рис. 2, 4), также находит аналогии среди посуды сарматских могильников прохоровской культуры (Мошкова, 1963, табл. II, рис. 1—7). Ожерелья биктимировских и сарматских женских погребений состоят в основном из одних и тех же типов бус — стеклянных с внутренней позолотой, гешировых цилиндрических и дисковидной формы, синих и голубых глазчатых, бус-подвесок (там же, стр. 45).

С другой стороны, некоторые вещи ближайшего к кара-абызской территории сарматского памятника — могильника у дер. Старые Книшки являются, вероятно, кара-абызскими по происхождению. Бронзовая подвеска с изображением головы лошади из погребения № 3 кургана № 20 Книшкинского могильника (Садыкова, 1962, табл. XI, 10) представляет собой часть поясной накладки, аналогичной поясным накладкам Биктимировского могильника. Уникальный железный меч серповидной формы с лезвием на вогнутой стороне из погребения № 4 кургана № 13 (там же, табл. VI, 8) аналогичен мечу из погребения № 31 Биктимировского могильника (рис. 7, 1). В пользу кара-абызского происхождения этих мечей говорит тот факт, что хорошо известные раннесарматские мечи имеют совершенно иную форму (Мошкова, 1963, табл. 19).

Некоторые предметы украшений из Биктимировского могильника, выполненные в зверином стиле, могут быть связаны с Сибирью. Изображение козской гривы на поясных накладках в основе своей повторяет изображения грив лошадей и рогов горных баранов в материалах Алтайских курганов (Руденко, 1960, рис. 140, 142 б; табл. ХСIII, 4—5). В таком же стиле выполнена и бронзовая пряжка из погребения № 43 (рис. 2, 9). Со скифо-сибирским миром связываются и бляхи-подвески с изображением оленей (рис. 3, 1).

Однако приведенные аналогии вовсе не означают, что кара-абызские памятники тем и отличаются от пьяноборских, что на них сказалось влияние племен юга и востока. Многие предметы украшений Биктимировского могильника очень своеобразны и не повторяются ни в какой другой археологической культуре. Сюда относятся поясные ремни, покрытые бронзовыми накладками с изображением голов лошадей и дисковидными бляхами или подпрямоугольными пряжками на концах, нагрудные украшения — «портупей» с гофрированными обоймами и круглыми бляшками, гладкие прямоугольные обоймы, украшавшие подол верхней одежды. Вещи же, сходные с предметами из сарматских и сибирских памятников, не являются копией или простым повторением. Например, дисковидные бляхи, аналогичные прохоровским зеркалам, имеют совершенно иное назначение. Нельзя не отметить также, что дисковидные бляхи были широко распространены и у пьяноборских племен (Генинг, 1962, стр. 17), но там они употреблялись как нагрудные украшения и имели отверстия в центре. Бляхи из Биктимировского могильника прикреплялись к поясным ремням и имели

по два отверстия на противоположных краях. Изображенные на биктимировских поясных накладках головы лошадей отличаются от сибирских своеобразным изгибом шеи. Различно и назначение предметов с этими изображениями.

Таким образом, сравнение материалов Биктимировского могильника с материалами пьяноборских памятников Прикамья показывает весьма существенные различия между ними и усиливает доказательства в пользу выделения кара-абызских памятников в самостоятельную культуру.

Г. Т. КОНДРАТЬЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА Р. ЧЕПЦА

Удмуртской археологической экспедицией начато изучение левого берега р. Чепца. За один месяц было проведено сплошное обследование левых притоков рек Лекмы и Убыти в Глазовском районе УАССР. Этот район Удмуртии в археологическом отношении изучен довольно слабо. В 1893 г. А. А. Спицыным и в 1896 г. Н. Г. Первухиным были обследованы городища Уканское, Ежовское, Извильский Пор-Кар и Мало-Вепижский Пор-Кар. Остальные памятники не были выявлены. В результате разведки 1961 г. выявлено и исследовано 37 археологических памятников: 3 городища поломоского времени, 16 памятников чепецкой культуры IX—XV вв. и поселения и кладбища XVI—XVII вв. Из 37 памятников 33 открыто вновь.

К памятникам поломоской культуры относятся городища у с. Укан, Ежово, дер. Извиль, ранее изученные А. А. Спицыным и Н. Г. Первухиным. Характерная отличительная черта этих городищ — небольшие размеры (2—4 тыс. кв. м) и отсутствие культурного слоя. Все они были укреплены валами и рвами, от которых остались следы, и занимали наиболее удобные и высокие места коренной террасы р. Лекмы и Убыти. Подобные городища, сильно укрепленные и без культурного слоя, использовались населением в качестве убежищ (Генинг, 1958, стр. 97).

Наиболее многочисленны в исследуемом районе памятники чепецкой культуры второй половины IX—XV вв. Поселения открыты у современных дср. Старое Зянкино, Укан, Ежово, Тылыс, Удмуртский Караул, Малый Вениж. Как правило, они расположены или в самих деревнях или недалеко от них. Селища чепецкого времени характеризуются небольшим культурным слоем (15—30 см), почти все они распахиваются. На каждом селище собран подъемный материал и проведена шурфовка. Среди находок — кости животных, шлак, керамика. Для всех памятников характерна одна и та же лепная керамика серого и черного цветов с примесью толченых раковин. Наиболее распространенным является гребенчатый или ногтевой орнамент, который наносился по краю венчика. Основная же масса сосудов не орнаментирована. Из орудий труда на селищах и городищах встречаются железные топоры, ножи, косы-горбуши, гарпуны; из предметов быта и оружия — глиняные грузила, железные кресала калачеобразной формы, железные и костяные наконечники стрел с четырехгранным ромбическим в сечении пером. Аналогичные вещи нередко встречаются на поселениях чепецкой культуры и правобережья бассейна р. Чепца.

По-видимому, жизнь на селищах чепецкой культуры продолжалась и в XVI—XVII вв., о чем свидетельствует огромное количество керамики черного цвета с примесью песка, сделанной на гончарном круге, что характерно для этого времени.

Могильники чепецкой культуры открыты у дер. Старое Зянкино, Меметово, Тымпал, Тылыс. Как правило, все они разграблены, но по остаткам можно дать почти полную характеристику погребального обряда. Могильные ямы прямоугольной формы 150—180 × 70—80 см, глубиной 50—90 см. Костяки лежат вытянуто на спине, головой на СЗ и СВ, руки вдоль тела или чуть согнуты в локтях. Среди вещей — лепная глиняная посуда плохого обжига с примесью толченых раковин, без орнамента (рис. 1, 1). Встречаются и остатки берестяных туесков. Интересен медный котел из могильника у дер. Старое Зянкино, от которого довольно хорошо сохранились днище, стенки, железный ободок. Котел диаметром 27 см, кованный из целого листа меди, с прикрепленной железной ручкой-дужкой (рис. 1, 3). В котле сохранилась жертвенная пища в виде кашицы.

Почти в каждом вскрытом мужском погребении найдены железные топоры, калачеобразные кресала, ножи, скобы для ношения топора, наконечники стрел. Встречаются также железные пряжки круглой формы, медные кольца, обломки серебряных гривен, костяные кочедыки для плетения лаптей. В единственном экземпляре представлено железное втульчатое копые с четырехгранным ромбическим в сечении пером, общая длина копыя 24 см, длина пера 13 см. Для закрепления на древке на втулке копыя имеется специальное отверстие для гвоздя (рис. 1, 6). Аналогичные вещи довольно часто встречаются в могильниках чепецкой культуры и правобережья бассейна р. Чепца (Генинг, 1958, стр. 102—113).

В 1961 г. учащиеся Добесской средней школы Н. Лекомиев и П. Трапезников обнаружили на берегу р. Ирымки (левый приток р. Чепца) у дер. Лесогурт клад монет и вещей, который хранился на глубине 10—30 см от современной поверхности. В кладе найдено 139 монет следующих династий: Сасаниды — 6 экз., Испахбеды — 2 экз., Омайяды — 22 экз., Аббасиды — 106 экз., мелкие династии Африки — 3 экз. Самая ранняя монета — сасанидская — 590 г. н. э., самая поздняя — аббасидская — 841/842 г. н. э.¹

Помимо монет, в кладе лежали 23 медных тонких продолговатых пластины (длина 20—25 см, ширина 2,5 см, толщина 2 мм), по всей вероятности, медные заготовки, две сломанные серебряные гривны глазовского типа (с колбочками на концах) и уникальная серебряная шкатулка, к сожалению, не сохранившаяся.

По монетам и гривнам клад датируется второй половиной IX в. н. э. Подобные клады в Прикамье встречаются часто, но на территории Удмуртии в советское время такая находка сделана впервые.

Все изученные памятники чепецкой культуры в левобережье р. Чепца аналогичны памятникам правобережья.

Во время разведки обнаружено большое количество памятников XVI—XVII вв. Поселения открыты у дер. Чурашур, Золотарево, Малые Ключи. На поверхности много керамики черного и красного цвета с примесью песка, сделанной на гончарном круге, без орнамента. Встречаются шлак, большие железные ножи, косы-горбуши.

В 15 населенных пунктах открыты кладбища XVI—XVII вв. На каждом кладбище вскрыто по два погребения. Как правило, могильные ямы имеют длину от 1,7 до 2,1 м, ширину — до 80 см, глубина их колеблется от 25 до 80 см. Все погребенные лежат вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки вдоль тела. Судя по остаткам истлевшего дерева (толщина 6—8 см), можно предположить, что захоронения были совершены в узких долбленых дуплянках. Вещей в могилах очень мало: мелкие стеклянные бусы, разноцветный бисер, большие железные ножи (длина отдельных экземпляров достигает 27 см), мелкие серебряные русские копейки, употребившиеся как подвески. Подобные вещи нередко встречаются во всех поздних могильниках бассейна р. Чепца.

¹ Определение сделано кандидатом исторических наук С. А. Яниной, которой автор выражает свою благодарность.

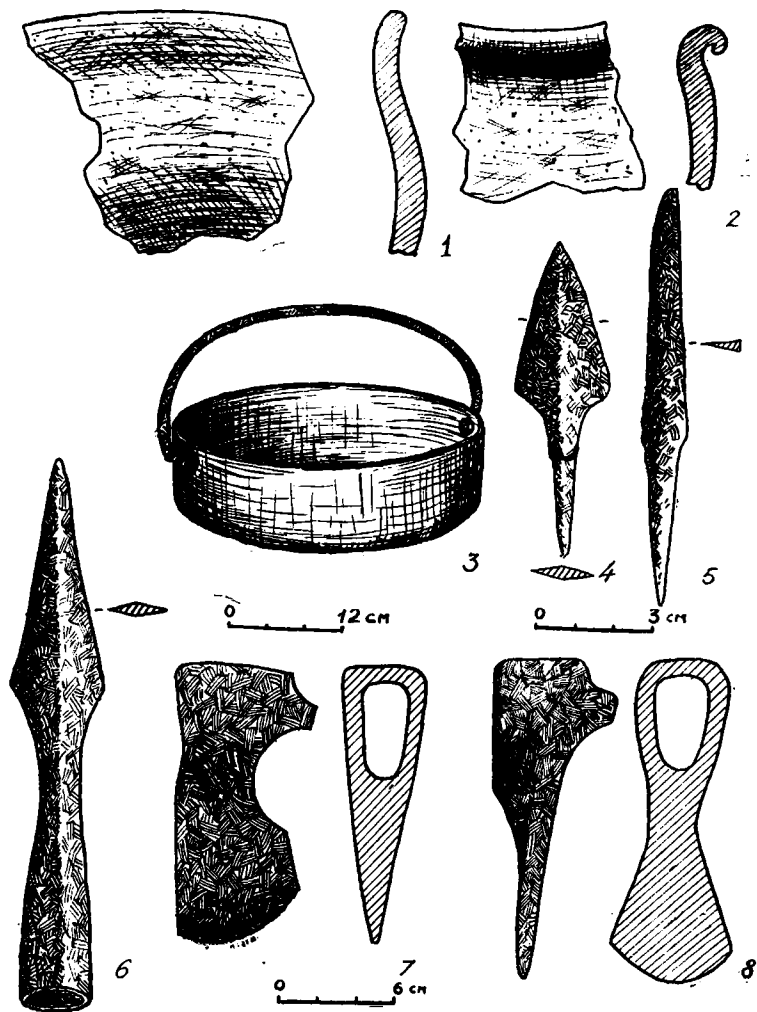

Рис. 1. Вещи с памятников на р. Ченца:

1, 3, 6 — Старо-Зявкинский могильник; 2 — Чурашурское поселение; 4 — Тымпалский могильник;
5, 7, 8 — Чирчикский могильник.

Во время разведывательных работ проводился и сбор этнографического материала. В дер. Добрино было открыто два могильника XVI—XVII вв., расположенных на двух мысах на расстоянии 100 м друг от друга. По рассказам 98-летнего удмурта Ивана Матвеевича Веретенникова, это бывшие родовые кладбища родов Чола и Салля, представители которых до сих пор живут в деревне. И. М. Веретенников принадлежит к роду Салля, он помнит, как в религиозные праздники представители каждого рода ходили поминать предков на свои родовые кладбища.

В дер. Старое Зянкино живут представители двух родов: Дементьевы из рода Куака пи (Сын вороны) и Аввакумовы из рода Сидор пи. Фамилии Дементьевых и Аввакумовых, которые, по рассказам стариков, давались каждому роду попом при крещении, в этой деревне преобладают.

Во многих удмуртских деревнях вплоть до последних лет пожилые люди за день до начала весеннего сева ходили молиться на кладбища XVI—XVII вв., которые, вероятно, также были родовыми могильниками. В этот день на могильниках варили мясной суп, яйца и поминали предков. Обращаясь к предкам, их называли по именам: Тулебик, Паля, Кондо (дер. Кочуково) — и просили дать добрый урожай. В дер. Кычино называли такие имена предков: Кадыр, Магыр. Вполне возможно, что Тулебик, Паля, Кондо, Кадыр, Магыр — это тоже родовые имена.

Известно, что племена чепецкой культуры являются предками современного удмуртского народа. Эта связь между памятниками чепецкой культуры и современными удмуртами хорошо прослеживается на поздних могильниках. Поздние могильники сохраняют тот же обряд захоронения, что и могильники чепецкой культуры. О непрерывности развития здесь одной и той же этнической группы населения можно судить по современным удмуртским деревням, которые, как правило, расположены или на самих селницах чепецкой культуры, или недалеко от них.

Помимо разведки, проведены раскопки Чиргинского могильника у дер. Чиргино, Карсвайского района. На могильнике (вскрыто 154 кв. м) обнаружено четыре ряда погребений, которые идут с Ю-З на С-В. Расстояния между рядами и погребениями очень большие. Из восьми вскрытых погребений только два целых, остальные разграблены. Из неразграбленных выделяется погребение № 7. В прямоугольной яме размером 215 × 95 см на глубине 60 см в гробовище, сохранившемся в виде кусков гнилого дерева и полоски древесного тлена, обнаружен костяк очень плохой сохранности, лежащий вытянуто на спине, головой на С-З, руки согнуты в локтях и сложены на тазовые кости. Слева у головы — глиняный сосуд очень плохой сохранности, с уплощенным дном, чуть отогнутым венчиком, в глине примесь крупнотолченых раковин; у левого и правого уха — серьги; у левой лучевой кости — сломанный нож; на груди — ожерелье из двух низок бус с тремя подвесками и бубенчиком; у кистей рук — бусы, которые, возможно, были пришиты на рукава платья; на тлене костей стопы — по две бусины, вероятно, от обуви. Помимо описанных вещей, в изголовье погребенного с левой стороны лежал целый жертвенный комплекс, куда входили медная витая гривна, медный пластинчатый браслет, медный перстень со вставкой из прозрачного стекла, пряслице из серого мягкого камня, хрустальная и сердоликовая бусины и бусы из пасты очень плохой сохранности. По-видимому, все эти вещи были сложены в берестяной сосуд, о чем свидетельствуют остатки бересты вокруг медной гривны. Подобная деталь погребального обряда характерна для могильников мазунинской культуры III—VI вв. (Генинг, 1958, стр. 79), что позволяет говорить о взаимовлиянии мазунинской и помоской культур. Впоследствии эти традиции могли перейти и к племенам чепецкой культуры.

Несмотря на то, что большая часть могил разграблена, удалось установить, что обряд всех погребений сходен с описанным, но жертвенный комплекс встречен только в погребении № 7.

В Чиргинском могильнике найдены украшения, предметы вооружения и орудия труда. Довольно многочисленны украшения: медная шаровидная подвеска, колокольчишкообразные серебряные подвески, серебряные серьги с зернью и позолотой, медные серьги полу-

овальной формы с ушком или в виде овального кольца из проволоки круглого сечения с полым шариком. Аналогичные серьги обнаружены в могильнике Бигер-шай у дер. Весья-Кар, Глазовского района, исследованном В. Ф. Гепингом и В. Е. Стояновым (Отчет, 1957 г.). Железные наконечники стрел двух типов: плоские с линзовидным или ромбическим сечением пера и четырехлопастной. Орудия труда: железный топор, типичный для раннего этапа чепецкой культуры (рис. 1,7), кованое железное тесло (рис. 1,8), железные ножи (рис. 1,5). В трех погребениях найдены половинки преднамеренно сломанных ножей. Может быть, это связано с какими-то особыми представлениями о загробном мире. Состав погребального инвентаря не может вызвать особых сомнений в дате могильника. Аналогичные вещи весьма характерны для второй половины IX—XII вв. и относятся к раннему этапу чепецкой культуры.

Таковы результаты работы Удмуртской экспедиции 1961 г. Дальнейшее изучение памятников левобережья бассейна р. Чепца позволит получить полную картину исторического развития удмуртского народа с III по XVI в. н. э.

Э. А. САВЕЛЬЕВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ НА р. ВЬМЬ

В 1961 г. в Коми филиале АН СССР был создан специальный археологический отряд по изучению средневековых памятников, начавший исследования в бассейне р. Вьмь, которая являлась главной рекой Пермской земли, т. е. территории древних коми.

Разведками Вымского археологического отряда летом 1961 г. в Железнодорожном районе Коми АССР был открыт могильник I тысячелетия н. э., получивший название I Веслянский. Памятник находится на левом берегу р. Вьмь, на 1 км выше дер. Весляны. Он расположен на I надпойменной террасе высотой около 13 м, покрытой сосново-еловым лесом, примерно в 100 м от берега реки. Этот могильник заметно отличается от известных в бассейне Вычегды могильников II тысячелетия н. э. На последних могилы четко выделяются на поверхности и расположены рядами. Могилы I Веслянского могильника внешне плохо заметны и расположены беспорядочно. Все известные могильники II тысячелетия н. э. значительно удалены от берега реки и обычно находятся в глубине леса на возвышенностях, окруженных болотистыми местами. I Веслянский могильник начинается у самого края боровой надпойменной террасы.

В глубине леса, где терраса переходит в болотистую низину, в 200 м от I Веслянского могильника открыт могильник II тысячелетия н. э., названный II Веслянский.

На левом же берегу р. Вьмь на боровой террасе нами была обнаружена стоянка эпохи поздней бронзы или раннего железа.

Таким образом, в данной местности имеется три одновременных памятника: стоянка эпохи поздней бронзы или раннего железа, могильник I тысячелетия н. э. и могильник первой половины II тысячелетия н. э.

Наиболее интересен I Веслянский могильник. Могильные ямы — их насчитывается 26 — представляют собой небольшие, плохо заметные на поверхности углубления овальной формы (1 x 0,5 м). Нами было раскопано пять погребений в различных частях могильника, три из которых оказались безынвентарными.

Два инвентарных погребения (№ 2 и 5) расположены в лесу, примерно в 50 м от края I надпойменной террасы. Они находятся на некотором возвышении и занимают господствующее положение над остальными погребениями.

Погребение № 2. Могильная яма ориентирована с востока на запад. Длина ее сверху — 1,76 м, у дна — 1,60, ширина — 0,70, глубина — 0,60 м. Заполнение ямы представляет смешанный с угольками песок. На дне вдоль длинных стен могилы четко прослеживаются остатки обгорелого одновенечного сруба длиной 1,4 м, шириной 0,50 м.

Находки начинают встречаться в засыпке могильной ямы: мелкие кремневые отщепы и фрагменты сосудов из красной глины. Скопления обломков сосудов попадают и вне могильной ямы на глубине 0,10—0,22 м.

На глубине 0,43—0,45 м, т. е. в заполнении ямы, найдено несколько железных предметов, в том числе обломок ножа, бронзовый пластинчатый браслет с несомкнутыми краями, орнаментированный на концах (рис. 1, 9). На дне могильной ямы, в юго-западном углу, выявлено темное коричневатое пятно — остатки разложившихся обожженных костей, среди которых найдены украшения, в частности, круглопроволочный браслет с несомкнутыми концами. На браслете сохранились остатки ткани и кожаной ленты, намотанной спиралеобразно (рис. 1, 3). Тут же лежала двухсторонняя эллипсоидная подвеска с двумя петлями (рис. 1, 5). Каждая сторона подвески состоит из трех слоев. На тонкую серебряную пластинчатую основу накладывается кожаная пластинка, а сверху — тонкая пластинка с концентрическими рядами выпуклин, создающих впечатление зерни. Пластинки инкрустированы четырьмя стеклянными вставками зеленого и синего цвета: одной крупной и тремя мелкими полугорошинами. Рядом с подвеской лежала бронзовая трубчатая полая птицевидная пронизка из бронзы (рис. 1, 7). Украшения не носят следов действия огня.

Погребение № 5 находится в 1,5 м от погребения № 2. На поверхности оно не имело четких очертаний, но после снятия дерна могильная яма выделилась довольно ясно. В заполнении ямы часты угольки, особенно в юго-восточной половине. Встречаются куски обожженного дерева, может быть, являющиеся остатками сруба. Длина могилы сверху — 2,10 м, у дна — 1,65, ширина — соответственно 1,14 и 1 м, глубина — 0,70 м. Остатки костяка в виде фрагмента необожженного человеческого черепа найдены в северо-восточном углу могилы на глубине 0,49 м. Рядом с черепной костью лежала металлическая чушка (рис. 1, 1).

Предметы погребального инвентаря начинают встречаться на глубине 0,40 м. В могильной засыпке найдена масса обломков плохо сохранившихся железных предметов. Они очень незначительны по размерам, подверглись сильной коррозии. Только один предмет можно определить как обломок ножа.

Большинство находок расположено на дне могильной ямы, на глубине 0,65—0,70 м. В северо-восточном углу могилы найдены маленькая сердоликовая бусина (рис. 1, 12) и тонкое медное кольцо (рис. 1, 10). В центре могильной ямы обнаружен кусок кожаного ремня с отпечатками круглых бляшек (рис. 1, 8) и щиток от перстня в серебряной оправе с янтарной вставкой (рис. 1, 11). В восточной половине могилы найден кусок меховой одежды (?) со множеством серебряных пластинок. Последние в большом количестве встречаются в могиле. Они могли служить украшением одежды или накладками на оружие.

К этому же погребальному комплексу, видимо, относится железный черешковый нож, найденный на глубине 0,31 м в шурфе, заложенном у юго-восточного края погребения № 2 в слое с кремневыми отщепами. Нож имеет резко выраженный переход от черепка к перу и железную пластинчатую накладку, вероятно, от деревянной рукоятки (рис. 1, 2).

Безынвентарные погребения № 1, 3 и 4 небольшие по размерам и расположены ниже, чем погребения № 2 и 5.

Погребение № 1 расположено у самого края боровой террасы и ориентировано параллельно течению реки, т. е. с северо-северо-востока на юго-юго-запад. На глубине 0,25 м от современной поверхности начинается плотный углистый слой, под ним слой твердого прокалившегося песка. Ни следов костяка, ни вещей в яме не обнаружено.

Погребение № 3 ориентировано с востока на запад. Заполнение ямы составляет песок, смешанный с золой и угольками. Погребального инвентаря нет.

Погребение № 4 ничем существенно не отличается от могилы 3.

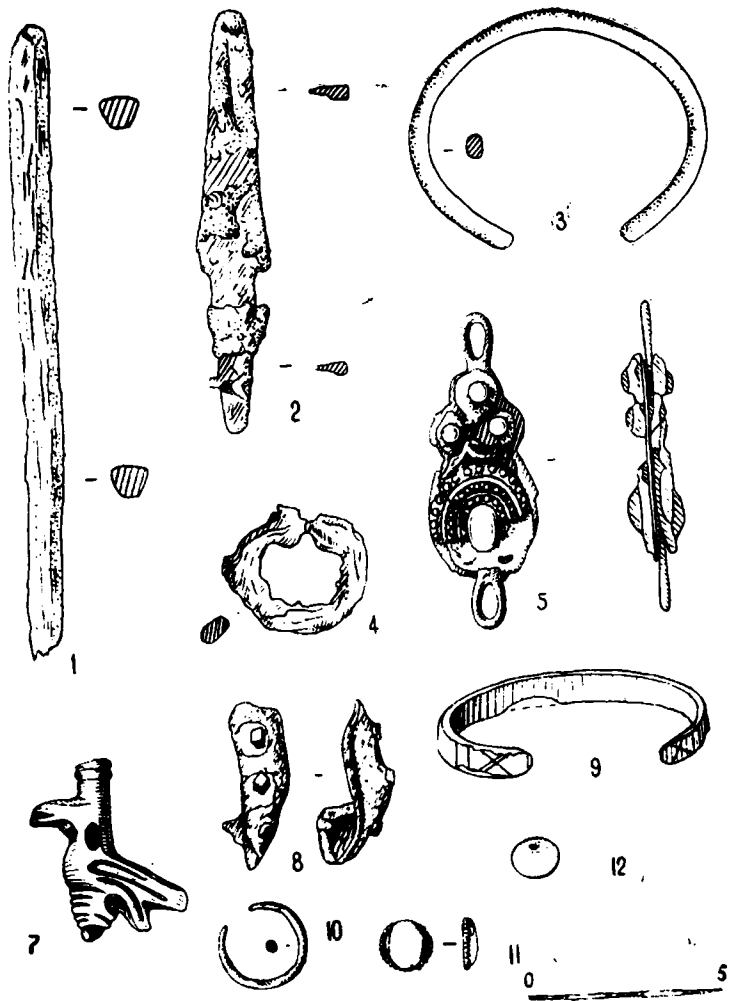

Рис. 1. Вещи из I Веслянского могильника.

Незначительные размеры погребальных ям, недостаточные для помещения покойника, обожженная кость и остатки обгорелого сруба в погребении № 2, кострище в погребении № 1, зола и угли в погребениях № 3 и 4 дают основание предполагать, что покойники сжигались. Правда, в большинстве погребений нет кальцинированных человеческих костей, а в могиле 5 сохранился необожженный фрагмент человеческого черепа. Украшения, расположенные в основном на дне могилы, не носят следов действия огня. Однако эти факты еще не говорят о погребении по обряду труноположения: украшения могли быть положены в могилу после захоронения остатков сожженного покойника, доказательством чему служит беспорядочность в расположении вещей. Сохранение необожженного куска человеческого черепа может быть объяснено тем, что здесь имело место расчленение костяка и сожжение его с оставленным черепом. Умерших, вероятно, сжигали где-то на стороне. В могильную яму переносились пепел, зола, угольки с погребального костра.

Наличие безы Inventарных и инвентарных погребений свидетельствует о существовавшей в то время социальной дифференциации. Инвентарь двух погребений довольно богат: привозные южные украшения, серебряные пластинки и т. д. Особое положение двух погребений подчеркивается и тем, что они похоронены на некотором возвышении.

Анализ вещественного материала позволяет датировать I Веслянский могильник IV—VI вв. н. э. по аналогии с харинскими могильниками Прикамья. Эллипсоидная подвеска из погребения № 2 находит аналогии в Подчеремском кладе (Городцов, 1937, рис. 6), на жертвенном месте Хэйбидя-Пэдаара (Чернов, 1955, стр. 312), в Георгиевском кладе¹. Трубочатая пронизка-птица, щиток от перстня с янтарной вставкой, тонкое медное кольцо — вещи, широко распространенные в памятниках харинского времени.

Общими для харинских и I Веслянского могильников являются небольшие размеры их, беспорядочное расположение могил, чрезвычайная бедность керамического материала.

Незначительные масштабы раскопок не позволяют определить культурную и тем более этническую принадлежность населения, оставившего I Веслянский могильник. Обращают на себя внимание находки на могильнике вещей южного харинского происхождения. Чем объясняется этот факт — торговыми ли связями или проникновением в бассейн Вычегды харинских групп населения — пока решить трудно. Может быть, I Веслянский могильник принадлежит населению ванвиздинской культуры. Могильник датируется тем же временем, что и ванвиздинская культура (Буров, 1962), стоянки которой известны в бассейне Вычегды, в частности, в устье Выми. Отсутствие керамики в погребальном инвентаре I Веслянского могильника не позволяет сопоставить его вещевой материал с материалом ванвиздинских поселений.

Вымским археологическим отрядом было обследовано 8 могильников II тысячелетия н. э.: Кышьяль-Козьский, II Веслянский, Ветью, Выжыдьельский, Жигановский, Петкойский, Кокпомьягский, Вадьятский. Все они находятся в Железнодорожном районе Коми АССР, между р. Усть-Коин и дер. Петкоя, на участке в 72 км по среднему течению р. Вымь.

На четырех исследованных могильниках ранее были проведены раскопки: Жигановском (Турьинском), Вадьятском (Гучертском), Коктомьягском и Петкойском (Сидоров, 1924, стр. 40—43).

Могильники располагаются на I надпойменной террасе. Часто они окружены болотами или примыкают к ним. Большинство могильников — крупные: Вадьятский насчитывает 390 могил, Жигановский — 368, Кокпомьягский — 247, Биджыдьельский — 241, Усть-Коинский — 233, Ветью — 105, Петкойский — 42, II Веслянский — 31. Могилы расположены рядами и хорошо заметны на поверхности.

В песчаный грунт могилы углублены на 0,4—1,0 м от современной поверхности. Ямы заполнены песком, смешанным с углями, кальцинированными или обожженными челове-

¹ Археологический музей Пермского государственного университета.

чeskими костями, а также кальцинированными костями животных¹. Погребальный инвентарь: орудия труда, керамика, предметы быта и разнообразные украшения — располагается чаще всего не на дне могильной ямы, а в могильной засыпке. Украшения необожженные, обожженные и даже расплавленные. Встречаются ошлаковавшиеся фрагменты сосудов.

Могилы отличаются по устройству: имеются с обгорелым срубом и без сруба.

В ряде погребений выделяются небольшие по глубине и диаметру ямки, заполненные угольками, золой и кальцинированными костями. Большое количество углей, кальцинированные и полуобожженные человеческие кости, обгорелые срубы, обожженные и необожженные украшения, расположенные в беспорядке и на разной глубине, говорят о трупосожжении. Сожжение, вероятно, происходило где-то на стороне, а затем остатки костей вместе с золой и углями кострища переносились в могильную яму. Яма засыпалась остатками погребального костра.

Наряду с полным сожжением трупа, видимо, существовал и иной обряд погребения. Так, на могильнике Ветью в погребении № 3 вместе со славянскими вещами в могильном заполнении обнаружен необожженный череп, положенный на затылок. Могила сверху была покрыта обгорелой берестой, в заполнении могильной ямы части угли, встречаются обожженные кости. Видимо, здесь имело место расчленение костяка. Покойник был сожжен с сохранением черепа. На Жигановском могильнике в погребении № 5 можно предполагать труположение: в могильном заполнении почти нет угольков, песок очень слабо окрашен, в могиле найдены куски необожженного дерева.

На некоторых могильниках прослеживаются следы погребальных тризн. В угольно-зольном слое верхнего горизонта могильного пространства часты находки предметов быта, особенно обломков сосудов.

Поскольку все могильники относятся примерно к одному времени, рассмотрим погребальный инвентарь не по памятникам, а по категориям вещей.

Орудия труда представлены железными ножами, наконечниками стрел и копий. Ножи подразделяются на два типа: с резким (рис. 2, 5) и постепенным переходом от черешка к лезвию (рис. 2, 6). Наконечники стрел имеют плоское листовидно-ромбичное (рис. 3, 3) или четырёхгранное ромбичное перо (рис. 3, 6). Наконечники копий — втульчатые, с длинным черешком и двузубым пером (рис. 2, 1).

Из железных предметов в могилах встречаются проколки, шилья, обломки кресал, а также редкие украшения.

Основную массу погребального инвентаря составляют украшения, особенно разнообразные бусы (рис. 4, 9, 13—21): стеклянные, пастовые, металлические, каменные, хрустальные, глиняные. Преобладают бусы стеклянные. По цвету выделяются: синие, зеленые, серебристые, голубые, черные, фиолетовые, желтые, позолоченные, по форме шарообразные, зонные, эллипсоидные, цилиндрические, спаренные, биконические, винтообразные, ребристые. Следует отметить гранские бусы из горного хрусталя.

Из пастовых выделяются две бусины: шарообразная темная глазчатая с вкраплениями светло-зеленого, красного, белого, голубого цветов (рис. 3, 4) и голубая боченковидная с перетянутыми концами, орнаментированная елочными и ромбовидными узорами (рис. 3, 5).

Глиняные бусы имеют эллипсоидную или боченковидную форму.

Довольно богато представлены бронзовые бусы. Из них наиболее распространены усеченно-конусовидные пронизки, орнаментированные по концам узорами, имитирующими зернь.

Стеклянные бусы находят аналогии среди новгородских украшений XI—XIII вв. Наиболее ранними являются малые позолоченные бочкообразные бусы, найденные в Новгороде в слое X—XI вв. (Щапова, 1956). Наиболее поздние — винтообразные, датируемые в новгородских памятниках XII—XIV вв.

¹ Определения производились В. В. Турьевой (Отдел биологии животных Ксми филиала АН СССР).

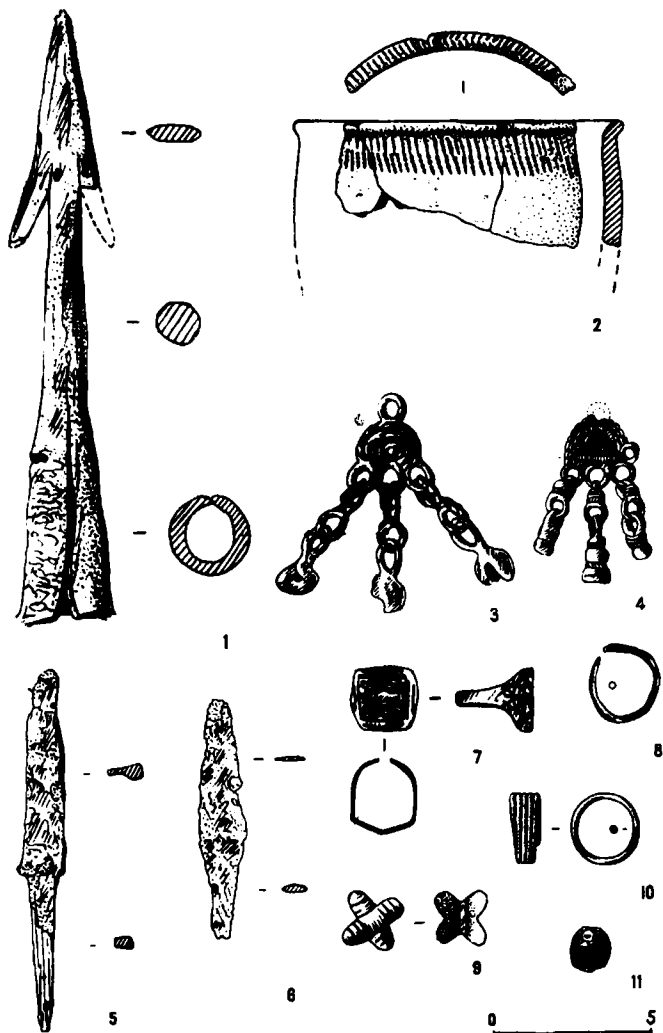

Рис. 2. Вещи из могильников II тысячелетия н. э.:

1, 5, 6 — Кышыл-Косьский могильник; 1 — Петковской могильник, погр. № 6; 2 — Жигановский могильник, погр. № 4; 3 — Вадьягский могильник, погр. № 4; 7, 8 — Копломьягский могильник, погр. № 9; 9 — Вадьягский могильник, погр. № 1; 10 — Петковской могильник, погр. № 4; 11 — Копломьягский могильник, погр. № 8.

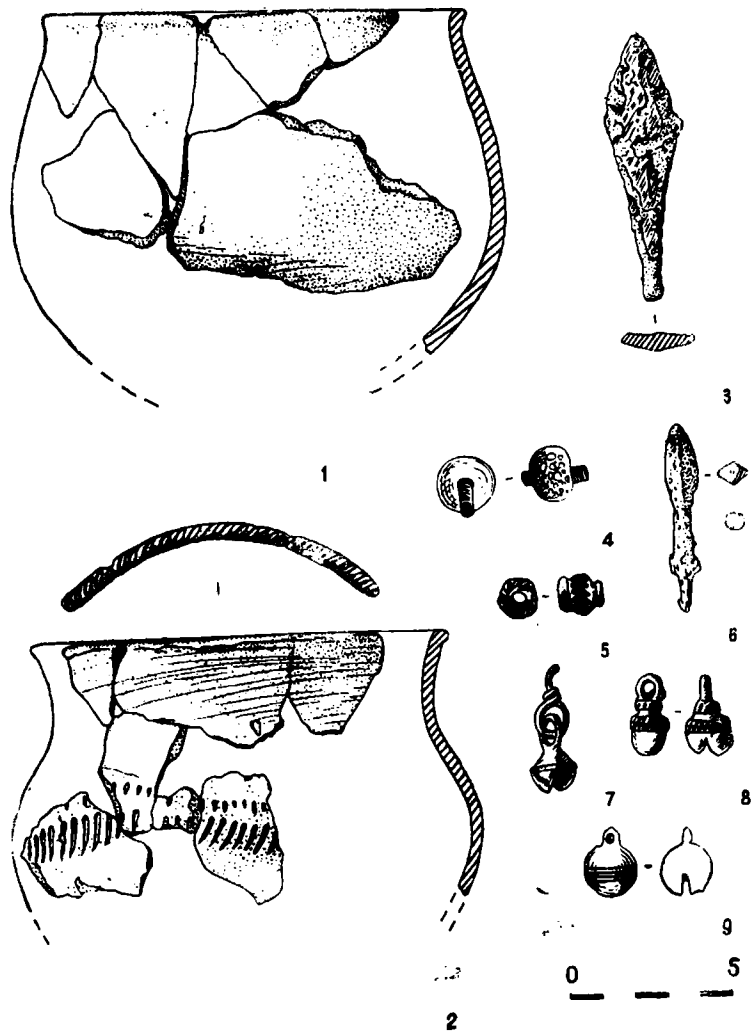

Рис. 3. Вещи из могильников II тысячелетия н. э.:

Владимирский могильник. 1 — испр. № 2; 2, 8, 9 — погр. № 1; 4, 6 — погр. № 3; 3 — Вадьягский могильник, погр. № 3; 5 — Кокпомьягский могильник, погр. № 9.

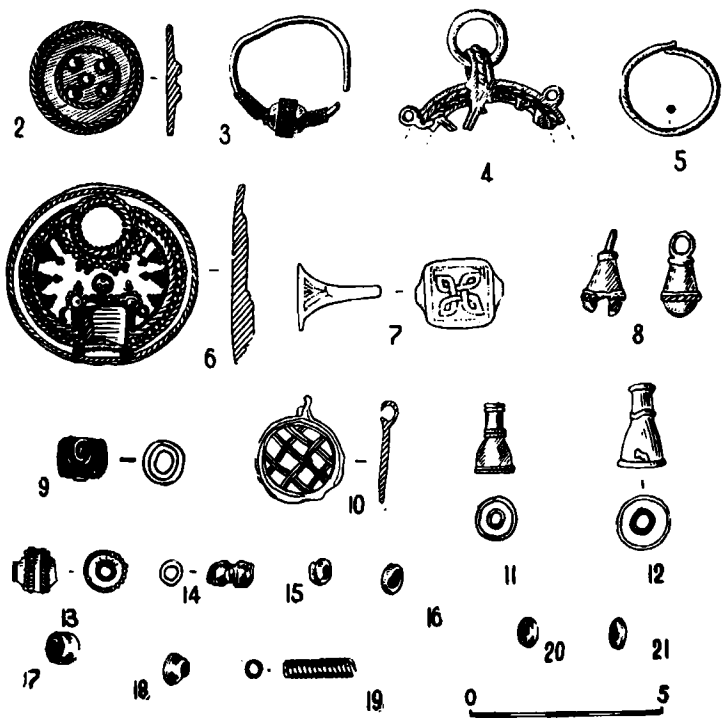
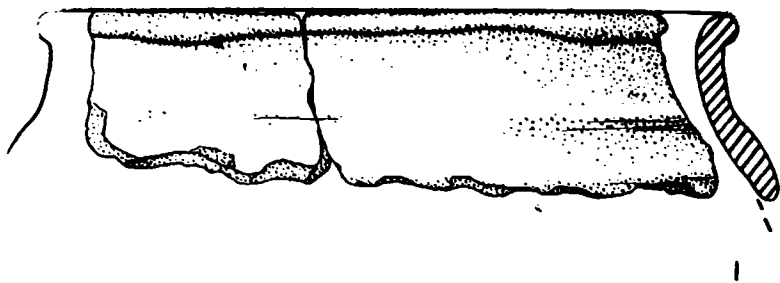

Рис. 4. Вещи из могильника Ветью II тысячелетия н. э.

Голубые пастовые боченковидные орнаментированные бусы (рис. 2, 11) встречены в древнемордовском Старосотенском могильнике с монетой XIV в. (Алихова, 1948, табл. III, рис. 45). Такие же бусы в болгарских украшениях датируются XIII—XIV вв.

Бронзовые усеченно-конусовидные бусы-пронизки, орнаментированные имитацией зерни, характерны для позднеродановской культуры XII—XIV вв.

Типично финно-угорскими украшениями являются шумящие подвески. На вымских могильниках встречены подвески двух типов: арочные с колокольчиками, украшенными выступами и покрытыми насечками или имитацией скани и зерни (рис. 2, 4), со щитком, украшенным рядами concentрических линий, имитирующих веревочный штамп (рис. 2, 3). Первые характерны для позднеродановской культуры и датируются XII—XV вв., вторые — зауральского происхождения и встречаются в памятниках князевосского этапа в Нижнем Приобье (X—XIII вв.). Аналогичная подвеска найдена в Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте (Чернов, 1955, стр. 319).

Шумящие подвески снабжены разнообразными бубенчиками шаровидной формы с линейной прорезью и линейным орнаментом (рис. 3, 9), грушевидные, орнаментированные имитацией скани и зерни (рис. 3, 8; 4, 8), биконические с крестовидной или линейной прорезью (рис. 3, 7). Шаровидные и биконические бубенчики являются характерными славянскими украшениями XI—XIII вв.

Найдены два типично славянских серебряных пластинчатых щитка от перстня, орнаментированные накольчатым геометрическим орнаментом (рис. 2, 7; 4, 7).

Встречаются круглопроволочные гладкие (рис. 4, 5), рубчатые и другие перстни. Спиральные перстни из круглой бронзовой проволоки (рис. 2, 10) мерянско-окского типа датируются X—XI вв. (Горюнова, 1961, стр. 126). Они бытовали у финских народов вплоть до XV в.

Многие украшения славянского происхождения: две круглые серебряные бляшки, богато орнаментированные сканью и зернью (рис. 4, 2, 6), серебряные бусы грушевидной формы, также орнаментированные треугольниками зерни, медная решетчатая подвеска (рис. 4, 10). Вероятно, славянскими являются два серебряных височных кольца. Одно кольцо с бусиной, орнаментированной сканью и зернью (рис. 4, 3), другое — тонкопроволочное, покрытое на одном конце рядами скани (рис. 2, 8). Самой ранней датой всех славянских вещей может быть XI—XII вв.

Из других предметов, входящих в погребальный инвентарь, нужно отметить медные поясные пряжки и накладки, трубчатые пронизки со вздутиями, медные крестовидные бляшки (рис. 2, 9). Последние совсем неизвестны в родановской культуре, но изредка встречаются среди угорских украшений. В могильниках на р. Вымь они найдены в большом количестве и, может быть, являются одними из специфических украшений местных племен.

Керамика представлена обломками сосудов из серой и красноватой глины довольно высокого обжига с примесью в тесте дресвы и песка.

По форме сосуды можно разделить на несколько типов: шаровидные с выпуклым туловом и слегка сужающимся горлом (рис. 3, 1); горшки с выпуклым туловом, плавно переходящим в чуть вогнутую шейку с небольшим утолщающимся венчиком (рис. 3, 2); баночные с отогнутым наружу и чуть утолщающимся венчиком (рис. 2, 2). Эти сосуды вылеплены от руки и имеют круглое или чуть уплощенное дно. Орнамент наносился зубчатым штампом или резьбой на край венчика, плечики и тулово. Отгиски зубчатого штампа составляют ряды, расположенные горизонтально и под углом друг к другу. Встречаются налепные шишечки, также орнаментированные зубчатым штампом. Нарезной орнамент образует параллельные ряды дуговидных линий, над которыми идет ряд вдавленной сегментовидной формы (рис. 3, 2).

Два сосуда сделаны на гончарном круге: плоскодонный горшок серого цвета, орнаментированный параллельными, зигзаговыми и прямыми линиями. Тулово горшка слегка выпуклое, ко дну постепенно сходящее на конус; сосуд с выпуклым туловом, уступчиком,

переходящим в невысокую прямую шейку. Венчик чуть утолщен и отогнут наружу (рис. 4, 1). Оба сосуда, вероятно, славянского происхождения.

Вымская керамика находит некоторые аналогии, в частности в орнаментации, в рожественских сосудах. Зубчатый штамп, наклепные шишечки являются характерными особенностями позднегородановской культуры.

Анализ материалов вымских могильников позволяет сделать следующие выводы.

В Вычегодском крае господство трупосожжения достоверно установлено для памятников начала II тысячелетия н. э. Памятники I тысячелетия н. э., особенно его второй половины, на территории Коми АССР изучены слабо. До последнего времени был известен единственный могильник I тысячелетия н. э. — Усть-Сысольский, датируемый арабскими монетами X в., для которого характерен обряд труположения. Естественно, возникает вопрос о происхождении обряда трупосожжения во II тысячелетии н. э. В этом отношении особый интерес представляет I Веслянский могильник IV—VI вв., обряд захоронения которого сходен с могильниками II тысячелетия н. э.

Наряду со специфическим обрядом захоронения, для вымских племен характерна довольно своеобразная керамика. Можно выделить и некоторые специфические украшения, например, бронзовые крестовидные бляшки.

Вымские племена имели широкие культурные связи с соседними племенами, в первую очередь с родановскими. Подтверждением служат общие типы украшений, некоторые формы сосудов и их орнаментация.

Одной из специфических особенностей вымских памятников, в отличие от родановских, является обилие в них славянских предметов, главным образом украшений и даже керамики, что свидетельствует не только о торговых связях вымичей со славянами, но, вероятно, и о притоке славянского населения в бассейн Выми в XI, а может быть, в XII—XIV вв. н. э., что подтверждается также данными письменных источников.

Связи вычегодских племен с родственным финно-угорским населением северо-западных областей, видимо, существовали и раньше, т. е. до XI в. На вымских памятниках встречаются финно-угорские вещи западного происхождения: кольцевая застежка-фибула из погребения I Кышль-Косьского могильника, спиралевидные проволочные перстни, биконические подвески с крестовидной прорезью.

Следует отметить, что Кышль-Косьский могильник по инвентарю несколько отличается от остальных могильников. Мы не находим в нем ни славянских, ни типичных родановских вещей, широко распространенных на других могильниках. Существенно отличается и керамика: она рыхлая, слабо обожжена и имеет растительные примеси в тесте, отчего очень плохо сохранилась. Некоторые фрагменты соединены между собой рядами медной проволоки (следы починки сосуда). Видимо, погребения Кышль-Косьского могильника являются более ранними, чем остальные могильники. Инвентарь погребения I Кышль-Косьского могильника (бронзовая кольцевая пряжка-застежка, бронзовый перстень, бронзовое кольцо) находит ближайšie аналогии в памятниках Верхнего Подвинья, датируемых концом XI—началом XII вв. (Станкевич, 1960, стр. 138). Большинство же могильников датируется позднегородановским временем (XII—XV вв.).

Факт существования общих типов украшений в средневековых памятниках северо-западных и западных областей Европейской части СССР и бассейна Выми в сочетании с одинаковым обрядом захоронения в этих областях представляет большой интерес для выяснения происхождения и состава коми населения. Четкая датировка средневековых памятников бассейна Вычегды, установление характера взаимоотношений вымского населения с соседними племенами, выявление памятников, переходных от I ко II тысячелетию н. э. — задача дальнейших исследований.

В. Д. ВИКТОРОВА

КУРГАНЫ У с. МАКУШИНО НА р. НИЦЕ

На равнинной части лесного Зауралья, в бассейне среднего и нижнего течения р. Туры, до настоящего времени был известен только один памятник XII—XIV вв.—Мысовской могильник (Викторова, 1962б). Для единственного неразрушенного погребения № 6 этого могильника характерны неглубокое захоронение погребенного вытянуто на спине, северо-западная ориентировка его и помещение сосуда в стороне от погребения, на уровне древней поверхности. От трех разрушенных погребений (№ 5, 10, 12) были найдены разбросанные в беспорядке кости скелета, обожженные части черепа, угли, береста и обломки сосудов со шнуровой орнаментацией. Ограниченное число раскопанных погребений не дало возможности в деталях реконструировать погребальный обряд.

В 1960 г. на второй надпойменной террасе правого берега р. Ницы, в 500 м к западу-югу-западу от дер. Макушино, разведочным отрядом была обнаружена курганная группа, состоявшая из 16 небольших курганов (высота 0,3—0,5 м, диаметр 4—8 м) и одного большого кургана (высота 1 м, диаметр 20 м). В 500—800 м к западу от курганной группы, в лесу, расположены еще 3 кургана высотой 1—1,5 м, диаметром 15—20 м. Поверхность всех курганов, за исключением двух, задернована, в юго-западной части их видны следы кладонисательских ям.

Туринским отрядом Уральской археологической экспедиции в 1961 г. были раскопаны 5 небольших курганов, на основании которых можно судить о погребальном обряде населения, оставившего могильник.

Под каждым курганом был погребен один человек. Все захоронения совершены на уровне древнего чернозема, и только в двух случаях (курганы № 4 и 7) в грунте были вырыты неглубокие ямки, в одной из которых лежали тазовые кости, в другой — железные предметы. Покойный помещался в западной части кургана, вероятно, в срубе или каком-то другом деревянном сооружении размерами 3×3—4 м, о чем свидетельствуют находки кусков дерева на уровне древнего горизонта во всех курганах. Об ориентировке костяков можно судить по остаткам погребения в кургане № 3. Погребенный лежал головой на северо-запад, в этом же направлении на уровне древнего чернозема помещались куски деревянных плах или бревен в курганах № 3, 7 и 16. Захоронение тазовых костей в ямке (курган № 4) и находки в кургане № 15 частей обожженного черепа на одном

уровне с прочими костями скелета без следов обжига дают основание предполагать о расчлененных погребениях в этих курганах. Рядом с обожженными частями черепа найдены угли, но следов прокала не обнаружено.

Во всех курганах найдены вещи. Судя по наиболее хорошо сохранившемуся погребению в кургане № 4, орудия (или оружие) помещались рядом с телом, а сосуды — за срубом или выше него в насыпи кургана. За пределами сруба в северо-восточной или юго-восточной полё кургана находилась часть челюсти или кости передних ног лошади. Насыпь кургана сооружалась из дерна.

Все пять курганов оказались ограбленными, и многие вещи, особенно железные, найдены в таком фрагментарном состоянии, что невозможно определить их форму и значение.

Из предметов вооружения был обнаружен железный наконечник стрелы ромбовидной формы с плоским сечением пера и уступом при переходе от пера к черешку (рис. 1, 1). С боковой стороны наконечника виден желобок. Черешковые ромбовидные стрелы по материалам Прикамья датируются IX—XI вв. (Оборин, 1953, стр. 168; Талицкий, 1951, рис. 13, 16).

В курганах № 3 и 4 найдено 10 костяных наконечников стрел двух типов: черешковые с треугольным, ромбическим и трапециевидным сечением и втульчатые с притупленным острием.

Кроме наконечников стрел, из орудий труда найдены: обломок железного ножа с прямой спинкой и уступом при переходе от спинки к черешку (рис. 1, 2) и железный наконечник мотыги, изготовленный из прямоугольной пластины, верхние края которой согнуты в трубицу (рис. 1, 5). Подобные мотыги обнаружены в Прикамье (Оборин, 1956, табл. 1, 1—2) и на Верхней Оби (Грязнов, 1956, табл. VI, 10) среди материалов IX—XI вв.

К предметам конского снаряжения относятся: обломок железного кольца от удила (рис. 1, 4) и бронзовый двухсоставной бубенчик с крестообразной прорезью в нижней части (рис. 1, 3). Бубенчики подобного типа встречаются в погребениях Копенского Чаа-таса VII—VIII вв. (Евтюхова, 1948, рис. 89, 94) и в Кочергинском могильнике X—XI вв. (Талицкий, 1940, табл. V, 66). Находки принадлежности конской сбруи и костей лошади в каждом кургане свидетельствуют о большой роли лошади в погребальном обряде населения, оставившего курганы.

Из предметов украшения найден обломок синей стеклянной бусины.

Вещевой комплекс Макушинских курганов, казалось бы, позволяет датировать их

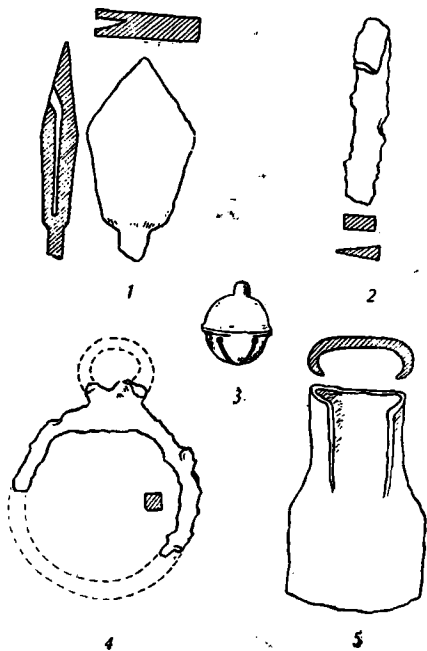

Рис. 1. Изделия из бронзы и железа. Макушинские курганы.

1 — наконечник стрелы; 2 — обломок ножа; 3 — бубенчик; 4 — обломок кольца от удила; 5 — наконечник мотыги.

IX—XI вв., однако находки топоров в курганах, раскопанных в 1962 г., заставляют датировать памятник более поздним временем — XII—XIV вв.

Керамика из курганов имеет в тесте примесь гальки и в большинстве своем неровную, бугристую внутреннюю и внешнюю поверхность. Все фрагменты от тонкостенных сосудов небольшого размера. Удалось восстановить форму двух сосудов. Сосуд из кургана № 4 имеет плоский венчик, прямую слабо профилированную шейку, переходящую в округлое тулово, и круглое дно. Шейка сосуда украшена тремя рядами веревочных оттисков и подковкой (рис. 2, 1). Сосуд из кургана № 15 имеет плоский венчик и форму чашки с уплощенным дном. По тулову его небрежно нанесен орнамент в виде двух рядов подковок (рис. 2, 2). В кургане № 3 найдены части сосуда со слегка вогнутой внутрь шейкой. Плоский венчик украшен резными линиями, шейка у самого венчика — полугорошинами,

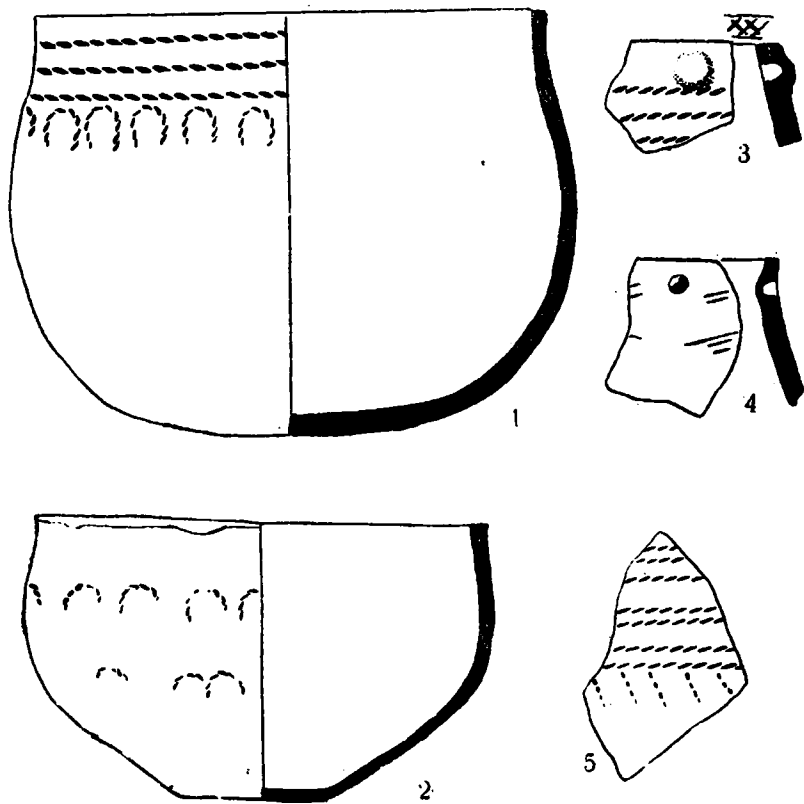

Рис. 2. Образцы керамики. Макушинские курганы.

ниже — оттисками веревочки (рис. 2, 3). Второй сосуд из кургана № 4 орнаментирован парными рядами веревочных вдавлений, окаймленных полосой из наклонных гребенчатых линий (рис. 2, 5). Сосуд из кургана № 7 с гладкой до лощения поверхностью, плоским венчиком и прямой шейкой украшен в верхней части рядом ямочных вдавлений (рис. 2, 4).

Особенными характерными чертами немногочисленных сосудов из курганов являются бугристая поверхность и веревочная орнаментация в виде линий, подковки и ямочные вдавления под венчиком. Сосуды подобного типа в лесном Зауралье встречены на Юдинском (р. Ница) и Мохиревском (р. Пышма) городищах (раскопки А. И. Рассодович). Следует указать, что большая часть сосудов этого типа с Юдинского городища имеет остросеребряную форму.

Таким образом, в районе среднего течения р. Туры два памятника определенно можно отнести к XII—XIV вв.: Мысовский могильник и Макушинские курганы. К этому же времени можно отнести керамику Юдинского и Мохиревского городищ. Характерная орнаментация сосудов из этих памятников и погребальный обряд, прослеженный на Макушинских курганах, позволяют уже сейчас поставить вопрос о происхождении населения, оставившего курганный могильник у дер. Макушино.

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности этого населения связан с проблемой продвижения в районы Зауралья и Прикамья в III—V вв., а в районы Западной Сибири, возможно, несколько раньше племен, которые большинство исследователей считают угорскими (Бадер, 1953, стр. 77; Генинг, 1959, стр. 182; Чернецов, 1941, стр. 24). Материальная культура этих племен была разнородной, что особенно ярко прослеживается по разнообразию форм и орнаментации сосудов из памятников III—V вв. в наиболее хорошо изученном районе — Прикамье. Видимо, немалое место среди вновь пришедших в Прикамье, Зауралье и Западную Сибирь племен занимали группы, оставившие керамику со шнуровой орнаментацией. Наиболее чистые комплексы керамики со шнуровой орнаментацией дают могильники. Этот принцип украшения сосудов, наряду с другими, встречается и в памятниках ломоватовской (Генинг, 1959, табл. VI), полумской (Генинг, 1959, табл. IX) и азелинской (Генинг, 1953, рис. 38, 3) культур в Прикамье: в Аятском могильнике (Берс, 1958, стр. 16), могильнике у Калмацкого брода (Дмитриев, 1934) в Зауралье и, наконец, в Перейминском могильнике (Чернецов, 1957, стр. 175—176).

Генетическую близость населения Прикамья и Зауралья, оставившего памятники со шнуровой керамикой, подтверждает общность черт погребального обряда, которую удастся проследить в памятниках харинского этапа ломоватовской культуры и в Перейминском могильнике: курганный способ захоронения, положение костяков вытянуто на спине, помещение сосудов на уровне древней поверхности в стороне от могилы, ритуал огня и т. д.

Все перечисленные черты как орнаментации сосудов, так и погребального обряда прослеживаются на более поздних Макушинских курганах. Это обстоятельство позволяет высказать предположение о том, что население, оставившее Макушинские курганы и Юдинское городище, произошло от одной большой группы угорских племен, пришедших в Прикамье, Зауралье и Западную Сибирь в III—V вв.

Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего памятники с веревочной гребенчатой орнаментацией сосудов, впервые был поставлен В. Н. Чернецовым, который связал его с протомансийской группой угорских племен (Чернецов, 1957, стр. 180). Принадлежность населения этих районов в XII—XIV вв. к манси подтверждается материалами гидронимии (Матвеев, 1961, стр. 140), а также письменными источниками, по которым манси-вогулы в XVI в. жили в верховьях Туры и Тавды (Краткая Сибирская летопись, стр. 3—5).

Ю. А. ЦОЛЯКОВ

РАСКОПКИ ПЕТУХОВСКОГО ГОРОДИЩА

Петуховское городище было открыто в 1954 г. директором Чердынского музея И. А. Луноговым.

Оно находится в 1,5 км юго-восточнее дер. Петухово, Чердынского района, Пермской области, на левом берегу р. Камы. Расположено оно на краю невысокой песчаной бортовой террасы, поросшей сосновым лесом, занимая небольшое всхолмление. К подножию городища подходит пойма р. Камы, протекающей в 300 м западнее городища. Памятник известен местному населению под названием «Подгородище». Площадка городища имеет овальную форму, ограничена кольцевым валом, ее высота над уровнем поймы достигает 8 м. Размеры площадки около 1000 кв. м — 50×24 м. В наиболее высоких местах на западной и юго-восточной сторонах площадки высота вала достигала только 60—80 см, а на других сторонах падала до 20—30 см. Ширина вала составляла 4—6 м. С западной стороны вала по его внешнему краю был замечен неглубокий — до 50 см — ров. Общая протяженность вала 149 м.

На городище было вскрыто 556 кв. м — более половины его площади.

Стратиграфия культурного слоя Петуховского городища очень проста. Под тонким и слабым дерном по всей площадке городища залегает черный рыхлый культурный слой, содержащий основную массу находок. Мощность его колеблется от 10 до 40 см (обычно около 20—25 см). Под черным культурным слоем шел сразу же подстилающий слой — рыхлый желтый песок.

В центральной и северо-западной частях раскопа отмечен ряд небольших углублений, заполненных плотным черным гумусным культурным слоем с углями мощностью до 60 см.

На раскопанной площади было обнаружено семь очагов. Шесть из них представляют остатки костров, разведшихся непосредственно на грунте. Мощность прокаленного слоя достигает в них 35 см, размеры довольно значительны — до $1,5 \times 1$ м. Седьмой очаг отличался от описанных тем, что по краю прокаленного очагового слоя были встречены вертикально установленные плиты песчаника высотой 20—30 см, окружавшие весь очаг кольцом. Размеры очага на глубине 40 см — $1,6 \times 1,6$ м. С севера и востока к очагу примыкала углистая полоса шириной 60 см, глубиной до 10—12 см, изогнутая под прямым углом. Возможно, что это остаток какого-то сгоревшего деревянного сооружения.

Кольцо из кусков и плит песчаника, ограничивавшее участок овальной формы размером $2,2 \times 1,5$ м, было обнаружено в другой части раскопа, но прокаленного слоя внутри этого кольца не оказалось. Несмотря на это, ясно, что здесь было подготовлено место для очага, аналогичного описанному выше.

В северной части раскопа была обнаружена прямоугольная яма $2,2 \times 3,6$ м. Северная часть ее размером 2×2 м достигала глубины 1,6 м. Южная часть ямы меньше по площади — $1,5 \times 1,5$ м. На глубине 50 см от поверхности эта часть ямы почти по всей площади перекрыта слоем горизонтально уложенных плит сланца. Такой же слой сланцевых плит проходит и на глубине 1,8 м. На боковых и задней стенках ямы встречаются плиты сланца, расположенные вертикально. По углам и вдоль стенок ямы отмечены следы деревянных столбов диаметром 10—15 см. Яма заполнена темно-серым культурным слоем с углями. Устройство ямы представляется нам следующим: углубленное в землю до 1,8 м помещение площадью $1,5 \times 1,5$ м, потолок, пол и стены которого выложены плитами сланца, опирающимися на деревянные столбы и перекрытия. Северная часть ямы служила для входа. Судя по устройству ямы, здесь помещался погреб.

Для изучения оборонительных сооружений городища в северо-западной части площадки была заложена траншея 12×1 м, прорезавшая вал и ров. Высота вала над уровнем площадки достигала 80 см, а от дна рва — 1,8 м. Изучение профиля траншеи позволило установить устройство вала. Рва в полном смысле слова на городище не было. Склон холма был срезан и образовал стенку под углом 60° , над которой был насыпан вал. В оползшей насыпи вала обнаружены остатки более 20 обгоревших и сгоревших бревен диаметром в среднем 20—30 см. Частью из них был выложен срез склона холма, высота которого достигала 1,6 м, а из остальных бревна сделана бревенчатая стенка, удерживавшая вал от осыпания и являвшаяся серьезным препятствием для нападавших. Общая высота выложенного бревнами склона и поднимавшейся непосредственно за ним бревенчатой ступи не менее 4,5—5 м (судя по количеству бревен). Насыпь вала могла не доходить до вершины стены, и в таком случае стена прикрывала защитником городища, находившихся на валу. Культурного слоя под валом не было, следовательно, поселение возникло сразу как укрепление.

Выше уже говорилось о том, что в юго-западной части городища вал прерывался. Для проверки предположения о существовании здесь входа на городище была заложена траншея 4×1 м, прорезавшая весь проход в валу. В траншее была прослежена пересекавшая вал полоса черного слоя шириной 1,6 м, мощностью 45 см. Слой содержал значительную примесь угля. По обеим сторонам этого слоя, параллельно ему, проходили 2 канавы, заполненные коричневатобурным слоем с примесью углей вверху и кусков сгнившего дерева внизу. Ширина канав 45 см, глубина — 80 и 50 см. Пересекающее вал углубление, заполненное черным слоем с углями, было, очевидно, дорогой, проходившей через вал между двумя бревенчатыми стенами, предохранявшими проход от засыпания песком с вала. Нижние бревна этих стенок были уложены в канавы вдоль дороги и находились ниже уровня поверхности, что предохраняло их от огня, тогда как верхние бревна сгорели и упали на дорогу, чем и объясняется большое количество угля в черном слое. Обнаружить следы ворот в ходе раскопок не удалось.

Культурный слой городища был довольно беден находками. Коллекция вещей насчитывает всего 1667 предметов.

Было найдено 7 железных ножей. Размеры их колеблются от 7 до 10,5 см. Ножи имеют длинные, до $1/3$ общей длины, черешки, у некоторых ножей при переходе от лезвия к черешку имеются четкие уступы (рис. 1, 2, 4). Лезвия части ножей сильно сточены. Характерной чертой являются широкие спинки.

Железных наконечников стрел найдено 4, из них 3 — плоские, ромбические, с черешками (рис. 1, 6, 7). Четвертый наконечник стержневой с четырехгранным пером, имеющим 2 острых шипа, и длинным круглым черешком (рис. 1, 5).

Были найдены 2 четырехгранных шила, на одном из которых нанесено посередине каждой грани перекрестие, возможно, являющееся тамгой (рис. 1, 8).

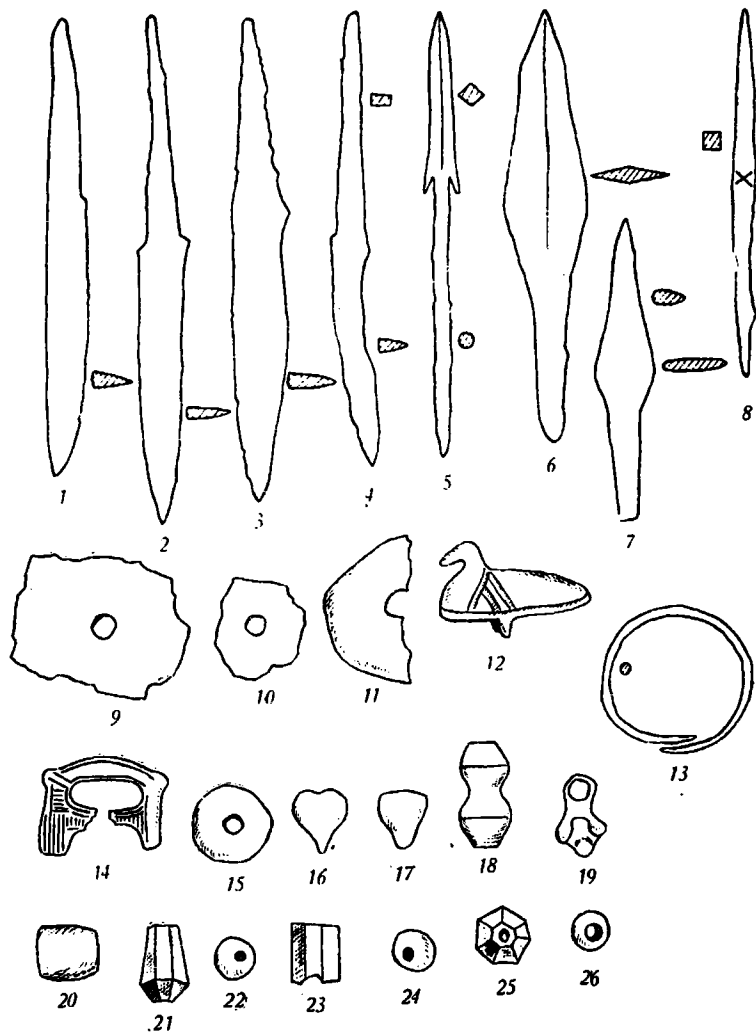

Рис. 1. Изделия из металла, камня, стекла и глины.

На городище найдено 10 целых и 23 сломанных глиняных пряслица из обломков сосудов, в том числе 14 из обломков болгарской посуды: 13 красноглиняной и 1 сероглиняной. Форма пряслиц неправильная, размеры — 2—3 см (рис. 1, 9—11).

Среди 10 найденных бус: цилиндрическая желтая пастовая бусина (рис. 1, 20), бипирамидальная бусина из горного хрусталя (рис. 1, 25), три бусины из сердолика — шаровидная (рис. 1, 22), призматическая восьмигранная (рис. 1, 23), бипирамидальная восьмигранная (рис. 1, 21), желтая шаровидная стеклянная бусина (рис. 1, 24), такая же синяя и три бронзовых — полая колесовидная (рис. 1, 15), массивная литая двойная (рис. 1, 18) и шаровидная (рис. 1, 26).

Встреченные в культурном слое медные украшения представлены кольцом от височной подвески (рис. 1, 13), обломком поясной пряжки (рис. 1, 14), двумя сердцевидными бляшками поясного набора (рис. 1, 16, 17), «гусиной лапкой» (рис. 1, 19) и звеньями цепочек от шумящих подвесок. Найдена также подвеска-уточка (рис. 1, 12). По нижнему краю фигурки проходит рельефный пояс, от шеи вниз спускаются такие же рельефные валики, обозначающие крылья.

Значительную группу находок составляют куски шлака и разбитых железных криц. Найдено несколько сильно ошлакованных кусков глиняной обмазки.

В центре раскопа на границе культурного слоя с подстилающим были обнаружены кремневые отщепы и маленькие ножевидные пластинки. Кремневый инвентарь близок к материалу с Дубровской, Казанцевской и Гашковской мезолитических стоянок, открытых в 1961 г. несколько севернее. Незначительная площадь распространения этих находок (всего 10 кв. м) и большая однородность кремня не позволяют считать их остатками разрушенной мезолитической стоянки.

Основную массу находок составляет керамика¹. Сохранность фрагментов керамики плохая, глиняное тесто низкого качества, что, возможно, связано с отсутствием близости месторождений хорошей глины. В глиняном тесте отмечены примеси мелкотолченой раковины (76,3%) и растительные (98,8%). Обработка поверхностей грубая, цвет серовато-желтый. Удалось реконструировать форму и установить размеры 18 сосудов из 80 выделенных. Восемь сосудов составляют первый тип. Они имеют сильно отогнутую шейку, резкий переход от шейки к тулову (рис. 2, 1—3, 5). Десять сосудов относятся ко второму типу, для которого характерно слабое профилирование, прямая или слегка отогнутая шейка (рис. 2, 4, 8). По размерам преобладают сосуды с диаметром шейки 16—20 см. Венчик у большинства сосудов утолщенный.

Из 80 сосудов, которые удалось выделить, орнаментированы по шейке и стенкам всего 13 (16%), в том числе 7 имеют орнамент только на шейке (8,5%), 4 — только по стенкам (5%), два — по шейке и стенкам (2,5%). Из общего числа орнаментированных сосудов 5 (38%) имеют зубчатый орнамент, 7 (54%) орнаментированы розетками, 1 (8%) имеет ямочный орнамент. Зубчатый штамп образует обычно узор в виде 1—2 горизонтальных поясов наклонных или вертикальных отпечатков (рис. 2, 3, 10, 11). В одном случае под венчиком проходят 2 горизонтальных полосы зубчатого штампа, под ними зигзаг из таких же отпечатков, от нижних углов которого отходят вниз вертикальные отпечатки (рис. 2, 2). Розетки представляют сочетание 3—7 ямок (рис. 2, 6, 8), иногда сливающихся. По венчику орнаментировано 83,5% всех сосудов, из них имеют насечку по краю 48%, отпечатки зубчатого штампа — 30,5%, розетку 11,5%, ямочный орнамент 8%, орнаментированы щипцами 2%. Из керамики Пегуховского городища резко выделяется один фрагмент с рельефным валиком в верхней части шейки, с зубчатым и ямочным орнаментом. Керамика такого типа известна в средневековых памятниках Печоры (Канивец, 1961, стр. 94, рис. 12—47). Следует отметить находку трех плоских днщ сосудов местного производства. На городище найдено довольно много фрагментов болгарской красноглиняной керамики.

На вскрытой при раскопках городища значительной площади не было обнаружено следов жилищ. Это свидетельствует о том, что городище не являлось постоянным поселе-

¹ Керамический материал раскопок обработан К. М. Русановой.

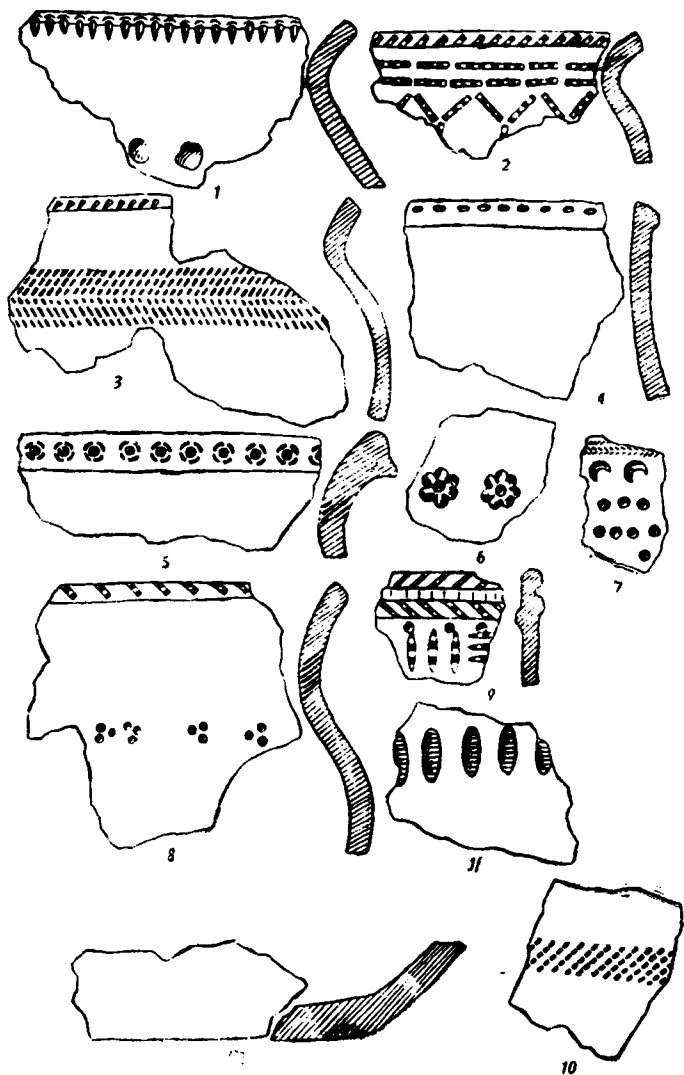

Рис. 2. Образцы керамики,
255

нием, а служило лишь убежищем в случае опасности и местом плавки металла. Местом постоянного обитания населения служили селища, расположенные в 1 км от городища. К этому же комплексу одновременных памятников относится, очевидно, и могильник, существование которого доказывается находками медных украшений вблизи городища.

Материал из раскопок Петуховского городища позволяет отнести его к родановской культуре IX—XV вв. В то же время его нельзя датировать только одним из этапов этой культуры — лаврятским (IX—XI вв.) или рождественским (XII—XV вв.), так как в любой категории материала мы находим черты обоих этапов. Так, наряду с ромбическими наконечниками стрел, характерными для лаврятского этапа, на городище найден узкий длинный наконечник, характерный для более позднего времени. Для лаврятского этапа характерны ножи с плавным переходом от лезвия к черешку, для рождественского — с уступами при переходе к лезвию. На Петуховском городище мы находим те и другие. О принадлежности памятника к рождественскому этапу говорят находки граненых сердоликовых бус. Красноглиняная болгарская керамика появляется не ранее конца XI в. Исходя из этого, городище следует датировать гранью лаврятского и рождественского этапов — X—XII вв.

Следует отметить отличия в материале Петуховского городища от материала памятников родановской культуры, расположенных южнее. Особенно сильно эти отличия сказываются в керамике: незначительный процент орнаментированных сосудов, преобладание зубчатого и розетчатого орнаментов, отсутствие шнурового орнамента, плоские днища сосудов. Эти черты сближают керамику Петуховского городища с материалом вычегодских памятников IX—XIV вв. и указывают на существование связей Верхнего Прикамья с бассейнами Вычегды и Печоры.

Т. М. ПОТЕМКИНА

БОЛЬШОЕ БАКАЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Среднее течение р. Исети отличается обилием археологических памятников. Еще с конца XIX в. было известно большое количество городищ, но они почти не исследовались. В 1906 г. А. А. Спицын дал краткое описание внешнего вида и расположения двенадцати исетских городищ (Спицын, 1906). В 1940 г. К. В. Сальников обследовал памятники по течению Исети от г. Шадринска до впадения р. Синары, среди которых было и 11 городищ. На основании этих материалов К. В. Сальников выделяет небольшую группу памятников (Большое и Малое Бакальские, Мыльниковские и Полевское городища) в особую бакальскую культуру, предварительно датировав ее вначале IV—VIII вв. (Сальников, 1956), а затем — IV—V вв. н. э. (Сальников, 1961а). Следует отметить, что эти выводы были основаны только на керамическом материале, полученном в результате разведок.

Полное вскрытие площади Малого Бакальского городища летом 1961 г. показало, что датируется оно XIII—XIV вв. Большое Бакальское городище, исследованное в этом же году, также не укладывается в хронологические рамки так называемой бакальской культуры.

Городище расположено в 3 км южнее г. Шадринска у дер. Бакалда (Бакальская) на высоком мысу с крутыми склонами, с которого прекрасно обзревается вся окружающая местность. С напольной стороны городище укреплено двумя парами валов и рвов. Высота внутреннего вала с внешней стороны около 2,5 м, ширина — 14 м. Ров имеет глубину 1,1 м, ширину — 10 м. На расстоянии 30 м от внутреннего вала расположен внешний вал высотой 0,4—0,6 м и шириной в 7,5—8 м. Глубина рва перед валом не превышает 0,6 м. Оба вала были незначительно выгнуты в напольную сторону.

А. А. Спицын, впервые описавший Большое Бакальское городище, сообщает, что площадь его имела треугольную форму с длиной сторон по 100 м, длина валов 115 и 70 м (Спицын, 1906). Таким образом, площадь городища должна была равняться примерно 3000 кв. м. Размеры рвов и валов, приведенные К. В. Сальниковым, несколько отличаются от данных А. А. Спицына и почти совпадают с нашими. В 1940 г. площадь составляла около 1500 кв. м. Позднее значительная часть площади городища была снесена карьером при добыче глины. Оставшаяся внутренняя площадь составляет около 750 кв. м. Примерно с

третьей части этой площади снят дерн вместе с частью культурного слоя на глубину 25—35 см.

В 1961 г. в северной части городища вскрыто около 400 кв. м. Раскопки не обнаружили остатков каких-либо сооружений. Культурный слой, толщина которого не превышает 30—40 см, залегает сразу же под дерновым слоем мощностью до 15 см.

Большой интерес представляют остатки укреплений городища. Как внутренние вал и ров, так и внешние были прорезаны траншеей шириной 4 м на глубину более 3 м.

Высота внутреннего вала, состоящего из глины, в древности, вероятно, была раза в два больше, так как больше половины рва заполнено глиной из оплывшего вала. У внутренней стороны вала под осыпью обнаружены крупные обгоревшие продольные бревна толщиной до 30 см и поперечные обугленные жерди. Глубина внутреннего рва достигала 3 м от уровня погребенной почвы и ширину до 15 м. Внешний вал менее мощный. Насыпь его не превышала 1 м. С внутренней стороны вала имеется почти квадратная ямка, углубленная в подстилающий грунт. Очевидно, внешний вал укреплялся вертикально поставленными бревнами, которые поддерживались у основания подсыпанной землей. Глубина внешнего рва достигает всего лишь 1 м, а его ширина — 4 м.

Вещевой материал, полученный в результате раскопок городища, сравнительно небольшой. Основная масса его представлена керамикой. Из всей коллекции удалось выделить фрагменты шеек 325 сосудов. Ни одного сосуда восстановить полностью не удалось.

Выделенную керамику можно разделить на 3 группы. Основной комплекс (270 сосудов) представлен чашевидными сосудами различных форм.

Около половины обломков посуды содержат в тесте примесь песка, несколько меньше — примесь шамота и лишь единичные — дресву. Внешняя поверхность у 80% всех сосудов гладкая, а внутренняя — более чем у половины сосудов заглажена шепкой.

В основном комплексе представлены три типа форм, в каждом из которых встречается такое же количество разновидностей.

I тип — круглодонные сосуды с четко выраженной невысокой шейкой и слабо раздутым туловом.

II тип — слабопрофилированные сосуды с короткой, едва намечающейся шейкой.

III тип, наиболее многочисленный — открытые чаши.

Венчики большинства чаш скошены во внутрь.

Из всей коллекции сосудов основного комплекса (270) лишены орнамента всего 90 сосудов. Наиболее распространенным видом орнамента является резной, весьма многочисленны ямки, реже встречаются оттиски гребенчатого штампа и шнура. Имеются также сочетания гребенчатого штампа с резным, гребенчатого со шнуровым и шнурового с резным. Иногда сочетания всех этих элементов дополняются ямочными вдавлениями.

Наиболее повторяющийся узор на сосудах составлен из горизонтальной резной елочкой или перекрещивающихся наклонных резных линий, образующих решеточку, и пояса ямок, образующих на внутренней поверхности бугорки. Реже встречается узор из параллельных рядов шнура, резных вдавлений, а также елочки, косых и зигзагообразных линий, выполненных вдавлениями гребенчатого штампа.

На сосудах III типа представлен только резной, ямочный или ямочно-резной орнамент.

Вторую группу керамики на городище составляет небольшое количество (32 фрагмента) сосудов, близких по орнаментации и по форме к сосудам Безыменного и Молчановского городищ, а также Кингусовского могильника в Нижнем Приобье, которые датируются X—XIII вв. н. э. (Чернецов, 1957). Эта часть керамики резко отличается от основного комплекса по орнаментации. В узоре появляются новые мотивы: широкие горизонтальные полосы и треугольники по плечикам, образованные ромбическим глазчатым штампом или «полулунной» отступающей лопаточкой, а также горизонтальные полосы, состоящие из вертикальных и наклонных оттисков зубчатого или гребенчатого штампа.

Третья группа керамики, также отличающаяся от основного комплекса, представлена 30-ю фрагментами сосудов преимущественно красного цвета с хорошо заглаженной наружной поверхностью. По технике производства и орнаментации эта группа близка к керамике Кушнаренокского селища на р. Белой в Башкирской АССР. Сосуды этой группы изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью небольшого количества мелкого песка. Толщина стенок очень ровная. У большинства сосудов наружная поверхность покрыта обмазкой из глины другого цвета: внутри сосуды серого и темно-серого цвета, а снаружи красноватые или желтые. Сосуды отличаются тщательной отделкой, поверхность некоторых залощена. Орнамент состоит из резных, гребенчатых, шнуровых отпечатков, а также насечек, нанесенных острием тонкой палочки. Резной орнамент образует несколько параллельных горизонтальных линий, короткие наклонные линии, решеточку.

Время обитания городища хорошо определяется находками железного наконечника стрелы и бронзовой подвески.

Наконечник стрелы сибирского типа имеет ромбовидную форму с плоским сечением и утолщенным уступчиком при переходе к черешку. Наибольшее расширение имеется в верхней трети пера. Черешок шиловидный. Общая длина наконечника — 12,5 см, длина пера — 8,4 см, наибольшая ширина — 3,8 см. Такие стрелы встречаются в памятниках енисейских кыргызов X в. н. э. (Евтюхова, 1948). Близок этот наконечник по форме к так называемым новгородским срезням (Медведев, 1959).

Бронзовая подвеска бутылочной формы с прямым стержнем, заканчивающимся вверху ушком, датируется по могильникам на Оке VIII—X вв. (Спицын, 1901, табл. XXIV—II, XXVI—12, XXVIII—8, XXIX—12; Смирнов, 1952, табл. XXIII—4).

Бакальское городище по керамике и системе укреплений очень близко к городищу Лобач сылвенской культуры, что позволяет отнести его к той же культуре.

Территорией распространения сылвенской культуры считается предгорная часть Западного Приуралья (Бадер, Оборин, 1958; Генинг, 1959). Исследования Большого Бакальского городища позволяют расширить его границы, включая среднее течение р. Исети. К сылвенской культуре, очевидно, можно отнести также Мыльниковское и Полевское городища, находящиеся в районе г. Шадринска, так как на этих памятниках найдена сходная керамика.

По всей вероятности, сюда же можно отнести и памятники по верхнему течению р. Пышмы. Так, Капинское городище, исследованное Ф. Ю. Гебауэром в 1884 г. и раскопанное Е. М. Берс в 1960 г., дает те же формы сосудов с той же орнаментацией (Гебауэр, 1887).

Этническая принадлежность населения Бакальского городища остается пока неясной, хотя существует мнение, что население сылвенской культуры IX—XV вв. можно считать угорским.

С. А. ПОПОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

За последнее десятилетие в Оренбургский областной музей поступило несколько десятков случайных археологических находок и сообщений о местонахождении археологических памятников. Приводим некоторые из них.

Каменные топоры-тесла. В 1959 г. учитель-пенсионер из с. Илека К. З. Емельянов передал в музей прекрасно изготовленный из светлого кремнистого сланца полированный клиновидный топор-тесло (длина — 19 см, ширина у лезвия — 8 см — рис. 1, 1). Топор был обнаружен при копке ямы под телеграфный столб на песчаных дюнах восточнее с. Илека, между селами Сухоречка и Затонное.

В январе 1962 г. преподаватель школы с. Поляна, Соль-Илецкого района, Л. Я. Прибылова доставила в музей полированный топор-тесло, изготовленный из зеленоватой яшмы (длина — 15 см, ширина — 6—7 см — рис. 1, 2). Топор был обнаружен около десяти лет назад в окрестностях с. Поляны.

Оба топора близки к неолитическим топорам-теслам. Следует указать, что хранящиеся в коллекциях Оренбургского музея несколько полированных каменных топоров, найденных на территории бывшей Оренбургской губернии, имеют совершенно иной облик.

Нуклеусы и отщепы. В 1955 г. преподаватель школы в пос. Интернациональном, Абдулинского района, А. Ф. Уколов доставил в музей несколько длинных кремневых ножевидных пластин. Они были обнаружены учениками школы в обнажении берега небольшого овражка на окраине пос. Интернациональный. Обследование этого пункта в 1960 г. дало дополнительные находки: два массивных кремневых нуклеуса и несколько десятков ножевидных пластин длиной от 5 до 20 см. Изделия обнаружены в почвенном слое на глубине до 20 см на площади около 4 кв. м и частично на дне оврага.

Расположение находок на небольшом пространстве заставляет предполагать существование здесь мастерской заготовок каменных орудий. Место находки требует детального исследования, что позволит понять характер находки и определить время.

Костяной гарпун. Летом 1961 г. П. В. Кайгородов доставил в музей костяной гарпун с отломанным основанием. Он обнаружил его на правом берегу р. Ток (приток р. Самары) ниже с. Нижнее Яиково (против пос. Чапаевки), Сорочинского района, близ небольшого песчаного карьера, у самого края воды. Гарпун светло-коричневого цвета. Длина до излома

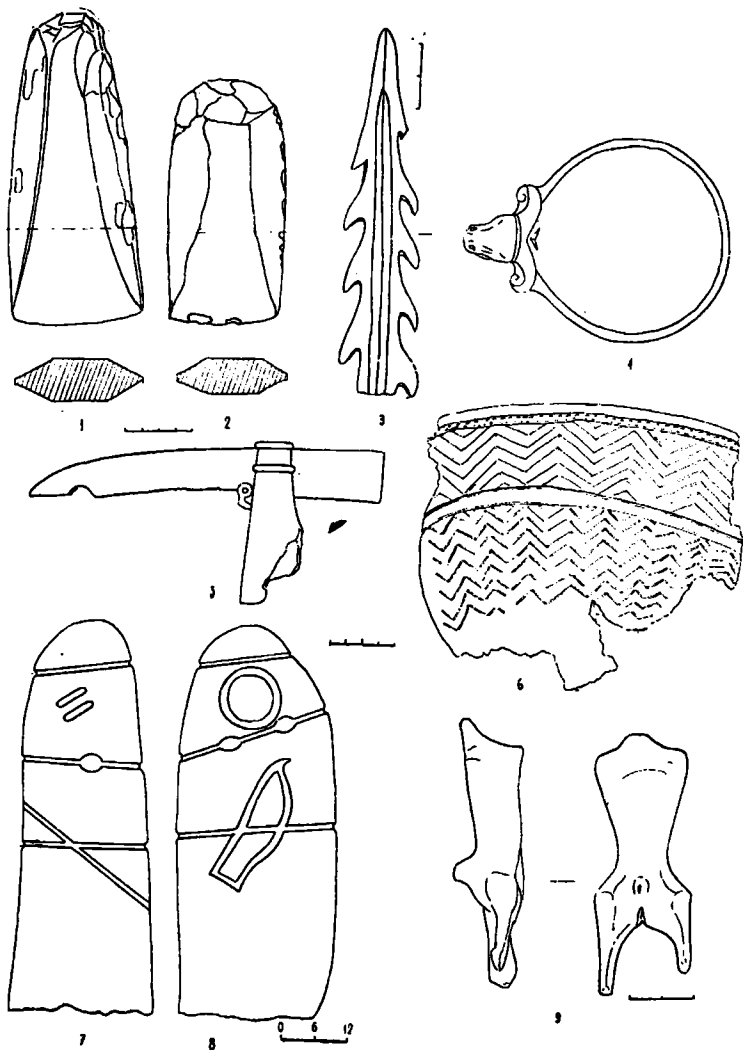

Рис. 1.

1, 2 — каменные топоры; 3 — костяной гарпун; 4 — каменный жертвенник; 5 — биметаллический нож; 6 — фрагмент сосуда; 7, 8 — каменные стелы; 9 — бронзовая антропоморфная фигурка.

(излом совершенно свежий) — 11 см, ширина стержня у излома — 9 мм, толщина стержня в изломе — 0,5 см. Тыльная часть гарпуна плоская, лицевая — выпуклая. По середине лицевой стороны идет желобок. По обе стороны стержня располагаются зубцы (4 — с одной и 5 — с другой — рис. 1, 3). Обследование берегов р. Ток в районе находки не дало каких-либо других вещественных памятников. Лишь в непосредственной близости от места находки в воде и среди галечника были встречены несколько пластинок от бивня мамонта.

Вероятно, гарпун принесен рекой или выпал из песка из карьера. Учитель с. Нижнее Яково Б. А. Кипчикбаев сообщил, что несколько лет назад ученики нашли в окрестностях села, на распаханных склонах высокого основного правого берега Тока аналогичный гарпун, который, к сожалению, утерян.

Два гарпуна осенью 1925 г. были найдены в овраге близ пос. Кравцово бывшего Бузулукского уезда¹. Один из них был сделан из рога оленя, второй, по-видимому, из кости мамонта. На гарпуне из рога оленя имелся «гравированный орнамент в виде волнистой, местами прерывающейся, линии». В непосредственной близости от гарпунов были найдены кости мамонта, которые В. В. Гольмстен не решалась связывать с гарпунами (Гольмстен, 1928, стр. 129.)

Гарпуны, найденные у с. Кравцово, отличаются от описываемой находки на р. Ток своей формой и большей архаичностью изготовления. В. В. Гольмстен относит их к древнейшему типу памятников каменного периода. К. В. Сальников считает их позднепалеолитическими (Сальников, 1952а, стр. 22).

Гарпун с р. Ток значительно отличается от костяных гарпунов шигирской культуры Среднего Зауралья, для которых характерно расположение зубцов только с одной стороны (Дмитриев, 1951, стр. 53; Раушенбах, 1956, стр. 112; Брюсов, 1952, стр. 148, рис. 32).

Ближе всего описываемый гарпун к неолитическим с оз. Лубана в Латвии (Брюсов, 1952, рис. 49).

Биметаллический клевец. В 1954 г. при земляных работах на левом берегу р. Урала, в 5 км от Оренбурга, на горе Сулак, был найден биметаллический клевец. Втулка клевца — бронзовая (длина — 9,5 см, диаметр — 2,5 см), клинок — железный, плоский, протрет сквозь втулку (длина — 21 см, ширина — около 2,5 см); у места соединения клинка с втулкой имеется украшение в виде головки хищной птицы с сильно загнутым клювом (рис. 1, 5).

Клевец имеет полную аналогию в формах ананьинских клевцов, датированных А. В. Збруевой концом VI или началом V в. до н. э. (Збруева, 1952, табл. XII, рис. 4).

На горе Сулак были встречены также обломки каких-то бронзовых вещей.

Следы металлургического производства. Зимой 1952 г. в г. Соль-Илецке в траншее для фундамента было обнаружено несколько медных слитков в форме лепешек и фрагменты глиняных сосудов. Два слитка (3350 и 3850 граммов) и фрагменты одного глиняного сосуда были доставлены в музей (рис. 1, 6). Сосуд по форме и орнаментации близок к алакульским сосудам бронзового века Зауралья (Сальников, 1952а, рис. 3).

Данная находка может быть датирована эпохой бронзы.

* *

В 1960 г. преподаватель школы с. Матвеевки, Сорочинского района, А. А. Попов обнаружил в окрестностях села, в обрыве оврага Бикулкин, остатки сырдутных печей по плавке железной руды. К сожалению, печи вскоре были разрушены. Обследование места находки в августе 1961 г. выявило лишь незначительные остатки одной печи: основание, сложенное из камней, слой древесного угля, обломки глиняной обмазки, обломки сопел и значительное количество железного шлака.

Памятник по месту расположения и по характеру близок к остаткам печей в вер-

¹ Поселок Кравцово находится от места находки на р. Ток примерно в 160 км на юго-запад в пределах теперешней Куйбышевской области.

ховьях р. Бузулук у с. Ново-Белогорка, изучавшихся Оренбургской экспедицией Института археологии и Оренбургского музея в 1957 г. и весьма ориентировочно датирующихся XI—XIV вв. н. э.¹.

Бронзовая антропоморфная фигурка. В 1958 г. в окрестностях пос. Верхние Чебенки, Оренбургского района, при земляных работах на правом берегу р. Сакмары была обнаружена литая бронзовая антропоморфная фигурка высотой 8 см. На ней ясно очерчены бедра, две ноги (одна короче другой), фалл. Верхняя половина туловища передана схематически (рис. 1, 9).

Жертвенник-треножник. Весной 1958 г. у пос. Уш-Кунь, Ак-Булакского района, р. Илек размыла погребение, из которого доставлен в Оренбургский музей круглый каменный жертвенник с тремя ножками, вырезанными в форме голов животных (медведей?). Высота жертвенника 9 см, диаметр—20 см. Поверхность несколько углублена к середине, сглажена и местами имеет красноватый оттенок, видимо, от растирания краски (рис. 2).

Рис. 2. Каменный жертвенник.

Изображения на ножках жертвенника очень близки к изображениям на отломанных ножках жертвенника, обнаруженных в 1908 г. на горе Маяк в пределах г. Оренбурга (Попов, 1911а).

* * *

Жертвенная плита. В 1941 г. у с. Камардиночки, Шарлыкского района, был выпахан каменный жертвенник в форме округлой плиты, заканчивающейся изображением головы барана (рис. 1, 4). В 1960 г. плита доставлена в музей.

Оба жертвенника относятся к савроматскому времени, к VI—IV вв. до н. э.

¹ Научный архив Оренбургского музея. Отчет о раскопках производственного комплекса у с. Ново-Белогорка М. Г. Мошковой.

Стела с изображениями. Несколько лет назад рабочие г. Кувандыка в поисках камня разобрали одну из трех каменных куч, находившихся на пашне, между дер. Гумарово и пос. Ново-Курском; среди камней оказалась вертикально стоявшая каменная стела с изображениями. Место находки представляет собою яму глубиной до 2 м и диаметром около 6 м с остатками невыбранного камня. Небольшие разведочные раскопки в середине ямы ничего не дали. По соседству находятся еще две каменные кучи, густо поросшие кустарником.

Стела имеет прямоугольную в сечении форму, высота ее — 170 см, ширина сторон — от 18 до 30 см. Нижняя часть стелы не обработана, верхняя — высотой 60 см — сглажена и на каждой из четырех сторон имеет резные изображения в форме прямых полосок, кружочков, и предмета, напоминающего короткий колчан (рис. 1, 8).

На месте обнаружения стелы требуются раскопки для выяснения характера памятника.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

**ЭЛЕМЕНТЫ ДРЕВНИХ УГОРСКИХ КУЛЬТУР В МАТЕРИАЛЕ ХАНТЫЙСКОГО
МОГИЛЬНИКА ХАЛАС-ПОГОР НА ОБИ**

В Музее антропологии Московского университета хранится богатая коллекция вещей из раскопок Д. Т. Яновича 1909 г. хантыйско-ненецких погребений на острове Халас-Погор на Малой Оби близ Салехарда. При раскопках было вскрыто 360 погребений, давших около 2500 предметов.

Материал по своему составу довольно однообразен, но погребения различаются между собой по количеству вещей и набору их. Большинство погребений относится к XVII—XVIII вв. Эта датировка устанавливается по русским монетам и немецким счетным жетонам, найденным среди погребального инвентаря. Самые поздние погребения датируются монетами 1802 г.

Вещественные находки позволяют рассматривать могильник как связующее звено между археологией и этнографией.

Погребения совершались в лодках на глубине около 0,5 м. Лодка для этой цели обрубалась со стороны головы, а иногда и в ногах. На дно обычно укладывались полосы бересты. Преобладающая ориентировка меридиональная, но встречаются отклонения от этого правила. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине. Руки чаще вытянуты вдоль туловища, иногда сложены на живот или, реже, под таз (погребение 301). В некоторых случаях в кисть руки вложен нож или какой-либо другой предмет.

У большинства погребенных лица были покрыты кусками материи или кожи, на которых на месте глаз и рта были нашиты медные пуговицы. Этнография хантов дает объяснение этому обычаю стремлением окончательно отделить умершего от живых (Харлампович, 1902, стр. 472—482). Некоторые погребенные целиком завернуты в материю или шкуры.

Все погребения снабжены инвентарем, который, по представлениям ненцев и хантов, был необходим для жизни в потустороннем мире. Наиболее бедны по количеству вещей детские погребения. Они содержат обычно куклу, одну-две бляхи в качестве украшений, иногда бусы или колокольчики. Маленькие дети, лежавшие рядом со взрослым, были с головой завернуты в материю и при себе ничего не имели (погребение 320).

В составе погребального инвентаря большинства мужских и женских захоронений найдены топоры русского производства. Расположены они или с правой, или с левой

стороны обычно так, что конец длинного топорика лежал у кисти руки, а сам топор — против нижней части голени, почти у ступни.

В погребении 353 оказалось два топора, которые лежали с левой стороны.

Принадлежностью почти каждого погребения является нож. Ножи можно разделить на два типа — местный, узкий, продолговатый, заточенный на одну сторону, с острым концом и толстой спинкой (рис. 1, 1, 2) и привозные русские широкие ножи (рис. 1, 5, 6). Часто обе формы встречаются вместе в одном погребении.

Ножи местного типа обычно лежат в ножнах двух видов. Первый вид представлен деревянными ножнами, выдолбленными обычно из целого куска дерева (рис. 1, 3). Полость для помещения рукоятки долбилась в толстом конце ножен сверху, а пространство для лезвия выдалбливалось ниже в тонком конце со стороны овального ребра. Поверхность ножен обычно гладкая. При помощи ремешков или цепочки они привешивались к поясу. Этот тип ножен местный и имеет, вероятно, большую древность.

Ножи второго типа представляют собою изделия более тонкие, деревянная основа которых, выполненная описанным выше способом или составленная из двух половинок, обтянута сверху кожей и обита по коже рядом параллельных медных пластинок, опоясывающих ножны (рис. 1, 4). Это также местный тип. Его происхождение уходит в далекую древность. Аналогичные ножи встречаются в Качкинском могильнике, который А. В. Шмидт датировал III — началом V вв. (А. В. Schmidt, 1927, стр. 22, рис. 2, 5), а также в Невелинском и Бурковском могильниках.

Во многих погребениях встречены железные вилчатые с внутренними режущими краями стрелы (рис. 1, 15; 2, 1) различных размеров. Мелкие стрелы использовались при охоте на птицу, более крупные — на зверя. В Западной Сибири они имеют большую древность. Подобные наконечники стрел встречены в памятниках Кинтусовского этапа (Кинтусовский могильник и городище X—XII вв.) и более поздних поселениях (стоянка на мысу Хээн-Сале на Ямале, датируемая XVI в.) (Чернецов, 1957, табл. XLIII, 6; табл. XLVIII, 8).

Второй тип стрел в виде треугольника с передней режущей стороной представлен единичными экземплярами. Подобные наконечники стрел, восходящие к началу II тысячелетия н. э., опубликованы Ф. Р. Мартином среди минусинских древностей (Martin, 1897, табл. 28, рис. 21; табл. 30). Деревянные стрелы с утолщением на конце — «томар» — представляют третий тип, используемый для охоты на мелкого пушного зверя.

При женских костяках встречены скребки в виде железных изогнутых пластинок, иногда по 2—3 в одном погребении.

Реже описанных встречаются прочие орудия труда: иглы, шилья, коловороты, буравы и др. Они характеризуют уровень развития домашнего ремесла. Рабочие части этих орудий почти всегда русского производства.

Кроме орудий труда, в коллекции имеется большое число вещей, служивших в качестве украшений.

Сюда относятся бусы, бляхи, пуговицы, монеты, наперстки и т. д. В подавляющей массе это предметы русского импорта.

Как элемент украшения бусы, реже бисер, найдены в большинстве погребений. Почти все они изготовлены из прозрачного стекла синего, голубого, зеленоватого, янтарного, красноватого, белого и желтого цветов. Из непрозрачного стекла представлены голубые и белые бусы и редко встречающиеся глазчатые — коричневые с белыми глазками.

Большинство бус имеют круглую, близкую к шаровидной форму, изредка встречаются бусы в форме двух составленных основаниями четырехгранных пирамид с закругленными углами. Все бусы хантов и ненцев были привозными. Этнографическая литература неоднократно указывает среди товаров русских купцов на бисер и бусы. Они в большом количестве нашивались на женскую одежду и в меньшем — на мужскую, украшали ремешки, на которых подвешивались бляхи, кожаные мешки для различных принадлежностей шитья и другие предметы обихода.

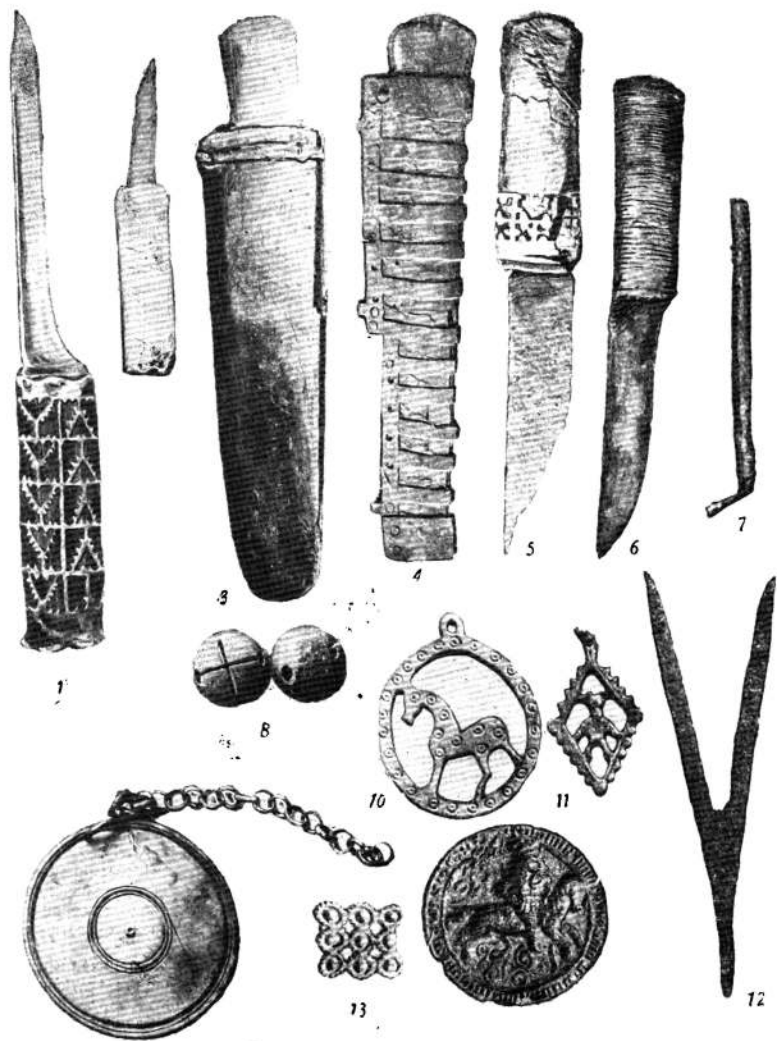

Рис. 1. Вещи из могильника на острове Халас-Погор;

1, 2, 5, 4 — ножи; 3, 4 — ножны; 7 — медная пронизка; 8 — бубенчики; 9, 10, 11, 13, 14 — бляхи; 12 — наконечник стрелы.

Почти во всех погребениях найдены бляхи. С. И. Руденко (Руденко, 1914а, стр. 18) разделяет подобные бляхи по форме следующим образом: 1) круглые гладкие или с concentрическим орнаментом; 2) сплошные с рельефными литыми изображениями; 3) ажурные.

Эту классификацию с дополнениями внутри группы можно применить для описываемого материала.

Круглые гладкие бляхи, кроме орнамента из прочерченных concentрических окружностей (рис. 1, 9), имеют украшения из звездочек в виде небольшого кружка с отходящими лучами, вроде солнца, или в виде перекрещивающихся насечек.

Ажурные бляхи часто снабжены круглым ободом, внутри которого вписаны различные изображения. Наиболее распространены фигуры коней, покрытые циркульным орнаментом (рис. 1, 10). Среди других изображений следует отметить шестилучевые звезды (рис. 2, 4), кресты, решетки, гусей, орлов и т. п. На плоских ажурных ромбических бляхах, в середине их, встречается изображение медвежонка, намеченное контуром (рис. 1, 11). Этот мотив является местным и, очевидно, был связан с культом медведя или медвежьим праздником, распространенным у хантов.

Среди ажурных блях есть композиции в виде квадрата с вырезанными закруглениями на месте углов и заполнением этого контура прямоугольной или циркульной решеткой (рис. 2, 3). Аналогю некоторым ажурным бляхам можно указать среди минусинских материалов, опубликованных Ф. Р. Мартином (Martin, 1897, табл. 24, 13), хотя они относятся к более раннему времени.

Большой интерес по своим сюжетам представляют бляхи с рельефными изображениями фигур кентавров и всадников на коне с мечом, скипетром или луком (рис. 1, 14). По внешней окружности бляхи обычно имеют поперечную насечку, иногда ограниченную по бокам concentрическими валиками. Поле, оставшееся свободным от изображения, часто заполнено волотами и различными завитками.

По-видимому, изображение всадника первоначально ассоциировалось у хантов с изображением их божества Мир-Суснэ-Хума, объезжающего землю на белом коне.

Кроме всадника и кентавра встречаются силуэты коня, оленя, лебедя с распростертыми крыльями (аналогичную бляху издал С. И. Руденко, 1914а, стр. 18, рис. 29с), человеческой личины. Последняя своим стилем несколько напоминает личину из Кингусовского могильника (Чернецов, 1957, табл. XLII, 10).

В связи с находкой подобной бляхи с кентавром на острове Фаддея А. П. Окладников писал (Окладников, 1950), что эти бляхи-зеркала появились в результате исторического развития как синтез среднеазиатских зеркал с образом древнерусской мифологии — китоврасом и являются изделиями новгородских мастеров. Это мнение подтверждается находкой в нашем материале конька-птицы (рис. 2, 9), встречаемого среди новгородских древностей.

Вероятно, русские в период своего проникновения за Урал познакомились с религиозными представлениями финно-угорских народов. При этом культ угорского всадника Мир-Суснэ-Хума у русских ассоциировался с китоврасом. Русские организовали для угров производство литых изображений культового характера, которые с течением времени становятся украшениями, а производство и сбыт их расширяется. На культовое значение блях указывает то, что их находили в мужских погребениях на груди, в области сердца.

У других народов Сибири аналогичные бляхи входят в состав шаманского костюма (Окладников, 1950, стр. 147—148).

Бляхи, используемые в качестве подвесок, прикреплялись к ремешкам, с нанизанными на них пронизками-трубочками, свернутыми из листовой меди; аналогичные трубочки известны среди находок в бахмутинских и ломоватовских могильниках (рис. 1, 7).

К местным металлургическим изделиям хантов относятся оловянные бляшки трех-, четырех-, шести- или девятичастные, образованные из соответствующего числа кружков или ромбиков с выпуклостью в середине (рис. 1, 13). Такие бляшки отливались женщинами в формах, изготовленных из мягкого сланца, дерева или коры. При литье форму сверху накрывали берестой и прижимали деревянной плашкой, после чего через литник лили

Рис. 2. Вещи из могильника на острове Халас-Погор:

1 — наконечник стрелы; 2—6 — бляхи; 7 — бусы; 8 — кожаный пояс; 9 — полвесья-копек.

олово¹. Изображения часто получались нечеткие, с затеками металла, но и в этом случае они нашивались на одежду как украшения.

В погребениях эти бляшки иногда лежат целыми связками, а не нашитыми на одежду. Форма оловянных блях имеет аналогии в древних культурах Урала и Сибири. Подобные двучастные бляшки встречены в Гляденовском костике (Смирнов, 1952, табл. XVIII, 32). Здесь они отлиты из меди и имеют на оборотной стороне ушко, чего нет у описываемых оловянных, так как они укреплялись за отверстия между кружками или ромбиками. Близки по форме оловянным бляшкам верхние части шумящих подвесок Кинтусовского могильника, состоящие из нескольких круглых умбовоидных частей (Чернецов, 1957, табл. XI, 1, 4).

Пуговицы, наперстки, колокольчики, бубенчики, частично монеты использовались населением и как украшения. Все они являлись предметом русской торговли. Пуговицами обычно украшали кожаные пояса, шившая их вплотную друг к другу (рис. 2, 8). Для этой цели шли плоские круглые пуговицы, часто с орнаментом из концентрических окружностей и слегка выпуклые пуговицы без узоров. Оловянные пуговицы использовались в качестве украшения вместе с бусами. Близкая по форме полубусина, полупуговвица представлена в Кинтусовском могильнике (Чернецов, 1957, табл. XI, 11, 5). Колокольчики и бубенчики использовались как шумящие украшения обычно в детских погребениях (рис. 1, 8). Они нашивались на рукава одежды у локтей. Применение бубенчиков в качестве украшений восходит также ко времени Кинтусовского могильника, где представлены подобные экземпляры (Чернецов, 1957, табл. XI, 1, 10).

О применении монет и наперстков в качестве украшений говорит тот факт, что у первых пробиты отверстия для подвешивания, а у вторых выбита передняя часть так, что они превратились в пронизки. Аналогичную картину в использовании наперстков как украшений для XVII в. на р. Чулым дает А. П. Дульзон (Дульзон, 1955).

В большом количестве в могильнике найдены перстни, обычно медные, изредка серебряные. Число их в одном погребении иногда превышает десяток. Лежат они около кистей рук по одиночке, а иногда соединены ремешками в связку. Кольца обычно снабжены щитком-печаткой с растительным узором. Аналогичные перстни найдены при раскопках остяцких могильников на Чулыме (Дульзон, 1955). За время с XVII по XVIII в. формы их изменились незначительно. Перстни также были предметом русской торговли с хантами.

Как украшения использовались медные кольца, подвешивавшиеся на ремешках в конце нити с бусами. Кольца эти литые, иногда кованые, в сечении часто имеют вид прямоугольника с закругленными углами. Подобные кольца добыты экскурсией Тобольского музея на р. Салыме в 1911 г. также из погребения².

В коллекции в значительном количестве представлены части упряжки оленей и собак. Они требуют особой публикации.

Анализ материала показывает, что ненецкие и хантыйские погребения не различаются по набору вещей. Это дает основание говорить, что одна культура может характеризовать различные этнические общности при условии близости их хозяйственного уклада, тесного взаимного общения и территориальной близости. В то же время значительное количество аналогий в ломоватовском и бахмутинском материале подтверждает теорию об угорской принадлежности ломоватовской и бахмутинской культуры.

Сохранение отмеченных выше особенностей археологических культур в этнографическом материале объясняется в значительной степени крайней застойностью развития материальной культуры народов таежного сибирского севера, чему способствовали природные условия и оторванность от центров цивилизации.

¹ Изделия остяков Тобольской губернии. Этнографическая коллекция Тобольского губернского музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911, стр. 109—110.

² Коллекция Тобольского краеведческого музея.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева Ю. П. 1961. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М.
- Авижанская С. А., Кузеев Р. Г. 1962. Этнографические коллекции по башкирам Государственного музея этнографии народов СССР. АЭБ, т. I. Уфа.
- Акимова М. С. 1961. Антропологический состав населения пьяноборской культуры. «Вопросы антропологии», № 8.
- Акимова М. С. 1964. Древнее население Башкирии по антропологическим данным. См. настоящий сборник.
- Алексеев В. П. 1954. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая. КСИЭ, вып. 21.
- Алексеев В. П. 1959. Антропология Салтовского могильника. КСИЭ, вып. 31.
- Алихова А. Е. 1948. Старосотенский могильник. «Археологический сборник». Саранск.
- Алихова А. Е. 1958. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, № 61.
- Анисимов А. Ф. 1936. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л.
- Аниховский А. 1906. Раскопки кургана в пос. Красногорском. Труды ОУАК, т. 16. Оренбург.
- Анфимов Н. В. 1951. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, вып. 23.
- Ахмеров Р. Б. 1949. Древние погребения в г. Уфе. КСИИМК, вып. 25.
- Ахмеров Р. Б. 1951. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. КСИИМК, вып. 40.
- Ахмеров Р. Б. 1951а. Новые археологические находки в Башкирии. КСИИМК, вып. 39.
- Ахмеров Р. Б. 1952. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. СЭ, № 3.
- Ахмеров Р. Б. 1952а. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени. КСИИМК, вып. 48.
- Ахмеров Р. Б. 1955. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, № 23.
- Ахмеров Р. Б. 1955а. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. КСИИМК, вып. 19.
- Ахмеров Р. Б. 1958. Стекланный сосуд из Уфимского погребения. СА, № 3.
- Ахмеров Р. Б. 1959. Новый Уфимский могильник ананьино-пьяноборского времени. СА, № 1.
- Бадер О. Н. 1951. Палеолитические и неолитические пещеры Урала. Доклады об-ва естествоиспытателей при Пермском ун-те, вып. 1. Пермь.
- Бадер О. Н. 1951а. Стоянки Нижнеадигская и Боровое озеро I на реке Чусовой. МИА, № 22.
- Бадер О. Н. 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. УЗ ПГУ, т. 9, вып. 3. Харьков.
- Бадер О. Н. 1953а. Археологические памятники Тагильского края. УЗ ПГУ, т. 8, вып. 2. Пермь.
- Бадер О. Н. 1953б. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСИИМК, вып. 49.
- Бадер О. Н. 1953в. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИИМК, вып. 51.
- Бадер О. Н. 1956. Опыт работ Камской археологической экспедиции в 1953—1954 гг. УЗ ПГУ, т. 11, вып. 2—3. Харьков.
- Бадер О. Н. 1957. К изучению эпохи бронзы в Прикамье. УЗ ПГУ, т. 10, вып. 3.
- Бадер О. Н. 1957а. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 70.
- Бадер О. Н., Оборинов В. А. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.

- Бадер О. Н. 1959. Камская археологическая экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 74.
- Бадер О. Н. 1960. К истории Урала и Волгокамья в эпоху древнего и среднего каменного века. Сб. «Из истории Урала». Свердловск.
- Бадер О. Н. 1960б. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры. УЗ ПГУ, т. 12, вып. 1. Пермь.
- Бадер О. Н. 1961. Следы древнейшей пещерной живописи на Южном Урале. СА, № 3.
- Бадер О. Н. 1961б. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. ОК(В)АЭ, вып. 2.
- Бадер О. Н. 1961 в. Поселения Турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99.
- Бадер О. Н. 1962а. Палеолитическая живопись в пещере Шульган-Таш (Капова) на Урале. Тезисы докладов на Сессии Отделения исторических наук АН и Пленуме ИА АН СССР, посвященных итогам экспедиционных работ 1961 г.
- Баишев Т. Г. 1955. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М.
- Балдаев С. П. 1960. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ.
- Бернштам А. Н. 1946. Социальный строй орхоно-еписейских турок в V—VIII вв. М.—Л.
- Бернштам А. Н. 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, № 26.
- Берс Е. М. 1958. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья. Сб. «Вопросы истории Урала». Свердловск.
- Берс Е. М. 1959. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск.
- Бибиков С. Н. 1950. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала. СА, XII.
- Брайчевский М. Ю. 1951. Работа на Пастерском городище в 1949 г. КСИИМК, вып. 36.
- Брайчевский М. Ю. 1953. Пастерское городище в связи с проблемой восточнославянских племен. КСИАУ, вып. 2. Киев.
- Брюсов А. Я. 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху.
- Булычев Н. Н. 1902, 1904. Древности из Восточной России, вып. 1, 2.
- Буров Г. М. 1961. Стоянки с микролитическим инвентарем по р. Вычегде. СА, № 1.
- Буров Г. М. 1961а. Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Буров Г. М. 1962. Раскопки в бассейне Вычегды. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Вахрушев Г. В. 1926. Памятники природы и искусства Башкирии. «Башкирский краеведческий сборник», № 1. Уфа.
- Вахрушев Г. В. 1959. Неотектоника и зональное развитие рельефа на Южном Урале. «Вопросы геоморфологии и геологии Башкирии», вып. 2. Уфа.
- Вахрушев Г. В. 1960. Распространение и условия образования карстовых пещер в Башкирии. Сб. «Состояние и задачи охраны природы в Башкирии». Уфа.
- Вахрушев Г. В. 1960а. Загадки Каповой пещеры. Уфа.
- Вечтомов А. Д. 1960. Основная археологическая карта РСФСР, лист 0—40—98. УЗ ПГУ, т. 12, вып. 1.
- Вечтомов А. Д. 1962. Раскопки Гремячанского поселения. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Викторова В. Д. 1960. Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы. Сб. «Из истории Урала». Свердловск.
- Викторова В. Д. 1962. Археологические исследования по рекам Реж и Нице. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Викторова В. Д. 1962а. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице. ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- Викторова В. Д. 1962б. Материалы к археологической карте эпохи железа в Южной Башкирии. ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- Вишневский Б. Н. 1960. Следы угров на Западном Урале. УЗ ПГУ, т. 12, вып. 1. Пермь.
- Воеводский М. В. 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. 31.
- Вяткина К. В. 1962. Монголы Монгольской Народной Республики. «Восточно-азиатский этнографический сборник». М.—Л.
- Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. 1963. «Башкиро-мадьярская» проблема. АЭБ, т. 1. Уфа.
- Гебауэр Ф. Ю. 1887. Заметки о Кашином Чудском городище. Записки УОЛЕ, т. 11, вып. 1.
- Генинг В. Ф. 1953. Бродовский могильник. КСИИМК, вып. 52.
- Генинг В. Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В. Ф. 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Труды КФАН, серия гуманитарных наук, т. 2. Казань.
- Генинг В. Ф., Акимова М. С. 1959а. Отчет о раскопках Кушнарженковского могильника. Архив ИА (р-1—1953).
- Генинг В. Ф. 1960. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у с. Рождественского в Татарии. МИА, № 80.
- Генинг В. Ф., Оборин В. А. 1960а. К вопросу о гляденской культуре. УЗ ПГУ, т. 12, вып. 1. Пермь.

- Генинг В. Ф. 1960б. Отчет о работах за 1960 год. Архив.
- Генинг В. Ф. 1961. Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1961а. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока».
- Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. 1961б. Итоги археологического изучения Удмуртии. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1962а. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1962б. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии н. э. III Уральское археологическое совещание в г. Уфе. (Тезисы докладов). Уфа.
- Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. 1962в. Мазунинская культура на Каме. III Уральское археологическое совещание в г. Уфе. (Тезисы докладов). Уфа.
- Генинг В. Ф. 1963. Женский наряд периода пьяноборской культуры. СЭ, № 3.
- Глухов А., Руденко С. 1927. Могильник Кудурьгэ на Алтае. Материалы по этнографии, т. 3, вып. 2. Л., Изд. Государственного Русского музея.
- Гольмстен В. В. 1913. Могильник близ г. Уфы.
- Гольмстен В. В. 1928. Археологические памятники Самарской губернии. ТСАРАНИОН, IV.
- Городов В. А. 1937. Подчеремский клад. СА, № 2.
- Горюнова Е. И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94.
- Граков Б. Н. 1929. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. ТСАРАНИОН, IV.
- Граков Б. Н. 1935. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, вып. 110. М.—Л.
- Граков Б. Н. 1947. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № 3.
- Громов В. И. 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды Ин-та геол. наук АН СССР, вып. 64, геологическая серия (№ 17).
- Грязнов М. П. 1927. Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. 2. Л.
- Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48.
- Гуслицер Б. И. 1960. Медвежья пещера в бассейне Верхней Печоры. Сб. «Спелеология и карстование» Моск. об-ва испыт. природы.
- Гуслицер Б. И., Канивец В. И. 1960а. Человек ледниковой эпохи. Статья в газете «Красное знамя» от 13 ноября. Сыктывкар.
- Гуслицер Б. И., Канивец В. И. 1962. Пещеры Печорского края как источник изучения четвертичного периода. «Изв. Коми филиала Всес. геогр. об-ва», № 7.
- Дебец Г. Ф. 1948. Палеоантропология СССР.
- Денисов В. П. 1960. Хугорская неолитическая стоянка. УЗ ПГУ, т. 12, вып. 1. Пермь.
- Денисов В. П. 1960а. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы. Сб. «Из истории Урала». Свердловск.
- Денисов В. П. 1961. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Деопек В. Б. 1961. Классификация бус юго-восточной Европы VI—IX вв. СА, № 3.
- Деревенков А. 1911. Сообщение об археологических находках при работах на Маячных каменоломнях близ Оренбурга в 1908 г. Труды ОУАК, т. 23. Оренбург.
- Джумагулов А. 1960. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе.
- Дмитриев А. А. 1906. Пермская старина, вып. 8. Пермь.
- Дмитриев П. А. 1934. Раскопка стоянки «Калмацкий брод» на Исети. Свердловск.
- Дмитриев П. А. 1951. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы. МИА, № 21.
- Дмитриев П. А., Сальников К. В. 1941. Гор. Уфа—ст. Ишимбай. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.—Л.
- Дульзон А. П. 1954. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья. Ученые записки Томского гос. пединститута, т. 11.
- Дульзон А. П. 1955. Остяцкие могильники. Труды Томского пединститута, т. 13. Томск.
- Дыренков Н. П. 1926. Род, классификационная система и брачные нормы у алтайцев и телеут. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л.
- Дыренков Н. П. 1927. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. Сб. этнографических материалов. Л.
- Евтюхова Л. А. 1948. Археологические памятники енисейских киргизов (хакасов). Абакан.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н. 1961. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97.
- Жданко Т. А. 1952. Каракалпаки Хорезмийского оазиса. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 1. М.
- Жиромский Б. Б. 1958. Древнеродовое святилище Шолом. МИА, № 61;

- Задыкина К. Л. 1952. Узбеки дельты Аму-Дарьи. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 1. М.
- Зарезцкий И. А. 1941. Пос. Благодословенский и Ак-Булак, 1935 год. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М., —Л.
- Збруева А. В. 1948. Маклашевские могильники. КСИИМК, вып. 23.
- Збруева А. В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30.
- Збруева А. В. 1953. Котловское городище. КСИИМК, вып. 49.
- Збруева А. В. 1957. Культура поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры. СА, № 2.
- Збруева А. В. 1958. Итоги и задачи археологического изучения территории Башкирии. Сб. «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа.
- Збруева А. В. 1958а. Могильник Метев-Тамак. КСИИМК, вып. 72.
- Збруева А. В. 1959. Стоянка имени М. И. Касьянова. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Збруева А. В. 1960. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80.
- Збруева А. В. 1962. Затонская стоянка. АЭБ, т. 1.
- Золотарев А. М. 1939. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.
- Золотарев А. М. 1940. К истории ранних форм группового брака. Ученые записки исторического факультета Московского областного пединститута, т. 2. М.
- Золотарев И. М. 1957. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь). МИА, № 58.
- Игнатьев Р. Г. 1868. Археологические находки в курганах Миасских золотых приисков. Сб. статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губернии. Уфа.
- Игнатьев Р. Г. 1871. Курганы и городища Оренбургского края. Труды I археологического съезда, т. 1.
- Игнатьев Р. Г. 1883. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. Справочная книжка Уфимской губернии на 1883 г. Уфа.
- Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. 18. Труды Антропологического отдела, т. 12. Дневник антропологического отдела, вып. 8. 1890.
- Ищерилов П. Ф. 1952. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, вып. 47.
- Ищерилов П. Ф. 1959. Городище Уфа II. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Ищерилов П. Ф., Мажитов Н. А. 1962. Городище Уфа II. АЭБ, т. 1. Уфа.
- Калинин Н. Ф. 1948. Казанская стоянка. «Историко-археологический сборник».
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. 1954. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды КФАН, серия гуманитарных наук, т. 1. Казань.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. 1954а. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, № 42.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. 1960. Именьковское городище. МИА, № 80.
- Канивец В. И. 1961. Археологическое изучение Печорского Приуралья. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Канивец В. И. 1962. Исследования Печорского археологического отряда в Северном Приуралье. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Канивец В. И. 1962а. Раскопки Медвежьей пещеры на р. Печоре. Доклад на Сессии палеолита экспедиционного пленума ИА АН СССР 29 марта.
- Карачаровский В. В. 1951. Позднечетвертичная фауна пещер бассейна р. Юрюзани (Южный Урал). МИА, № 21.
- Каргер Н. К. 1927. Классификационная система у гольдов. «Сборник этнографических материалов». Л.
- Кастанье И. А. 1907. Отчет о раскопках 6 курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. Труды ОУАК, т. 19. Оренбург.
- Кастанье И. А. 1913. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. Труды ОУАК, т. 29. Оренбург.
- Киекбаев Ж. 1960. Башкорт телендо «Эсэ» һүзрәң килеп сыгышы тураһында. «Башкортостан уҡытусыһы», № 6. Уфа.
- Кипарисова Н. П. 1960. О культурах лесного Зауралья. СА, № 2.
- Киселев С. И. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Ковалевский А. П. 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков.
- Кошневский Б. А. 1948. Итоги археологического изучения Башкирской АССР. «Историко-археологический сборник».
- Константинов Багрянородный. 1934. Об управлении государством. ИГАИМК, вып. 91. М.—Л.
- Крайнов Д. А. 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир 1, МИА, № 91.

- Краткая Сибирская летопись. 1880. СПб.
- Кривцова-Гракова О. А. 1948. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, т. 17.
- Кривцова-Гракова О. А. 1951. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.), МИА, № 21.
- Кривцевская Л. Я. 1953. Археологические работы в Башкирии. КСИИМК, вып. 51.
- Кривцевская Л. Я. 1959. Кремнеобработывающая мастерская в устье р. Юрюзани. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Кривцевская Л. Я. 1959а. Новые неолитические стоянки Южного Предуралья. КСИИМК, вып. 74.
- Кривцевская Л. Я. 1960. Кремнеобработывающая мастерская и поселение неолитического времени на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79.
- Кривцевская Л. Я. 1962. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии. АЭБ, т. 1.
- Кривцевская Л. Я. 1962а. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии. СА, № 2.
- Кузеев Р. Г. 1954. Родо-племенной состав башкир в XVIII в. Автореферат диссертации.
- Кузеев Р. Г. 1957. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1. Уфа.
- Кузеев Р. Г. 1960. Башкирские шежере. Уфа.
- Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. П. 1962. Зауральские башкиры. АЭБ, т. 1. Уфа.
- Кузьмина Е. Е. 1962. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Кузьмина Е. Е. 1962. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИА, вып. 88.
- Кузьмина Е. Е. 1963. Купухта -- могильник андроновской знати. КСИА, вып. 93.
- Кякшто Н. Б. 1933. Каменные памятники степной Башкирии. ПИМК, № 7—8.
- Латышев В. В. 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ.
- Левашева В. П. 1928. Вознесенское городище. Изв. Гос. Зап.-Сиб. музея, № 1. Омск.
- Лепехин И. И. 1795. Дневные записки, ч. 2. СПб.
- Лунегов И. А. 1955. Редикарский могильник. КСИИМК, вып. 57.
- Ляпушкин И. И. 1958. Памятники Салтово-Маяцкой культуры. МИА, № 62.
- Мажитов Н. А. 1959. Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Мажитов Н. А. 1959а. Чиватовский могильник. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Мажитов Н. А. 1959б. Поселение бахмутинской культуры. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Мажитов Н. А. 1960. Каратамакский могильник. Архив ИА (р—1—2105).
- Мажитов Н. А. 1962. Поселение Ново-Турбаслинское II. АЭБ, т. 1. Уфа.
- Мажитов Н. А. 1962а. Ранние памятники бахмутинской культуры. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Мажитов Н. А. 1963. Бахмутинская культура. Автореферат канд. диссертации.
- Макаренко Н. 1906. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда. Труды ОУАК, т. 16. Оренбург.
- Максимов Е. К. 1956. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. Труды Саратовского областного музея, вып. 1. Саратов.
- Малиев Н. 1876. Антропологический очерк башкир. Труды об-ва естествоиспытателей при Казанском университете, т. 5, вып. 5. Казань.
- Малов С. Е. 1952. Енисейская письменность тюрков. М. · Л.
- Маядоки Ласло, Кузеев Р. Г. 1962. Предметы народного искусства в башкирской коллекции Венгерского этнографического музея. АЭБ, т. 1. Уфа.
- Маркелов М. 1928. Система родства у угро-финских народностей. «Этнография», № 1.
- Матвеев А. К. 1961. Топонимические карты Верхнего и Среднего Прикамья. ОК(ВА)Э, вып. 2.
- Матвеев А. К. 1961а. Древнеуральская топонимика и ее происхождение. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Матюшин Г. Н. 1959. Памятники каменного века на территории БАССР. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Матюшин Г. Н. 1962. Новые археологические памятники в окрестностях города Уфы. АЭБ, т. 1. Уфа.
- Матюшин Г. П. 1962а. Археологические исследования в окрестностях города Уфы. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Матюшин Г. П. 1964. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. См. настоящий сборник.
- Медведев А. Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65.
- Мерперт Н. Я. 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42.
- Мерперт Н. Я. 1957. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань.
- Мерперт Н. Я. 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61.
- Мерперт Н. Я. 1961. Абашевские курганы северной Чувашии (раскопки 1957—1958 гг.). МИА, № 97.
- Милюков С. Р. 1911. Очерки Приуралья. Восточная часть Стерлитамакского уезда. Адрес-календарь Уфимской губернии и памятная книжка на 1911 г. Уфа.
- Мольнар Эрик. 1955. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа.

- Studia Historica. Academiae Scientiarum Hungaricae, 13. Budapest.
- Мошинская В. И. 1953. Городища и курганы Подчешаш. МИА, № 35.
- Мошинская В. И. 1957. Сузуги II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 58.
- Мошкова М. Г. 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, № 78.
- Мошкова М. Г. 1961. Сарматские курганы в Оренбургской области. КСИА, вып. 83.
- Мошкова М. Г. 1962. О раннесарматских втульчатых стрелах. КСИА, вып. 89.
- Мошкова М. Г. 1963. Памятники прохоровской культуры. Свод археологических источников, вып. Д1—10.
- Народы Средней Азии и Казахстана, 1. «Народы мира», 1962. М.
- Нефедов Ф. Д. 1882. О курганах Приуральяского края. «Антропологическая выставка», т. 3, вып. 4.
- Нефедов Ф. Д. 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГ, т. 3.
- Нефедов Ф. Д., 1899а. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, МАВГ, т. 3.
- Новокрещенных Н. Н. 1914. Гляденовское костыше. Труды Пермской ученой архивной комиссии, вып. 11.
- Оборин В. А. 1953. Баяновский могильник на р. Косье. УЗ ПГУ, т. 9, вып. 3. Харьков.
- Оборин В. А. 1956. Некоторые проблемы изучения родановской культуры. УЗ ПГУ, т. 11, вып. 3. Пермь.
- Оборин В. А. 1961. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Оборин В. А. 1961а. Больше-Никольское I городище. ОК(В)АЭ, вып. 2.
- Оборин В. А. 1962. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Оборин В. А. 1964. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа. См. настоящий сборник.
- Окладников А. П. 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18.
- Ольдерогге Д. А. 1951. Малайская система родства. «Родовое общество. Материалы и исследования». М.
- Очерки истории СССР (III—IX вв.). 1958.
- Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1. Уфа.
- Паллас П. С. 1786. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 5, кн. 1. СПб.
- Пелих Г. И. 1962. Кольцевая связь у селькулов Нарымского края. «Сибирский этнографический сборник», IV. М.
- Пидопличко И. Г. 1952. Новый метод определения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. Киев.
- Пиотровский Б. Б. 1953. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, № 1.
- Плетнева С. А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62.
- Подгаецкий Г. В. 1940. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА, № 1. М.—Л.
- Покроская Л. А. 1961. Термины родства в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М.
- Полесских М. Р. 1955. В недрах времен. Пенза.
- Полесских М. Р. 1962. Раскопки Армеевского могильника. Доклад на секторе железа Пленума ИА.
- Поляков Ю. А. 1962. Маховинское городище. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Попов А. В. 1898. Дневник раскопок кургана Шихан и других в окрестностях Оренбурга, произведенных летом 1897 г. Труды ОУАК, т. 4. Оренбург.
- Попов А. В. 1906. Исследование последних курганов на Бердинской горе 8—11 мая 1905 года. Труды ОУАК, т. 11. Оренбург.
- Попов А. 1911. По поводу доклада А. И. Деревенкова. Труды ОУАК, т. 23. Оренбург.
- Попов А. 1911а. Сообщение об археологических находках при работах на Маячных каменоломнях близ Оренбурга в 1908 г. Труды ОУАК, вып. 23. Оренбург.
- Попов С. А. 1955. Отчет об археологических исследованиях в Оренбургской области. Архив ИА, № 1207.
- Попов Т. Б. 1961. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, № 3.
- Приселков М. Д. 1950. Троицкая летопись.
- Путешествия в восточные страны Пляно Карпини и Рубрука. 1957. М.
- Раушенбах В. М. 1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ, вып. 29.
- Раушенбах В. М. 1961. Мастерская каменных орудий на Голом камне под Нижним Тагилом. СА, № 2.
- Раушенбах В. М. 1962. Раскопки стоянок в южной части Аятского озера. ВАУ, вып. 2. Свердловск.

- Ростовцев М. И. 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 11.
- Руденко С. И. 1914. Лаклинская и Игнатьева пещеры Южного Урала. Труды Об-ва землеведения при Петербургском университете, III. СПб.
- Руденко С. И. 1914а. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. Сб. «Материалы по этнографии России», т. 2. Петроград.
- Руденко С. И. 1916. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир. Зап. рус. геогр. об-ва, т. 43, вып. 1.
- Руденко С. И. 1925. Башкиры, ч. 2. Быт башкир.
- Руденко С. И. 1955. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л.
- Руденко С. И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время.
- Руденко С. И. 1962. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.
- Русско-казахский словарь. 1946. Под редакцией М. Балакаева и др. Алма-Ата.
- Рыков П. С. 1925. Сусловский курганный могильник, УЗ СГУ, т. 4, вып. 3. Саратов.
- Рыков П. С. 1931. Культура древних финнов в районе р. Узы. Изв. Нижне-Волж. ин-та краеведения им. М. Горького. Саратов.
- Рыков П. И. 1762. Оренбургская топография, т. 1. СПб.
- Рюмин А. В. 1960. Пещерная живопись на Южном Урале. Информ. сборник междуведомственной комиссии по изучению карста, № 1.
- Рюмин А. В. 1961. Перовитный человек на Южном Урале. Альманах «Турнестские тропы», кн. 4.
- Рюмин А. В. 1961а. Пещерная живопись позднего палеолита на Южном Урале. Журн. «Archaeologie rozhedy», XIII, 5. Praha.
- Садыкова М. Х. 1959. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Садыкова М. Х. 1961. Археологические находки в Башкирии. СА, № 4.
- Садыкова М. Х. 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Книшки. АЭБ, т. 1.
- Садыкова М. Х. 1962а. Новые памятники железного века Башкирии (исследования 1957 г.). АЭБ, т. 1. Уфа.
- Садыкова М. Х. 1962б. Сарматские памятники Башкирии. МИА, 115.
- Сальников К. В. 1940. Сарматские курганы близ г. Орска. МИА, № 1.
- Сальников К. В. 1940а. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, № 1.
- Сальников К. В. 1940б. Три года работы на городище Чудаки. КСИИМК, вып. 5.
- Сальников К. В. 1947. Городище Чудаки Челябинской области по раскопкам 1937 г. СА, IX.
- Сальников К. В. 1950. Хвалыско-андроновские курганы у с. Погромного. СА, XIII.
- Сальников К. В. 1951. Раскопки на озере Березовом. КСИИМК, вып. 36.
- Сальников К. В. 1951а. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, вып. 37.
- Сальников К. В. 1951б. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21.
- Сальников К. В. 1952. Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 45.
- Сальников К. В. 1952а. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск.
- Сальников К. В. 1953. Доклад об итогах экспедиционных работ на Южном Урале, сделанный в Пермском университете 28 декабря.
- Сальников К. В. 1954. Абашевская культура на Южном Урале. СА, № 21.
- Сальников К. В. 1954а. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ, № 4.
- Сальников К. В. 1956. Исетские древние поселения. СА, № 25.
- Сальников К. В. 1957. Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии. КСИИМК, вып. 67.
- Сальников К. В. 1958. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии в I тыс. н. э. СА, № 4.
- Сальников К. В. 1959. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Сальников К. В. 1959а. О датировке культур эпохи бронзы в юго-западной Башкирии. Научные исследования исторического факультета Уральского университета за 1958 год (Тезисы научной конференции). Свердловск.
- Сальников К. В. 1960. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала. Сб. «Из истории Урала». Свердловск.
- Сальников К. В. 1961. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, № 2.
- Сальников К. В. 1961а. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Сальников К. В. 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. АЭБ, т. 1. Уфа.
- Сальников К. В. 1962а. Иткульская культура (к вопросу о «зауральском ананьине»). Краеведческие записки. Челябинск.
- Сальников К. В. 1962б. Из истории древней металлургии на Южном Урале. АЭБ, т. 1. Уфа.

- Сальников К. В. 1962а. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Башкирии. III Уральское археологическое совещание в г. Уфе (тезисы докладов). Уфа.
- Сальников К. В., Новиченко А. С. 1962. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области. СА, № 2.
- Сальников К. В. 1964. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, вып. 6. Свердловск.
- Сальников К. В. 1964а. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии. См. настоящий сборник.
- Сальников К. В. 1964б. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. См. настоящий сборник.
- Синдоров А. С. 1924. Памятники древности в пределах Коми края. «Коми му», № 4—5.
- Синицын И. В. 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
- Синицын И. В. 1959. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60.
- Синицын И. В. 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, № 78.
- Смирнов А. П. 1951. Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар. КСИИМК, вып. 40.
- Смирнов А. П. 1951а. К вопросу о буртасах. КСИИМК, вып. 40.
- Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28.
- Смирнов А. П. 1957. Железный век Башкирии. МИА, № 58.
- Смирнов А. П. 1957а. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань.
- Смирнов А. П. 1961. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95.
- Смирнов К. Ф. 1948. О погребениях роксолан. ВДИ, № 1.
- Смирнов К. Ф. 1957. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, № 3.
- Смирнов К. Ф. 1959. Курганы у сел Иловатки и Политодельское, МИА, № 60.
- Смирнов К. Ф. 1960. Быковские курганы. МИА, № 78.
- Смирнов К. Ф. 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, № 1.
- Смирнов К. Ф. 1961а. Вооружение савроматов. МИА, № 101.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. Свод археологических источников, вып. Д1—9. М.
- Соколов Д. Н. 1908. Из поездки по степи (наблюдения и заметки). Труды ОУАК, т. 19. Оренбург.
- Спицын А. А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25.
- Спицын А. А. 1906. Зауральские древние городища. ЗРАО, т. 8, вып. 1.
- Станкевич Я. В. 1960. К истории населения Верхнего Поволжья. МИА, № 76.
- Степанов П. Д. 1941. К вопросу о происхождении мордвы. Записки МордНИИ, № 3. Саранск.
- Степанов П. Д. 1948. Памятники I тыс. н. э. в восточной части Мордовской АССР. КСИИМК, вып. 19.
- Степанов П. Д. 1949. Еще один памятник древней мордвы в долине р. Суры. Записки МордНИИ, № 11. Саранск.
- Степанов П. Д. 1951. Итоги раскопок древнемордовских памятников. КСИИМК, вып. 38.
- Степанов П. Д. 1964. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. См. настоящий сборник.
- Стоколос В. С. 1962. Курганы у с. Степного. Краеведческие записки. Челябинск.
- Стоколос В. С. 1962а. Курганы на озере Синеглазово. АЗБ, т. 1. Уфа.
- Талицкая И. А. 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким). МИА, 27. М.
- Талицкий М. В. 1940. Кочергинский могильник. МИА, № 1.
- Талицкий М. В. 1951. Верхнее Прикамье X—XIV вв. МИА, № 22.
- Телегин Д. Я. 1957. Неолитические поселения лесостепного левобережья в полевье Украины. Археология, т. 11. Киев.
- Тихонов Б. Г. 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралья. МИА, № 90.
- Токарев С. А. 1929. О системах родства австралийцев. «Этнография», № 1.
- Третьяков П. Н. 1961. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, № 2.
- Троицкая Т. Н. 1959. Раскопки Михайловского городища в Башкирии. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Трофимова Т. А. 1952. Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии. КСИЭ, вып. 17.
- Трубинова Н. В. 1958. О работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции в 1956 г. УЗ ЧувНИИ, вып. 16. Чебоксары.
- Трубинова Н. В. 1960. Поселение I тысячелетия и начала II тысячелетия нашей эры на Самарской Луке. МИА, № 80.

- Файнберг Л. А. 1962. Терминология родства нгансан как исторический источник. «Сибирский этнографический сборник», IV. М.
- Федорова-Давыдова Э. А. 1930. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (к вопросу о периодизации андроновской культуры). Труды ГИМ, вып. 37.
- Федорова-Давыдова Э. А. 1962. Новые памятники эпохи энеолита и бронзы в Оренбургской области. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Федорова-Давыдова Э. А. 1964. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. См. настоящий сборник.
- Федорова-Давыдова Г. А. 1960. Болгарское городище-святилище X—XI вв. СА, № 4.
- Формозов А. А. 1951. Археологические памятники в районе г. Орска. КСИИМК, вып. 36.
- Халиков А. Х. 1958. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61.
- Халиков А. Х. 1960. Материалы к изучению истории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды МАЭ, т. 1. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., Безухова Е. А. 1960. Материалы к древней истории Поволжья. Горький.
- Халиков А. Х. 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, № 97.
- Халиков А. Х. 1962. Мезолит Среднего Поволжья. Труды мезолитического совещания. Л.
- Халиков А. Х. 1962а. Археологические исследования Института языка, литературы и истории КФАН СССР в 1957—1960 гг. в Татарской АССР. Изв. КФАН, серия исторических наук. Казань.
- Халиков А. Х. 1962б. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Труды МАЭ, т. 2. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х. 1963. Стелы с изображением оружия раннего железного века. СА, № 3.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. И. 1899. Древности Поднепровья, т. 2. Киев.
- Харламович К. В. 1902. К вопросу о погребальных масках и куклах у Западно-Сибирских инородцев. Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 23, вып. 6.
- Хольсон Д. А. 1869. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. СПб.
- Чернецов В. Н. 1941. Очерк этногенеза обских угров. КСИИМК, вып. 9.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И. 1951. Городище Большой Лог. КСИИМК, вып. 37.
- Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, № 58.
- Чернов Г. А. 1955. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельной тундре. СА, № 23.
- Шилов В. П. 1959. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60.
- Шмидт А. В. 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. «Хозяйство Башкирии», № 8—9. Уфа.
- Шмидт А. В. 1933. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет. ПИМК, № 9—10.
- Шокуров А. П., Бадер О. Н. 1960. Палеолитическое местонахождение на р. Белой. Сб. «Вопросы геологии восточной окраины Русской платформы и Южного Урала», вып. 5. Уфа.
- Штернберг Л. Я. 1933. Семья и род у орочей Татарского пролива. «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии». Л.
- Шапова Ю. Л. 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55.
- Щукина Е. Н. 1948. Четвертичные отложения Среднего Урала. Труды Ин-та геол. наук АН СССР, вып. 94, геологическая серия, № 29.
- Эрдей И. 1959. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров в IX—X вв. Автореферат. Л.
- Эрдей И. 1961. Большая Венгрия. Akta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, 13. Budapest.
- Юсупов Г. В. 1956. Археологические разведки в Башкирии. КСИИМК, вып. 64.
- Юсупов Г. В. 1959. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. «Башкирский археологический сборник». Уфа.
- Юсупов Х. Г. 1959. Термины родства в башкирском языке. Сб. «Вопросы башкирской филологии». М.
- Яхимович В. Л. 1958. Кайнозой Башкирского Предуралья, т. 2, ч. 1. Уфа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ	—	Археология и этнография Башкирии
БФАН СССР	—	Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала
ВДИ	—	Вестник древней истории
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО	—	Записки Русского археологического общества
ИА	—	Институт археологии АН СССР
ИАК	—	Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	—	Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
КСИАУ	—	Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	—	Краткие сообщения института этнографии АН СССР
КФАН СССР	—	Казанский филиал Академии наук СССР
МАНГ	—	Материалы по археологии восточных губерний
МАР	—	Материалы по археологии России
МАЭ	—	Марийская археологическая экспедиция
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МордНИИ	—	Мордовский научно-исследовательский институт
ОАК	—	Отчет Археологической комиссии
ОК(В)АЭ	—	Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции
ОУАК	—	Оренбургская Ученая архивная комиссия
ПИМК	—	Проблемы истории материальной культуры
СА	—	Советская археология
СЭ	—	Советская этнография
ТСАРАНИОН	—	Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УЗ ЛГУ	—	Ученые записки Ленинградского государственного университета
УЗ ПГУ	—	Ученые записки Пермского государственного университета
УЗ СГУ	—	Ученые записки Саратовского государственного университета
УЗ ЧувНИИ	—	Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института
УОЛЕ	—	Уральское общество любителей естествознания
ЮТАКЭ	—	Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии	7
К. Ф. Смирнов. Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области	16
О. Н. Бадер. Новые палеолитические местонахождения в пещерах Урала	24
Г. Н. Матюшин. К изучению мезолита и неолита в Башкирии	32
А. Х. Халиков. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье	43
В. М. Раушенбах. К вопросу о датировке новых памятников эпохи неолита и бронзы в Среднем Зауралье	55
К. В. Сальников. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии	67
Э. А. Федорова-Давыдова. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье	84
А. Х. Пшеничнюк. К вопросу о керамике кара-абызских поселений	93
Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры.	101
В. Ф. Генниг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры	111
В. А. Оборин. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа	130
П. Д. Степанов. Памятники угорско-магьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье	136
Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир (предварительное сообщение)	148
М. С. Акимова. Древнее население Башкирии по антропологическим данным (предварительное сообщение)	158
Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир (общая характеристика)	164
Б. Г. Калимуллин. Караван-Сарай	176

Публикации

В. Д. Викторова, В. Ф. Генниг, В. Е. Стоянов. Археологическая экспедиция Уральского университета	191
В. А. Оборин. Камская археологическая экспедиция	195
В. И. Фомина. Селище у Сласского моста	207
Г. И. Матвеева. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка	212
А. Х. Пшеничнюк. Биктимировский могильник	215
Г. Т. Кондратьева. Археологические работы на р. Чепца	232
Э. А. Савельева. Средневековые могильники на р. Вынь	237
В. Д. Викторова. Курганы у с. Макушино на р. Нице	247
Ю. А. Поляков. Раскопки Петуховского городища	251
Т. М. Потемкина. Большое Бакальское городище	257
С. А. Попов. Археологические находки на территории Оренбургской области	260
В. А. Могильников. Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби	265
Литература	271
Список сокращений	28 ⁰

Академия наук СССР
Уфимский институт истории, языка и литературы
АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
БАШКИРИИ

ТОМ 2

Редакторы *Л. А. Якупова, Э. А. Павлова*
Техн. редактор *Ф. Г. Гайфуллин*
Корректор *В. В. Гамакова*

Сдано в набор 3.VIII. 1964 г. Подписано к печати 25.XII 1964 г. Формат 84x108¹/₁₆. Фич. печ. л. 17,75. Условн. печ. л. 22,82. Уч.-изд. л. 26,8. II (0073). Тираж 700 экз. Цена 3 руб. Заказ № 441.

Башкирское книжное издательство Управления по печати при Совете Министров БАССР. г. Уфа, Советская, 18.

Полиграфкомбинат Управления по печати при Совете Министров БАССР. г. Уфа, проспект Октября, 2.